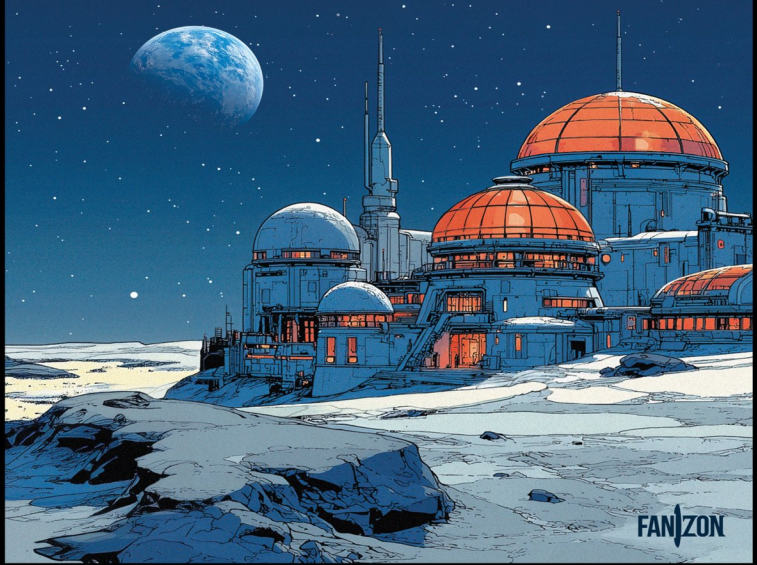
РОБЕРТ СОЙЕР

МНЕМОСКАН

Кто ты – оригинал
или отражение?



FANZON

Мнемоскан
Роберт Джеймс Сойер

Аннотация
Роберт Сойер. Мнемоскан
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Эпилог
Дополнительная литература

Аннотация

Напряженное, захватывающие и философски насыщенное произведение, в котором моральные конфликты и масштабные идеи опираются на передовые достижения науки.

Джейку Салливану удается обмануть смерть. Столкнувшись со смертельной болезнью, он переносит свое сознание в тело андроида, что гарантирует ему фактическое бессмертие. То же самое делают и другие миллиардеры. Благодаря новой процедуре мнемосканирования они отправляют свои устаревшие и обреченные людские оболочки в роскошный центр на обратной стороне Луны, а сами остаются на Земле в новых телах.

Но не все идет по плану. Хотя новый мнемоскан Джейк находит любовь, недоступную ему ранее, его возлюбленная сталкивается с судебным процессом: ее сын отказывается признать мнемоскан тем же человеком, что и прототип, и требует наследство. Тем временем на Луне биологический Джейк, благодаря достижениям медицинской нанотехнологии, исцеляется от своей болезни и

решает вернуться.

Кто теперь настоящий? Кто обладает правами личности – биологический оригинал или копия, которой он сам их уступил? И что значит быть человеком?

«Автор ясно и ярко исследует увлекательные философские парадоксы». – *Entertainment Weekly*

«История, в которой переплетаются судебная драма, сильные человеческие эмоции и напряженная научно-фантастическая загадка. Автор виртуозно удерживает все нити, проявляя интеллект и разностороннее мышление, достойные Айзека Азимова». – *Starlog*

«Мастерская иллюстрация, каким может быть будущее в двух соседних странах, ставших полными противоположностями. Сойер сосредотачивается на юридических и моральных последствиях разных определений человечности в интригующем и литературно изящном повествовании. Оценка: 5». – *Rocky Mountain News*

«Самая амбициозная работа автора на сегодняшний день; блестящий и новаторский роман, который буквально наполнен юмором, прозрением и глубиной». – *SF Site*

«С присущим ему мастерством сочетать строгую науку с великолепным повествованием, автор воображает будущее, полное слишком уж реальных возможностей». – *Library Journal*

«Этот плотно закрученный роман в жанре "твёрдой" научной фантастики предлагает множество философских размышлений об этике биотехнологий и природе сознания». – *Publishers Weekly*

«Очаровательное чтение, увлекающее читателя как живыми персонажами, так и космическими идеями». – *Winnipeg Free Press*

Роберт Сойер
Мнемоскан

Robert J. Sawyer
Mindscan
Copyright © 2005 by Robert J. Sawyer
© В. Слободян, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Мы не можем ожидать полного согласия ни по одному вопросу, касающемуся индивидуальности, однако каждый из нас вынужден давать ответы в наших сердцах и действовать исходя из наиболее правдоподобных предположений.

ДЖАРОН ЛАНЬЕ, Журнал исследований сознания

Пролог

Март 2018

В этой ссоре не было ничего особенного. Клянусь Богом, ничего. Мы с папой ругались миллион раз и прежде, но ничего ужасного не происходило. Ну да, он пару раз выгонял меня из дома, а когда я был маленьким, отсылал к себе комнату или лишал карманных денег. Но ничего подобного *этому* никогда не случалось. Я снова и снова прокручиваю в голове, как он преследует меня. И то, что *его* он не преследует, что он ничего этого не помнит, меня ничуть не утешает. Вообще не утешает.

Дед моего отца сделал состояние в пивоваренной индустрии: если вы вообще знаете что-нибудь про Канаду, то наверняка знаете «Салливан Селект» и «Олд Салли Премиум Дарк». Денег у нас всегда было как дерьма.

«Как дерьма». Так я тогда выражался; полагаю, воспоминания об этом возрождают и мой прежний лексикон. Когда я был подростком, на деньги плевать хотел. Фактически я даже соглашался с большинством канадцев, что прибыль, получа-

емая крупными корпорациями, неприлична и недопустима. Даже в якобы эгалитарной Канаде богатые становились богаче, а бедные — беднее, и я это ненавидел. Тогда я много всего ненавидел.

— Где ты это взял? — кричал мой отец, размахивая фальшивым удостоверением личности, которым я воспользовался, чтобы купить выпивки в местном «Макдональдсе». Он стоял на ногах; он всегда вставал, когда ругался. Отец был худощав, но, думаю, считал свой двухметровый рост устрашающим.

Мы были в его «берлоге» — речь о доме в Порт-Кредите. В Порт-Кредит вы попадаете, если после выезда из Торонто едете дальше на запад вдоль берега Онтарио, и даже тогда — когда же? кажется, в 2018-м — это всё ещё был преимущественно белый район. Богатый и белый. Окна выходили на озеро, которое в тот день было серым и неспокойным.

— Друг сделал, — ответил я, даже не взглянув на удостоверение.

— Значит, ты больше не встречаешься с этим другом. Господи Иисусе, Джейк, тебе же всего семнадцать! — Тогда, как и сейчас, покупать алкоголь в Онтарио разрешалось с девятнадцати лет; табак — с восемнадцати. Можете предста-

вить себе его возмущение.

— Ты не можешь указывать, с кем мне общаться, — ответил я, глядя в окно. Над волнами кружились чайки. Если они могут подниматься к небесам, то почему мне нельзя? Например, с помощью спиртного.

— Ещё как могу! — взревел отец. У него были длинное лицо и густая тёмная шевелюра, начинавшая седеть на висках. Если то был 2018-й, отцу было тридцать девять. — Пока ты живёшь под моей крышей, будешь делать то, что я говорю! Предъявление фальшивого удостоверения — серьёзное преступление.

— Серьёзное, если ты террорист или похититель личности, — сказал я, глядя на него через широкий стол тикового дерева. — Детей постоянно ловят на покупке выпивки, и всем плевать.

– *Мне* не плевать. Твоей маме не плевать! — Мама снаружи играла в теннис. Было воскресенье — единственный день, когда отец обычно не работал. И именно в этот день ему позвонили из полицейского участка. — Продолжишь выкидывать такие штуки, и…

— И что? Никогда не стану таким, как ты? Да я *молюсь* об этом! — Я знал, что это попало в самое яблочко. Когда отец бесился по-настоящему, у

него всегда вздувался вертикальный сосуд посреди лба.

Я обожал, когда удавалось его до этого довести.

— Ты мелкая неблагодарная тварь, — сказал он дрожащим голосом.

— Хватит с меня этого дерьма, — ответил я, поворачиваясь к двери и собираясь покинуть поле боя победителем.

— Нет уж, ты меня выслушаешь! Если ты…

— Отвянь, — сказал я.

— …не прекратишь…

— Я всё равно ненавижу это место.

— …вести себя как идиот…

— И я ненавижу тебя!

Молчание. Я повернулся и увидел, как он падает в своё чёрное кожаное кресло. Когда он завершил падение, кресло повернулось на половину оборота.

— Папа! — Я быстро обежал стол и кинулся к нему. — Папа! — Никакого ответа. — О господи! Нет! Нет, нет…

Я поднял его с кресла; в моей крови было столько адреналина, что я едва ощутил его вес. Уложив его долговязое тело на деревянный пол, я кричал:

— Папа! Очнись, папа!

Я зацепил ногой корзину для бумаг со встроенным шредером, и бумажные ромбики разлетелись повсюду. Скорчившись рядом с отцом, я попытался нащупать пульс — пульс был, и он вроде бы ещё дышал. Но никак не реагировал на то, что я говорил.

— Папа! — Совершенно не зная, что делать, я легко похлопал его по щекам, и из уголка его рта показалась тонкая нить слюны.

Я быстро поднялся, обернулся к его столу, нажал кнопку громкой связи и быстро набрал 9–1–1. После этого я снова подсел к отцу.

Телефон издал три казавшихся бесконечными гудка.

– *Пожарные, полиция, скорая?* — спросил женский голос, казавшийся тихим и далёким.

— Скорая!

– *Вы находитесь по адресу…* — сказала женщина и продиктовала его. — *Всё верно?*

Я приподнял отцу правое веко. Слава богу — его глаз повернулся, уставившись на меня.

— Да, да, всё верно. Поторопитесь! Мой отец потерял сознание!

– *Он дышит?*

— Да.

– *Пульс?*

— Да, пульс есть, но он без сознания, и он не реагирует на мои слова.

– *Скорая уже выехала*, — сказала женщина. — *С вами есть ещё кто-нибудь?*

У меня тряслись руки.

— Нет, никого.

– *Не оставляйте его.*

— Я буду с ним. Господи, да что же с ним могло случиться?

Женщина-оператор проигнорировала мой вопрос.

– *Помощь уже в пути.*

— Папа! — сказал я. Он издал булькающий звук, но непохоже, что это был ответ. Я вытер ему слюну и немного наклонил голову, чтобы воздух проходил свободнее. — Папа, пожалуйста.

— *Не паникуйте*, — сказала женщина в телефоне. — *Сохраняйте спокойствие.*

— Господи, господи боже!..

* * *

Скорая отвезла нас в медицинский центр «Триллиум» — ближайшую больницу. Как только мы там оказались, отца переложили на каталку; его длинные ноги не помещались на ней и свисали сзади. Быстро появился доктор, посветил фона-

риком в глаза и постучал по колену молоточком, получив в обоих случаях обычную рефлекторную реакцию. Он несколько раз попытался заговорить с отцом, потом приказал:

— Быстро сделайте ему МРТ головы.

Санитар покатил каталку прочь. За всё это время отец не произнёс ни единого членораздельного слова, хотя иногда издавал какие-то тихие звуки.

К тому времени, как приехала мама, отца уже уложили в постель. Стандартная правительственная медстраховка гарантирует вам место в общей палате. У отца была расширенная страховка и, соответственно, отдельная палата. Разумеется.

— О господи, — повторяла мама снова и снова, закрыв лицо руками. — О, мой бедный Клифф! Мой дорогой…

Мама была одного возраста с отцом, у неё были круглое лицо и искусственно выбеленные волосы. На ней всё ещё красовался теннисный костюм — белый топ, короткая белая юбка. Она много играла в теннис и была в хорошей форме; к моему смущению, даже некоторые из моих друзей считали её привлекательной.

Вскоре к нам пришёл лечащий врач, вьетнамка лет примерно пятидесяти. На бейджике на ее гру-

ди значилось «Д-р Тхань». Не успела она открыть рот, как мама спросила:

— Что с ним? Что случилось?

Доктор Тхань была сама доброта — я всегда буду её помнить. Она взяла маму за руку и заставила сесть. А потом сама присела на корточки, так, чтобы её глаза оказались на одном уровне с мамиными.

— Миссис Салливан, — сказала она. — Мне очень жаль. Новости неутешительные.

Я стоял у мамы за спиной, положив руку ей на плечо.

— Что это? — спросила мама. — Инсульт? Господи, да Клиффу ведь всего тридцать девять. Он слишком молод для инсульта!

— Инсульт может случиться в любом возрасте, — сказала доктор Тхань. — Но, хотя технически это и правда разновидность инсульта, это не то, что вы думаете.

— Что же тогда?

— У вашего мужа врождённый порок, который мы называем АВМ — артериовенозная мальформация. Это переплетение артерий и вен без промежуточных капилляров. Обычно капилляры создают сопротивление, замедляя кровоток, а в случаях, подобных этому, сосуды имеют очень

тонкие стенки и потому могут лопнуть. И когда такое происходит, кровь потоком изливается в мозг. При той форме АМВ, что имеется у вашего мужа — она называется синдромом Катеринского, — сосуды могут лопаться каскадом, один за другим, как пожарные рукава.

— Но Клифф никогда не говорил…

— Вероятно, он не знал. Это можно увидеть на МРТ, но люди обычно начинают делать МРТ только после сорока.

— Чёрт побери! — сказала мама, которая практически никогда не ругалась. — Мы же могли заплатить за обследование! У нас…

Доктор Тхань взглянула на меня, потом снова посмотрела маме в глаза.

— Миссис Салливан, поверьте, это ничего бы не изменило. Состояние вашего мужа не поддаётся коррекции. АМВ наблюдается у одного человека из тысячи, а синдром Катеринского — лишь у одного из тысячи носителей АМВ. Горькая правда состоит в том, что основной формой диагностики синдрома Катеринского является вскрытие. Вашему мужу на самом деле повезло.

Я посмотрел на отца, лежащего в постели с трубкой в носу, с иглой в руке, с отвисшей нижней челюстью.

— То есть с ним всё будет хорошо, да? — спросила мама. — Он поправится?

Голос доктора Тхань был очень печален.

— Нет, он не поправится. Когда лопаются сосуды, прилегающие к ним части мозга разрушаются потоком крови, бьющим в ткани. Он…

— Он — что? — спросила мама с явной паникой в голосе. — Он ведь не превратится в растение?! О господи, бедный Клифф! Господи Иисусе…

Я посмотрел на маму и сделал нечто такое, чего не делал уже лет пять. Я заплакал. Перед глазами всё расплылось, и точно так же поплыли мысли. Доктор продолжила давать объяснения, я слышал слова «тяжёлая олигофрения», «полная афазия» и «поместить в стационар».

Он не вернётся. Он не умирает, но уже не оживёт. И последние мои слова, зафиксированные его сознанием, были…

— Джейк. — Доктор Тхань звала меня по имени. Я протёр глаза. Она поднялась на ноги и смотрела на меня. — Джейк, сколько тебе лет?

Я уже взрослый, подумал я. Я достаточно взрослый, чтобы стать главой семьи. Я позабочусь обо всём, позабочусь о маме.

— Семнадцать.

Она кивнула.

— Тебе тоже надо сделать МРТ, Джейк.

— Что? — переспросил я; сердце внезапно заколотилось. — Зачем?

Доктор Тхань подняла тонкую бровь и сказала очень, очень тихо:

— Синдром Катеринского передаётся по наследству.

Я почувствовал, что снова поддаюсь панике.

— Вы… вы хотите сказать, что я могу кончить так же, как отец?!

— Просто пройди сканирование, — ответила она. — Катеринского у тебя запросто может не оказаться, но проверить нужно.

Я этого не перенесу, подумал я. Не перенесу превращения в овощ. Возможно, я не только подумал это; доктор Тхань улыбнулась улыбкой доброй и мудрой, словно услышала, как я говорю это вслух.

— Не волнуйтесь, — сказала она.

— «Не волнуйтесь»? — Во рту у меня было сухо, как в пустыне. — Вы сказали, что это… эта болезнь неизлечима.

— Это правда; дефект находится так глубоко в мозгу, что его нельзя исправить хирургически — *пока* нельзя. Но вам всего семнадцать, а медицина прогрессирует невиданными темпами. Даже с

тех пор, как я начала работать, всё неузнаваемо изменилось. Кто знает, что станет возможным через двадцать или тридцать лет?

Глава 1

Двадцать семь лет спустя: август 2045

В бальном зале «Фэйрмонт-Ройал-Йорк-отеля» в Торонто было около сотни человек, и по крайней мере половине из них жить оставалось очень недолго.

Конечно, будучи богатыми, те, кто находился на пороге смерти, пользовались последними достижениями косметических технологий: подтяжками лица, физиогномическими перестройками, даже лицевой трансплантацией. Меня приводил в замешательство вид двадцатилетних лиц, приделанных к скрюченным телам, но, по крайней мере, трансплантации выглядели лучше, чем жутко растянутые лица остальных.

Но и это, напоминал я себе, были *косметические* улучшения. Фальшиво-юные лица были приставлены к старым, распадающимся телам — причём совершенно износившимся. Из присутствующих в зале стариков бóльшая часть стояли на ногах, некоторые сидели в самоходных инвалидных колясках, кое-кто опирался на ходунки, у одного ноги были закованы в механизирован-

ную арматуру, а на другом был полноценный экзоскелет.

Теперь и старость не такая, как прежде, подумал я, качая головой. Сам-то я не был стар — мне было сорок четыре. Печально, конечно, но я использовал свои пятнадцать минут славы в самом начале, даже не подозревая об этом. Я оказался первым ребёнком, родившимся в Торонто 1 января 2001 года, — первое дитя нового тысячелетия. Конечно, гораздо больше шума было вокруг девочки, которая родилась 1 января 2000-го, года, не примечательного ничем, кроме трёх нулей на конце. Но это было ничего: последнее, чего мне хотелось, это быть на год старше, потому что через год я уже вполне могу быть мёртв. Старый анекдот снова всплыл у меня в памяти:

— Боюсь, у меня для вас плохие новости, — сказал доктор. — Жить вам осталось недолго.

Молодой человек нервно сглотнул:

— Сколько?

Доктор печально покачал головой:

— Десять.

— Десять чего? Десять лет? Десять месяцев? Десять…

— Девять… Восемь…

Я тряхнул головой, чтобы прогнать эту мысль,

и снова огляделся. «Фэйрмонт-Ройал-Йорк» был отличным отелем, построенным в первые славные дни эпохи железнодорожных путешествий, и переживал возрождение теперь, когда над старыми путями начали летать поезда на магнитной подвеске. Отель располагался через дорогу от вокзала Юнион-стэйшн невдалеке от набережной Торонто — в добрых двадцати пяти километрах от места, где по-прежнему стоял дом моих родителей. С потолка бального зала свисали канделябры, оригиналы живописных полотен украшали стены, оклеенные рельефными обоями. Официанты во фраках сновали туда-сюда, предлагая вино. Я подошёл к бару и заказал томатный сок, обильно приправленный вустерским соусом: этим вечером мне нужна ясная голова.

Когда я отступил от бара со своим напитком, оказался рядом с какой-то старой дамой, выглядящей именно так, как и положено старой даме: с морщинистым лицом и белыми волосами. Среди окружающего разгула фальши и отрицания очевидного она выглядела приятным исключением.

Женщина улыбнулась мне, хотя улыбка вышла несколько кривоватой — у неё явно раньше был

инсульт.

— Вы здесь один? — спросила она. Её приятный голос был по-южному тягуч и подрагивал, как это свойственно старым людям.

Я кивнул.

— Я тоже, — сказала она. На ней были тёмный жакет, блуза более светлого оттенка и такие же тёмные брюки. — Сын отказался вести меня сюда.

Большинство присутствующих здесь были с сопровождающими: взрослыми детьми, адвокатами или платными сиделками. Я взглянул вниз, отметил, что у неё на руке обручальное кольцо. Она, по-видимому, заметила мой взгляд.

— Я вдова, — сказала она.

— Ох.

— Так что же, — продолжила она, — вы изучаете процесс для кого-то из родственников?

Я почувствовал, как моё лицо скривилось.

— Можно и так сказать.

Она посмотрела на меня со странным выражением на лице; я догадался, что её моя реплика не обманула, но, хотя ей и было любопытно, она из вежливости не стала развивать эту тему.

— Меня зовут Карен, — сказала она, протягивая мне руку.

— Джейк, — ответил я, протягивая свою. Кожа на её руке была сморщенная и покрытая пигментными пятнами, суставы пальцев раздуты. Я очень осторожно пожал её.

— Откуда вы, Джейк?

— Отсюда. Из Торонто. А вы?

— Из Детройта.

Я кивнул. Вероятно, многие из собравшихся здесь были американцами. «Иммортекс» нашла гораздо более благоприятный юридический климат для своих операций в либеральной Канаде, чем во всё более консервативной Америке. Когда я был ребёнком, студенты приезжали в Онтарио из Мичигана и Нью-Йорка, потому что алкоголь здесь разрешён раньше, а стриптизёрши снимают с себя больше. Теперь люди из этих двух штатов пересекали границу ради алкоголя, легальных проституток, легальных абортов, однополых браков, разрешённой эвтаназии под контролем врача и других вещей, которые не одобряет религиозное правое крыло.

— Забавно, — сказала Карен, оглядывая толпу собравшихся. — Когда мне было десять, я как-то сказала своей бабушке: «Да кто же захочет, чтобы ему было девяносто?» А она посмотрела мне в глаза и сказала: «Любой, кому стукнуло восемьдесят

девять». — Моя собеседница покачала головой. — Как она была права.

Я слабо улыбнулся.

— Леди и джентльмены, — послышался в этот момент громкий мужской голос. — Прошу занять свои места!

Очевидно, ни у кого не было проблем со слухом: импланты легко корректируют этот признак старости. В задней части бального зала стояли ряды складных стульев, обращённые к небольшой трибуне.

— Пойдёмте? — предложила Карен.

Что-то в ней очаровывало меня, возможно, её южный акцент, она явно выросла не в Детройте, а также, несомненно, тот факт, что мы находились в бальном зале. Я обнаружил, что предлагаю ей руку и Карен принимает её. Мы медленно пересекли зал — я позволил ей задавать темп — и нашли пару незанятых стульев ближе к краю, под висящим на стене пейзажем А. Я. Джексона [1].

— Спасибо, — сказал тот же мужчина, что приглашал всех сесть. Он стоял за кафедрой тёмного дерева. Свет на него не падал — разве что немного рассеивалось от укреплённой на кафедре на-

---

[1] Notes: 1
Канадский живописец (1882–1974), основатель «Группы семи».

стольной лампы. Долговязый азиат лет тридцати пяти с чёрными волосами, зачёсанными назад и открывающими лоб, высоте которого позавидовал бы и профессор Мориарти. Он говорил в непривычно большой микрофон старомодного вида. — Меня зовут Джон Сугияма, — сказал он, — я вице-президент «Иммортекс». Спасибо, что собрались здесь сегодня вечером. Надеюсь, пока вы были довольны нашим гостеприимством.

Он оглядел собравшихся. Карен, как я заметил, была в числе тех, кто что-то согласно пробормотал себе под нос — чего, по-видимому, и добивался Сугияма.

— Ну хорошо, — продолжил он. — Во всём, что мы делаем, мы стремимся к абсолютному удовлетворению клиента. Ведь, как у нас здесь говорят, «Один раз клиент “Иммортекс” — всегда клиент “Иммортекс”».

Он широко улыбнулся и снова дождался одобрительных смешков публики.

— Что ж, я уверен, что у вас масса вопросов, так что давайте начнём. Я знаю, что то, что мы продаём, стоит немалых денег…

Кто-то рядом со мной пробормотал: «Не то слово», но если Сугияма и расслышал, то не подал виду.

— Но мы не попросим у вас ни цента, пока вы не будете уверены в том, что наше предложение полностью вам подходит. — Ободряюще улыбнувшись, он скользнул взглядом по собравшимся, заглядывая им в глаза. Он посмотрел в глаза Карен, но проигнорировал меня: вероятно, посчитал, что я не могу быть потенциальным клиентом, так что не стоит тратить на меня свой шарм.

— Большинство из вас, — продолжил Сугияма, — проходили МРТ. Наш запатентованный и эксклюзивный процесс под названием «Мнемоскан» ничуть не страшнее МРТ, только его разрешающая способность несравненно выше. Он даёт нам полную, идеальную картину структуры вашего мозга, на которой отмечен каждый нейрон, каждый дендрит, каждая синаптическая щель, каждое соединение между ними. А также уровень нейротрансмиттеров для каждого синапса. Ничто из того, что делает вас вами, не ускользает от нашего внимания.

До сих пор он говорил чистую правду. Ещё в 1990-х один филантроп по имени Хью Лёбнер пообещал наградить медалью из чистого золота — не просто дешёвым позолоченным кругляшом, какие дают на Олимпиадах, — и ста тысячами

долларов наличными того, кто построит машину, способную пройти тест Тьюринга [2]. Старый анекдот, согласно которому компьютер стоит объявить истинно разумным, если его ответы на вопросы невозможно отличить от ответов человеческого существа. Лёбнер ожидал, что пройдёт всего несколько лет, прежде чем ему придётся раскошелиться, — но всё обернулось по-другому. Премию присудили только три года назад.

Всё это показывали по телевидению. Жюри состояло из пяти инквизиторов: священник, философ, специалист в области мышления, владелица малого бизнеса и комик разговорного жанра, а на их суд представили двоих, спрятанных за чёрными занавесями. Членам жюри было позволено задавать этим двоим совершенно любые вопросы: моральные головоломки, факты повседневной жизни, даже вопросы о любви и воспитании детей; вдобавок ко всему комик пытался их расколоть, интересуясь, почему те или иные шутки смешны или наоборот. Но не только это: две скрытые за занавесями сущности

[2] Notes: 2

Эмпирический тест, идея которого была предложена британским математиком Аланом Тьюрингом в статье «Вычислительные машины и разум» (1950). Тьюринг хотел определить, может ли машина мыслить. — *Прим. ред.*

вступали в диалог друг с другом, обмениваясь вопросами на глазах жюри. В конце члены жюри проголосовали и единогласно признали, что не могут определить, за какой занавесью находится машина, а за какой — живой человек.

После перерыва на рекламу занавеси были подняты. Под левой обнаружился лысеющий и бородатый чернокожий мужчина за пятьдесят — его звали Сэмпсон Уэйнрайт. А за правой был очень простой на вид угловатый робот. Группа разработчиков получила свои сто тысяч — мелочь по нынешним временам, но имеющая огромное символическое значение — и золотую медаль. Их изделие-победитель, как они потом рассказали, было точной мнемокопией Сэмпсона Уэйнрайта, которая в самом деле, и весь мир стал этому свидетелем, генерировала мысли, никаким способом неотличимые от мыслей оригинала. Три недели спустя та же самая группа разработчиков разместила на бирже акции своей небольшой компании «Иммортекс»; на следующий день все они стали миллиардерами.

Сугияма продолжал свою рекламную речь.

— Конечно, — говорил он, — мы не можем записать цифровую копию обратно в исходный биологический мозг, однако можем поместить её

в искусственный; в этом, собственно, и состоит наш процесс. Наш искусственный мозг конденсируется из квантового тумана, формируя наногель, который в точности повторяет структуру биологического оригинала. Копия будет вами — вашим разумом, пересаженным в искусственный мозг, сделанный из долговечной синтетики. Он не будет изнашиваться. С ним не случится инсульта или аневризмы. В нём не разовьётся деменция или маразм. И… — он сделал паузу, чтобы убедиться, что безраздельно завладел всеобщим вниманием, — он не умрёт. Потенциально новый вы будете способны жить вечно.

Несмотря на то что все хорошо знали, чем именно здесь торгуют, раздались изумлённые возгласы: слово «вечно» производит неизгладимое впечатление, будучи произнесённым вслух. Я лично был не слишком высокого мнения о бессмертии, потому что подозревал, что мне наскучит жить к тому времени, как я достигну, скажем, возраста Карен. Но я ходил по яичной скорлупе двадцать семь лет, постоянно боясь, что сосуды в моём мозгу лопнут. Смерть была не так уж страшна, но перспектива превратиться в растение, как отец, повергала меня в ужас. К счастью, искусственные мозги «Иммортекс» работают

на электричестве; им не нужны питательные вещества, так что и кровеносных сосудов в них нет. Я сомневался, что доктор Тхань имела в виду что-то подобное, но мне сгодилось бы и такое.

— Конечно, — продолжал Сугияма, — искусственному мозгу потребуется тело.

Я взглянул на Карен: интересно, она уже слышала об этом до прихода сюда?

Похоже, учёные, первые начавшие делать искусственные мозги, поначалу не устанавливали их в роботизированные тела, и для личности, которую представлял собой воссозданный разум, это было подлинным кошмаром. Оказаться глухим, слепым, неспособным общаться или двигаться, в сенсорной пустоте, худшей, чем обычная тьма и тишина, лишённым даже проприоцептивного ощущения положения собственных конечностей, контакта кожи с воздухом или одеждой!.. Эти транскрибированные нейронные сети, как я читал в статьях, которые удалось найти, быстро начинали перестраиваться в соответствии с паттернами, характерными для ужаса и безумия.

— И поэтому, — продолжал говорить Сугияма, — мы дадим вам искусственное тело — тело, которое можно обслуживать, ремонтировать и

обновлять неограниченно долго. — Он поднял руку с длинными пальцами. — Я не буду вас обманывать, ни сейчас, ни когда-либо впредь: пока что эти тела несовершенны. Но они тем не менее чертовски хороши.

Сугияма снова улыбнулся собравшимся, и его осветил луч небольшого прожектора: сначала тускло, потом со всё возрастающей яркостью. Позади него, как на рок-концерте, парила в воздухе гигантская голограмма его костлявого лица.

— Видите ли, — сказал Сугияма, — я сам — именно такая «загруженная» личность, а это — искусственное тело.

Карен кивнула.

— Я так и знала, — заявила она. Её проницательность произвела на меня впечатление: меня ему определённо удалось обмануть. Конечно, из всего Сугиямы были видны лишь его лицо и руки; остальное тело было закрыто трибуной или модным деловым костюмом.

— Я родился в 1958 году, — сказал Сугияма. — Мне восемьдесят семь лет. Я совершил переход шесть месяцев назад и стал одним из первых гражданских, подвергшихся загрузке в искусственное тело. В перерыве я подойду к вам и дам осмотреть себя вблизи. Вы увидите, что не всё со

мной гладко — я это признаю — и что некоторые движения я не способен производить. Но меня это ни в малейшей степени не беспокоит, потому что, как я сказал, эти тела можно бесконечно совершенствовать по мере появления технологических новинок. Я не сомневаюсь, что в течение ближайших десятилетий появятся искусственные тела, неотличимые от биологических. — Он снова улыбнулся. — И разумеется, я — как и те из вас, кто пройдёт эту процедуру, — безусловно, *доживу* до этого момента.

Он определённо был мастером продаж, этот Сугияма. Разговор о сотнях и тысячах дополнительных лет жизни был бы слишком абстрактен — кто способен хотя бы вообразить такое? Но несколько десятков лет — это то, что потенциальные клиенты, у большинства из которых уже за плечами семь или больше таких десятков, способны оценить по достоинству. Ведь каждый из присутствующих здесь людей смирился с тем, что живёт последнее десятилетие — если не последний год — своей жизни. Пока, разумеется, «Иммортекс» не объявил о своём невероятном проекте. Я снова посмотрел на Карен: она слушала как заворожённая.

Сугияма снова поднял руку.

— Конечно, у искусственных тел много достоинств даже при современном уровне развития технологий. Как и наши искусственные мозги, они практически неуничтожимы. Черепная коробка, к примеру, титановая, усиленная волокнами из углеродных нанотрубок. Если вы решите прыгнуть с парашютом и парашют не раскроется, ваш новый мозг не пострадает при падении. Если, упаси бог, кто-то выстрелит в вас из пистолета или пырнёт ножом — вы практически точно не пострадаете.

Позади него появились новые голографические изображения, сменившие вид его лица.

— Но наши искусственные тела не просто прочны. Они сильны — сильны настолько, насколько вы захотите.

Я подумал, что сейчас покажут видео фантастических трюков: слышал, что «Иммортекс» разработала супермощные конечности для военных и теперь эта технология доступна и гражданским клиентам. Но вместо этого экран показал пару предположительно искусственных рук, непринуждённо вскрывающую банку маринованных огурцов. Я не мог даже вообразить, каково это — быть неспособным на такую простейшую операцию, но было очевидно, что на

остальных демонстрация произвела глубочайшее впечатление.

Но у Сугиямы явно было что ещё предложить.

— Естественно, — сказал он, — вам больше никогда не понадобятся ходунки, трость или экзоскелет. У вас будет стопроцентное зрение, слух и отличные рефлексы; вы снова сможете водить машину, если вдруг не способны делать это сейчас.

Даже мне не хватало рефлексов и координации времён моей юности.

Сугияма продолжал:

— Можете попрощаться с болями и артритом, практически со всеми остальными недомоганиями преклонного возраста. И если у вас нет болезни Паркинсона или Альцгеймера, то уже никогда и не будет. — Я услышал вокруг шепотки, Карен тоже что-то пробормотала. — Забудьте о раке или сломанных бёдрах. Скажите *сайонара* [3] подагрическим суставам и макулодистрофии. С помощью нашего процесса вы получите практически неограниченный срок жизни с безупречным зрением и слухом, с бодростью и силой, самодостаточностью и достоинством.

---

[3] Notes: 3

«До свидания» (*японск.*), используется в значении «попрощаться навсегда» (т. е. не «пока, до встречи», а максимально серьёзное заявление).

Он ослепительно улыбнулся аудитории. Многие кивали или говорили что-то явно одобрительное своим соседям. Это и правда выглядело очень привлекательно, даже для людей вроде меня, чьи повседневные неприятности ограничивались повышенной кислотностью или случайной мигренью.

Сугияма позволил зрителям несколько секунд поболтать, после чего снова поднял руку.

— Конечно же, — сказал он, словно это была сущая ерунда, — есть небольшой нюанс…

Глава 2

Я знал, о каком «небольшом нюансе» говорит Сугияма. Несмотря на все его слова о *переносе* сознания, на самом деле «Иммортекс» не умел этого делать. В лучшем случае сознание *копируется* в механизированное тело. Из чего следует, что оригинал после этого продолжает существовать.

— Да, — сказал Сугияма, обращаясь к аудитории, частью которой были мы со старой леди по имени Карен, — с момента активации вашего синтетического тела вас становится двое: две сущности, которые *являются вами*. Но кто из них *настоящий* вы? Вашим первым импульсом может быть ответить, что тот, что из плоти и крови, и есть настоящая Маккой [4]. — Он качнул головой. — Интересная философская проблема. Я соглашусь, что эта версия и вправду существова-

[4] Notes: 4

Идиома (*англ.* «The real McCoy»), означающая нечто настоящее, неподдельное, отличающееся высоким классом и качеством. В разговорную речь выражение вошло предположительно во времена сухого закона в США из-за контрабандного алкоголя капитана Билла Маккоя, который ввозил в Штаты оригинальный канадский и британский виски, а также марочные вина. Но в данном случае может быть также отсылкой к одноимённому фильму 1993 года с Ким Бейсингер и Вэлом Килмером в главных ролях.

ла раньше другой, — но делает ли первенство её *настоящей*? В вашем внутреннем представлении о себе кого вы посчитали бы настоящим собой: того, кто страдает от болей и ломоты в костях, того, кто плохо спит ночью, того, кто стар и дряхл? Или энергичного себя, полноценного умственно и физически? Того себя, что каждый день живёт с радостью, а не страхом, у которого впереди десятки и сотни лет жизни вместо — прошу меня простить — считаных месяцев или лет?..

Я видел, что Сугияма перетягивает аудиторию на свою сторону. Конечно, все они добровольно пришли на эту рекламную лекцию, так что, надо полагать, уже были предрасположены по крайней мере к тому, чтобы оценивать предлагаемое непредвзято. Вероятно, какой-нибудь условный Джо с улицы с ними не согласился бы — но обычному Джо с улицы услуги «Иммортекс» явно не по карману.

— В прошлом вокруг этого велось много споров, но в последние несколько лет всё улеглось, — продолжал Сугияма. — Самая простая интерпретация оказалась самой верной: человеческий разум — не что иное, как программное обеспечение, выполняемое устройством, которое мы называем человеческим мозгом. Когда ваш старенький ком-

пьютер устаревает, вы, не задумываясь, относите его на помойку, покупаете новый и загружаете все свои программы в него. «Иммортекс» делает то же самое: программа, которая является вами, начинает работать на новой, улучшенной платформе.

— И всё равно это не настоящий я, — проворчал кто-то из сидящих впереди.

Если Сугияма и услышал этот комментарий, то даже не вздрогнул.

— Вот вам старая головоломка с семинаров по философии. Отец даёт вам топор. Через несколько лет безупречной службы у топора ломается топорище, и вы его заменяете. Это по-прежнему тот топор, что отец вам дал? Конечно, с чего бы нет? Но ещё через несколько лет раскалывается металлическая часть, и вы заменяете и её. Теперь в топоре не осталось ничего от оригинала — но он был заменён не весь сразу, а по частям. Является ли он по-прежнему топором, который дал вам отец? Прежде чем вы ответите, задумайтесь над тем фактом, что атомы, составляющие ваше тело, полностью меняются каждые семь лет: в вас сейчас нет ни единой частички того, что когда-то было младенцем, живущим и поныне; всё многократно сменилось. По-прежнему ли

вы — вы? Разумеется, да: тело не имеет значения, физическая реализация неважна. Важна непрерывность бытия: существо топора восходит к подарку, сделанному вам отцом; он по-прежнему остаётся тем подарком. И поэтому… — он подчеркнул следующие слова указующим движением пальца, — каждый, кто помнит, как был вами, — это вы и есть.

Я не был уверен, что это меня убедило, но продолжал слушать.

— Не хочу говорить неприятные вещи, но знаю, что вы все реалисты; будь это не так, вы не оказались бы здесь. Каждый из вас знает, что ваш естественный срок жизни практически истёк. Если вы решите подвергнуться процедуре, то именно новый вы продолжите жить в вашем доме, в вашей семье, среди ваших друзей. Однако следующая версия вас будет помнить этот самый момент точно так же, как и всё, что происходило с вами; она *будет* вами.

Он замолчал. Я подумал, что быть синтетическим лектором не очень удобно: живой человек мог бы оправдать паузу необходимостью выпить воды. Но через мгновение Сугияма спросил:

— Но что же станет с оригинальным вами?

Карен наклонилась ко мне и прошептала зло-

вещим шёпотом:

— Сойлент Грин [5] — это люди!

Я понятия не имел, о чём она.

— Ответ, разумеется: нечто *потрясающее*, — сказал Сугияма. — Прежняя версия вас проживёт остаток жизни в неописуемой роскоши в Верхнем Эдеме, нашем комплексе для престарелых на обратной стороне Луны. — Позади Сугиямы начали проплывать фотографии чего-то, напоминающего пятизвёздочный курорт. — Да-да, мы основали первое гражданское поселение на Луне и не жалеем никаких расходов, так что обеспечим вашему прежнему «я» первоклассный уход до тех пор, пока не наступит тот печальный, но неизбежный день, когда бренная плоть окончательно сдастся.

Я читал, что «Иммортекс» кремирует умерших прямо там и, разумеется, не устраивает ни похорон, ни могильных плит — ведь, в конце концов, как они утверждают, *личность* продолжает жить…

— Жестокая ирония, — продолжал Сугияма, — состоит в том, что Луна — идеальное место для стариков. При силе тяжести всего в одну шестую

---

[5] Notes: 5

«Зелёный сойлент» (Soylent Green) — фильм 1973 года о перенаселённом мире, в котором тела умерших людей перерабатывают в еду.

земной падение, которое на Земле сломало бы вам бедро или голень, там не причиняет вреда. При такой тяжести даже в ослабевших мускулах достаточно сил. Подняться с кровати, вылезти из ванной — для этого больше не требуется усилий, равно как и для того, чтобы подняться по лестнице. Хотя на Луне совсем мало лестниц, люди там настолько лёгкие, что проще пользоваться пандусами. Да, *жить* на Луне здорово, когда вы в преклонном возрасте; оригинальная версия меня в этот самый момент прекрасно проводит время в Верхнем Эдеме, можете мне поверить. Но *попасть* на Луну — совсем другая история. Перегрузки, испытываемые в стартующей с Земли ракете, очень велики — хотя остальная часть путешествия, в течение которой вы находитесь в невесомости, переносится легко. Так вот, мы, разумеется, не пользуемся ракетами. Мы пользуемся космопланами, которые взлетают горизонтально и постепенно поднимаются на низкую околоземную орбиту. В течение всего полёта вы ни разу не испытываете перегрузок больше 1,4 g, так что с помощью специальных анатомических кресел и прочих приспособлений мы даже самого дряхлого человека способны доставить на Луну живым и здоровым. А добравшись до Луны, — он сделал

драматическую паузу, — вы попадаете в рай.

Сугияма оглядел собравшихся, заглядывая им в глаза.

— Чего вы боитесь сейчас? Заболеть? На Луне это маловероятно: всё, что попадает в лунные поселения, проходит обеззараживание, а чтобы переместиться из одного поселения в другое, микробам придётся преодолеть вакуум и жёсткую радиацию. Может, вы боитесь хулиганов? На Луне *никогда* не было ограблений или других насильственных преступлений. Холодных канадских зим? — Он усмехнулся. — Мы поддерживаем постоянную температуру в двадцать два градуса Цельсия. Вода на Луне, разумеется, очень дорога, поэтому влажность мы держим низкой, так что никакой больше душной сырости летом. Весь год вы будете себя чувствовать как прекрасным весенним утром на американском Юго-Западе. Поверьте мне: Верхний Эдем — это лучшее место, чтобы провести старость, замечательный курорт с силой тяжести настолько низкой, что вы снова почувствуете себя молодыми. Это беспроигрышный сценарий и для вашего нового «я» здесь, на Земле, и для прежнего — там, на Луне.

Он широко улыбнулся.

— Ну что, есть желающие?

Глава 3

Моей маме сейчас шестьдесят шесть. За почти три десятка лет с того дня, как отца поместили в больницу, она не вышла замуж. Конечно, папа ещё не умер.

Хотя, в сущности, и не жил.

Я виделся с мамой раз в неделю, по понедельникам в середине дня. Иногда мы виделись чаще: на День матери, на день её рождения, на Рождество. Но временем наших регулярных встреч было 14:00 в понедельник.

И повод был совсем невесёлый.

Отпечатки пальцев открыли мне путь в дом, где я вырос, прямо на берегу озера. Он стоил недёшево во времена моего детства; сейчас же это было целое состояние. Торонто, словно чёрная дыра, заглатывает всё, что попадает в его радиус. Он сильно вырос за три года до моего рождения, когда к нему присоединили пять окрестных муниципалитетов. Сегодня он увеличился ещё больше, поглотив прилегающие города и местечки, раздувшись до восьмимиллионного гиганта. Дом моих родителей был больше не в предме-

стье; теперь он был внутри городского центра, тянувшегося вдоль побережья от Си-Эн Тауэр на пятьдесят километров в обоих направлениях.

Нелегко было входить в мраморное фойе через парадный вход. Дверь в «берлогу» отца была по правую руку, и моя мать, даже через столько лет, не позволяла в ней ничего менять. Я всегда старался не смотреть в открытую дверь — и у меня никогда не получалось. Тиковый стол по-прежнему был там, как и кожаное крутящееся кресло.

То была не только печаль, то была вина. Я не сказал маме, что мы с отцом ругались, когда ему стало плохо. Я не врал ей — врать совершенно не умею, — но она считала, что я услышал, как он падает, и прибежал к нему, а он был не в том положении, чтобы возражать. Я бы как-нибудь пережил, если бы она узнала про фальшивое удостоверение, но точно не перенёс бы, смотри мама на меня с мыслью, что это я виноват в случившемся с человеком, которому она посвятила свою жизнь.

— Здравствуйте, мистер Салливан, — сказала Ханна, появляясь из кухни. Мамина экономка, живущая в доме, женщина примерно моих лет.

— Привет, Ханна, — ответил я. Обычно я всех прошу звать меня по имени, но никогда не

предлагал этого Ханне. Из-за нашей близости в возрасте она при таком обращении слишком сильно напоминала бы мою сестру, делающую то, чем на самом деле *я* должен заниматься: присматривать за матерью. — Как она?

У Ханны были мягкие черты лица и маленькие глаза; она, должно быть, относилась к тому типу женщин, которые становились добрыми толстушками в эпоху *до* появления лекарств, ликвидировавших ожирение. По крайней мере, некоторые болезни всё-таки научились лечить за последние двадцать семь лет.

— Неплохо, мистер Салливан. Я подала вашей маме ланч около часа назад, и она почти все съела.

Я кивнул и двинулся дальше по коридору. Дом был элегантным; я не понимал этого в детстве, но видел сейчас: коридор, отделанный деревянными панелями, маленькие мраморные статуэтки в нишах, освещённые изящными медными светильниками.

— Привет, мам! — крикнул я, подойдя к основанию изгибающейся дубовой лестницы.

— Я спущусь через секунду, — ответила она сверху. Я кивнул и направился в гостиную, в которой было окно во всю стену, выходящее на озеро.

Через несколько минут появилась мама. Она была одета, как всегда в таких случаях, в одну из блузок, что носила в 2018-м. Она знала, что лицо её изменилось, и даже с кое-какой пластикой в ней трудно узнать ту женщину, какой она была на четвёртом десятке. Видимо, мама считала, что старая одежда может в этом помочь.

Мы уселись в мою машину, зелёную «Тойоту Дила», и отправились на двадцать километров к северу в Брамптон, где располагался Институт. Там, разумеется, был лучший уход, который можно купить за деньги. Огромный, заросший деревьями участок с современного вида центральным корпусом, который по виду был больше похож на фешенебельный отель, чем на больницу, — возможно, они нанимали того же архитектора, что проектировал Верхний Эдем. Стоял приятный летний день, и несколько человек — пациентов? жильцов? — прогуливались в инвалидных креслах по окрестностям в сопровождении персонала.

Моего отца среди них не было.

Мы вошли в холл. Охранник, чёрный, лысый, бородатый, знал нас. Мы обменялись парой любезностей и поднялись в папину палату на второй этаж.

Его переворачивали и передвигали, чтобы избежать пролежней и прочих проблем. Иногда мы обнаруживали его лежащим, иногда сидящим в инвалидном кресле. А порой даже пристёгнутым к доске, которая удерживала его в вертикальном положении.

Сегодня отец был в постели. Он повернул голову, посмотрел на маму, на меня. Он осознавал своё окружение, но и всё на этом. Врачи говорили, что у него разум младенца.

Он сильно изменился за это время. Волосы побелели, и, конечно, у него было морщинистое лицо мужчины шестидесяти шести лет — в данном случае не было никакого смысла в косметической хирургии. Его длинные конечности были худыми и тонкими; несмотря на всю электрическую и мануальную стимуляцию, невозможно поддерживать мускулатуру, не занимаясь настоящей физической активностью.

— Здравствуй, Клифф, — сказала мама и сделала паузу. Она всегда делала эту паузу, и у меня от этого каждый раз разрывалось сердце. Она ждала ответа, которого никогда не будет.

У мамы была масса мелких ритуалов для этих визитов. Она рассказывала отцу о том, что произошло за неделю, как играли «Блю Джейз» — своё

увлечение бейсболом я перенял от отца. Она ставила стул рядом с кроватью и держала его левую руку в своей правой. Его пальцы всегда рефлекторно обхватывали её руку. Никто так и не снял золотое обручальное кольцо с его пальца, и мама тоже по-прежнему носила своё.

Я почти ничего не говорил, просто смотрел на него — на *это*, на пустую оболочку, тело без разума. Оно лежало и глядело на маму, его рот иногда кривился, складываясь в зародыш улыбки или гримасы, — а может, это были просто случайные движения. Когда мама говорила, он иногда издавал звуки, впрочем, он что-то тихо булькал и когда она молчала.

Мой персональный дамоклов меч. Я сейчас на пять лет старше, чем папа был в тот день, когда в его мозгу лопнули кровеносные сосуды, смыв алой волной его разум и личность, его радости и горести. На стене его комнаты висели электронные часы, показывавшие время яркими чёткими цифрами. Слава богу, что часы теперь не тикают.

Закончив разговаривать с отцом, мама поднялась со стула и сказала:

— Ну ладно.

Обычно я просто высаживал её у дома на обратном пути в город, но на сей раз совершенно не

хотелось говорить в машине.

— Подожди, мама, — попросил я. — Сядь. Мне нужно тебе что-то сказать.

Она села с выражением удивления на лице. В палате моего отца в Институте был лишь один стул, который она и занимала. Я опёрся на бюро, стоящее на противоположном краю комнаты, и посмотрел на неё.

— В чём дело? — поинтересовалась она. В её голосе слышался вызов, и я понимал почему. Когда-то давно я пытался поговорить с ней о бессмысленности наших еженедельных визитов, о том, что папа на самом деле не осознаёт, что мы здесь. Мама пришла в ярость и устроила мне такую словесную выволочку, каких я не знал с детства. Она явно ожидала, что я снова подниму этот вопрос.

Я сделал вдох, медленно выдохнул и заговорил:

— Я… не знаю, слышала ли ты об этом, но существует один процесс… О нём было во всех новостях… — Я замолчал, надеясь, что достаточно намекнул, о чём я собираюсь сказать. — Его делают в компании под названием «Иммортекс». Они перемещают человеческое сознание в искусственное тело.

Она молча смотрела на меня. Я продолжил:

— И, в общем, я собираюсь это сделать.

Мама заговорила медленно, словно переваривая идею по одному слову зараз.

— Ты собираешься… переместить своё… своё сознание…

— Именно так.

— В искус… искусственное тело.

— Да.

Она больше ничего не сказала, и я, как это было в детстве, почувствовал, что должен заполнить эту паузу, как-то объясниться.

— Моё тело никуда не годится — ты это знаешь. Оно практически наверняка меня либо убьёт, — *если повезёт*, подумал я, — либо превратит в то, чем стал папа. Я обречён, если останусь в этой… — я положил ладонь с растопыренными пальцами себе на грудь, — в этой *оболочке*.

— Это работает? — спросила она. — Этот процесс — он правда работает?

Я улыбнулся своей самой бодрой улыбкой.

— Да.

Она посмотрела мимо меня на отца; выражение беспокойства на её лице разрывало мне сердце.

— А они не могут… не могут Клиффа…

О господи, ну и тупица же я. Мне даже в голову

не пришло, что она свяжет это с отцом.

— Нет, — сказал я. — Нет, они лишь копируют сознание. Они не могут… не могут обратить вспять…

Она глубоко вздохнула, явно пытаясь взять себя в руки.

— Прости, — сказал я. — Хотел бы я, чтобы это было не так, но…

Она кивнула.

— Но они *могут* помочь мне — пока не стало слишком поздно.

— Значит, они перенесут… перенесут твою душу?

Я посмотрел на мать в полнейшем изумлении. Наверное, поэтому она и приходила к отцу — в надежде, что душа всё ещё где-то там, под разрушенным мозгом.

Я так много обо всём этом читал и хотел всё это ей рассказать, заставить её увидеть. До двадцатого столетия люди верили в существование élan vital — жизненной силы, какого-то особого ингредиента, отличающего живую материю от обычного вещества. Но по мере того, как биологи и химики находили мирские, естественные объяснения для каждого проявления жизнедеятельности, понятие élan vital было отброшено

как излишнее.

Однако идея о существовании чего-то неосязаемого, что составляет разум (души, духа, искры божьей, зовите как угодно), кое-где всё ещё владела людским воображением, несмотря на то что наука могла теперь объяснить практически каждую особенность мозговой активности, не прибегая к чему-либо, кроме полностью понятных физики и химии.

Обращение моей матери к душе было так же нелепо, как попытка возродить понятие élan vital.

Но озвучить ей это означало также сказать, что её муж полностью и необратимо мёртв. Возможно, понимание этого было бы для неё благом, но мне явно чего-то недоставало в сердце для подобных благодеяний.

— Нет, — сказал я, — они не переносят душу. Они лишь копируют паттерны, которые составляют сознание.

— Копируют? А что происходит с оригиналом?

— Он… видишь ли, он передаёт юридические права личности копии. А после этого биологический оригинал удаляется от общества.

— Удаляется куда?

— Это место называется Верхний Эдем.

— Где это?

Хотел бы я, чтобы был другой способ это сказать.

— На Луне.

— На Луне!

— Да, на обратной стороне Луны.

Она покачала головой.

— Когда ты собираешься это сделать?

— Скоро, — ответил я. — Очень скоро. Я просто… просто не могу больше ждать. Бояться, что чихну или как-то не так согну шею… Или вообще не сделаю ничего — и окажусь с разрушенным мозгом, парализованным или мёртвым. Это ожидание убивает меня!

Она вздохнула, издав долгий шелестящий звук.

— Приходи попрощаться перед тем, как отправишься на Луну.

— Я прощаюсь сейчас, — сказал я. — Я собираюсь сделать это завтра. Но новый я будет регулярно тебя навещать.

Мама взглянула на отца, потом снова посмотрела на меня.

— «Новый ты», — повторила она, качая головой. — Я не хочу терять…

Мама оборвала себя, но я знал, что она хотела

сказать: «Я не хочу терять последнего дорогого мне человека».

— Ты не потеряешь меня, — сказал я. — Я по-прежнему буду к тебе приходить.

Я указал на отца, который забулькал, возможно, даже в ответ на мой жест:

— Я по-прежнему буду навещать папу.

Мама слегка качнула головой, не веря.

* * *

Я возвращался домой в Норт-Йорк в печальных раздумьях.

Мне не нравилось видеть маму такой. Она поставила на кон всю свою жизнь в надежде, что отец каким-то образом вернётся. Конечно, умом она понимала, что повреждение мозга необратимо, но разум и чувства не всегда действуют синхронно. Каким-то образом то, что случилось с моей матерью, подействовало на меня сильнее, чем произошедшее с отцом. Она любила его так, как, я всегда надеялся, кто-нибудь когда-нибудь полюбит меня.

И в моей жизни был особый человек, женщина, к которой я испытывал очень глубокие чувства и которая, я думаю, испытывала то же самое ко мне. Ребекке Чонг был сорок один год

— совсем немного младше меня. Она была большой шишкой в канадском филиале IBM, и денег ей хватало. Мы были знакомы около пяти лет и часто встречались, хотя по большей части в компании друзей. Но между нами двоими всегда было нечто особенное.

Я помню ту новогоднюю вечеринку. Как и многие из наших дружеских сборищ, она проходила в квартире Ребекки, роскошном пентхаусе на пересечении Эглинтон и Янг. Ребекка обожала принимать гостей, и жизнь нашей группы вращалась вокруг её квартиры, вдобавок из её дома был прямой выход в метро.

Я всегда приносил Ребекке цветы, когда приходил к ней. Она любила цветы, и я любил дарить их ей. На Новый год я принёс охапку красных роз — попросил парня в цветочном магазине проследить, чтобы цвет был идеальным, потому что сам я этого не мог сделать. Когда я приехал, то вручил Ребекке букет и мы, как всегда, поцеловались. Это не был долгий страстный поцелуй — мы были просто хорошими друзьями, по крайней мере на людях, — но он всё же отзывался чуточку больше, чем нужно, когда наши губы смыкались на эти долгие несколько секунд.

В моей жизни было много секса, но эти поце-

луи правда возбуждали меня больше всего. И всё же…

И всё же мы с Ребеккой никогда не заходили дальше этого. Да, её рука иногда случайно оказывалась на моём бедре — мягкое, нежное касание в ответ на шутку или комментарий или, и так было приятнее всего, без какой-либо причины вообще.

Я так её хотел, и думаю — да нет, я знал это, ни на секунду не сомневался, — что она тоже меня хотела.

Но потом…

Потом я снова отправлялся повидать отца вместе с матерью.

И это разрывало мне сердце. Не только из-за того, что жизнь мамы оказалась разрушена тем, что с ним случилось, но также потому, что то же самое, вероятно, ожидало в будущем и меня. И я не мог позволить, чтобы наши с Ребеккой отношения закончились для неё так же, как для моей матери, чтобы на ней повис бременем некто с разрушенным мозгом, чтобы ей пришлось жертвовать своей жизнью, единственной и неповторимой, ради забот о пустой оболочке, которая некогда была мной.

Разве не в этом состоит истинная любовь — в том, чтобы ставить нужды другого выше своих?

И всё же на последней новогодней вечеринке, где вино лилось рекой, Ребекка и я обнимались на диване дольше, чем обычно. Конечно, новогодняя ночь всегда имела для меня особое значение — в конце концов, в новогоднюю ночь я родился, — но эта была просто сказочной. Наши губы сомкнулись с двенадцатым ударом часов, и мы продолжали обниматься и целоваться ещё долго после этого, а когда другие гости Ребекки разошлись, мы удалились в её спальню и наконец, после долгих лет фантазий и флирта, занялись любовью.

Это было захватывающе — так, как себе и воображал: целовать её, касаться её, гладить, входить в неё. В Торонто теперь даже в январе не бывает холодно, так что мы лежали друг у друга в объятиях, распахнув окна спальни настежь, прислушиваясь к голосам празднующих на улице далеко внизу, и в первый и единственный раз в своей жизни я начал понимать, каково это — оказаться в раю.

Первый день нового года выпал тогда на воскресенье. На следующий день я поехал с мамой к отцу, и этот визит прошёл практически так же, как и вчерашний.

И хотя с тех пор я думал о Ребекке постоянно и

хотел её ещё больше, чем казалось возможным, я позволил нашим чувствам остыть.

Потому что именно этого от нас и ждут, не так ли? Что больше всего нас будет заботить счастье любимого человека.

Именно этого от нас и ждут.

Глава 4

Я в последний раз оглядел гостиную своего дома.

Конечно, моя новая версия сюда вернётся. Но другая — биологический оригинал — видела это всё в последний раз.

Я сейчас жил один, если не считать Ракушки, моей собаки, ирландского сеттера. В разное время несколько женщин — хотя кого я обманываю, их было всего две — входили в мою жизнь, а потом покидали её и мои различные жилища, но никто никогда не делил со мной дом, в котором я жил сейчас. Даже гостевая спальня ни разу не использовалась по назначению.

Тем не менее это был *мой* дом, и он напоминал меня самого. Моя мать, изредка появляясь здесь, всегда качала головой, удивляясь отсутствию книжных полок. Я люблю читать, но предпочитаю электронные книги. Отсутствие книжных полок означает отсутствие на них свободного места перед книгами для размещения всяких безделушек, что тоже было хорошо, поскольку мне было бы лень стирать с них пыль. Хотя когда

приходили убираться из «Горничных Молли», я всегда злился, что они, протирая эти мелочи, переставляют их. Да, да, вот такая я задница.

Отсутствие книжных полок означало также, что у меня много пустых стен, которые в гостиной были заняты коллекцией бейсбольных маек под стеклом. Я был демоном интернет-аукционов и коллекционером разных околобейсбольных реликвий. У меня были все разновидности формы «Блю Джейз», включая тот жалкий дизайн 2000-х, когда они убрали с маек слово «Блю»; синий относился к тем немногим цветам, которые я различал, и мне нравилось, что я, по-видимому, схожусь с остальным миром во взглядах на значение названия команды.

Однако моей радостью и гордостью была оригинальная майка «Бирмингемских баронов», которую носил сам Майкл Джордан во время его короткой вылазки в бейсбол; он пришёл в «Уайт Сокс», но они выперли его в свою команду низшей лиги под номером сорок пять.

Джордан расписался на правом рукаве майки, между двумя полосками.

На диване лежал чемодан с кое-какой одеждой. Предполагалось, что я заполню его вещами, которые захочу взять с собой на Луну, но я чувствовал,

что разрываюсь на части. Да, биологический я собираюсь завтра отправиться на Луну и никогда не возвращаться. Но другой я — моя мнемосканированная версия — вернётся через несколько дней; этот дом будет его — *моим* — домом. Того, что прежний я заберёт с собой на Луну, новому мне будет не хватать, а новому мне эти вещи могли бы служить десятилетиями (мне до сих пор было трудно думать о «столетиях» и «тысячелетиях»), в то время как прежнему…

В конце концов я упаковал лишь одну вещь. Это было неидеальное решение, поскольку если меня парализует или я впаду в вегетативное состояние, то не смогу им воспользоваться. Однако маленький пузырёк с таблетками в коробочке без надписей мог в случае надобности помочь мне прикончить себя.

Люди иногда удивлялись, почему я не покинул Канаду и не уехал в Штаты, где налоги для богатых гораздо ниже. Ответ прост: эвтаназия под контролем врача здесь легальна, а моё завещание описывало условия, при наступлении которых я хочу прекратить жить. В Штатах со времён адми-

нистрации Бьюкенена — Пэта, а не Джеймса [6] — закон обязывает докторов поддерживать мою жизнь даже в случае серьёзного повреждения мозга или потери способности двигаться; они будут сохранять мне жизнь даже вопреки моему желанию.

Но, разумеется, на Луне не нужно будет беспокоиться о национальном законодательстве; там существует лишь несколько исследовательских станций и немногочисленные частные производства. «Иммортекс» сделает всё, чего я пожелаю. От каждого клиента они требуют заранее составить завещание о жизни, описывающее, что делать в случае потери дееспособности или впадения в необратимое вегетативное состояние. Если я смогу сделать это сам, то сделаю, и набор, который я упаковал, набор, который годами хранился у меня в прикроватной тумбочке, поможет мне в этом.

Это была единственная вещь, о которой, уверен, искусственный я не станет жалеть.

Я настроил робокухню, чтобы она кормила

---

[6] Notes: 6

Джеймс Бьюкенен — президент США в 1857–1861 годах. Патрик Бьюкенен (род. 1938) — американский журналист и политик, советник при президентах Никсоне, Форде и Рейгане, участник президентской кампании 2000 года.

собаку, пока… я сказал бы, «пока меня не будет», но это было не совсем верно. Но она будет её кормить, пока меняется караул…

— Ну что, Ракушечка, — сказал я, почёсывая её за ухом, — вот и всё. А теперь будь хорошей девочкой.

Она гавкнула, соглашаясь, и я направился к двери.

* * *

Офис «Иммортекс» располагался в Маркхэме, районе в северной части Торонто, облюбованном компаниями высоких технологий. Я ехал на восток по четыреста седьмому шоссе и немного злился на то, что мне самому приходится вести машину. Где, чёрт побери, самоуправляемые автомобили? Я понимаю, что летающие авто вряд ли когда-нибудь появятся — слишком велик ущерб, если такой свалится с неба. Но когда я был ребёнком, нам обещали, что самоуправляемые машины уже вот-вот возникнут. Увы, слишком многие предсказания базировались тогда на философии «сильного ИИ» — представлении о том, что скоро будет разработан искусственный интеллект настолько же мощный, интуитивный и эффективный, как и человеческий. Полный

провал «сильного ИИ» стал для очень многих людей большим сюрпризом.

Методы «Иммортекс» обходили это препятствие. Вместо *воссоздания* сознания — для чего потребовалось бы точно знать, как оно работает, — учёные просто *скопировали* его. Копия была настолько же разумной, мыслящей, осознающей себя, как и оригинал. Но искусственный интеллект de novo, запрограммированный с нуля, как ЭАЛ-9000 [7], компьютер из тягомотного кино, в названии которого фигурировал год моего рождения, так и остался несбывшейся фантазией.

Здание «Иммортекс» было не слишком велико — но они и не работали с большим количеством клиентов. По крайней мере, пока. Я отметил, что весь первый ряд парковки был зарезервирован для водителей-инвалидов — гораздо больше, чем требовали законы Онтарио, но, опять же, демографический состав клиентуры «Иммортекс» был довольно нетипичен. Я припарковался во втором ряду и вышел из машины.

Жара обрушилась на меня, как удар в челюсть. В августе в Южном Онтарио было жарко и сыро ещё столетие назад. Маленькие, почти неза-

---

[7] Notes: 7

Бортовой компьютер космического корабля из книги Артура Кларка «Космическая одиссея 2001 года».

метные год от года изменения практически полностью изгнали снег из зимы в Торонто и сделали лето почти невыносимым. Впрочем, нам грех жаловаться: на юге США дела обстоят куда хуже; несомненно, это одна из причин того, что Карен перебралась с Юга в Детройт.

Я достал с заднего сиденья дорожную сумку с вещами, которые мне понадобятся на время моего пребывания в «Иммортекс», и быстро пошёл к входной двери, чувствуя, что уже начинаю потеть. Вот ещё одно преимущество искусственного тела: оно не потеет как конь. Впрочем, сегодня я, вероятно, потел бы и в прохладный день, потому что сильно нервничал. Я прошёл через вращающуюся стеклянную дверь и глубоко вдохнул прохладный благодаря кондиционеру воздух. После этого я представился сидевшей за длинным гранитным столом секретарше.

— Здравствуйте, — сказал я, удивившись тому, как пересохло у меня во рту. — Я Джейкоб Салливан.

Секретарша была молода и симпатична. Мне было привычнее видеть на таких должностях мужчин, но клиенты «Иммортекс» выросли в прошлом веке и привыкли к тому, чтобы на входе их встречала вот такая вот красотка. Она сверилась

с висящим перед ней в воздухе голоэкраном.

— Ах да. Боюсь, вы пришли немного раньше; они ещё калибруют оборудование. — Она оглядела мою сумку. — Багаж на Луну у вас тоже с собой?

Слова, которые, как я думал, не услышу никогда в жизни.

— В машине, в багажнике, — ответил я.

— Вам разъяснили ограничения по весу? Конечно, вы можете взять больше, но излишек надо будет оплатить и он может не попасть на сегодняшний рейс.

— Нет, с этим всё в порядке. Я решил много с собой не брать. Так — несколько смен белья.

— Вы не будете скучать по своим старым вещам, — сказала женщина. — Верхний Эдем — это просто сказка, и там найдётся всё, что вам может понадобиться.

— Вы там были?

— Я? Нет, пока нет. Но, знаете ли, через несколько десятков лет…

— Правда? Планируете сделать мнемоскан?

— О, конечно! У «Иммортекс» отличные страховые программы для сотрудников. Компания помогает накопить на оплату процедуры и содержание оригинала на Луне.

— Ну… гм-м… значит, там и увидимся?

Женщина засмеялась.

— Мне двадцать два, мистер Салливан. Не хочу вас обидеть, но я буду огорчена, если снова вас увижу раньше, чем лет через шестьдесят.

Я улыбнулся.

— Будем считать, что свидание назначено.

Она указала на роскошно обставленное фойе:

— Не подождёте пока здесь? Мы заберём ваш багаж позже. Фургон из аэропорта придёт ближе к вечеру.

Я снова улыбнулся и отошёл.

— Ого, какие люди! — услышал я голос с южным акцентом.

— Карен! — воскликнул я, глядя на седую старушку. — Как у вас дела?

— Надеюсь в ближайшее время выйти из себя.

Я засмеялся и почувствовал, как кружащиеся в желудке бабочки понемногу успокаиваются.

— Так что вас сюда привело? — спросила Карен.

Я сел напротив неё.

— Я… ох. Я вам так и не сказал? У меня есть одна проблема — называется «артериовенозная мальформация», непорядок с кровеносными сосудами в мозгу. Я… в тот вечер я примерял процедуру

на себя.

— Я что-то такое и подумала, — сказала Карен. — И вы, очевидно, решили её пройти.

Я кивнул.

— Что ж, отлично.

— Простите, — обратилась подошедшая к нам секретарша. — Мистер Салливан, вы не хотите чего-нибудь выпить?

— Э-э-э… да. Кофе? Двойной с двойным сахаром.

— Перед сканированием вам можно только кофе без кофеина. Вас устроит?

— Конечно.

— А вы, мисс Бесарян, — спросила секретарша, — хотите чего-нибудь ещё?

— Нет, спасибо.

Секретарша удалилась.

— Бесарян? — повторил я с внезапно заколотившимся сердцем. — *Карен Бесарян?*

Карен улыбнулась своей асимметричной улыбкой.

— Да, это я.

— Вы написали «Диномир»?

— Да.

— «Диномир». «Возвращение в Диномир». «Возрождение Диномира». Вы всё это написали?

— Да, написала.

— Вау! — Я помолчал, пытаясь придумать, что ещё можно сказать, но не смог. — Вау.

— Спасибо.

— Я *любил* эти книжки.

— Спасибо.

— Нет, я правда их обожал. Впрочем, думаю, вам такое часто говорят.

Её морщинистое лицо сморщилось ещё больше, когда она улыбнулась.

— Но мне это никогда не надоедает.

— Нет, нет. Конечно нет. У меня даже есть бумажные издания этих книг — настолько они мне нравятся. Вы предполагали, что их будет ждать такой успех?

— Я даже не предполагала, что их когда-нибудь издадут. Для меня их успех стал такой же неожиданностью, как и для любого другого.

— Что, по-вашему, сделало их хитами?

Она шевельнула костлявыми плечами.

— Об этом не мне судить.

— Я думаю, то, что они интересны и детям, и взрослым, — сказал я. — Как «Гарри Поттер».

— Я, без сомнения, многим обязана Джоан Роулинг.

— Ваши книги совершенно непохожи на её, но

у них такая же широкая аудитория.

— «В поисках Немо» встречается с «Гарри Поттером» в «Парке юрского периода» — так написали в «Нью-Йорк Таймс», когда вышла первая книга. Антропоморфные животные, мои разумные динозавры, похоже, пришлись публике по душе так же, как и те говорящие рыбы.

— А что вы думаете об экранизациях своих книг?

— О, я их обожаю, — сказала Карен. — Они просто восхитительны. К счастью, фильмы по моим книгам снимали после «Гарри Поттеров» и «Властелина колец». Раньше студии приобретали права на экранизацию лишь для того, чтобы выпотрошить книгу: фильм мог не иметь с книгой ничего общего. Но после «Гарри Поттеров» и фильмов по Толкину они осознали, что существует ещё бóльший рынок для точных экранизаций. Теперь публика недовольна, когда не находит в фильме любимой сцены или когда запомнившаяся реплика в диалоге оказывается изменена.

— Не могу поверить, что вот так вот разговариваю с создательницей принца Чешýя.

Она снова улыбнулась одной стороной лица.

— Каждый должен где-то быть.

— Принц Чешуй — это такой убедительный персонаж! Кто был его прототипом?

— Никто, — ответила Карен. — Я его выдумала.

Я покачал головой.

— Нет, нет — я хочу сказать, кто вдохновил вас на его создание?

— Никто. Это продукт моего воображения.

Я понимающе кивнул.

— А, ну ладно. Не хотите говорить. Боитесь, что он вас засудит, да?

Карен нахмурилась.

— Нет, ничего подобного. Принц Чешуй не существует, он не настоящий, и его образ не основан ни на ком реально существующем и не является пародией. Я просто его выдумала.

Я посмотрел на неё, но ничего не сказал.

— Вы мне не верите, не так ли? — спросила Карен.

— Я не стал бы так говорить, но…

Она покачала головой.

— Людям непременно хочется, чтобы писатели выводили своих персонажей из реальных прототипов и чтобы описанные ими события каким-то завуалированным образом происходили на самом деле.

— Ах, — сказал я. — Простите. Я… я думаю, это

своего рода эгоизм. Я не могу представить себя сочиняющим достойную публикации историю, так что не верю, что другие на это способны. Такой талант вызывает в остальных чувство неполноценности.

— Нет, — сказала Карен. — Нет, если позволите мне объяснить, проблема здесь гораздо глубже. Неужели вы не видите? Идея о том, что несуществующих людей можно просто сотворить, идёт вразрез с нашими глубинными религиозными убеждениями. Когда я говорю, что принц Чешуй не существует в реальности и вам лишь кажется, что у него есть реальный прототип, я тем самым намекаю на возможность того, что Моисей никогда не существовал — что какой-то писатель просто его выдумал. Или что Мухаммед на самом деле никогда не говорил всех тех вещей, что ему приписывают. Или что Иисус — тоже вымышленный персонаж. Вся наша духовная жизнь базируется на негласном допущении о том, что писатели *записывают*, а не сочиняют — а если и сочиняют, то мы всегда способны заметить разницу.

Я обвёл взглядом фойе здания, в котором сращивали искусственные тела с копиями, снятыми с живого мозга.

— Как же хорошо, что я атеист, — сказал я.

Глава 5

Пока мы ждали, подошло ещё трое решившихся на мнемоскан. Однако секретарша первым вызвала меня, и я оставил Карен болтать со своими ровесниками-стариками. Я проследовал за секретаршей по ярко освещённому коридору, с удовольствием наблюдая за покачиванием её упругих бёдер, и оказался в офисе, чьи стены казались мне серыми. Это означало, что они могли быть зелёными, голубыми или в самом деле серыми.

— Здравствуйте, Джейк, — сказал доктор Портер, поднимаясь из-за стола. — Рад видеть вас снова.

Эндрю Портер был высоким и медведеобразным мужчиной возрастом под шестьдесят, немного сутулым от жизни среди людей значительно ниже него ростом. Он был бородат, зачёсывал волосы назад, а глаза его немного косили. Брови на добродушном лице пребывали в постоянном движении, словно он их накачивал для участия в Олимпиаде по мимической гимнастике.

— Здравствуйте, доктор Портер, — ответил я. Я

уже виделся с ним дважды во время своих предыдущих визитов сюда, когда проходил различные обследования, заполнял бумаги и подвергался сканированию всего тела, за исключением мозга.

— Вы готовы увидеть это? — спросил Портер.

Я нервно сглотнул, потом кивнул.

— Очень хорошо. — В комнате была ещё одна дверь, и Портер театральным жестом распахнул её. — Джейк Салливан, — провозгласил он, — добро пожаловать в ваш новый дом!

В соседней комнате лежало на каталке синтетическое тело, одетое в уродливый махровый халат.

Я осмотрел его и ощутил, как отвисает у меня челюсть. Сходство было поразительное.

Хотя в целом оно несколько смахивало на манекен из магазина одежды, это был, вне всякого сомнения, я. Открытые глаза не мигали и не двигались. Рот закрыт. Руки безвольно вытянуты вдоль боков.

— Ребята из отдела физиогномики сказали, что для них это было плёвое дело, — сообщил, улыбаясь, доктор Портер. — Обычно мы пытаемся перевести часы на несколько десятков лет назад, воссоздавая тело таким, каково оно бы-

ло в расцвете сил. В конце концов, кто захочет загружаться в тело, находящееся на последнем издыхании? Вы — самый молодой из всех, с кем они имели дело.

Да, это было моё лицо: та же самая удлинённая форма, тот же гладкий подбородок, те же тонкие губы, широкий рот, близко посаженные глаза и те же тёмные брови над ними. Надо всем этим — густые тёмные волосы. Вся седина была удалена, и — я специально заглянул — у моего двойника не было лысинки на макушке.

— Осталась пара последних штрихов, — сказал Портер, ухмыльнувшись. — Надеюсь, вы не возражаете.

Я наверняка тоже глупо ухмылялся.

— Вовсе нет. Это… это потрясающе.

— Мы очень рады. Конечно, синтетический череп идентичен по форме вашему — он был изготовлен методом трёхмерного прототипирования на основе рентгеновских стереоснимков. На нём даже видны швы в тех местах, где кости черепа срастаются друг с другом.

Я должен был подписать согласие на обширное рентгеновское исследование для того, чтобы они смогли изготовить искусственный скелет. За один день я получил достаточно большую дозу,

чтобы увеличить шансы заболеть в будущем раком — но, с другой стороны, большинство клиентов «Иммортекс» смерть ждала задолго до того, как рак станет проблемой.

Портер коснулся виска искусственной головы. Челюсть откинулась, открывая воспроизведённую в мельчайших деталях ротовую полость.

— Зубы — точные копии ваших; мы даже внедрили более плотный керамический композит в те места, где находятся две ваши пломбы, так что слепок зубов подтвердит, что вы — это и правда вы. Как вы можете видеть, во рту есть язык, хотя, конечно, он не будет непосредственно участвовать в произнесении звуков; этим занимается микросхема синтезатора голоса. Но он будет убедительно имитировать эту деятельность. Движения челюстей будут полностью соответствовать произносимым звукам — что-то вроде супермарионимации [8].

— Чего-чего?

— Ну, знаете… «Буревестники», «Капитан Скарлет»?

Я покачал головой. Портер вздохнул.

— Ладно, неважно. Так вот, язык — очень слож-

---

[8] Notes: 8

Технология создания необычайно подвижных кукол-марионеток, применявшаяся в британских телешоу 1960-х годов.

ная часть, фактически самая сложная в воссоздаваемом теле. На нём нет вкусовых рецепторов, потому что вам не нужно будет есть, однако он чувствителен к давлению и, как я сказал, его движения соответствуют звукам, произносимым вашим голосовым синтезатором.

— Это действительно… чудно́, — сказал я и улыбнулся. — Думаю, я впервые употребил это слово в разговоре.

Портер засмеялся, потом указал на меня.

— К сожалению, мы не смогли воспроизвести вот это: когда вы улыбаетесь, у вас появляется ямочка на левой щеке. У искусственной головы такого нет. Мы, однако, отметили этот факт в вашем досье — уверен, что мы сможем добавить эту деталь с будущими обновлениями.

— Это ничего, — сказал я. — Вы и без того проделали потрясающую работу.

— Спасибо. Мы предпочитаем знакомить клиентов с их будущим обликом до того, как они переместятся в искусственное тело: всегда хорошо знать, чего ожидать. Вы собираетесь заняться в нём какой-то специфической активностью?

— Бейсболом, — не задумываясь, ответил я.

— Это потребует отличной зрительной координации, но со временем это придёт.

— Я хочу быть так же хорош, как Сингх-Самаг.

— Кто? — переспросил Портер.

— Стартовый питчер «Блю Джейз».

— А-а. Я-то бейсболом не интересуюсь. Не могу гарантировать, что вы когда-либо подниметесь до профессионального уровня, но вы будете играть по меньшей мере так же, если не лучше, чем раньше. Вы обнаружите, что все пропорции в точности таковы, каковы они в вашем теле сейчас: длина каждой фаланги пальцев, каждого сегмента конечностей и прочего, — продолжал он. — Ваш мозг выстроил весьма замысловатую модель того, на что похоже ваше тело — насколько длинны руки, где именно на их протяжении находится локоть и так далее. Эта внутренняя модель уточняется, когда ваше тело растёт, но к среднему возрасту уже довольно прочно укореняется в сознании. Мы пытались делать низкорослых людей высокими и корректировать несовпадающую длину правой и левой конечностей, но это создавало больше проблем, чем решало: людям было очень тяжело привыкнуть к телу, отличающемуся от того, что у них было.

— Э-э-э… Означает ли это… Я тут подумал…

Портер рассмеялся.

— Ах да. Мы об этом упоминаем в наших пуб-

ликациях. Видите ли, мужской половой орган — это особый случай: его размер варьируется в широких пределах в зависимости от температуры, степени возбуждения и тому подобного. Поэтому да, мы увеличиваем то, что дала вам природа, если только вы специально не запретили это делать в формах, которые заполняли. Разум уже привык к изменчивому размеру пениса, так что справится с несколькими лишними сантиметрами. — Портер распустил махровый пояс, удерживающий полы халата.

— Господи, — сказал я, чувствуя себя ужасно глупо. — Э-э-э… спасибо.

— Наша цель — угодить клиенту, — сказал Портер с ангельской улыбкой на лице.

* * *

Когда я родился, Рэй Курцвейл был наиболее активным проповедником перемещения разума в искусственные тела. В своих книгах тех времён — в том числе в ставшей классикой «Эпохе духовных машин» 1999 года — он утверждал, что в течение следующих тридцати лет, то есть шестнадцать лет назад, появится возможность скопировать «положение, связи и содержимое всех соматических клеток, аксонов, дендритов,

пресинаптических пузырьков, концентраций нейротрансмиттеров и прочих нейронных компонент и уровней» мозга конкретного человека таким образом, чтобы «вся его организация могла быть воссоздана в нейронном компьютере достаточной мощности и объёма памяти».

Забавно перечитывать эту книгу сейчас, в 2045 году. Курцвейл был прав в некоторых вещах, но упустил несколько очень важных моментов. К примеру, технология сканирования мозга с предположительно достаточным уровнем детализации появилась ещё в 2019 году, но выяснилось, что от неё никакого толку, поскольку сканирование продолжается несколько часов, за которые, разумеется, даже в мозгу пребывающего под наркозом пациента происходит уйма переходных процессов. В результате компоновки данных настолько продолжительного сканирования получалась неработоспособная мешанина; было невозможно связать визуальные сигналы из задней части мозга — или их отсутствие — с совершенно иными импульсами из передней. Сознание — это продукт синхронной работы *всего* мозга. Сканирование, которое продолжается дольше нескольких мгновений, бесполезно для его воссоздания.

Однако мнемоскан компании «Иммортекс» позволял мгновенно получать полный и детализированный слепок всего мозга целиком. Доктор Портер отвёл меня дальше по коридору в кабинет сканирования, стены которой казались мне оранжевыми.

— Джейк, — сказал Портер, — это доктор Киллиан. — Он указал на невзрачного вида чернокожую женщину лет тридцати. — Доктор Киллиан — одна из наших квантовых физиков. Она управляет сканирующим оборудованием.

Киллиан подошла ко мне.

— И это совершенно не больно, я обещаю, — сказала она с ямайским акцентом.

— Спасибо, — ответил я.

— А теперь я возвращаюсь в свои владения, — сказал Портер. Киллиан улыбнулась ему, и он ушёл.

— Полагаю, вам известно, — продолжала Киллиан, — что для сканирования мозга мы используем квантовый туман. Мы пропитываем вашу голову субатомными частицами — туманом. Эти частицы квантово спутаны с идентичными частицами, которые доктор Портер вскоре введёт в искусственную черепную коробку нового тела. Он вам его показывал. Тело по-прежнему

находится в другой комнате, но для квантовой спутанности это не препятствие.

Я кивнул. Я также знал, что у «Иммортекс» имеется жёсткое правило о недопустимости контактов между загруженными и их оригиналами. После того как копирование произошло, вы можете поручить родственнику или адвокату убедиться, что обе ваши версии функционируют как надо, однако вопреки реплике Карен о желании выйти из себя считалось, что встреча двух версий одного и того же человека психологически опасна: она разрушает чувство собственной уникальности.

Лицо доктора Киллиан стало предельно серьёзным.

— Полагаю, вам известно, что у вас АВМ, — сказала она. — Но в вашем новом теле, разумеется, нет системы кровообращения, так что для нас это несущественно.

Я кивнул. Всего через несколько минут я буду свободен! Моё сердце возбуждённо колотилось.

— Всё, что вам потребуется сделать, — продолжала доктор Киллиан, — лечь на эту кушетку, вот здесь. Мы закатим её в сканировочную камеру — очень похоже на МРТ, не правда ли? А потом мы выполним сканирование. Оно займёт всего

около пяти минут, и бóльшая часть времени уйдёт на настройку сканеров.

Идея о том, что я вот-вот раздвоюсь, повергала в ужас. Тот я, что выйдет из цилиндра сканера, продолжит жить своей жизнью: в середине дня его отвезут в Пирсон, там он сядет на космоплан и отправится на Луну, чтобы прожить там… сколько? Несколько месяцев? Несколько лет? Столько, сколько позволит ему синдром Катеринского.

А другой Джейк — который так же живо будет помнить этот момент — вскоре пойдёт домой и подхватит мою жизнь в том месте, где я её отпустил, но перспектива разрушения мозга или преждевременной смерти уже не будет висеть над его титановой головой.

Две версии.

В это было невозможно поверить.

Мне бы хотелось, чтобы существовал способ скопировать лишь часть меня, но это потребовало бы куда более глубокого понимания устройства мозга, чем было у «Иммортекс». Очень жаль: у меня было множество воспоминаний, которые я с радостью бы стёр. Обстоятельства смерти отца, разумеется. Но были и другие — унижения, мысли, не делающие мне чести, моменты, когда я делал больно другим и другие делали больно

мне.

Я улёгся на кушетку, стоящую на ведущих в сканировочную камеру металлических направляющих.

— Нажмите зелёную кнопку, чтобы въехать внутрь, — сказала Киллиан, — и красную, чтобы выехать наружу.

По старой привычке я внимательно проследил, на какую кнопку в какой момент она указывала. Потом кивнул.

— Отлично, — сказала она. — Нажимайте зелёную кнопку.

Я подчинился, и кушетка скользнула в сканировочную камеру. Внутри было тихо — так тихо, что я услышал пульсацию крови в ушах и бульканье желудка. Интересно, какие звуки будет издавать моё новое тело?

Несмотря ни на что, я с нетерпением ждал своего будущего существования. Количественная сторона жизни меня не слишком интересовала, но качество! И *время* — не только цепочка лет, протянувшаяся в будущее, но время каждого дня. Ведь мнемосканы не спят, так что мы не только получаем все эти дополнительные годы — каждый день для нас длится дольше на треть.

Будущее было рядом.

Сотворение другого меня.
Мнемоскан.

* * *

— Всё в порядке, мистер Салливан, можете выходить. — Голос доктора Киллиан с ямайским выговором.

У меня упало сердце. *Нет…*

— Мистер Салливан? Мы завершили сканирование. Пожалуйста, нажмите красную кнопку…

Это навалилось на меня, как тонна кирпичей, как кровавое цунами. Нет! Я должен быть в другом месте, но я по-прежнему здесь.

Пропади всё пропадом, я здесь!

— Если вам нужна помощь, чтобы выбраться… — предложила Киллиан.

Я рефлекторно поднял руки, ощупал свою грудь, ощутив её мягкость, почувствовав, как она поднимается и опускается. *Господи Иисусе!*

— Мистер Салливан?

— Да выхожу я, чёрт… Выхожу.

Я не глядя ударил по кнопке, и кушетка выехала из сканировочной камеры ногами вперёд, как при неудачных родах. *Чёрт, чёрт, чёрт!*

Я ничего не делал, но дыхание моё стало быстрым и неглубоким. *Если только…*

Я почувствовал, как меня берут под локоть.

— Я держу вас, мистер Салливан, — сказала Киллиан. — Осторожно…

Мои ноги коснулись твёрдых плиток пола. Умом я понимал, что ситуация была пятьдесят на пятьдесят, но мог думать лишь о том, каково это будет — проснуться в новом, здоровом искусственном теле. Я и не задумывался всерьёз о…

— С вами всё в порядке, мистер Салливан? — спросила она. — Вы выглядите…

— Я *в порядке*, — прошипел я в ответ. — Всё превосходно. Господи Иисусе…

— Если я что-нибудь могу для вас…

— *Я обречён. Вы этого не понимаете?*

Она нахмурилась.

— Вы хотите, чтобы я позвала врача?

Я покачал головой.

— Вы только что отсканировали моё сознание, создали копию моего разума, правильно? — В моём голосе звучала насмешка. — И поскольку я являюсь свидетелем того, что происходит после сканирования, это значит, что я — *эта* версия меня — не являюсь копией. Копии больше не нужно бояться превратиться в овощ — копия свободна. Наконец-то свободна от всего, что висело над моей головой в течение двадцати семи лет.

Мы теперь разошлись, и исцелённый я начал собственный путь. Но *этот* я по-прежнему обречён. Я мог проснуться в новом, излеченном теле, но…

Голос Киллиан был очень мягок.

— Но, мистер Салливан, *один* из вас должен был остаться в этом теле…

— Я знаю, я знаю, я знаю. — Я покачал головой и сделал несколько шагов вперёд. В кабинете сканирования не было окон, что, вероятно, и к лучшему: не думаю, что я сейчас был готов к встрече с миром. — И тот из нас, кто так и остался в этом проклятом теле с этим проклятым мозгом, по-прежнему обречён.

Глава 6

Я внезапно оказался где-то ещё.

Это был моментальный переход, словно переключение канала в телевизоре. Я мгновенно оказался в каком-то другом месте — в другом помещении.

Поначалу я был ошеломлён странным физическим ощущением. Конечности у меня как будто онемели, словно я спал, поджав их под себя. Но я не спал…

И в этот момент я осознал одну вещь, которую больше *не* ощущал, — пропала боль в левой лодыжке. Впервые за два года с тех пор, как я упал с лестницы и надорвал связку, я не ощущал в ней никаких болей вообще.

Но я *помнил* эти боли, и…

Я помнил!

Я по-прежнему оставался самим собой.

Я помнил своё детство в Пойнт-Кредите.

Помнил, как каждый день по дороге в школу дрался с Колином Хэйги.

Помнил, как первый раз прочитал «Диномир» Карен Бесарян.

Помнил, как разносил «Торонто Стар» — в те времена, когда газеты были бумажными.

Помнил блэкаут 2015 года и самоё тёмное небо в моей жизни.

И я помнил, как у меня на глазах свалился отец.

Я помнил всё.

— Мистер Салливан? Мистер Салливан, это я, доктор Портер. Поначалу вам может быть трудно говорить. Не хотите ли попробовать? Как вы себя чувствуете?

— Орош-о. — Слово прозвучало странно, так что я повторил его несколько раз: — Орош-о. Орош-о. Орош-о.

Мой голос звучал как-то не так. Но, с другой стороны, я сейчас слышал его так же, как Портер, моими собственными внешними микрофонами — ушами, ушами! — без дополнительного резонанса в носовых пазухах моей биологической головы.

— Великолепно! — обрадовался Портер; он был бестелесным голосом, звучащим откуда-то из-за пределов моего поля зрения, и я никак не мог определить направление на него. — Не хватает дыхательной аспирации, — продолжил он, — но вы научитесь это делать. Далее, у вас сейчас мо-

жет быть множество новых ощущений, но вы не должны чувствовать никаких болей. Это так?

— Да.

Я лежал на спине, предположительно на каталке, которую видел раньше, уставившись в белый потолок. Да, имелся некоторый недостаток чувствительности, своего рода онемение — хотя я ощущал мягкое давление на тело от, полагаю, махрового халата, в который я, кажется, был одет.

— Хорошо. Если почувствуете какую-то боль, дайте мне знать. Вашему мозгу может потребоваться некоторое время, чтобы научиться интерпретировать сигналы, которые он получает. Мы сможем исправить любой дискомфорт, если он появится. Вы меня понимаете?

— Да.

— Теперь, прежде чем мы начнём двигаться, давайте убедимся, что ваши коммуникационные способности в порядке. Посчитайте, пожалуйста, в обратном порядке от десяти.

— Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Щетыре. Три. Два. Один. Ноль.

— Очень хорошо. Попробуйте ещё раз «четыре».

— Щетыре. Шэтыре. *Чэтыре*.

— Продолжайте.

— Щетыре. Жетыре.

— Снова проблема с аспирацией, но вы справитесь.

— Жэтыре. Шэтыре. Чэ-тыре. *Четыре!*

Я услышал, как Портер хлопнул в ладоши.

— Отлично!

— Четыре! Четыре! Четыре!

— Да, да, я думаю, вы с этим справились.

— Четыре! Черепаха, чаща, чечевица, ночь, дочь, картечь. Четыре!

— Здорово. Вы по-прежнему хорошо себя чувствуете?

— По-прежнему… ох…

— Что? — спросил Портер.

— Зрение на секунду пропало, но снова появилось.

— Правда? Такого не должно…

— О, и вот опять…

— Мистер Салливан? Мистер Салливан?

— Я… чувствую… ох…

— Мистер Салливан? Мистер Салли…

Ничто. Я не знаю, как долго это длилось — ни малейшего понятия. Полнейшее ничто. Когда я пришёл в себя, то заговорил:

— Док! Док! Вы здесь?

— Джейк! — голос Портера. Он шумно выдохнул, словно испытывая глубочайшее облегчение.

— Что-то случилось, док? Что это было?

— Ничего. Совершенно ничего. Э-э-э… а-а-а… как вы себя чувствуете?

— Странно, — ответил я. — Я как будто другой — тысящей разных способов, которые не могу описать.

Портер какое-то время молчал, должно быть, на что-то отвлёкся. Но потом сказал:

— Тысячей.

— Что?

— Вы сказали «тысящей», а не «тысячей». Попробуйте ещё звук «ч».

— Тысящей. Тысяшэй. Тыся-чэй. Тысячей.

— Хорошо, — сказал Портер. — Разница в ощущениях — это нормально, но если в целом вы чувствуете себя хорошо…

— Да, — сказал я. — Просто великолепно.

И в этот самый момент я осознал, что это так и есть. Я был расслаблен. В первый раз за многие годы я пребывал в покое и безопасности. Массированное кровоизлияние в мозг мне больше не грозило. Нет, теперь я буду жить совершенно нормальной жизнью. Я доживу до своих библейских семидесяти; доживу до восьмидесяти трёх —

ожидаемой продолжительности жизни мужчин, родившихся в 2001 году, по данным Статистической службы Канады, — и буду жить дальше. Я буду *жить*. Всё остальное — вторично. Я проживу долго-долго — без паралича, без превращения в овощ. Какие бы трудности ни ждали меня на этом пути, оно того стоило. Теперь я это знал.

— Очень хорошо, — сказал Портер. — Теперь давайте попробуем что-нибудь простое. Посмотрим, сможете ли вы повернуть голову в моём направлении.

Я сделал как он просил — и ничего не произошло.

— Не работает, док.

— Не волнуйтесь. Это придёт. Попытайтесь ещё раз.

Я попытался, и в этот раз голова в самом деле перекатилась налево и…

И… и… и…

О господи! Господи! Господи!

— Этот стул вон там, — сказал я. — Какого он цвета?

Портер удивлённо повернулся.

— Э-э-э… зелёного.

— Зелёного! Так *вот* как выглядит зелёный! Это… это *круто*, правда? Так приятно глазу! А

ваша рубашка, док? Какого цвета ваша рубашка?

— Жёлтого.

— Жёлтого! Вау!

— Мистер Салливан, вы… вы дальтоник?

— Больше нет!

— Боже! Почему вы нам не сказали?

Почему я им не сказал? «Потому что вы не спрашивали», — было бы правдивым ответом, но я знал, что есть и другие. По большей части я боялся, что если я об этом скажу, то они станут настаивать на воспроизведении этой особенности моей личности.

— Какого рода дальтонизмом вы страдаете… страдали?

— Дей-чего-то-там.

— Дейтеранопия? — подсказал Портер. — У вас недостаток М-колбочек?

— Да, вот это самое.

Почти ни у кого не бывает полной цветовой слепоты; другими словами, почти никто не видит мир чёрно-белым. Мы, дейтеранопы, видим мир в оттенках синего, оранжевого и серого, так что многие цвета, которые кажутся контрастными человеку с нормальным зрением, для нас выглядят одинаково. Мы видим красный и жёлто-зелёный как бежевый; розовый и зелёный как

серый; оранжевый и жёлтый как цвет, который, как мне говорили, был цветом кирпича; сине-зелёный и пурпурный как лиловый; индиго и бирюзовый как голубой.

Лишь синий и оранжевый выглядят для нас так же, как и для людей с нормальным зрением.

— Но теперь вы видите цвета? — спросил Портер. — Потрясающе!

— Это точно, — восхищённо согласился я. — Всё такое… такое пёстрое. Думаю, я до сих пор не понимал толком, что значит это слово. Какое чудовищное разнообразие оттенков! — Я перекатил голову на другую сторону, в этот раз практически не задумываясь. И обнаружил, что смотрю в окно. — Трава — о господи, только посмотрите! И небо! Какие они *разные*!

— Мы покажем вам что-нибудь красочное на видео сегодня вечером, и…

— «В поисках Немо», — перебил я его. — Это был мой любимый мультик, когда я был маленький, — и все восхищались тем, насколько он *богат красками*.

Портер рассмеялся.

— Как пожелаете.

— Здорово, — сказал я. — Счастливый плавник!

Я попытался поднять руку в немовском рыбьем жесте «дай пять», но она не пошевелилась. А, ну да: «это придёт со временем»; меня же об этом предупредили.

И всё-таки, как же это здорово — быть живым и свободным.

— Попробуйте снова, Джейк, — сказал Портер. И изумил меня, когда сам поднял руку в жесте из мультика.

Я сделал ещё одну попытку, и в этот раз у меня получилось.

— Вот видите! — сказал Портер, энергично задвигав бровями. — Всё будет в порядке. А теперь давайте вытащим вас из постели.

Он ухватил меня за правую руку — я ощутил это как матрицу из тысяч точечных прикосновений вместо одного сплошного — и помог мне сесть. У меня иногда случаются приступы головокружения и становится дурно, когда я резко встаю из горизонтального положения. Но сейчас ничего подобного не было.

Я пребывал в очень странном сенсорном состоянии. Во многих отношениях мои органы чувств испытывали недостаток раздражителей: я не ощущал никаких запахов и, хотя имел понятие о том, что сижу, что означало наличие некоторого

чувства равновесия, я не чувствовал никакого ощутимого давления на заднюю поверхность бёдер и ягодицы. Однако органы зрения, атакованные новыми, невиданными цветами, едва справлялись с потоком сигналов. А если я смотрел на что-то однородное, скажем, на стену, то почти начинал различать решётку пикселов, из которых состояло поле моего зрения.

— Как самочувствие? — спросил Портер.

— Нормально, — ответил я. — Отлично!

— Я рад. Тогда, наверное, пришло время рассказать вам о секретных заданиях, которые вы должны будете выполнить.

— Что?!

— Ну, вы знаете. Бионические конечности. Шпионаж. Секретный агент-киборг и всё такое.

— Доктор Портер, я…

Брови доктора Портера ликующее заплясали.

— Простите. Полагаю, когда-нибудь мне это надоест, но пока я никак не могу удержаться. Единственным вашим заданием будет выйти из этого здания и вернуться к своей прежней жизни. Это значит, что вас нужно поставить на ноги.

Я кивнул и ощутил его руку у себя под мышкой. Снова ощущение было не такое, как обычное давление на кожу, но я, без сомнения, чётко осо-

знавал, где именно он меня касается. Он помог мне повернуться так, чтобы ноги свесились с края каталки, а потом с его помощью я принял вертикальное положение. Он подождал, пока я кивну в знак того, что со мной всё в порядке, и потом осторожно отпустил меня, оставив стоять на собственных ногах.

— Ну как? — спросил Портер.

— Нормально, — ответил я.

— Головокружение? Дурнота?

— Нет. Ничего такого. Но не дышать — это очень необычно.

Портер кивнул.

— Вы к этому привыкнете — хотя иногда могут случаться неожиданные приступы паники, когда мозг начинает орать: «Караул, мы не дышим!» — Он улыбнулся своей добродушной улыбкой. — Я бы посоветовал вам в подобных обстоятельствах сделать глубокий вдох и успокоиться, но вы, разумеется, не сможете. Так что просто подавляйте это ощущение или просто подождите, пока оно не пройдёт. Сейчас вы чувствуете панику из-за того, что не дышите?

Я подумал об этом.

— Нет. Нет, сейчас всё нормально. Хотя и странно.

— Выждите время. Нам некуда торопиться.

— Я знаю.

— Не хотите попытаться сделать шаг?

— Конечно, — ответил я.

Но прошло несколько секунд, прежде чем я воплотил слова в жизнь. Портер явно был наготове, чтобы подхватить меня, если я запнусь. Я поднял правую ногу, согнул в колене, приподнял бедро и перенёс тяжесть тела вперёд. Это был весьма неуверенный первый шаг, но он сработал. После этого я попытался поднять левую ногу, но она шагнула слишком далеко, и…

Да чтоб тебе…

Я обнаружил, что заваливаюсь вперёд, совершенно утратив равновесие, и что плитки пола, цвет которых был новым для меня — я даже не знал, как он называется, — несутся мне прямо в лицо.

Портер поймал меня за руку и снова поставил вертикально.

— Похоже, нам предстоит большая работа, — сказал он.

* * *

— Сюда, пожалуйста, мистер Салливан, — сказала доктор Киллиан.

Я подумал было о том, чтобы сбежать. Ну, то есть, что они могут мне сделать? Я хотел жить вечно, без висящей над моей головой судьбы худшей, чем смерть, но этого не будет. По крайней мере, не будет для *этого* меня. Я и моя тень: мы стремительно расходились. Она… нет, *он*, без сомнения, находился где-то в этом же здании. Но правила таковы, что я никогда в жизни его не увижу. Не столько для моей, сколько для его пользы: он должен считать себя истинным и единственным Джейкобом Салливаном, и если он будет видеть рядом с собой меня — плоть там, где у него пластик, кость там, где у него сталь, — ему будет трудно поддерживать эту иллюзию.

Таковы правила.

Правила? Лишь условия контракта, который *я* подписал.

Так что если бы я и правда сбежал…

Если я выбегу на улицу, в душную августовскую жару, сяду в свою машину и помчусь к себе домой, какие санкции за этим последуют?

Конечно, другой я рано или поздно тоже явится туда и захочет жить в этом доме как в своём.

Может быть, мы могли бы жить вместе. Как близнецы. Как горошины в стручке.

Но нет, так не получится. Подозреваю, что с

этим нужно родиться. Жить с другим мной? Но ведь я так чувствителен к тому, где что лежит, и кроме того, он не будет спать ночами, занимаясь одному богу известно чем, пока я пытаюсь заснуть.

Нет. Нет, обратной дороги нет.

— Мистер Салливан? — снова сказала Киллиан со своим певучим ямайским акцентом. — Сюда, пожалуйста.

Я кивнул и позволил ей вывести меня в коридор, которого раньше не видел. Пройдя по нему, мы очутились перед двустворчатой раздвижной дверью матового стекла. Киллиан дотронулась большим пальцем до контактной площадки сканера, и дверь раздвинулась.

— Пришли, — сказала она. — Когда мы завершим сканирование остальных, водитель отвезёт вас в аэропорт.

Я кивнул.

— Вы знаете, я вам завидую, — сказала она. — Избавиться от… от *всего*. Вы не пожалеете, мистер Салливан. Верхний Эдем прекрасен.

— Вы там бывали? — спросил я.

— О да, — ответила она. — Такой курорт, как этот, не открывают без подготовки. Мы репетировали две недели с руководством «Иммортекс»

в качестве жильцов, чтобы убедиться, что всё организовано идеально.

— И?

— У нас получилось. Вам там обязательно понравится.

— Да уж, — сказал я, отводя взгляд. Путей к отступлению не оставалось. — Не сомневаюсь в этом.

Глава 7

Я сидел в инвалидном кресле в кабинете доктора Портера, ожидая его возвращения. Как он сказал, я не первый мнемоскан, у которого возникли проблемы с ходьбой. Пусть так. Но я, вероятно, с бóльшим, чем у большинства людей, на то основанием ненавидел инвалидные коляски — потому что именно на такой возили моего отца. Я пытался избежать этой участи, но всё равно к ней пришёл.

Впрочем, я не слишком из-за этого переживал. Возбуждение от нового тела и новых цветов, которые стали видеть мои глаза, переполняло меня настолько, что я едва осознавал тот факт, что оригинальный я в этот момент уже, должно быть, находится на пути к Луне. Я желал ему удачи. Но я не должен был о нём думать и честно старался этого не делать.

В некотором смысле, конечно, проще было того меня попросту отключить.

Интересный подбор слов: другой я был биологическим существом, в отличие от этого. Но «отключить» — именно в таком виде эта мысль

пришла ко мне. В конце концов, вся эта канитель с фешенебельным домом престарелых на обратной стороне Луны была бы излишней, если бы от оригинала избавлялись бы сразу же, как только в нём пропадает нужда.

Но закон никогда бы такого не одобрил — даже канадский закон, не говоря уж о том, что к югу от границы. Да, я никогда не увижу своё другое «я», так что какая разница? *Я* — этот я, улучшенный, полноцветный Джейкоб Пол Салливан — был теперь истинным и единственным мной с текущего момента и до конца времён.

Наконец вернулся Портер.

— Я привёл кое-кого, кто может вам помочь, — сказал он. — У нас, разумеется, есть лаборанты, которые могли бы заниматься с вами ходьбой, но мне кажется, что она сможет вам помочь лучше. Полагаю, вы уже знакомы?

Со своего места в инвалидной коляске я видел вошедшую в кабинет женщину, но никак не мог узнать её лица. Она была не слишком красива, лет примерно тридцати, с коротко остриженными тёмными волосами, и…

И она была *искусственная*. Я не понимал этого, пока она не наклонила немного голову и свет по-особому не упал на неё.

— Здравствуйте, Джейк, — сказала она с приятным джорджийским выговором. Её голос был сильнее, чем раньше, и больше не дрожал. На ней было красивое летнее платье с цветочным узором; я же по-прежнему был одет в свой махровый халат.

— Карен? — сказал я. — Господи, только посмотрите на себя!

Она развернулась — похоже, она управлялась со своим новым телом безо всякого труда.

— Вам нравится? — спросила она. Я улыбнулся.

— Вы выглядите сногсшибательно.

Она рассмеялась; смех звучал немного искусственно, но это наверняка потому, что он генерировался голосовым чипом, а не из-за того, что был неискренним.

— О, я *никогда* не выглядела сногсшибательно. Так, — она развела руки в стороны, — я выглядела в 1990-м. Я подумывала о том, чтобы стать ещё моложе, но это было бы глупо.

— Тысяча девятьсот девяностый, — повторил я. — Это вам, получается…

— Тридцать, — не задумавшись, подсказала Карен. Но моя реплика удивила меня самого: я ведь прекрасно знал, что нельзя спрашивать женщину, сколько ей лет, и намеревался произ-

вести свои подсчёты молча.

— Это показалось мне разумным компромиссом между юностью и зрелостью, — продолжала она. — Сомневаюсь, что смогла бы убедительно изобразить себя такой пустоголовой, какой была в двадцать.

— Вы выглядите великолепно, — снова сказал я.

— Спасибо, — ответила она. — Вы, кстати, тоже.

Сомневаюсь, что моя синтетическая плоть способна краснеть, но почувствовал себя я именно так.

— Просто несколько небольших улучшений тут и там.

Доктор Портер вмешался:

— Я спросил мисс Бесарян, не позанимается ли она с вами немного. Видите ли, у неё в этих делах опыт даже больше, чем у наших лаборантов.

— В каких делах? — спросил я.

— В том, чтобы учиться ходить, будучи взрослым, — объяснила Карен.

Я непонимающе уставился на неё.

— После инсульта, — подсказала она, улыбнувшись.

— А, точно, — сказал я.

Её улыбка больше не была асимметричной. Последствия инсульта были аккуратно скопированы в наногеле нового мозга, но они, вероятно, применили какой-то электронный трюк, просто заставив левую половину её рта выполнять в точности те же движения, что и правая.

— Ну, тогда я вас оставлю на время, — сказал Портер и театральным жестом погладил себя по животу. — Может, ещё успею перехватить что-нибудь на ланч: вам-то есть теперь не нужно, а вот я уже успел проголодаться.

— И, кроме того, — сказала Карен, и я готов поклясться, что её синтетические зелёные глаза блеснули, — когда один мнемоскан помогает другому, это полезно для них обоих, верно? Даёт им понять, что есть другие, им подобные, и прогоняет ощущение подопытного кролика.

На лице Портера отразилось уважение.

— Я точно знаю, что вы не выбирали опцию рентгеновского зрения, — сказал он, — но видите меня насквозь. Вы прирождённый психолог.

— Я пишу романы, — сказала Карен. — Почти то же самое.

Портер улыбнулся.

— Ну, тогда, если позволите…

Он вышел из комнаты, а Карен, уперев руки в

боки, принялась осматривать меня.

— Итак, — сказала она, — у вас проблемы с ходьбой.

Она была не слишком высокого роста, но со своей инвалидной коляски я смотрел на неё снизу вверх.

— Ага, — ответил я, выразив в этом коротком слове смесь смущения и отчаяния.

— Не волнуйтесь на этот счёт, — сказала она. — Всё наладится. Вы можете научить свой мозг заставлять тело ему повиноваться. Поверьте, я знаю: не только потому, что у меня был инсульт, но и потому, что в Атланте, маленькой девочкой, я танцевала в балете, а это учит тело очень многим вещам. Ну что же, давайте приступим?

Всю мою жизнь я терпеть не мог просить помощи — почему-то думал, что это признак слабости. Но сейчас я о ней не просил: мне её предложили. И, приходилось признать, помощь и в самом деле была необходима.

— Э-э-э… конечно, — ответил я.

Карен хлопнула в ладоши. Я помнил, какие распухшие у неё раньше были суставы, как просвечивала кожа. Но сейчас её руки были молоды и сильны.

— Замечательно! — воскликнула она. — Мы

живо вернём вас в строй.

Она протянула мне правую руку и помогла встать. Портер дал мне тёмно-коричневую деревянную трость. Она стояла прислонённая к стене, и я указал на неё. Карен её мне подала, и я как-то сумел выйти из кабинета в длинный коридор. Флюоресцентные панели покрывали потолок. Я также заметил маленькие камеры наблюдения, свисающие с потолка через равные интервалы. Не было сомнения в том, что доктор Портер или его помощники следят за нами.

— Ну хорошо, — сказала Карен, становясь напротив меня. — Помните, что вы не можете пораниться при падении; для этого ваше тело слишком крепкое. Итак, давайте попробуем без трости.

Я прислонил трость к стене коридора, но как только отпустил её, она упала на пол. Не слишком добрый знак.

— Оставьте трость, — сказала Карен.

Я поднял левую ногу и тут же качнулся вперёд, ударив ею в пол. Затем быстро поднял правую и неуклюже махнул ею, словно она не сгибалась в колене.

— Обращайте внимание на то, как именно ваше тело реагирует, — сказала Карен. — Я знаю,

что ходьба — это то, что мы обычно делаем подсознательно, но попытайтесь распознать, какой именно эффект оказывает каждая ваша мысленная команда.

Я сумел сделать ещё пару шагов. Если бы я был по-прежнему из плоти и крови, я бы вспотел и тяжело дышал, но сейчас явно не выказывал никаких внешних признаков напряжения.

Тем не менее это была невероятно тяжёлая работа, и я всё время чувствовал, что вот-вот опрокинусь. Я остановился и замер, пытаясь восстановить равновесие.

— Я понимаю, что это трудно, — сказала Карен. — Но обязательно станет легче. Это как учить иностранные слова: *такая* мысль приводит к *такому* действию, а такая — оп! Глядите-ка: в этот раз бедро двигалось как надо. Попытайтесь в точности воспроизвести эту мысленную команду.

Я снова попытался двинуть левую ногу вперёд, перенёс на неё вес, потом шагнул правой ногой. В этот раз мне удалось немного согнуть её в колене, но она всё равно качнулась слишком сильно.

— Вот, — сказала Карен. — Вот так хорошо. Ваше тело хочет делать правильные вещи; вам лишь нужно объяснить ему как.

Я бы фыркнул, но этого своим новым телом

тоже еще не умел делать. Коридор был пугающе длинным, его стены сходились, казалось, в целых километрах от меня.

— Теперь, — сказала Карен, — попробуйте ещё один шаг. Сосредоточьтесь — посмотрим, сможете ли вы удержать правую ногу под контролем.

— Я *стараюсь*, — раздражённо сказал я.

— Я знаю, что вы стараетесь, Джейк, — мягко ответила она.

Это была тяжёлая умственная работа, похожая на вспоминание чего-то, что буквально вертится на языке, только помноженная на тысячу по сложности.

— Вы делаете успехи, — сказала она. — Правда-правда.

Карен шла лицом ко мне спиной вперёд, отступая на полшага зараз. Я на секунду задумался, как давно она в последний раз ходила спиной вперёд. Пожилая женщина, панически боящаяся переломов, наверняка ходит очень аккуратно, маленькими шаркающими шажками и лицом вперёд — всегда глядя под ноги.

Я заставил себя сделать ещё один шаг, потом ещё один. Несмотря на стремление «Иммортекс» в точности воспроизвести размеры моих конечностей, я чувствовал, что центр тяжести

моего туловища расположен выше, вероятно вследствие отсутствия лёгочной полости. Совсем чуть-чуть, но из-за этого я ещё больше заваливался вперёд.

И в этот момент я осознал, что размышляю о чём-то постороннем вместо того, чтобы думать о том, как ставить ноги одну впереди другой, — а значит, моё подсознание и сознание достигли по крайней мере частичного согласия относительно механики моей ходьбы.

— Браво! — воскликнула Карен. — У вас отлично получается!

В свете флуоресцентных панелей она выглядела особенно искусственно: на коже сухой пластиковый блеск и глаза не влажные, а просто блестящие, хотя, должен отметить, очень приятного зелёного оттенка.

Мы продолжили, шаг за спотыкающимся шагом. Я воображал, что, обернувшись, увижу бегущую за мной толпу крестьян с факелами.

— Вот так, — сказала Карен. — Просто идеально!

Ещё шаг, ещё…

Левая нога двинулась не совсем так, как я того хотел…

— *Чтоб…*

Левая лодыжка подвернулась…

— *…тебе…*

Моё туловище заваливается вперёд всё дальше и дальше…

— *…провалиться!*

Карен метнулась вперёд и легко подхватила меня руками до того, как я впечатался лицом в пол.

— Спокойно, спокойно, — сказала она, без труда удерживая меня на весу. — Всё хорошо.

Я был унижен и взбешён. Я злился на «Иммортекс» и на себя. Я резко высвободился из рук Карен и заставил себя принять вертикальное положение. Я не любил просить о помощи — но ещё больше не любил терпеть неудачу у других на глазах; это было плохо вдвойне, потому что за нами наверняка следили через камеры наблюдения.

— Наверное, пока хватит, — сказала она, придвигаясь ко мне сбоку и обхватывая меня за пояс. С её поддержкой я дохромал до оставленной позади трости и взял её.

Глава 8

Когда я был ребёнком, даже и не думал, что в Торонто когда-нибудь появится космопорт. Но теперь космопорт был почти в каждом городе, по крайней мере *потенциально*. Космопланы могут взлетать и садиться на любом аэродроме, пригодном для широкофюзеляжных авиалайнеров.

Коммерческий полёт в космос — это забавная вещь с точки зрения юрисдикции. Космоплан, на который мы садились, вылетит из Торонто и вернётся опять же в Торонто; он не будет посещать никакое иностранное государство, хотя будет пролетать над многими из них на высоте более трёхсот километров. Однако технически это был внутренний перелёт, и поскольку в конечном счёте мы направлялись, — правда, уже на другом корабле — на Луну, где правительство отсутствует, нам не требовался паспорт. И это было очень кстати, потому что паспорта мы оставили своим… скажем, «сменщикам». Это слово не хуже любого другого.

К тому времени, как мы явились в зал отлёта, пассажирский тоннель уже подсоединили к

космоплану.

Наш космоплан являл собой одно гигантское дельтовидное крыло. Двигатели были смонтированы на его верхней стороне, а не снизу, должно быть, чтобы защитить их при входе в атмосферу. Сверху корпус был выкрашен в белый цвет, снизу — в чёрный. В нескольких местах виднелся логотип «Североамериканских авиалиний», и у космоплана также было собственное имя, нанесённое курсивом у передней вершины треугольника, — «Икар». Интересно, что за мифологически неграмотный носитель пиджака его выбирал?..

Сегодняшним рейсом отбывало десять пассажиров, связанных с «Иммортекс», а также ещё восемнадцать человек, направляющихся на орбиту с другими целями: по большей части это были туристы, судя по услышанным мной обрывкам разговоров. Среди десятерых иммортексовцев шестеро были *кожурой* (термин, который я подслушал, и подозреваю, он не предназначался для моих ушей), а четверо — сотрудниками, летевшими на смену тем, кто уже находился в Верхнем Эдеме.

Мы расселись по номерам мест, как в обычном самолёте. Моё место находилось в восьмом ряду

у окна. Рядом со мной оказался один из сотрудников. Это был парень лет тридцати с веснушчатым лицом того типа, который, как мне говорили, сочетается с рыжими волосами, хотя относительно цвета его волос у меня уверенности не было.

Моё кресло было тем самым, особенным, которое описывал Сугияма во время своей презентации: покрытое эргономической рельефной обивкой, заполненной каким-то амортизирующим гелем. Я хотел было возразить, что мне специальное кресло не нужно: у меня-то кости совсем не хрупкие, — но свободных мест на борту не оставалось, так что в этом не было никакого смысла.

На самолётах инструктаж по безопасности делается в основном для галочки; здесь же мы провели где-то час и сорок пять минут, слушая и принимая участие в различного рода демонстрациях, по большей части связанных с пребыванием в невесомости. К примеру, там был приёмник для рвотных масс со встроенным всасывателем, которым мы должны — нет, *обязаны* — были воспользоваться в случае, если нас укачает; по-видимому, в микрогравитации задохнуться собственной блевотиной было проще простого.

Наконец пришло время взлёта. Огромный космоплан отстыковался от рукава и направился к взлётной полосе. Я видел, как над ней струится горячий воздух. Мы очень, очень быстро покатились по полосе и перед самым её краем резко ушли вверх. Внезапно я обрадовался тому, что у меня кресло с амортизацией.

Я посмотрел в иллюминатор. Мы летели на восток, что означало, что мы пройдём над самым центром Торонто. Я бросил последний взгляд на Си-Эн Тауэр, «Скайдом», аквариум и башни небоскрёбов.

Мой дом. Место, где я вырос. Место, где по-прежнему жили мои мама и папа.

Место…

В глазах защипало.

Место, где по-прежнему жила Ребекка Чонг.

Место, которое я больше никогда не увижу.

Тем временем небо уже начало темнеть.

* * *

Вскоре я начал осознавать социальные неудобства пребывания в искусственном теле. Биология предоставляла благовидные предлоги: я хочу есть, я устал, мне надо в туалет. Всё это исчезло, по крайней мере, в случае данной конкретной

модификации тел. Да и зачем бы «Иммортексу» делать нечто подобное? Разве кто-нибудь в здравом уме хочет чувствовать усталость? Это было бы неудобно в лучшем случае, а в худшем — опасно.

Я всегда считал себя более-менее честным человеком. Однако сейчас стало совершенно очевидно, что я был постоянным производителем мелкой безвредной лжи. Я пользовался правдоподобными отговорками — «я, похоже, устал» — для того, чтобы избежать неприятных или скучных занятий; пока был биологической сущностью, оперировал целым репертуаром таких фраз, которые позволяли элегантно выйти из социальных ситуаций, в которых мне не хотелось находиться. Но теперь ни одна из них не прозвучала бы убедительно, в особенности для другого *загруженного*. Я был унижен своей неспособностью ходить и страстно желал убраться из-под опеки этой бабушки в оболочке тридцатилетней женщины, но никак не мог найти приличной отговорки.

К тому же мы должны были оставаться здесь ещё три дня для обследований: сегодня вторник, так что до пятницы мы отсюда не выйдем. У каждого из нас была своя маленькая комнатка — что характерно, с кроватью, хотя нам-то она была не

нужна. Но я очень, очень хотел забраться в неё и остаться наконец в одиночестве. На мне по-прежнему был тот же махровый халат. И я опирался на трость, возвращаясь назад по коридору, который только что меня победил.

Карен пыталась мне помочь, но я отстранился, отвернулся и всю дорогу смотрел в сторону, на ближайшую стену. Карен, судя по всему, смотрела в том же направлении, потому что прокомментировала вид из окна, мимо которого мы проходили.

— Кажется, дождь собирается, — сказала она. — Интересно, мы ржавеем?

В другое время я бы рассмеялся шутке, но сейчас был слишком пристыжен, рассержен на себя и на «Иммортекс». Так или иначе, от меня ожидался хотя бы какой-нибудь ответ.

— Будем надеяться, что грозы не будет, — сказал я. — Я не надел громоотвод.

Карен рассмеялась громче, чем моя шутка того заслуживала. Мы шли дальше.

— Ещё мне интересно, сможем ли мы плавать, — сказала она.

— Почему нет? — отозвался я. — На самом-то деле нас вряд ли берёт ржавчина.

— О, я знаю. Я имею в виду плавучесть. Люди

так хорошо плавают, потому что они легче воды. Но эти тела, возможно, в воде тонут.

Я уважительно посмотрел на неё:

— Даже не задумывался над этим.

— Это будет настоящим приключением, — сказала она, — исследовать возможности и ограничения наших тел.

В этот раз я как-то ухитрился фыркнуть, звук получился механический и странный.

— Не любите приключения? — спросила Карен. Мы продолжали идти по коридору.

— Я… Не уверен, что у меня было хотя бы одно.

— О, конечно же, было, — ответила Карен. — Вся *жизнь* — это приключение.

Я начал вспоминать всё, что делал в юности: женщин, с которыми спал, инвестиции, разумные и безумные, сломанные кости и разбитые сердца.

— Пожалуй, так, — согласился я.

Коридор расширился, превратившись в большую комнату отдыха с торговыми автоматами, газировкой, кофе и бутербродами. Должно быть, он предназначался для персонала, а не для клиентов-мнемосканов, но Карен жестом предложила войти. Возможно, она устала…

Нет, конечно. Разумеется, она не могла устать.

Однако к тому времени, как я это сообразил, мы уже вошли. Там было несколько мягких стульев и маленькие столики. Карен села на один из стульев, тщательно расправив на коленях своё цветастое платье. Потом указала мне на другой стул. Опираясь на трость для сохранения равновесия, я осторожно опустился на него; сев, я поставил трость прямо перед собой.

— Итак, — сказал я, — что же у вас были за приключения?

Какое-то время она не отвечала, и я забеспокоился. Я вовсе не хотел подвергать сомнению её предыдущее утверждение, но, боюсь, в моём вопросе прозвучал некий вызов, требование подтвердить свои слова.

— Простите, — сказал я.

— О нет, — ответила Карен. — Ничего такого. Просто их так *много*. Я была в Антарктиде, и в Серенгети, ещё когда там водилась крупная живность, и в Долине Царей…

— Да неужели? — удивился я.

— Конечно. Я люблю путешествовать. А вы?

— Думаю, я тоже, правда…

— Да?

— Я никогда не был за пределами Северной Америки. Видите ли, я не могу — не мог — летать.

Доктора опасались, что перепады давления в самолёте могут спровоцировать синдром Катеринского. Вероятность очень маленькая, но доктор сказал, что я не должен рисковать, разве что если поездка абсолютно необходима.

Я на мгновение подумал обо мне другом, направляющемся на Луну; это путешествие он почти наверняка переживёт. Космопланы полностью герметичны, и атмосферное давление внутри них не меняется.

— Обидно, — сказала Карен, но потом её лицо просветлело. — Зато теперь вы можете поехать куда захотите.

Я горько усмехнулся.

— Поехать! Господи, да я же едва хожу…

Механическая рука Карен легко коснулась моей.

— О, вы научитесь. Обязательно! Люди могут всё. Помню, как я познакомилась с Кристофером Ривом, и он…

— Кто это?

— Он играл Супермена в четырёх фильмах. Боже, как он был красив! Когда я была подростком, постер с ним висел у меня над кроватью. Много лет спустя он упал с лошади и повредил позвоночник. Говорили, что он никогда больше

не сможет дышать самостоятельно, но он смог.

— И вы познакомились с ним?

— Ага. Он написал книгу о том, что с ним произошло; у нас тогда был один издатель, и мы вместе оказались на банкете на «BookExpo America». Он так меня вдохновлял!

— Вау, — сказал я. — Полагаю, будучи знаменитым писателем, вы встречались с множеством интересных людей.

— Ну, я вспомнила Кристофера Рива не для того, чтобы похвастаться…

— Я понимаю, понимаю. Но с кем ещё вы были знакомы?

— Давайте посмотрим… какие имена могут что-нибудь значить для человека вашего возраста? Ну, я встречалась с королём Карлом перед самой его смертью. С нынешним папой и с тем, кто был перед ним. С Таморой Ын. Шарлиз Терон. Стивеном Хокингом. Моше…

— Вы встречались с Хокингом?

— Да. Когда была на чтениях в Кембридже.

— Вау! — снова сказал я. — И какой он был?

— Очень ироничный. Остроумный. Конечно, общение было для него пыткой, но…

— Но какой умище! — воскликнул я. — Абсолютный гений.

— Это да, — согласилась Карен. — А вы любите физику?

— Мне нравятся великие идеи — в физике, философии, где угодно.

— Правда? — Карен улыбнулась. — Тогда у меня есть для вас анекдот. Знаете такой, когда Вернера Гейзенберга останавливает дорожный патруль за превышение скорости?

Я покачал головой.

— Так вот, — продолжила она, — коп говорит: «Вы в курсе, с какой скоростью ехали?!» А Гейзенберг тут же отвечает: «Нет, зато я точно знаю, где я!»

Я расхохотался.

— Это сильно! Погодите — я тоже один вспомнил. Знаете про Эйнштейна в поезде?

Теперь была очередь Карен качать головой.

— Пассажир к нему подходит и спрашивает: «Простите, мистер Эйнштейн, Нью-Йорк останавливается в этом поезде?»

Карен засмеялась.

— Думаю, мы с вами подружимся, — заявила она. — А вы профессиональный физик?

— Что вы! Я для этого слишком плох в математике. Хотя отучился два года в Университете Торонто.

— И?

Я слегка приподнял плечи.

— Вы в Канаде часто бываете?

— Время от времени. Не каждый год.

— А пиво вы пьёте?

— Когда была помоложе, — ответила Карен. — Но больше не пью. В смысле, даже в старом теле не могла — последние лет десять или больше.

— Вы слышали про «Салливан Селект»? Или «Олд Салли Спешл Дарк»?

— Конечно, слышала. Очень… А-а! Вот оно что! Вы ведь Джейкоб Салливан, верно? Ваше семейное дело?

Я кивнул.

— Так, так, так… — сказала Карен. — Значит, я тут не одна инкогнито.

Я грустно улыбнулся.

— Карен Бесарян заработала себе состояние. Я же своё просто унаследовал.

— И всё же, — возразила она, — это, наверное, было здорово. В молодости мне вечно не хватало денег. Даже иногда приходилось наведываться в продовольственные банки [9]. Это, должно быть,

---

[9] Notes: 9

Благотворительные организации, принимающие от производителей и поставщиков продовольственные товары с истекающим сроком годности и распределяющие их среди нуждающихся.

очень расслабляет — знать, что у тебя никогда не будет проблем с деньгами.

Я снова повёл плечами.

— Это палка о двух концах. С одной стороны, когда я пошёл в университет, мог изучать всё, что мне заблагорассудится, и не беспокоиться о том, как это вяжется с моей будущей профессией. Я, наверное, единственный во всём кампусе ходил одновременно на квантовую физику, историю драмы и введение в философию досократиков [10].

Карен вежливо усмехнулась.

— Да, — сказал я. — Это было весело: чуть того, чуть этого. Но обратная сторона богатства состояла в том, что ты не ожидаешь, что к тебе будут относиться как к мусору. Университет Торонто ценится среди аспирантов, но студентов там производят как штамповку на заводе. Скажем так, если каждый день ходишь в Салливанскую библиотеку и твоя фамилия Салливан, то не ожидаешь, что об тебя там будут вытирать ноги.

— Могу себе представить, — сказала Карен. —

---

[10] Notes: 10

Условное, принятое уже в Новейшее время название древнегреческих философов периода VII–V вв. до н. э., а также их преемников IV в. до н. э., творивших вне русла аттической сократической и софистической традиций.

Мне никогда не нравилось говорить про себя «богатая»; это звучит как будто я хвастаюсь. Хотя все клиенты «Иммортекс» богаты, так что какая разница? Но, конечно же, я никогда не предполагала, что разбогатею. В том смысле, что большинству писателей это не удаётся; у нас очень тяжёлое ремесло, и мне очень, очень повезло. — Она сделала паузу, и её искусственные глаза снова блеснули. — Знаете, в чём разница между большой пиццей пеперони и большинством профессиональных писателей?

— В чём?

— Большой пиццей можно накормить семью из четырёх человек.

Я рассмеялся, и она тоже.

— Так или иначе, — продолжила она, — я начала богатеть лишь когда мне было под пятьдесят. Только тогда мои книги стали хорошо расходиться.

Я пожал плечами.

— Если бы мне пришлось ждать пятидесяти, чтобы разбогатеть, то меня бы здесь не было. Мне всего лишь сорок четыре.

Всего лишь. Боже, я никогда раньше не думал об этом «всего лишь».

— Не поймите меня неправильно, но сейчас

я, скорее, рада, что мне довелось начать жизнь в бедности.

— Полагаю, это закаляет характер, — сказал я. — Но я не просил своего богатства. На самом деле бывали времена, когда я ненавидел и его, и всё, связанное с моей семьёй. Пиво! Господи, какая социальная ответственность может быть в варке пива?

— Но вы сказали, что ваша семья подарила университету библиотеку.

— Ага. Купила себе бессмертие. Это…

Я замолк, и Карен выжидающе на меня посмотрела. Через секунду я снова пожал плечами.

— Это как раз то, что только что сделал я, верно? — Я покачал головой. — Ну да ладно. Так или иначе, это иногда бьёт в голову — иметь много денег, когда ты молод. Я… гм… в молодости я был не самым лучшим человеком на свете.

— Пэрис-наследница, — сказала Карен.

— Кто?

— Пэрис Хилтон, внучка отельного магната. Вы, должно быть, ещё под стол ходили, когда она ненадолго прославилась. Она… ну, я думаю, она была вроде вас: унаследовала состояние, в двадцать стала миллиардершей. Она вела, как это говорится у нас, писателей, разгульную жизнь.

— «Пэрис-наследница», — повторил я. — Красиво звучит [11].

— А вы были бы Джейк-гуляка.

Я засмеялся.

— Да, похоже. Вечеринки, девушки. Но…

— Что?

— Довольно тяжело определить, действительно ли *ты* нравишься девушке, когда ты богат.

— О, об этом мне можете не рассказывать. Мой третий муж был как раз такой.

— Правда?

— Клянусь. Слава богу, существуют брачные контракты. — Она произнесла это легко. Если она и испытывала по этому поводу горечь, прошло, должно быть, достаточно времени, чтобы Карен могла об этом шутить. — Вам следовало встречаться с женщинами, которые уже были богаты.

— Надо полагать. Но, знаете, даже… — Чёрт, я вовсе не собирался говорить это вслух.

— Что?

— Ну, никогда не знаешь о людях, что они на самом деле думают. Даже до того, как я стал богат, я… была одна девушка, её звали Трисси, и я думал… я думал, мы…

---

[11] Notes: 11

На английском эти слова рифмуются — Paris the Heiress, так же как Джейк-гуляка — Jake the Rake.

Карен приподняла искусственную бровь, но ничего не сказала. Было понятно, что если я не хочу, то могу не продолжать. А я, к своему изумлению, хотел.

— Она будто бы была такой же, как я. И я влюбился в неё по уши. Мне было… да, где-то около шестнадцати. Но когда я пригласил её на свидание, она лишь засмеялась. Фактически расхохоталась мне в лицо.

Рука Карен на секунду коснулась моего запястья.

— Бедняжка, — сказала она. — А сейчас вы женаты?

— Нет.

— Были раньше?

— Нет.

— Так и не встретили подходящую?

— Э-э-э… не совсем так.

— О?

И снова, к своему собственному удивлению, я продолжил говорить:

— То есть была (собственно, есть) одна женщина. Ребекка Чонг. Но вы понимаете: в моём положении я…

Карен сочувственно кивнула. А потом, как мне показалось, решила немного разрядить обста-

новку.

— Впрочем, — сказала она, — вам не обязательно дожидаться, пока подходящая кандидатура появится на вашем горизонте. Если бы я так делала, то упустила бы своих первых трёх мужей.

Не уверен, взметнулись ли мои искусственные брови в удивлении, но если бы я был сейчас в старом теле, это бы, несомненно, произошло.

— Сколько раз вы были замужем?

— Четыре. Мой последний муж, Райан, умер два года назад.

— Простите.

Её голос был полон печали.

— Мне его не хватает.

— У вас есть дети?

— М-м-м… — Она помедлила. — Только один. — Снова пауза. — Только один жив сейчас.

— О, мне так жаль.

Она кивнула.

— А у вас, я так понимаю, детей нет?

Я покачал головой и указал на своё искусственное тело.

— Нет, и теперь уже, наверное, и не будет.

— Уверена, что вы были бы замечательным отцом, — улыбнулась Карен.

— Мы никогда не…

Чёрт бы побрал эти искусственные тела. Я подумал очевидную, проникнутую жалостью к самому себе мысль, но вовсе не собирался произносить её вслух. Как и раньше, мне удалось её подавить лишь после того, как несколько слов уже оказались сказаны.

— Спасибо, — сказал я. — Спасибо вам.

Пара сотрудников «Иммортекс» вошла в комнату отдыха — белая женщина и мужчина-азиат. Они удивились, обнаружив нас здесь.

— Не будем вам мешать, — сказала им Карен, поднимаясь на ноги. — Мы уже уходим.

Она протянула мне руку, чтобы помочь встать. Я машинально взялся за неё и в ту же секунду оказался на ногах: Карен подняла меня без видимого усилия.

— У нас был долгий день, — сказала мне Карен. — Уверена, что вам хочется вернуться в свою комнату. — Она запнулась, словно сообразив, что я, разумеется, никак не мог устать, и добавила: — Ну, чтобы во что-нибудь переодеться и всё такое…

Вот он — прекрасный повод, предлог, который я безуспешно искал раньше, для того чтобы вежливо удалиться, не нарушая приличий; предлог, которого отсутствие потребности в еде, сне

и отдыхе меня лишило. Но я больше не хотел уходить.

— Вообще-то, — сказал я, глядя на неё, — я бы хотел ещё потренироваться в ходьбе, если вы, конечно, не откажетесь мне помочь.

Карен улыбнулась так широко, что у неё, наверное, заболело бы лицо, будь оно из плоти и крови.

— С удовольствием, — сказала она.

— Здорово, — ответил я, и мы двинулись к выходу в коридор. — Заодно ещё поболтаем.

Глава 9

Космоплан всё ещё поднимался. Я думал, что постоянное ускорение окажется неприятным, но всё было нормально. За окном далеко внизу виднелись отблески Атлантического океана. Я повернул голову, чтобы посмотреть внутрь салона, и предположительно рыжеволосый парень, сидящий рядом со мной, воспользовался шансом завязать разговор.

— Так кем вы работаете?

Я взглянул на него. На самом-то деле я не работал, но у меня был достаточно правдивый ответ.

— Я по части управления состоянием.

Он наморщил веснушчатый лоб.

— «Иммортексу» потребовался на Луне управляющий состоянием?

Тут я понял, что его так озадачило.

— Я не сотрудник «Иммортекс», — сказал я. — Я клиент.

Его светлые глаза изумлённо расширились.

— О! Простите.

— Да не за что, — ответил я.

— Просто вы самый молодой клиент из всех,

что я видел.

Я улыбнулся, постаравшись, чтобы улыбка не выглядела приглашением к дальнейшему разговору.

— Всегда был торопыгой.

— Ясно, — сказал он. Потом протянул руку, такую же веснушчатую, как и его лицо. — Квентин Эшберн.

Я пожал её.

— Джейк Салливан. — Мне не хотелось больше говорить о себе, поэтому я спросил: — А вы, Квентин, чем занимаетесь?

— Обслуживаю лунобус.

— Лунобус?

— Это такой транспорт для дальних поездок, — объяснил Квентин. — Ну, не совсем поездок, на самом деле он летает на малой высоте. На Луне это лучший способ быстро покрывать большие расстояния. Вы поедете на таком, когда мы прибудем на Луну: корабль с Земли довезёт нас только до видимой стороны.

— Да, я вроде читал об этом.

— О, лунобусы — такая интересная штука! — сказал Квентин.

— Не сомневаюсь.

— На Луне нельзя летать на самолётах, потому

что…

— Потому что там нет воздуха, — сказал я.

Квентин, явно немного задетый тем, что его песне наступили на горло, тем не менее продолжил:

— Поэтому вам нужен другой способ добираться из точки А в точку В.

— Надо полагать, — сказал я.

— Так вот, лунобус — он ракетный, понимаете? Что характерно, вместо того чтобы отравлять атмосферу, мы *даём* Луне атмосферу — неуловимо тонкую, разумеется, — состоящую из ракетных выхлопов. Сейчас на Луне используется моногидразин…

Я понял, что путешествие обещает быть очень долгим.

* * *

С помощью Карен Бесарян я постепенно овладевал премудростью ходьбы на новых ногах. Я всегда был нетерпелив; вероятно, мысль о том, что у меня не так много времени, этому способствовала. Конечно, Карен, в её восемьдесят с лишним, тоже, должно быть, чувствовала, что её дни сочтены. Но она, по-видимому, практически сразу свыклась с мыслью о том, что стала более

или менее бессмертной, тогда как я пока не избавился от чувства, что время не ждёт.

Ну да ладно. Уверен: переход рано или поздно произойдёт. В конце концов, это старые люди — закоснелые рабы привычек, а не парни вроде меня. Говорят, что тебе столько лет, на сколько ты себя чувствуешь. Карен сейчас определённо не чувствовала себя старой, а возможно, и никогда.

Кроме меня и Карен новые тела в тот же день получили ещё четверо. Наверняка они были на той же презентации, что и мы, но я там не разговаривал ни с кем, кроме Карен, а лица этих людей сейчас были настолько моложе тех, с которыми мы предположительно виделись, что я никого из них не узнал. Все мы должны были провести здесь первые три дня, проходя физическое и психологическое тестирование — «диагностику аппаратного и программного обеспечения», как сказал один из служащих «Иммортекс» доктору Портеру, который в ответ наградил подчинённого очень неодобрительным взглядом.

Мне доставило удовольствие видеть, что не у одного меня были проблемы с ходьбой. Одна девушка — да, чёрт возьми, на вид ей было лет шестнадцать — так и ездила в инвалидной коляске.

Клиенты «Иммортекс» могли, разумеется, выбрать для своего нового тела любой возраст. Реконструкция делалась на основе двумерных фото — будь эта девица Карен, ей было бы шестнадцать в середине семидесятых, эпохи взбитых причёсок и синих теней для глаз. Но кем бы она ни была, она не пыталась вернуться в семидесятые: её волосы были коротко острижены и завиты в тугие кудряшки по современной моде, а на лице у неё была ярко-розовая полоса от виска до виска через переносицу — такой макияж предпочитала нынешняя молодёжь.

Кроме неё среди сегодняшних мнемосканов были ещё две женщины. Трое из четверых были белыми. Как и Карен, они решили выглядеть лет на тридцать, что означало, что эти люди, возрастом значительно старше меня, теперь выглядели заметно моложе, чем я. Оставшийся четвёртый загруженный был чернокожим. Он выбрал умудрённое опытом лицо лет примерно пятидесяти. Вообще-то, если подумать, он был похож на Уилла Смита; интересно, его оригинал на самом деле так выглядел или он заказал себе новое лицо?

Карен болтала с другими женщинами. Она, по-видимому, была знакома с по меньшей мере одной из них по делам благотворительности.

Полагаю, было естественно, что четыре пожилые леди решили провести время вместе. Из чего следовало, что мне оставалось общество единственного мужчины.

— Малкольм Дрэйпер, — сказал он, протягивая громадную ладонь.

— Джейк Салливан, — сказал я, пожимая её.

Никто из нас не стал начинать глупую мужскую игру, демонстрируя силу рукопожатия, — что, вероятно, было к лучшему с нашими новыми роботизированными руками.

— Откуда вы, Джейк?

— Отсюда. Из Торонто.

Малкольм кивнул.

— Я из Нью-Йорка. Манхэттен. Но там, разумеется, таких услуг не получишь. Чем вы занимаетесь?

Этого вопроса я всегда терпеть не мог. Вообще-то я *ничем* не занимался, по крайней мере, для пропитания.

— Инвестициями, — ответил я. — А вы?

— Я адвокат. У вас здесь их называют стряпчими?

— Только в очень формальном контексте. Адвокат, поверенный.

— Ну, вот я это самое и есть.

— По какого рода делам? — спросил я.

— Гражданские свободы.

Я дал мысленную команду своему лицу принять уважительное выражение, но не знаю, что на самом деле на нём отразилось.

— И как бизнес?

— В нынешнем-то политическом климате? Масса дел, очень мало выигранных. Из окна моего офиса видна статуя Свободы — но её уже пора переименовать в статую «Делайте в точности то, что правительство велит». — Он покачал головой. — Я потому и пошёл на мнемоскан, понимаете? Людей моего поколения осталось не так много; людей, которые помнят, каково это — иметь гражданские свободы. До внутренней безопасности, до Литтлера против Карви, до того, как в каждый доллар и каждый товар встроили RFID-чип, по которому их можно отследить… Если мы дадим старым добрым временам изгладиться из памяти живущих — мы уже никогда не сможем их вернуть.

— То есть вы собираетесь и дальше практиковать? — спросил я.

— Да, конечно, если попадётся достаточно интересное дело. — Он полез в карман. — Вот, возьмите мою карточку, вдруг понадобится?

* * *

Невесомость оказалась просто восхитительна.

Некоторые старики опасались её и оставались крепко пристёгнутыми к своим эрго-креслам. Но я отстегнул ремни и поплыл по салону, легко отталкиваясь от стен, пола и потолка. Нам всем перед отлётом сделали инъекцию против тошноты, и она сработала отлично, по крайней мере, в моём случае. Я обнаружил, что могу непрерывно кувыркаться, и при этом голова кружиться не начинает. Стюард показал нам несколько фокусов, в частности, как вода собирается в висящий в воздухе шар. Также он продемонстрировал, как трудно бросить что-нибудь и попасть в цель — мозг отказывается верить, что брошенный предмет полетит по прямой, и постоянно берёт выше цели, чтобы учесть влияние силы тяжести.

Карен Бесарян тоже наслаждалась невесомостью. Салон был полностью покрыт изнутри чёрными пенопластовыми пирамидками, которые я поначалу принял за звукоизоляцию, но теперь понял, что на самом деле они должны были смягчать удары о стены. Тем не менее Карен была довольно осторожна и не пыталась повторять те трюки, которые выделывал я.

— Если вы посмотрите в иллюминаторы правого борта, — сказал стюард, — то увидите Международную космическую станцию.

Я в этот момент оказался вниз головой, и, оттолкнувшись от стены, поплыл к левому борту.

— Другого правого борта, мистер Салливан, — невозмутимо поправил меня стюард.

Я виновато улыбнулся и оттолкнулся от стены ладонью. Отыскав свободное место у окна, я выглянул наружу. Международная космическая станция — вся из цилиндров и прямых углов — была уже несколько десятков лет как покинута. Слишком большая для того, чтобы её можно было без проблем сбросить в океан, она оставалась на орбите благодаря регулярным коррекциям. Последний астронавт, покинувший станцию, оставил две руки-манипулятора канадского производства сомкнутыми в рукопожатии.

— Примерно через десять минут мы начнём стыковку с лунным кораблём, — объявил стюард. — На время стыковки вы снова должны пристегнуться. Не беспокойтесь, у вас будет три полных дня невесомости на пути к Луне.

На пути к Луне…

Я покачал головой.

На моём пути к долбаной Луне.

Глава 10

Было далеко за полночь. Доктор Портер давно ушёл домой, но вокруг было множество других работников «Иммортекс», готовых позаботиться о любых наших нуждах. Правда, таковых у нас теперь было немного.

Мы не ели, так что не было смысла накрывать для нас шведский стол. Я должен был подумать об этом, должен был устроить себе специальную прощальную трапезу непосредственно перед сканированием. Конечно, в «Иммортекс» ничего такого не предлагали — думаю, из-за того, что последней трапезой наслаждается обычно приговорённый, а не освобождённый.

Мы также и не пили, так что открывать для нас бар тем более не было смысла. Я ощутил укол совести, осознав, что не помню, когда последний раз пил «Салливан Селект»… а теперь уже никогда больше его не попробую. Мой дедушка — сам Старый Салли, — вероятно, перевернулся в гробу при мысли о том, что наследник его династии променял пиво на что-то ещё, пусть даже на бессмертие.

И самое потрясающее — мы не спали. Как часто я сетовал, что в сутках слишком мало часов! Теперь же казалось, что их стало слишком много.

Мы, маленькая группа новозагруженных, должны были провести ночь вместе в этой гостиной: по-видимому, с первой ночью у многих были связаны самые большие трудности. Двое иммортексовских терапевтов держались поблизости, а также некто вроде сухопутного эквивалента директора круиза — человек, устраивающий развлечения и следящий за тем, чтобы для каждого нашлось занятие. Непрерывно бодрствовать, никогда не уставать и *не хотеть* спать — серьёзное изменение даже для тех, кто из-за преклонного возраста спал плохо и не больше пяти или шести часов в день.

Две из загруженных сегодня женщин болтали о чём-то, мне неинтересном. Третья женщина и Дрэйпер играли в «Эрудит» на стенном мониторе, но вопросы касались времён их молодости, и я не знал на них ответов.

Так что я опять проводил время за разговорами с Карен. Отчасти это была *благотворительность* с её стороны: она понимала, что я оказался в положении рыбы, выброшенной на берег. Я даже почувствовал необходимость как-то это

прокомментировать, когда мы вышли наружу и оказались в окружающем здание «Иммортекс» парке, залитом светом растущей луны.

— Спасибо за то, что проводите со мной столько времени, — сказал я.

Карен улыбнулась своей исправленной, идеально симметричной улыбкой.

— Не говорите глупостей, — ответила она. — С кем ещё я могла бы поговорить о физике и философии? Кстати, вспомнила ещё один анекдот. Рене Декарт заходит в бар и заказывает выпивку. Бармен ему наливает. Рене какое-то время пьёт и в конце концов выпивает всё, и бармен спрашивает его: «Ну что, выпьете ещё?» На что Декарт отвечает: «Не думаю», — и исчезает.

Я засмеялся и, хотя мой новый смех звучал для меня странно, почувствовал себя очень хорошо. Обычно в августе по ночам тучи комаров, и я быстро осознал ещё одно преимущество искусственного тела: нас никто не кусал.

— Но знаете, — сказал я, — мне на самом деле странно, что нам не нужно спать. Я считал, что это необходимо для консолидации накопленных за день впечатлений.

— Распространённое заблуждение, — заявила Карен; и эти слова, произнесённые с её джор-

джийским акцентом, не звучали снисходительно. — Это не так. Консолидация впечатлений действительно требует времени и человек действительно не может долго обходиться без сна, но сон никак не связан с консолидацией.

— В самом деле?

— Ага. С нами всё будет в порядке.

— Хорошо.

Какое-то время мы шли молча, потом Карен сказала:

— Вообще-то это я должна вас благодарить за то, что вы проводите со мной время.

— Почему это?

— Одна из причин, почему я пошла на мнемоскан, — чтобы избавиться от общества стариков. Можете представить меня в доме престарелых?

— Нет, это вряд ли, — рассмеялся я.

— Остальные здесь все моего возраста, — она покачала головой. — Их целью в жизни было разбогатеть. Это очень жестоко и в то же время как-то мелко. Я никогда не собиралась становиться богатой — это просто случилось, и никто не удивился этому больше меня самой. И вы тоже не хотели быть богачом.

— Но если бы не деньги, — возразил я, — мы оба скоро были бы мертвы.

— О, я знаю, знаю! Но это изменится. Бессмертие сейчас очень дорого, но оно упадёт в цене: технологии всегда дешевеют. Вы могли бы представить себе мир, в котором единственное, что имеет значение, — это насколько ты богат?

— Звучит не слишком по… — Чёрт! Снова мысль, которую я собирался держать при себе, просочилась наружу.

— Не слишком как? — спросила Карен. — Не по-американски? Не по-капиталистически? Я вообще не думаю, что мало-мальски серьёзный писатель может быть капиталистом. Ну, то есть посмотрите на меня: я одна из наиболее продаваемых авторов всех времён. Но являюсь ли я лучшим англоязычным писателем в истории? И близко нет. Поработайте в области, где денежное вознаграждение никак не коррелирует с подлинной ценностью, и вы не сможете быть капиталистом. Я не хочу сказать, что корреляция обратная: существуют отличные писатели, которые в то же время хорошо продаются. Но значимой корреляции нет. Полнейшая лотерея.

— То есть после мнемоскана вы собираетесь снова начать писать? — спросил я. Новых книг Карен Бесарян не выходило уже много лет.

— Да, есть такое желание. В сущности, писа-

тельство и было главной причиной того, что я пошла на это. Видите ли, я люблю своих персонажей — принца Чешу́я, доктора Шипа. Я их всех люблю. Как я вам уже говорила, я *создала* их. Они все вышли вот отсюда. — Она постучала пальцем по виску.

— Да. И что?

— А то, что я наблюдала за приливами и отливами в законодательстве по копирайту всю свою жизнь. Это была битва враждебных фракций: тех, кто хочет, чтобы авторские права защищались бессрочно, и тех, кто считает, что произведения должны переходить в общественное достояние как можно скорее. Во времена моей молодости срок копирайта был пятьдесят лет со дня смерти автора. Потом его продлили до семидесяти лет, и это положение сохраняется до сих пор. Но это недостаточно долго.

— Почему?

— Ну потому, что если бы у меня сейчас появился ребёнок — если бы это было возможно, — завтра я бы умерла… Не то чтобы я собиралась, но, в общем, этот ребёнок получал бы отчисления за мои книги до тех пор, пока ему не исполнится семьдесят. А потом внезапно мой ребёнок — к этому моменту уже пожилой человек — вдруг

оказывается не при делах: мои работы переходят в общественное достояние и авторские за них отчислять перестают. Дитя моего тела лишается благ, производимых детьми моего разума. И это попросту неправильно!

— Но разве культура не обогащается от перехода произведений в общественное достояние? — спросил я. — Вы ведь не хотели бы, чтобы Шекспир или Диккенс до сих пор были защищены копирайтом?

— Почему нет? Джоан Роулинг до сих пор под копирайтом, как и Стивен Кинг, и Маркос Доннели — и при этом они оказали и продолжают оказывать огромное влияние на нашу культуру.

— Ну… — сказал я, по-прежнему не слишком убеждённый, — возможно…

— Скажем, один из ваших предков основал пивоваренную компанию, верно?

— Мой прадед, Рубен Салливан — Старый Салли, как его называли, — кивнул я.

— Вот. И вы получаете от этого финансовые дивиденды по сей день. Не должно ли было государство конфисковать все активы «Пивоварни Салливана», или как называется ваша компания, в семидесятую годовщину смерти Старого Салли? Интеллектуальная собственность — это тоже

собственность, и к ней надо относиться как ко всему остальному, что человек может построить или создать.

Я много об этом размышлял, потому что сам всегда пользовался только программами из открытых источников. И всё-таки между постройкой и идеей *есть* разница, и в буквальном смысле слова *осязаемая*.

— То есть вы стали мнемосканом, чтобы получать отчисления за «Диномир» неограниченно долго?

— Не только ради этого, — ответила Карен. — Это, в общем-то, даже не главная причина. Просто когда что-то попадает в общественное достояние, кто угодно может делать с этим материалом всё, что захочет. Хотите снять порнофильм с моими персонажами или написать о моих персонажах плохую книгу? Да запросто, если мои произведения в общественном достоянии. И это неправильно: они *мои*.

— И, живя вечно, вы сможете их защитить?

— Именно. Если я не умру, они никогда не попадут в общественное достояние.

Мы продолжали идти; у меня уже получалось гораздо лучше, а с мотором в животе я мог это делать целые дни и недели подряд, по крайней

мере, так сказал доктор Портер. Время близилось к пяти утра — я не помню, чтобы когда-либо оставался на ногах так поздно. Я как-то и не задумывался о том, что если долго не ложиться спать, то и летом можно увидеть на небе Орион. Ракушка, должно быть, страшно по мне соскучилась, хотя робокухня её кормит, а мой сосед согласился выводить её гулять.

Мы прошли под фонарём, и я с изумлением разглядел, что рука у меня мокрая; она поблёскивала в свете фонаря. Лишь чуть позже я ощутил на руке влагу. Я провел пальцем вдоль предплечья.

— Ну надо же! — воскликнул я. — Роса.

Карен рассмеялась, совершенно не обеспокоенная.

— Точно, роса.

— Вы так легко к этому относитесь, — сказал я ей.

— Я стараюсь ко всему легко относиться, — ответила Карен. — Это всё материал.

— Что?

— Простите. Писательская мантра. «Это всё материал». Всё пойдёт в котёл. Всё, что вы чувствуете или переживаете, становится сырьём для будущих произведений.

— Это довольно необычное отношение к жиз-

ни.

— Вы говорите как Дарон. В ресторане ему всегда было неловко, когда пара за соседним столиком начинала выяснять отношения. Я же всегда придвигалась поближе и навостряла уши, думая: «О, как здорово, это ж чистое золото».

— Пф-ф-ф, — сказал я. У меня всё лучше получались всякие звуки, которые не являются словами, но тем не менее передают смысл.

— К тому же, — сказала Карен, — с моими новыми ушами, а они очень чувствительны, я смогу слышать ещё больше. Бедному Дарону это бы совсем не понравилось.

— Кто такой Дарон?

— О, простите. Дарон Бесарян мой первый муж — и последний, чью фамилию я взяла; моя девичья фамилия Коэн. Дарон был симпатичным армянским мальчиком, мы учились в одном классе. Мы с ним были забавной парой. Спорили, бывало, о том, чей народ пережил худший холокост.

Я не знал, что на это сказать, поэтому сменил тему:

— Может, стоит вернуться внутрь, пока мы совсем не вымокли?

Она кивнула, и мы пошли обратно в гостиную.

Дрэйпер, чернокожий адвокат, играл в шахматы с одной из женщин; вторая женщина, та, которая выглядела шестнадцатилетней, читала что-то с планшета, а третья, к моему изумлению, прыгала со скакалкой под наблюдением персонального тренера «Иммортекс». Мне это показалось невероятно бессмысленным: искусственные тела не нуждаются в физкультуре. Но потом я понял, что это, должно быть, здорово — вдруг снова стать прыгучим и гибким после долгих лет заточения в дряхлом, умирающем теле.

— Не хотите посмотреть пятичасовые новости? — спросил я Карен.

— Можно.

Мы прошли вдоль по коридору и нашли комнату, в которой я вчера заметил телестену.

— Не возражаете против «Си-би-си» [12]? — спросил я.

— Нет-нет, я в Детройте её всё время смотрю. Только так можно узнать, что на самом деле происходит в моей стране — да и в остальном мире тоже.

Я приказал телевизору включиться. Он подчинился. В прошлом я смотрел новости на

---

[12] Notes: 12
Государственное телевидение Канады.

этом канале сотни раз, но сейчас всё выглядело по-другому, ведь теперь моё зрение стало полноцветным. Интересно, откуда в мозгу взялись связи, позволяющие мне распознавать цвета, которых я раньше никогда не видел?

Ведущий новостей — сикх в тюрбане, смена которого, как я знал, продолжалась до девяти утра, — говорил на фоне транслируемых на экране позади него новостных сюжетов:

— Несмотря на новые протесты на Парламентском холме вчера днём, практически не остаётся сомнений в том, что Канада ещё до конца месяца легализует множественные браки. Премьер-министр Чен запланировал на сегодняшнее утро пресс-конференцию по…

Карен покачала головой, и я уловил это движение боковым зрением.

— Не одобряете? — спросил я.

— Нет, — ответила она.

— Почему? — Я старался поинтересоваться лёгким тоном, чтобы в вопросе не прозвучало осуждения.

— Не знаю, — ответила она вполне дружелюбно.

— Но вы всё же против множественных браков?

— Да, думаю, против. Но я не уверена, что смогу сформулировать причину. Ну, то есть я знаю множество одиноких матерей, которые прекрасно справились, включая мою сестру, упокой Господь её душу. Так что моё определение семьи определённо не ограничивается двумя родителями.

— А как насчёт одиноких отцов?

— Ну да, это тоже нормально.

Я облегчённо кивнул; старые люди бывают *такими* консервативными.

— Так что же тогда не так с множественными браками?

— Я так думаю, что в реальности выполним лишь тот уровень обязательств, какой существует в парном браке. Более широкая структура их размывает.

— Ну, я не знаю. Многие люди имеют неограниченный запас любви, спросите любого выходца из большой семьи.

— Возможно, — сказала она. — Я так понимаю, что вы поддерживаете множественные браки?

— Конечно. То есть сам я вступать в такой не собираюсь, но не в этом же дело. В разное время я был знаком с несколькими триадами и двумя квартетами. Все они были искренне влюблены; они сформировали стабильные, долговременные

отношения. Какой смысл запрещать им называть эти отношения браком?

— Потому что это *не* брак. Это другое.

Я определённо не хотел затевать дискуссию, так что просто промолчал. Снова бросив взгляд на телевизор, я обнаружил, что ведущий рассказывает о смерти бывшего президента США Пэта Бьюкенена, скончавшегося вчера в возрасте ста шести лет.

— Скатертью дорога, — сказала Карен, глядя на экран.

— Рады, что он умер?

— А вы нет?

— О, я не знаю. Он явно не был другом Канады, но, знаете, кличка «Советский Канакистан [13]», которой он её обзывал, стала лозунгом, сплотившим всё моё поколение. «Оправдаем и воплотим» и всё такое. Я думаю, Канада стала ещё более левой исключительно ему назло.

— Тогда, может быть, вы поддерживаете множественные браки просто потому, что это ещё одно отличие между нашими странами? — спросила Карен.

— Вовсе нет, — ответил я. — Я вам сказал, поче-

---

[13] Notes: 13

Канак — прозвище канадцев, часто презрительное.

му я их поддерживаю.

— Простите. — Она взглянула на экран. Сюжет о смерти Бьюкенена закончился, но она, похоже, продолжала о нём думать. — Я радуюсь его смерти, потому что это может стать концом эпохи. В конце концов, это судьи, которых *он* посадил в Верховный Суд, отменили решение по «Роу против Уэйда», и я не могу ему этого простить. Но он был на двадцать лет старше меня — его ценности были сформированы предыдущим поколением. А теперь его нет, и я думаю, что, возможно, появилась надежда на перемены. Но…

— Да?

— Но *я* теперь не уйду, верно? Вашим друзьям, которые хотят, чтобы их отношения признали групповым браком, придётся мириться с людьми вроде меня, закостенелыми, всюду сующими свой нос и стоящими на пути прогресса. — Она посмотрела на меня. — А это ведь правда прогресс, не так ли? Мои родители не понимали необходимости десегрегации.

Я посмотрел на неё новыми глазами — и в переносном, и, конечно же, в прямом смысле слова.

— В душе вы философ, — сказал я.

— Может быть. Полагаю, все хорошие писатели — философы.

— Но я думаю, что вы правы, по крайней мере, в какой-то степени. В академической среде это называют «фактором вымирания»…

— Вымирания? — повторила Карен. — О, это мне нравится! И я определённо наблюдала что-то подобное ребёнком в Джорджии в приложении к вопросу о гражданских правах: радикальные изменения в этой сфере происходили не из-за того, что люди меняли своё мнение, — никто не хлопал себя по лбу и не восклицал: «Ну и дурень же я был все эти годы!» Скорее, ситуация менялась за счёт того, что худшие расисты — те, кто помнил золотые деньки сегрегации или даже рабовладения, — попросту умирали от старости.

— Именно так, — согласился я.

— Но, знаете, убеждения людей всё-таки могут меняться со временем. Давно доказано, что люди с возрастом становятся более политически консервативными. Со мной, правда, этого не произошло, слава Господу. Когда я узнала, каких политических взглядов придерживается Том Селлек, я пришла в ужас.

— Кто такой Том Селлек?

— Вздох, — сказала Карен. По-видимому, она ещё не научилась производить этот звук. — Это один потрясающе красивый актёр, играл

в «Частном детективе Магнуме». Когда я была подростком, постер с ним висел у меня над кроватью.

— Я думал, у вас был постер с этим… как его? Который Супермен.

Карен ухмыльнулась.

— И с ним тоже.

Мы не обращали внимания на телевизор, но сейчас там как раз начались спортивные новости.

— О-о-о! — сказала Карен. — «Янки» выиграли. Великолепно!

— Любите бейсбол? — сказал я, чувствуя, что в этот раз мои брови приподнялись — при этом я ясно ощутил какой-то рывок. Надо будет сказать Портеру, чтобы он сточил выступ, за который они там зацепляются.

— Ещё как!

— Я тоже. Когда был маленький, хотел быть питчером. С этим не срослось, но…

— Вы, наверное, болеете за «Блю Джейз»?

Я улыбнулся.

— За кого же ещё?

— Я помню, как они выиграли две Мировые серии подряд.

— Правда?

— Ага. Мы с Дароном тогда только поженились. Мы с ним каждый год смотрели Мировую серию. Тазики попкорна, вёдра газировки, все дела.

— И как это было в те два раза, когда побеждал Торонто? Как люди реагировали?

Вставало солнце, его свет начал проникать в окна.

Карен усмехнулась.

— А я вам сейчас расскажу…

Глава 11

Мы пересели с космоплана на лунный корабль — металлический арахнид, предназначенный исключительно для полётов в вакууме. У меня был отдельный спальный отсек, наподобие тех отелей-гробов в Токио. Когда я выбирался из него, наслаждался невесомостью, хотя Квентин продолжал донимать меня рассказами о лунобусах и других интересных только ему вещах. Если бы он хотя бы бейсболом увлекался…

— Итак, запомните, — объявил нам один из сотрудников «Иммортекс» на третье утро нашего путешествия, — лунная база, где мы собираемся совершить посадку, — это *не* Верхний Эдем. Это частная международная научно-исследовательская и конструкторская лаборатория. Она построена не для туристов и на ней нет никаких особых удобств — так что не расстраивайтесь раньше времени. Обещаю, что Верхний Эдем понравится вам несравнимо больше.

Я слушал и думал о том, что Верхнему Эдему и правда стоит оказаться получше. Конечно, я поучаствовал в виртуальном туре и прочёл все

материалы. Но я буду скучать… — чёрт, да я уже скучаю! — по Ракушке, по Ребекке, по маме, по…

Да, по отцу тоже. Я думал, он для меня обуза, думал, что я буду рад свалить заботы о нём на другого меня, но оказалось, что меня очень печалит мысль о том, что я никогда больше его не увижу.

Слёзы в невесомости повисают в воздухе. Вот что самое удивительное.

* * *

Я встретился с доктором Портером, чтобы обсудить проблему с выбалтыванием мыслей, которые собирался держать при себе.

— А да, — сказал он, кивая. — Видел такое раньше. Я кое-что отрегулирую, но это довольно тонкая проблема интерфейса между умом и телом.

— Вы должны это починить. Пока сам я не решу что-то сделать, ничего не должно происходить.

— О, — сказал Портер, и его брови ликующе взмыли вверх, — но люди так не работают — даже натуральные, биологические. Никто из нас не инициирует своих действий сознательно.

Я покачал головой.

— Я изучал философию, док. Я не готов отказаться от понятия свободной воли. Отказываюсь

верить, что живу в детерминированной вселенной.

— О, конечно, — ответил Портер. — Я совсем не это имел в виду. Скажем, вы входите в комнату, видите в ней кого-то знакомого и решаете протянуть ему руку для приветствия. Конечно, ваша рука не поднимется немедленно — сперва что-то должно случиться у вас в мозгу, верно? И это «что-то» — электрические изменения в мозгу, которые предшествуют преднамеренному действию, — называется потенциалом готовности. Так вот, в биологическом мозгу потенциал готовности наступает за пятьсот пятьдесят миллисекунд — чуть больше половины секунды — до того, как ваша рука начинает двигаться. На самом деле неважно, какое именно преднамеренное действие вы совершаете: потенциал готовности в мозгу наступает за пятьсот пятьдесят миллисекунд до начала моторных реакций. Пока понятно?

— Ага, — сказал я.

— Только вот ничего не понятно! Видите ли, если вы просите людей явным образом обозначить момент, когда они принимают решение что-то сделать, они сообщают, что эта идея посетила их где-то за триста пятьдесят миллисекунд до нача-

ла моторных реакций. Один учёный по имени Бенджамин Либет доказал это много лет назад.

— Но… это ведь явно погрешность измерения, — сказал я. — Ну, то есть вы же говорите о миллисекундах.

— Не обязательно. Разница между пятьюстами пятьюдесятью миллисекундами и тремястами пятьюдесятью — это пятая часть секунды, довольно существенная продолжительность, которую легко измерить с высокой точностью. Этот базовый эксперимент с восьмидесятых годов был повторён многократно, и эти данные надёжны как скала.

— Но они не имеют смысла. Вы говорите…

— Я говорю, что наши представления о том, какой должна быть последовательность событий, и то, какова она на самом деле, не согласуются. Интуитивно мы думаем, что последовательность должна быть следующей: *сначала* мы решаем пожать руку старине Бобу, *потом* наш мозг, во исполнение этого решения, начинает посылать сигналы руке о том, что он хочет совершить рукопожатие, и *после этого* наша рука начинает подниматься. Так ведь? Но на самом деле происходит следующее: *сначала* мозг начинает посылать сигналы о том, что хочет рукопожа-

тия; *потом* вы осознанно принимаете решение пожать руку старому другу; и лишь *затем* ваша рука начинает двигаться. Мозг начинает движение по дороге к рукопожатию *до того*, как вы примете осознанное решение его совершить. Ваше осознанное мышление перехватывает руководство действием и убеждает себя, что это оно его инициировало, но в реальности оно лишь зритель, наблюдающий за действиями вашего тела.

— То есть вы и правда утверждаете, что свободы воли не существует?

— Не совсем. Наше сознательное мышление обладает свободной волей наложить на действие *вето*. Действие начинается за пятьсот пятьдесят миллисекунд до того, как что-либо придёт в движение. Двести миллисекунд спустя действие, которое уже началось, привлекает внимание вашего осознаваемого «я» — и у него есть триста пятьдесят миллисекунд на то, чтобы нажать на тормоза, прежде чем что-либо произойдёт. Сознание не инициирует так называемые «преднамеренные действия», однако может вмешаться и прервать их.

— Правда? — сказал я.

Удлинённое лицо Портера энергично заки-

вало.

— Вне всякого сомнения. Если подумать, каждый наверняка испытывал нечто подобное: вот вы лежите в постели, спокойный и расслабленный, потом смотрите на часы и думаете, что вообще-то уже пора вставать, уже поздно, можно опоздать на работу. Вы можете подумать так полдюжины раз или больше — и вдруг внезапно вы и правда *встаёте*: действие началось до того, как вы осознали, что наконец-то всерьёз, окончательно решили подняться с постели. А всё потому, что вы *не принимали* этого решения умом; ваше подсознание приняло его за вас. Это оно — а не осознаваемый вы — решило раз и навсегда, что действительно пришло время собираться на работу.

— Но у меня не было такой проблемы, когда я был в натуральном теле.

— Это благодаря малой скорости химических реакций. Но ваше новое тело и новый мозг работают на электрических, а не химических скоростях, так что механизм вето иногда вступает в игру слишком поздно для того, чтобы успеть сделать то, что должен. Но, как я сказал, я это могу отрегулировать. Простите, мне для этого нужно оттянуть кожу у вас на затылке и вскрыть

вам череп…

* * *

Наконец настало время возвращения домой. И когда я добрался до своего дома в Норт-Йорке, мне уже не терпелось снова увидеть мою любимую рыжую ирландскую сеттершу.

— Ракушка! — позвал я, входя в дверь. — Сюда, девочка! Я дома!

Ракушка стремглав сбежала вниз по лестнице, но остановилась как вкопанная, когда меня увидела. Я ожидал, что она начнёт радостно прыгать и лизать меня в лицо, но ничего подобного. Она вытянула передние лапы, приподнялась на задних, прижала уши к голове и злобно на меня гавкнула.

— Ракушка, это же я! Я вернулся.

Собака гавкнула снова, потом утробно зарычала.

— Ракушка, девочка, это же я! Честное слово!

Рычание стало громче. Входная дверь всё ещё была открыта, и я подумал было отступить через неё. Однако нет, чёрт побери. Это мой дом.

— Ну же, малышка, это же я! Я, Джейк.

Ракушка прыгнула. Я успел отступить на полшага назад, но она упёрлась передними лапами

мне в грудь и громко залаяла.

— Ракушка, Ракушечка! — сказал я ей. — Сидеть, маленькая! Сидеть!

Ракушка в жизни никогда никого не кусала, но сейчас она укусила меня. На мне была рубашка с коротким рукавом; она сомкнула челюсти на моём голом предплечье и дёрнула головой назад, выдирая кусок пластикожи и обнажая оптоволоконные нервы, эластичные тяжи мышц и голубоватую металлическую арматуру внутри. Она присела на задние лапы и обнюхала кусок пластика, потом развернулась и, скуля, убежала по лестнице обратно наверх.

Моё сердце не забилось чаще — потому что у меня не было сердца. Дыхание не перехватило — потому что я не дышал. В глазах не защипало — я не умел плакать. Я просто стоял там, ничего не делая, лишь медленно качая головой, и чувствовал себя брошенным и одиноким.

* * *

Похожий на паука лунный корабль совершил посадку у небольшой группы зеркальных куполов неподалёку от кратера Аристарх. После трёх дней невесомости иметь хоть какой-нибудь вес казалось невыносимым, хотя сила тяжести здесь

была весьма умеренной, вшестеро меньше, чем на Земле.

Сотрудник «Иммортекс» очень правильно сделал, предупредив нас: станция была чисто утилитарной, если не сказать больше, — мы словно очутились на подводной лодке. К сожалению, нам предстояло оставаться здесь три дня, проходя процедуры обеззараживания. При наличии сотен потенциальных точек отправления с Земли и всего одной возможной точки прибытия на Луну было разумно держать оборудование для дезинфекции именно здесь, а не на Земле.

Это была первая постоянно действующая база на Луне. Изначально её построили китайцы, поэтому множество надписей и табличек и до сих пор были на китайском, а сейчас базой управлял международный консорциум. Официально она называлась «ЛС-1» — «Лунная Станция-1», но в честь прибывающих иммигрантов кто-то установил большой щит с надписью «Остров Эл-Эс» [14] — каламбур, о смысле которого я догадался лишь через пару секунд.

---

[14] Notes: 14

Имеется в виду Эллис — остров в Нью-Йоркской бухте, на котором в первой половине XX века располагались иммиграционные службы США и через который попала в страну значительная часть американских иммигрантов тех лет.

И я действительно был иммигрантом: этот мир, этот безвоздушный пыльный шар станет моим домом на всю оставшуюся жизнь, долгую или короткую. Конечно, здесь, на Луне, сосуды в моём мозгу будут подвергаться меньшим нагрузкам, так что я, вероятно, протяну дольше, чем если остался бы на Земле.

Может быть. В любом случае доктора Верхнего Эдема будут точно знать, что делать, если со мной случится… *инцидент*. Завещание о жизни, которое я составил на этот случай, является частью контракта, а контракт положено соблюдать.

— Пассажиров «Иммортекс», — произнёс голос через интерком, — просим пройти на деконтаминацию.

Я вприпрыжку двинулся вдоль по коридору, хотя на душе у меня было совсем не весело.

Глава 12

Я — мнемоскан, загруженное сознание, скопированная личность, и всё же, несмотря на малочисленность внешних индикаторов моего внутреннего психического состояния, я по-прежнему весьма и весьма материален.

Веками находились люди, утверждавшие, что помнят, как их дух покидал тело. Но что такое разум, разлучённый с телом? Что запись образованных моими нейронами узоров станет делать без тела, которое даёт им форму?

Я всегда скептически относился к рассказам о внетелесном опыте, о том, как вы глядите сверху на собственное тело. В конце концов, *чем* вы в таком положении глядите? Точно не глазами — они же часть вашего тела. Может ли внетелесная сущность что-либо ощущать? Чтобы зарегистрировать фотоны, нужно их чем-то зафиксировать: сетчаткой — чтобы увидеть свет, кожей — чтобы ощутить тепло. Бестелесный дух не может видеть.

Но даже если он и имеет какие-то чувства, никто и никогда не рассказывал ни о чём, кроме

обычного зрения, во время нахождения вне тела. Они видят мир вокруг себя таким же, каким всегда его видели, только под другим углом. Они не видят инфракрасные лучи, не видят ультрафиолет — зрение без глаз оказывается совершенно таким же, как зрение с глазами. Но если глаза не являются необходимой частью зрения, то почему, если их выколоть или просто прикрыть чем-нибудь, это непременно приводит к потере зрения? А если внетелесное восприятие чисто случайно совпадает с тем, что может видеть обычный человеческий глаз, то почему дальтоники вроде меня никогда не рассказывали о том, как видели мир в новых, прежде не виданных оттенках, когда оказывались вне тела?

Нет, зрение невозможно без тела. «Мысленный взор» — не более чем метафора. Бестелесный разум невозможен, по крайней мере, не человеческий разум. Наш мозг — это часть нашего тела, а не что-то отдельное.

И эта монада, которая являлась мной — эта неразделимая комбинация мозга и тела, — была по большей части рада снова оказаться дома, хотя я/мы/она должны были признать, что всё это было очень странно. Теперь, когда у меня появилось полноцветное зрение, всё выглядело

по-другому. У меня пока не было полной уверенности, но некоторые вещи, которые, как я считал, раньше подходили друг другу по цвету, теперь резали глаз.

Более того, вещи стали другими на ощупь. Моё любимое кресло уже не было таким удобным; я практически не ощущал ковер под босыми ногами; богатая текстура древесины лестничных перил, на некоторых сучках едва заметно выпуклая, в других местах вдавленная, теперь стала равномерно ровной; диванный пуфик, который я обычно подкладывал под спину, лишился своей приятной шершавости.

И Ракушка по-прежнему не признавала меня, хотя после долгого подозрительного обнюхивания всё-таки съела еду, которую я ей дал. Но когда она не ела, то всё время проводила пялясь в окно гостиной в ожидании прихода хозяина.

Завтра — в понедельник — я увижусь с мамой. Как всегда, это была обязанность, исполнения которой я вовсе не жаждал. Но сегодня, в этот прекрасный осенний воскресный вечер, меня ждало веселье: сегодня была одна из тех маленьких вечеринок в пентхаузе Ребекки Чонг. Это будет здорово; немного радости мне не помешает.

Я поехал к Ребекке на метро. Несмотря на вы-

ходной, в поезде было много народу и многие в открытую на меня пялились. Канадцы всегда были известны своей вежливостью, но тут это качество внезапно полностью им отказало.

Даже несмотря на то, что было много свободных мест, я решил простоять всю дорогу на ногах, повернувшись ко всем спиной и делая вид, что изучаю карту линий подземки. Со времён моего детства метро медленно, но верно росло; совсем недавно была открыта новая линия в аэропорт, а другую продлили до самого Йоркского университета.

Когда поезд пришёл в Эглинтон, я вышел и отыскал коридор, ведущий ко входу в дом Ребекки. Там я представился консьержу, который, надо отдать ему должное, был совершенно невозмутим, когда звонил в квартиру Ребекки, чтобы убедиться, что меня там ждут.

Я поднялся на лифте на верхний этаж и по короткому коридору подошёл к нужной двери. Там я секунду помедлил, собираясь с духом, и затем постучал. Дверь распахнулась, и я оказался лицом к лицу с прекрасной Ребеккой Чонг.

— Привет, Бекс, — сказал я и уже собрался было склониться к ней для нашего обычного поцелуя в губы, но тут она отступила на полшага назад.

— О господи, — сказала Ребекка. — Ты… Боже, ты правда это сделал. Ты говорил, что собираешься, но…

Она застыла, раскрыв рот в удивлении. Я впервые обрадовался, что не имею внешних индикаторов внутренних переживаний.

— Можно войти? — спросил я наконец.

— Э-э-э… конечно, — ответила Ребекка. Я вошёл в её пентхаус. Невероятно красивые виды, как реальные, так и виртуальные, заполняли его стены.

— Всем привет, — сказал я, ступая с мраморного пола прихожей на берберский ковёр.

Сабрина Бондарчук, высокая и стройная, с волосами, как я теперь мог видеть, жёлтого цвета, стояла у камина с бокалом белого вина в руке. Она удивлённо охнула.

Я улыбнулся, полностью осознавая, что из-за отсутствия характерной ямочки моя улыбка сейчас не такая, как прежде.

— Привет, Сабрина, — сказал я.

Она всегда обнимала меня при встрече, но в этот раз не сделала ни единого движения в мою сторону, а без сигнала с её стороны я также не решился.

— Это… это потрясающе, — сказал лысый как

колено Руди Аккерман, ещё один старый друг, — мы с ним летом после первого курса ходили в поход по Восточной Канаде и Новой Англии. Под «этим» Руди явно подразумевал моё новое тело.

— Последнее слово техники, — ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал непринуждённо. — Со временем они будут выглядеть натуральнее, уверен.

— Да оно и сейчас очень клёвое, — сказал Руди. — Так… так что, у тебя теперь суперсила?

Ребекка всё ещё не пришла в себя; Сабрина же произнесла голосом телевизионного диктора:

— Он — мнемоскан. Она — раввин-вегетарианец. Они воюют с преступностью.

Я засмеялся.

— Нет, сила у меня совершенно нормальная. Суперсила идёт за отдельную плату. Но вы же меня знаете: я любовник, а не боец.

— Это так… странно, — сказала наконец Ребекка.

Я посмотрел на неё и улыбнулся так тепло, так *человечно*, как только смог.

— Странность костей не ломит, — сказал я, но она не засмеялась шутке.

— На что это похоже? — спросила Сабрина.

Будь я по-прежнему из плоти и крови, я бы,

конечно, сделал бы глубокий вдох, собираясь с мыслями.

— Это *иначе*, — ответил я. — Постепенно привыкаю. Кое-что весьма неплохо. У меня больше не болит голова, по крайней мере, до сих пор не болела. И проклятые боли в левой лодыжке исчезли. Но…

— Что? — спросил Руди.

— Ну, я всё ощущаю как бы в низком разрешении, так сказать. Такое чувство, что входящей сенсорной информации меньше, чем было раньше. Со зрением всё в порядке — кстати, я больше не дальтоник, — хотя я иногда осознаю, что изображение, что я вижу, состоит из пикселов. Но вот обоняние практически отсутствует.

— Когда рядом Руди, это не так уж плохо, — сказала Сабрина. Руди показал ей язык.

Я всё время пытался встретиться взглядом с Ребеккой, но каждый раз, когда смотрел на неё, она отводила глаза. Я тосковал по её кратким прикосновениям, по её руке у меня на предплечье, по касанию её бедра, когда мы сидим рядом на софе. Но за весь вечер она ни разу меня не коснулась. Она даже смотрела в мою сторону редко.

— Бекс, — сказал я ей наконец, когда Руди отправился в ванную, а Сабрина ушла смешивать

себе коктейль. — Это по-прежнему я, ты ведь знаешь.

— Что? — спросила она, словно не имела понятия, о чём я говорю.

— Это я.

— Ага, — сказала она. — Конечно.

В повседневной жизни мы редко называем имена — как свои, так и других. «Это я», — говорим мы, когда звоним по телефону. Или: «Смотрите, кто пришёл!» — когда кого-то приветствуем. Так что, возможно, то была моя паранойя. Но до конца того вечера никто, даже моя милая, милая Ребекка, не назвал меня Джейком.

Я вернулся домой в поганом настроении. Ракушка зарычала на меня, когда я подошёл к входной двери, и я зарычал в ответ.

* * *

— Здравствуйте, Ханна, — поприветствовал я экономку, входя на следующее утро в мамин дом через главный вход.

Маленькие глаза Ханны округлились, но она быстро пришла в себя.

— Здравствуйте, мистер Салливан, — ответила она.

Внезапно я услышал, как говорю то, чего нико-

гда раньше не говорил:

— Зовите меня Джейк.

Ханна явно была удивлена, но подчинилась:

— Здравствуйте, Джейк.

Я был готов её расцеловать.

— Как она?

— Боюсь, не слишком хорошо. В этом своём настроении.

Моя мать и её настроения… Я кивнул и направился вверх по лестнице — совершенно не напрягаясь, разумеется. Хотя бы эта перемена была приятной.

Я задержался, чтобы заглянуть в комнату, которая раньше была моей: частично для того, чтобы посмотреть, как она выглядит с моим новым зрением, частично — чтобы потянуть время и собраться с духом. Стены, которые я всегда видел серыми, на самом деле оказались бледно-зелёными. Так много открылось мне теперь и о столь многих вещах. Я двинулся дальше по коридору.

— Привет, мама, — сказал я. — Что делаешь?

Она сидела в своей комнате и расчёсывала волосы.

— А тебе не всё равно?

Как мне не хватало способности вздыхать.

— Мне не всё равно. Мне не всё равно, мама, и

ты это знаешь.

— Думаешь, я не смогу узнать робота, когда его увижу?

— Я не робот.

— Ты не мой сын. Что стало с Джейком?

— Я Джейк, мама, — сказал я.

— С оригиналом. Что стало с оригиналом?

Забавно. Я не вспоминал о нём несколько дней.

— Он, должно быть, уже на Луне, — сказал я. — Дорога туда занимает три дня, а он уехал в прошлый вторник. Сегодня он, наверное, проходит деконтаминацию на Луне.

— «На Луне», — повторила мама, качая головой. — И правда на Луне.

— Нам уже пора ехать, — сказал я.

— Что за сын бросает отца-инвалида и отправляется на Луну?

— Я не бросил его. Я здесь.

Она не смотрела на меня, она сидела лицом к стоящему на бюро зеркалу и обращалась к моему отражению в нём.

— Именно так ты — настоящий ты — поступал с Ракушкой, когда уезжал из города. Оставлял за себя робокухню её кормить. А теперь ты пришёл и сюда — ходячая и говорящая робокухня, при-

шёл сюда вместо настоящего тебя, чтобы делать то, что настоящий ты должен был делать.

— Мама, пожалуйста…

Мама покачала головой моему отражению в зеркале.

— Не приходи сюда больше.

— Господи Иисусе, мама, ты что, мне не рада? Мне больше ничто не грозит — ты этого не понимаешь? То, что случилось с папой, никогда не случится со мной.

— Ничего не изменилось, — сказала моя мать. — Ничего не изменилось для настоящего тебя. Мой мальчик по-прежнему носит в голове эту штуку, эту АВМ; мой сын по-прежнему рискует жизнью.

— Я…

— Уходи, — сказала она.

— А как же поездка к папе?

— Ханна меня отвезёт.

— Но…

— Уходи, — сказала моя мать. — И не приходи больше.

Глава 13

— Дамы и господа, — произнёс голос в интеркоме лунобуса, — как вы можете видеть на своих мониторах, мы готовимся перейти на обратную сторону Луны. Поэтому просим вас выглянуть в иллюминаторы и бросить последний взгляд на Землю; она не будет видна из вашего нового дома.

Я повернулся и уставился на полумесяц планеты, голубой и прекрасный. Это был вид, знакомый мне с детства, но когда Карен и остальные старики были детьми, никто ещё не видел Землю такой.

Карен сидела рядом со мной; Квентин Эшберн, мой сосед по космоплану, ушёл поболтать с пилотом лунобуса об их общей радости и гордости. Карен родилась в 1960-м, а «Аполлон-8» лишь в декабре 1968 года удалился от Земли достаточно далеко, чтобы заснять её всю. Конечно, я не запомнил бы дату вроде декабря 1968-го, но каждый знал, что люди впервые высадились на Луне в 1969-м, и я знал, что «Аполлон-8» — первый пилотируемый корабль, покинувший околоземную

орбиту, — летал на Рождество предыдущего года. Учитель в моей воскресной школе в ознаменование этого события как-то раз проиграл нам трескучую запись, на которой один из космонавтов читает из Книги Бытия.

Теперь же, однако, мы с Карен оба в последний раз смотрели на планету, породившую и нас, и всех наших предков до единого. Хотя нет, это, конечно, было не вполне так. В Солнечной системе жизнь зародилась лишь раз — на Марсе, не на Земле. Жизнь попала на третью планету с четвёртой около четырёх миллиардов лет назад, принесённая туда метеоритами. И хотя Земля, до которой всего около четырёхсот тысяч километров, никогда не будет видна с обратной стороны Луны, Марс, легко заметная, яркая точка цвета крови, цвета жизни, будет часто виден на ночном небе Верхнего Эдема. И неважно, что он и находится в тысячу раз дальше Земли.

Я проследил, как ночная часть Земли, чечевицеобразная под этим углом, словно чёрный кошачий зрачок, примыкающий к светлому полумесяцу дневной стороны, коснулась серого лунного горизонта.

Ну что ж. Если я и не буду скучать по чему земному, так это по её гравитации — по крошечному

уколу боли, который я чувствовал каждый раз, когда наступал на левую ногу.

Но кого из людей мне будет не хватать? Мамы, конечно, — хотя, разумеется, у неё будет новый, долговечный я. И я буду скучать по некоторым друзьям — хотя, если задуматься, их число не так велико, как можно бы было предположить. Похоже, я уже примирился с мыслью, что никогда больше не увижу бóльшую их часть, несмотря на то что в большинстве случаев последним, что я им сказал и они мне ответили, было «пока». Чёрт, интересно, как мои друзья сойдутся с новым мной. Хорошо бы было узнать…

Да, да, по одному другу я точно буду скучать. По одному весьма особенному другу.

Я смотрел на Землю… на Ребекку.

Под горизонт ушло уже больше Земли, чем оставалось над ним, а лунобус продолжал свой полёт.

Я попытался опознать ту часть родной планеты, которую сейчас видел, но на ней было столько облаков, что я не мог ничего разобрать. Так много скрыто, даже прежде, чем доберёшься до поверхности вещей…

Я посмотрел на Карен Бесарян, которая вглядывалась в маленькое окошко у нашего ряда кресел.

Её изборождённое морщинами лицо было мокрым от слёз.

— Вы будете по ней скучать, — сказал я ей. Она кивнула.

— А вы разве нет?

— Не по планете, нет, — ответил я. *Всего по одному человеку на ней.*

Вся тёмная часть Земли опустилась под горизонт, был виден лишь крошечный голубой сегмент. На секунду я подумал, что вижу сияющую белизну на Северном полюсе — она бросалась в глаза с околоземной орбиты, хотя, по словам Карен, сильно уменьшилась с тех пор, когда она была ребёнком. Но, разумеется, ориентация была совсем не та: мы летели параллельно лунному экватору немного к югу от него, так что Земля лежала на боку и её ось была направлена горизонтально. Оба полюса уже были глубоко под горизонтом.

— Уходит… — тихо сказала Карен рядом со мной.

Земля была нестерпимо яркой на фоне чёрного неба; будь у Луны атмосфера, закаты Земли — которые можно наблюдать лишь из движущегося корабля, поскольку в любом месте видимой стороны Земля всегда находится в одной и той же

точке неба, — были бы потрясающим зрелищем. Хоть я был дальтоником и понимал, что упускаю некоторые аспекты зрелища, видимые остальным, мне всё равно всегда нравились закаты.

— Уходит… — снова сказала Карен. Над горизонтом виднелся лишь крошечный светлый бугорок.

— *Ушла.*

И так оно и было — полностью и навсегда. Все те люди, кого я знал, все места, где бывал.

Моя мать.

Мой отец.

Ребекка.

С глаз долой.

Из сердца вон.

Лунобус мчался дальше.

* * *

После катастрофического визита к маме я вернулся к себе домой. Ракушка продолжала пялиться в окно в ожидании кого-то другого.

Я не помнил, когда в последний раз плакал, а сейчас я был совершенно на это не способен.

Но мне хотелось. Слёзы — это катарсис, они удаляют всякое из ваших систем.

Моих систем. Моих грёбаных систем.

Я лёг на кровать: не потому, что устал, теперь я *никогда* не уставал, — а потому, что я всегда так делал, когда думал. Я посмотрел в потолок. Прежний я проглотил бы сейчас таблетку. Но новый я и этого сделать не мог.

Конечно, я мог сесть в машину и поехать в Маркхэм, в офис «Иммортекс».

Возможно, доктор Портер сможет что-то сделать, отрегулирует какой-нибудь гадский потенциометр, но…

Но это снова вызвало бы к жизни мою боязнь «обращаться за помощью» — глупую, упрямую, но неотъемлемую часть того, кто я есть, а сейчас мне меньше всего хотелось действовать так, как мне не свойственно. Иначе я начну думать о себе так же, как думали обо мне мать, моя собака и единственная женщина, которую я любил: что я своего рода эрзац, самозванец, фальшивка.

Кроме того, завтра у меня всё равно назначена встреча с Портером. Все недавно загруженные должны его посещать для проверки и регулировки, и…

Карен.

И Карен тоже должна это делать.

Конечно, она могла уехать домой в Детройт, но разве разумно было бы мотаться в соседнюю

страну каждые несколько дней? Нет, Карен рациональная женщина. Она наверняка остановилась где-то в Торонто.

— Но где именно?

«Фэйрмонт-Ройал-Йорк-отель».

Мысль будто взорвалась в моей синтетической голове. Отель, в котором проходила презентация. Прямо напротив железнодорожного вокзала.

Я посмотрел на телефон.

— Телефон, звонить, «Фэйрмонт-Ройал-Йорк-отель»; видео отключить.

— Соединяю, — сообщил телефон.

Ответил уверенный женский голос:

— «Ройал Йорк». С кем соединить?

— Здравствуйте, — сказал я. — У вас останавливалась Карен Бесарян?

— Боюсь, что нет.

Эх… Хорошая была мысль, но…

— Спасибо… хотя нет, постойте. — Она же была знаменитостью! А значит, вероятно, остановилась не под тем именем, под которым её хорошо знали. — Мисс Коэн, — сказал я, внезапно вспомнив её девичью фамилию. — У вас проживает мисс Карен Коэн?

— Соединяю.

Карен, без сомнения, знала, кто ей звонит:

отельный коммутатор проинформировал её об этом. Конечно, оставалась возможность, что её нет в номере, но…

— Алло, — произнёс голос с южным выговором.

В этот момент я понял, что она не могла ещё испытать того же, что пережил я, если не возвращалась домой, к родственникам и друзьям. Но, как я сказал, она не могла не знать, кто звонит, так что я не мог просто бросить трубку.

— Здравствуйте, Карен.

— Привет, Джейк.

Джейк.

Моё имя.

— Привет. Я… — Я понятия не имел, что сказать, но тут мне пришла в голову мысль переложить это затруднение на неё. — Я подумал, что вы, должно быть, ещё в городе. Подумал, может быть, вам одиноко.

— Как это мило! — восхитилась Карен. — У вас есть идеи?

— Хм-м…

Она сейчас в центре Торонто. Прямо посреди театрального квартала. Слова сложились сами:

— Не хотите сходить в театр?

— О, с превеликим удовольствием, — ответила

Карен. Я повернулся к своей телестене.

— Браузер, список театров в центре Торонто, где ещё есть билеты на сегодня на хорошие места.

На экране появился список театров и идущих в них спектаклей.

— Знаете Дэвида Уиддикомба?

— Шутите? — отозвалась Карен. — Один из любимых моих драматургов.

— Его «Кота Шрёдингера» дают сегодня в «Ройал Алекс».

— Звучит неплохо!

— Замечательно, — обрадовался я. — Я заеду за вами в полвосьмого.

— Отлично, — сказала она. — Это… просто отлично.

Глава 14

Лунобус, как я успел разглядеть перед посадкой, был весьма простым устройством: центральный модуль в форме кирпича с огромными конусами дюз, торчащими из заднего конца, и два цилиндрических топливных бака, приделанных по бокам. Сам лунобус был серебристо-белый, а баки, как мне сказали, окрашены в цвет, средний между синим и зелёным. В нескольких местах был нанесён логотип Hyundai, а также эмблема Объединённых Наций на каждом боку ближе к корме.

Переднюю сторону кирпича занимало широкое окно кабины пилота, который, похоже, не любил, когда его называли водителем. Лунобус мог взять на борт четырнадцать пассажиров. В салоне было восемь крутящихся кресел вдоль одного борта и шесть вдоль другого, в промежутке за вторым креслом висели скафандры. Рядом с каждым пассажирским креслом располагался иллюминатор, примерно такой же, как в самолёте, на них даже были такие же опускающиеся виниловые шторки.

За последними двумя рядами с одной стороны был маленький туалет, а с другой — тесная шлюзовая камера. «Горе тому бедолаге, который их перепутает», как сказал пилот во время предстартового инструктажа.

Пассажирский салон занимал лишь половину длины корпуса; в другой половине располагались грузовой отсек, двигатели и системы жизнеобеспечения.

Лунобус обычно летал по маршруту от ЛС-1 на видимой стороне до Верхнего Эдема и кратера Чернышева на обратной стороне. В Чернышеве располагалась обсерватория SETI, огромные телескопы которой вслушивались в небо в поисках разговоров инопланетян. «Иммортекс» сдавала SETI часть Верхнего Эдема и позволила построить там вспомогательный радиотелескоп, давая учёным тысячадвухсоткилометровую базу для интерферометрии. В Верхнем Эдеме постоянно присутствовало несколько специалистов SETI, и двое из сегодняшних пассажиров лунобуса были радиоастрономами.

Согласно информации на мониторах, свисающих с потолка, мы приближались к Верхнему Эдему. Серая, изрытая оспинами кратеров поверхность Луны уносилась назад под льющуюся

из динамиков пассажирского салона песню, которую я никогда не слышал. Песня была довольно неплохая.

Карен, летевшая на соседнем со мной кресле, подняла голову и улыбнулась.

— Какой отличный выбор, — сказала она.

— Что? — не понял я.

— Музыка. Это из «Кошек».

— А что это?

— Мюзикл — из времён ещё до вашего рождения, основанный на книге Т. С. Элиота «Популярная наука о кошках».

— И как это связано?

— Вы ведь знаете, куда мы направляемся?

— В Верхний Эдем, — сказал я.

— Да. Но *где* это?

— На обратной стороне Луны.

— Правильно, — сказала Карен. — Но если быть более точным, это в кратере Хевисайда.

— И?

Она пропела:

> *– Вверх, верх, путь перед тобою*
> *Вверх-вверх-вверх-вверх, к Хевисайда слою…*

— А что такое «слой Хевисайда»?

Карен снова улыбнулась.

— Не расстраивайтесь, мальчик мой. Полагаю, бóльшая часть людей, смотревших мюзикл, этого не знали. В мюзикле это кошачья версия рая. Но вообще-то «слоем Хевисайда» раньше называли ионосферу.

Мне было странно слышать от миниатюрной старушки разговоры об ионосфере, но я в очередной раз напомнил себе, что она была автором «Диномира».

— Видите ли, — продолжала она, — когда обнаружилось, что радиосигналы принимаются на больших расстояниях, даже за горизонтом, все были озадачены — ведь электромагнитные волны распространяются по прямой. Так вот, британский физик по имени Оливер Хевисайд предположил, что в атмосфере, должно быть, существует электрически заряженный слой, от которого радиоволны отражаются. И он оказался прав.

— Так что в честь него назвали кратер?

— На самом деле два. Один здесь, на Луне, второй — на Марсе. Но, видите ли, мы не просто направляемся в кратер Хевисайда. Мы едем в лучшее место на свете — идеальный дом престарелых. Рай для состарившихся кошек.

— Рай, — повторил я. По спине пробежали мурашки.

* * *

Торонто. Август. Тёплый бриз с озера.

Пьеса была великолепна, возможно, лучшая пьеса Уиткомба, а вечер выдался тёплым и приятным.

А Карен выглядела… ну, не сказать, что потрясающе — это уже было бы преувеличением. Она была обычной тридцатилетней женщиной, но одетой со вкусом. Разумеется, на нас глазели, но Карен ничуть не смущалась. Она даже сказала одному парню, что, если он не перестанет пялиться, она включит тепловое зрение.

Так или иначе, я не мог пожаловаться на внешность Карен. На мне самом, когда я был натуральным, взгляду особо не на чем было остановиться: тощий, лопоухий, со слишком близко посаженными глазами и…

И…

Забавно. Я помнил все эти вещи лишь потому, что Триста, та жестокая девочка из школы, перечислила мне их, загибая пальцы, когда я пригласил её на свидание — ещё один «великий момент» в любовной биографии Джейка. Я не

помнил её слов, но…

Но у меня были трудности с формированием ментального образа себя самого. Психологи «Иммортекс» рекомендовали избавиться от всех своих прежних фото у себя дома, но у меня таких просто не было. И всё же я лишь через несколько дней смог заставить себя посмотреться в зеркало, и даже тогда — ведь мне теперь не нужно было бриться — это был лишь поверхностный взгляд. Смогу ли я и правда забыть, как выглядел раньше?

Но, невзирая на внешность, восьмидесятилетней женщине было, несомненно, легче положить ладонь на колено сорокачетырёхлетнему мужчине, чем наоборот.

И, к моему глубочайшему замешательству, Карен сделала именно это в номере отеля после спектакля, когда мы сидели рядом на роскошном, обитом шёлком диване в гостиной. Она подняла руку со своего колена, двигая её очень медленно и давая мне кучу времени на то, чтобы жестом, мимикой или словом дать понять, что мне не нравится её очевидная траектория, — и положила её мне на правое бедро над самым коленом.

Я ощутил тепло её касания — не тридцать семь градусов Цельсия, но явно выше комнатной тем-

пературы.

И давление я тоже ощутил: мягкое нажатие её пальцев на эластичный пластик, покрывающий механику и гидравлику моего колена.

Рука биологической Карен была бы покрыта старческими пятнами, с полупрозрачной сморщенной кожей и разбухшими артритными суставами.

Но *эта* рука…

Эта рука была с безупречной кожей и серебристо-белыми ногтями. Я отметил, что на ней нет обручального кольца, которое я видел у неё на презентации в «Иммортекс». Наверное, подумал я, оно отправилось с биологическим оригиналом на Луну.

И всё же эта рука…

Я чуть-чуть качнул головой, пытаясь избавиться от образа её прежней биологической конечности, который память накладывала на новую и гладкую синтетическую.

Я вспомнил, как много лет назад посещал курс психологии, на котором преподавательница рассказывала об интенциональности — способности мозга изменять окружающую реальность. «Я не думаю о том, *как* двигаю рукой, — говорила она. — Не разрабатываю план, в соответствии с

которым сокращаются и расслабляются отдельные мышцы. Я просто двигаю рукой!» И всё же я понимал, что то, что я сделаю сейчас, будет иметь огромные последствия, определит дальнейший путь, моё будущее. Я обнаружил, что колеблюсь, и…

И моя рука пошевелилась. Я увидел, как она слегка дёрнулась. Но я, должно быть, отменил движение, аннулировал первичный импульс, воспользовался тем осознанным вето, о котором говорил Портер, потому что моя рука практически сразу снова замерла.

Просто двигай рукой!

И наконец рука задвигалась: повернулась в плечевом суставе, согнулась в локтевом, крутанулась в запястье, слегка согнула пальцы — и моя ладонь легла на её.

Я ощутил на ладони тепло и…

Электричество? Так ведь это называют? Покалывание, реакция на касание другого — да, чёрт возьми, именно так! — на другого человека.

Карен смотрела на меня, её камеры — её глаза, прекрасные зелёные глаза — сфокусировались на моих.

— Спасибо, — сказала она.

Я видел своё отражение в её глазах. Мои брови

устремились вверх, как всегда, слегка зацепившись за что-то по пути.

— За что?

— За то, что видишь настоящую меня.

Я улыбнулся, но она отвела взгляд.

— Что?

Несколько секунд Карен молчала.

— Я… я была вдовой не так долго, всего два года, но Райан… у Райана был альцгеймер. Он не мог… — Она запнулась. — Прошло столько времени.

— Подозреваю, что это как ездить на велосипеде.

— Думаешь?

Я закрыл глаза и слушал голос Карен, который, должен признать, был тёплым, живым и очень человеческим.

— Это ничего, — сказала она, прижимаясь ко мне. — Времени у нас хоть отбавляй.

— Точно, — согласился я с улыбкой.

И Карен тоже улыбнулась мне своей идеально симметричной улыбкой. Она снимала роскошный двухкомнатный номер. Мы перешли в спальню и там…

Чёрт, это оказалось совершенно лишено сексуальности. Я *хотел*, чтобы это было сексуально,

но получилось лишь трение пластика о тефлон, кремниевые микросхемы и синтетическая смазка.

С другой стороны, Карен, похоже, это нравилось. Я знал старый анекдот о том, что если есть вишнёвое мороженое каждый день, а потом вдруг перестать, то через некоторое время по-настоящему захочется вишнёвого мороженого. А после нескольких лет, полагаю, и вишнёвое мороженое покажется вкусным…

В конце концов Карен кончила — если в данной ситуации применим этот термин. Она прикрыла свои стеклянные глаза пластиковыми веками и издала несколько раз от раза более резких и более гортанных звуков, в то время как её механическое тело стало даже более жёстким, чем раньше.

В это время и я почувствовал себя где-то на грани оргазма; я всегда ощущаю возбуждение, когда кто-то испытывает оргазм благодаря мне. Но не было всплеска, пика, максимума, и возбуждение быстро прошло. Когда я вышел из неё, мой протезный член был по-прежнему напряжён.

— Привет, незнакомец, — тихо сказала Карен, глядя мне в глаза.

— Привет, — ответил я. И улыбнулся, сомневаясь, что на искусственном лице будет просто

отличить искреннюю улыбку от вымученной.

— Это было… — сказала она и замолчала, подыскивая слово. — Это было *хорошо*.

— Правда?

Она кивнула.

— Я никогда не кончала во время акта. Мне нужно было… хм-м, в общем, сам понимаешь. — Она довольно усмехнулась. — Должно быть, в отделе телесного конструирования в «Иммортекс» и женщины работают.

Я был рад за неё. Но я также знал, что старинная поговорка права: секс происходит не между ног, а между ушей.

— А тебе как? — спросила Карен. — Тебе понравилось?

— Это было… — Я замолчал. — Э-э-э… думаю, к этому надо привыкнуть.

Глава 15

Мы с Карен проговорили несколько часов. Она слушала с таким вниманием и сочувствием, что я стал рассказывать ей вещи, которые в жизни никому не рассказывал. Я даже рассказал ей о том, как поругался с отцом и как тот потерял сознание у меня на глазах.

Но разговаривать можно лишь до тех пор, пока, пусть временно, не закончатся темы для разговоров, так что сейчас мы просто расслаблялись, лёжа в постели в номере Карен в «Фэйрмон-Рой-ал-Йорк-отеле». Карен читала книгу — настоящий бумажный том в переплёте, а я пялился в потолок. Мне, однако, не было скучно. Мне нравилось смотреть в потолок, в его белое пустое пространство.

Карен, должно быть, испытывала совсем другие эмоции, когда в начале своей карьеры смотрела на пустой лист бумаги в печатной машинке, или как там назывались эти штуки. Подозреваю, что пустая белизна должна пугать автора, чья работа — заполнять её, но меня его безликий простор здесь, в спальне, не прерываемый даже люстрой,

потому что она освещалась лишь торшерами и ночниками на тумбочках, умиротворял и позволял сосредоточиться, отсекая внешние раздражители. Он был идеален для того, чтобы прислушиваться к шевелению собственных мыслей.

Не помню…

Что?

Это тоже не помню. Ты уверен?

Чего я не помню? Конечно, если бы я смог вспомнить это — чем бы оно ни было, — то я не беспокоился бы о своей неспособности это вспомнить…

Нет. Нет. У меня нет никаких воспоминаний о…

О чём? О чём у меня отсутствуют воспоминания?

Ладно, как скажешь. Но всё это очень странно…

Я тряхнул головой, пытаясь привести мысли в порядок. Пусть это и клише, но мне обычно помогало, правда, не в этот раз.

Я уверен, что запомнил бы такое…

Не то чтобы я слышал чей-то голос; не было никакого звука, тембра, модуляции. Лишь слова, что скребутся на периферии восприятия, ар-

тикулированные, но не произнесённые слова, идентичные моим собственным мыслям.

За исключением…

Нет, у меня отличная память. Факты, цифры, мелкие подробности…

За исключением того, что это как будто бы *не мои* мысли.

Как ты сказал, кто ты такой?

Я тряхнул головой ещё более энергично; мой взгляд метнулся от зеркальной дверцы шкафа слева от меня к менее чёткому моему отражению в окне справа.

Хорошо, ладно. А меня зовут Джейк Салливан…

Странно. Очень странно.

Карен посмотрела на меня:

— Что-то не так, милый?

— Нет, — машинально ответил я. — Нет, всё в порядке.

* * *

Кратер Хевисайда расположен на 10,4° южной широты и 167,1° восточной долготы — довольно близко к центру обратной стороны Луны. Это означает, что Земля находится прямо внизу, отделённая от нас тремя тысячами пятьюстами километрами скал и примерно в сотню раз

бóльшим пространством пустоты.

Кратер Хевисайда имеет сто шестьдесят пять километров в поперечнике. Диаметр обитаемого модуля Верхнего Эдема всего пятьсот метров, так что пространства для роста предостаточно. По планам «Иммортекс», к 2060 году около миллиона человек ежегодно будут проходить сканирование и всю их кожуру надо будет где-то размещать. Конечно, они не задержатся в Верхнем Эдеме надолго — максимум на год-два, пока не умрут. Несмотря на утверждения «Иммортекс» о том, что мозговые структуры копируются со стопроцентной точностью, технология постоянно улучшается, так что никто не захочет проходить процедуру раньше, чем это необходимо.

Верхний Эдем состоит из обширного дома престарелых с постоянным уходом, стационара для умирающих и комплекса роскошных квартир для тех постояльцев, кто ещё способен жить без круглосуточного присмотра. Нет, не постояльцев. *Жильцов*. Жильцов без права переезда.

Внутри Верхнего Эдема во всех комнатах и коридорах были очень высокие потолки — слишком уж легко случайно отправиться в полёт. Причём потолки на всякий случай имели мягкую обивку, в которой утопали светильники. И повсю-

ду растения — не только для красоты, но и чтобы поглощать из воздуха излишки углекислого газа.

Я всегда относился с недоверием к заявлениям больших корпораций, но пока слова «Иммортекс» нигде не расходились с делом.

В моей квартире было всё, чего я мог пожелать, и она была в точности такой, какую мне показывали в ходе виртуального тура на Земле. Мебель выглядела сделанной из натурального дерева — сосны, которая мне особенно нравилась, но, конечно же, не была деревянной. Хоть компания и заявляла, что предоставит любую роскошь, которую вы способны оплатить, я не мог взять с собой свою старую мебель из Торонто: она должна была остаться моему… моему *сменщику*, к тому же доставка с Земли обошлась бы в совершенно астрономическую сумму.

Так что, как вежливо объяснил мне домашний компьютер, отвечая на мои вопросы, мебель была изготовлена из чего-то под названием «взбитый реголит» — из размельчённой и насыщенной воздухом горной породы, превращённой в материал наподобие очень пористого базальта, который потом покрыли ультратонким пластиковым покрытием с напечатанным на нём очень детальным рисунком древесных волокон. Искус-

ственная сущность, снаружи замаскированная под естественную. Ничего особенного, если не задумываться над этим слишком сильно.

Поначалу мне показалось, что мягкая мебель выглядит жестковатой, но усевшись, я сразу понял, что на Луне мебели не нужно быть такой уж мягкой для того, чтобы на ней было удобно сидеть. Мои восемьдесят пять кило здесь ощущались как четырнадцать; на родной планете я так мало весил лишь в глубоком детстве.

Одна стена была гигантским телеэкраном — и притом первоклассным. Невозможно было разглядеть отдельные пикселы, даже подойдя к ней вплотную. Сейчас она показывала озеро Луис неподалёку от Банффа в Альберте — в те времена, когда ледники ещё не растаяли и не затопили весь этот район. Подозреваю, что это изображение было сгенерировано компьютером; не думаю, что тогда кто-то мог снимать в таком высоком разрешении. По озеру катились невысокие волны, а в его водах отражалось голубое небо.

В целом это был гибрид пятизвёздочного отеля и кондоминиума высокого класса; всё прекрасно оборудовано и очень удобно.

Не на что жаловаться.

Совершенно не на что.

* * *

Существует миф о том, что человек в основном общается невербально: что люди передают гораздо больше информации выражением лица, языком тела и даже, по утверждениям некоторых, феромонами, нежели словами звукового языка. Но, как известно каждому подростку, это полная чушь: они могут часами висеть на телефоне без функции передачи видео, слыша лишь слова, которые произносит собеседник, и общаться при этом без малейших затруднений. Так что, пускай моё новое тело в невербальном отношении и менее экспрессивно, у меня не должно быть никаких трудностей с тем, чтобы выразить даже самые тонкие нюансы.

Или я в этом просто себя убедил. Однако на следующее утро, по-прежнему в номере Карен, когда я снова посмотрел на её пластиковое лицо, на камеры её глаз, я обнаружил, что мне нестерпимо хочется узнать, о чём она думает. А если я не могу сказать, что творится у неё в голове, то наверняка и другие не могут сказать, что творится в моей. Так что я прибег к проверенному временем методу и спросил:

— О чём ты думаешь?

Мы всё ещё были в постели. Карен ответила, не глядя в мою сторону:

— Я думаю о том, что могла бы быть твоей матерью.

Я почувствовал что-то такое, что не сразу смог опознать, — это было ни на что не похоже. Однако через мгновение я догадался, аналогом чего могло быть такое ощущение: когда внутренности словно сворачиваются в клубок. По крайней мере, она не сказала, что годится мне в бабушки, а ведь технически так оно и было.

— Я думаю, — продолжала она, — о том, что мой сын на два года старше тебя.

Я медленно кивнул.

— Смешно, правда?

— Женщина моих лет с мужчиной твоих? Люди будут косо смотреть. Они скажут…

Я велел голосовому синтезатору рассмеяться, и он это сделал — несколько неубедительно, как мне показалось.

— Они скажут, что я с тобой ради денег.

— Но это, понятное дело, полная чушь. У тебя собственных денег полно… э-э-э, ведь так? То есть даже после процедуры у тебя всё равно осталось прилично, да?

— О да.

— Честно?

Я сказал ей, сколько стоит мой биржевой портфель и принадлежащая мне недвижимость.

Она повернула голову и, улыбаясь, посмотрела на меня.

— Неплохо для молодого человека вроде тебя.

— Это не так уж много, — сказал я. — Нельзя сказать, что я *неприлично* богат.

— Нет, — согласилась она. — Лишь чуть-чуть фривольно.

— И всё же… — сказал я, и мои слова повисли в воздухе.

— Я знаю, — сказала Карен. — Это безумие. Я почти вдвое старше тебя. Что у нас общего? Мы росли в разных столетиях. Даже в разных тысячелетиях.

Это было правдой и не нуждалось в комментариях.

— Но, — сказала Карен, по-прежнему пряча глаза, — я думаю, жизнь не та часть путешествия, что осталась позади, а часть, которую ещё нужно пройти. — Она помолчала. — Кроме того, это сейчас мой возраст составляет двести процентов твоего; через тысячу лет это будет всего сто пять процентов. А ведь мы собираемся прожить эту тысячу лет, верно?

Я помолчал, обдумывая это.

— Я всё ещё пытаюсь уложить в голове истинное значение слова «бессмертие». Но, думаю, ты права. Думаю, разница в возрасте — не такое уж большое дело, если на неё взглянуть под таким углом.

— Ты правда так думаешь?

Я снова на мгновение задумался. Если мне нужен повод уйти, то сейчас была прекрасная возможность. Но если я не хочу уходить, то мы должны разобраться с этой проблемой раз и навсегда.

— Ага, — сказал я, — я правда так думаю.

Карен перекатилась на бок, лицом ко мне. Она усмехнулась.

— Я не думала, что ты знаешь Аланис Морисетт.

— Кого?

— О, — сказала Карен, и я увидел, как её пластиковые черты опустились. — Это певица, очень популярная. Кстати, канадка. И, — она изобразила хрипловатый голос, которого я никогда раньше не слышал, — «Ага, я правда так думаю» — это строка из её песни «Ирония».

— Ах, — сказал я.

Карен вздохнула.

— Но ты этого не знаешь. Ты не знаешь и половины того, что знаю я, потому что прожил вдвое меньше меня.

— Так научи меня, — сказал я.

— Что?

— Научи меня той части твоей жизни, которую я пропустил. Подтяни меня до своего уровня.

Она отвернулась.

— Я даже не знаю, с чего можно бы было начать.

— Начни с заголовков новостей, — сказал я.

— Слишком много всего.

Я нежно погладил её по плечу.

— А ты попробуй.

— Ну-у-у… — протянула Карен. — Мы вышли в космос. Мы вели ту глупую войну во Вьетнаме. Мы скинули коррумпированного президента. Советский Союз пал. Появился Европейский союз. Микроволновые печи, персональные компьютеры, сотовые телефоны, интернет… — Она повела плечами. — «Ридерз Дайджест».

— Что-что? О нет, просто дразнюсь, — улыбнулся я. — Моя мама выписывала его, когда я был маленький.

Но шутка её задела, и я это заметил.

— Нас разделяет не история, а *культура*. Мы

выросли читая разные журналы, разные книги. Мы смотрели разные передачи по телевизору, слушали разную музыку.

— Ну и что? — сказал я. — Всё есть в сети. — Я улыбнулся, вспомнив наш прошлый разговор. — Даже защищённое копирайтом — и владельцы получат свои микроплатежи автоматически, как только мы запросим доступ, верно? Так что мы можем скачать твои любимые книги и всё остальное, и ты можешь познакомить меня с ними. В конце концов, времени-то у нас хоть отбавляй.

Карен явно заинтересовалась.

— Но с чего начать? — спросила она.

— Я бы начал с телешоу, которые ты смотрела, когда была маленькой.

— Ой, ты такое смотреть не захочешь. Всё плоское, в низком разрешении… кое-что даже чёрно-белое.

— Разумеется, захочу, — сказал я. — Это будет весело. Собственно, — я сделал жест в сторону гигантского экрана-стены, — почему бы тебе не подобрать что-нибудь прямо сейчас? Давай сразу и начнём.

— Думаешь? — сказала Карен.

— Ага, — ответил я, пытаясь сымитировать голос той певицы, Аланис, — я правда так думаю.

Губы Карен как-то странно дёрнулись, словно в раздумье она попыталась их оттопырить. Потом она заговорила, приказывая компьютеру открыть сетевой репозиторий старых телешоу. Несколько секунд спустя на телестене начали появляться белые буквы, по одной зараз, и складываться в слова под зазвучавшую из динамиков барабанную дробь: *«ЧЕЛОВЕК…»*

Карен пришла в заметное возбуждение и села в постели.

— Вот, я включила сразу на титрах, чтобы дать тебе начальное представление — потом мы вернёмся назад и посмотрим тизер.

«…НА ШЕСТЬ…»

— Значит так, — сказала она. — Видишь того парня в кабине? Это Ли Мэйджорс.

«…МИЛЛИНОВ ДОЛЛАРОВ».

— Он играет Стива Остина, — продолжала Карен, — астронавта и лётчика-испытателя.

— Какого года это шоу? — спросил я.

— Этот эпизод из сезона 1974 года.

Это было… чёрт, это было за столько же лет до моего рождения, сколько их прошло после несчастья с моим отцом.

— Шесть миллионов — тогда это было много?

— Целое состояние.

— Хм-м…

На экране шёл диалог между пилотом и наземной службой:

– НАСА-один, пока всё хорошо.

— О'кей, Виктор.

– Стартовый ключ посадочных ракет в положение «Включено». Пошла тяга…

— Видишь, — сказала Карен, — он испытывает экспериментальный самолёт, который сейчас разобьётся. Он потеряет руку, обе ноги и глаз.

— Я знаю рестораны, в которых он не смог бы поужинать, — сказал я и сделал идеальную комическую паузу. — Там, чтобы расплатиться, руку и ногу отдать приходится [15].

Карен легко хлопнула меня по руке. На экране маленький экспериментальный аппарат отделился от крыла гигантского самолёта. Аппарат был похож на ванну — ничего удивительного, что он разбился.

— Однако, — продолжала она, — ему заменили потерянные конечности сверхпрочными протезами на атомной энергии, а вместо утраченного глаза вмонтировали камеру с двадцатикратным зумом и способную видеть в инфракрасном

---

[15] Notes: 15

Трудноперводимая игра слов: в английском «arm and leg» («рука и нога») — устойчивое выражение, означающее «большие деньги».

свете.

Диалог на экране продолжался:

— Разрыв в третьем амортизаторе…

— Тангаж на ноль.

— Тангаж запредельный! Не могу держать высоту!

— Поправка: отсек альфа вскрыт. Аварийный отстрел селекторов!

— Контроль, не могу его удержать. Он разваливается! Он разва…

Летающая ванна пронеслась через экран; картинка была очень зернистой.

— Это настоящая архивная съёмка, — объяснила Карен. — Эта катастрофа произошла в действительности.

На экране появилось нечто, по-видимому, призванное выглядеть как компьютерная графика: похоже, они сверлили дырку в затылке Остина, чтобы установить искусственный глаз, — и скоро восстановленное человеческое тело уже перебирало ногами на беговом тренажёре. Я прочитал угловатые цифры на экране.

— Шестьдесят километров в час? — недоверчиво спросил я.

— Лучше! — ухмыльнулась Карен. — Шестьдесят *миль* в час.

— А насекомые у него по лицу размазывались, как на ветровом стекле?

Карен рассмеялась.

— Нет, и волосы никогда не растрёпывались. У меня в спальне висел постер с ним, когда я была подростком. Он был просто великолепен!

— Я думал, у тебя висел Супермен и тот, как его — Том чего-то-там?

— Том Селлек. И они тоже. У меня в спальне вообще-то была не одна стена.

— То есть введение в твою культуру обещает быть чередой подростковых кумиров?

— Не беспокойся, — усмехнулась Каррен. — Я также любила смотреть «Ангелов Чарли» — в семнадцать у меня была причёска, как у Фэрры Фосетт. Её я тебе покажу в следующий раз; тебе понравится. Это было первое в истории джигл-шоу.

— Джигл?

Она придвинулась ближе ко мне.

— Увидишь.

Глава 16

Ресторан американской кухни Верхнего Эдема был почти пуст: пожилая белая пара обедала у камина, как я понимаю, голографического, и ещё один чернокожий мужчина обедал в одиночестве. Чернокожий был коротко подстрижен. Он был немного похож на Уилла Смита, который в прошлом году получил «Оскара» за роль Вилли Ломана в новой версии «Смерти коммивояжёра». Ради этой роли Смиту пришлось избавиться от своего природного блеска в глазах, но похожему на Смита мужчине не было в том нужды, и даже когда он просто сидел за столом, его лицо сохраняло внимательное и настороженное выражение. Поддавшись внезапному порыву, я подошёл к его столику.

— Здравствуйте, — сказал я. — Не возражаете, если я составлю вам компанию?

Он улыбнулся.

— Если бы я хотел есть в одиночестве, то ел бы дома.

Я выдвинул стул и сел, машинально отметив, что ножки стула утяжелены. Наверное, без этого

с непривычки можно было слишком сильно за него потянуть и отправить в полёт в здешней низкой гравитации.

— Джейк Салливан, — сказал я, протягивая руку.

— Малкольм Дрэйпер, — представился он. Я заметил таффордское кольцо на указательном пальце его правой руки, но из-за своего дальтонизма не мог различить, красное оно или зелёное. Впрочем, это и не важно: я же не собирался делать ему предложение. Своё собственное я оставил дома; не думал, что оно может мне понадобиться здесь, среди всех этих стариков. В прошлом мне приходилось обходиться без секса два года кряду, хотя и не по собственному выбору, и у меня не было секса ни с кем с той единственной замечательной ночи с Ребеккой в канун Нового года. Так что я не сомневался, что смогу обойтись без секса те несколько лет, что остались до того, как синдром Катеринского убьёт меня или спровоцирует выполнение завещания о жизни. Конечно, мой таффорд был зелёным, по крайней мере, так мне говорили, что означало, что я гетеросексуал. Правда, исходя из своих успехов с женским полом я иногда начинал подозревать, что продавец воспользовался моей цветовой слепотой и всучил

мне таки красный.

— Рад познакомиться, Джейк, — сказал Малкольм после того, как мы пожали руки.

— Малкольм Дрэйпер, — повторил я имя, которое он назвал. Что-то оно мне напоминало. — Я не могу вас знать?

На лице моего собеседника возникло обеспокоенное выражение.

— Вы федерал?

— Простите?

— Агент одной из моих бывших жён?

— Нет. Простите. Я не собирался…

Лукавая улыбка.

— О, конечно же нет. Шутка. Некоторые люди могли обо мне слышать, да. Я был дершовицким профессором права и гражданских свобод в Гарварде.

— Точно! Точно! Громкие дела. Та лаборатория, где изучали приматов, верно?

— Да, это был я. Положил конец вивисекции высших приматов на территории Штатов и их незаконному удержанию.

— Помню это дело. Вы молодец.

— Спасибо. — Он добродушно пожал плечами.

— Вы не выглядите таким уж старым, — сказал я.

— Мне семьдесят четыре. Я бы мог ещё заседать в Верховном суде… Не то чтобы чернокожий либерал имел шансы быть туда назначенным в ближайшие… да вообще никогда.

— Гм-м, — сказал я, не найдя лучшего ответа. — А вы перед ним когда-нибудь выступали?

— Перед кем?

— Верховным судом. Американским, разумеется. Сам-то я канадец.

– *Были* канадцем, — поправил Дрэйпер. — Сейчас вы вообще никто.

— Ну-у… — сказал я.

— Но возвращаясь к вашему вопросу — да, я выступал перед Верховным судом. В последний раз в деле «Мак-Чарльз против Масланковски».

— Так это были вы?

— Да.

— Вау! Горжусь знакомством, мистер Дрэйпер.

— Малкольм, пожалуйста.

Он выглядел таким бодрым, что я не мог поверить в его скорую смерть.

— Так вы… вы сюда в гости приехали?

— Нет, нет, я здесь живу. Я тоже переместил своё сознание. Полноправный Малкольм Дрэйпер по-прежнему занимается юридической практикой на Земле. Впереди ещё множество

битв и множество юных умов, из которых нужно сделать юристов, а я уже слишком устал этим заниматься. Доктора сказали, что я запросто протяну ещё лет двадцать, но я больше не чувствовал в себе сил трудиться так же усердно и дальше. Так что ушёл в отставку сюда — и теперь они говорят, что при здешней малой тяжести я смогу прожить и *тридцать* лет.

— Тридцать лет…

Он посмотрел на меня, но тактично удержался от вопроса. Интересно, каково это юристам — иметь возможность задавать любые неприятные вопросы, неважно, насколько прямые и личные, в зале суда, но воздерживаться от них так же, как все остальные, за его стенами? Я решил, что нет причин скрывать это от него.

— Я, вероятно, здесь лишь на короткое время.

— Такой молодой человек, как вы? Полноте, мистер Салливан, вы ведь под присягой…

— Нет, это правда. Повреждённые сосуды в мозгу. Их можно увидеть, но невозможно исправить. Я могу умереть в любой момент или, ещё хуже, впасть в вегетативное состояние.

— Ох, — сказал Дрэйпер. — Ох ты ж…

— Всё нормально, — сказал я. — По крайней мере, другая версия меня продолжит жить.

— Точно, — отозвался Дрэйпер. — То же самое и со мной. Уверен, мы сможем гордиться ими обоими. — Он помолчал. — И как, вы уже нашли здесь себе пару?

Его прямота застала меня врасплох, и я ничего не ответил.

— Я видел вас с этой писательницей — Карен Бесарян.

— Да. А что?

— Вы ей, похоже, нравитесь.

— Не мой тип.

— Не ваш возраст, хотите сказать.

Я не ответил.

— Впрочем, — сказал Малкольм, — здесь отличные проститутки.

— Я знаю. Читал брошюру.

— Я вёл колонку о гражданских свободах в «Пентхаусе». Как Алан Дершовиц [16] до меня.

— Правда?

— Ага. Их девиз был: «Журнал о сексе, политике и власти».

— И о писающих женщинах.

— И об этом тоже, — улыбнувшись, согласился Малкольм.

---

[16] Notes: 16

Алан Дершовиц (род. 1938) — знаменитый американский юрист, профессор права в Гарварде, участник нашумевших судебных процессов.

Подростком я иногда в них заглядывал, пока «Пентхаус» и «Плейбой» не обанкротились, не выдержав конкуренции с сетью.

— Так в чём же дело? — продолжал Малкольм. — Не любите за это платить?

— Пока не приходилось.

— Я считал, что в Канаде всё это легально.

— Это да, но…

— Кроме того, посмотрите на это под таким углом. Вы за это *не* платите. Джейк Салливан с Земли — это он оплачивает все счета. Вы на каком плане обслуживания?

— Золотом.

— Ну, тогда проститутки включены.

— Я не знаю…

— Поверьте мне, — сказал Малкольм, и в его глазах сверкнула искра, — вы никогда по-настоящему не занимались сексом, пока не попробовали его при вшестеро меньшей тяжести.

* * *

Теперь, когда у меня было новое тело, я прекрасно обходился без потения, чихания или усталости, без чувства голода. Я не скучал по отбитым пальцам на ноге, по солнечным ожогам, по соплям и мигреням. Не скучал и по болям в

левой лодыжке, по поносу, перхоти и спазмам, по моментам, когда так в туалет хочется, что аж больно. По необходимости бриться, стричь ногти или пользоваться дезодорантом, по бумажным порезам, метеоризму, прыщам, затёкшей шее… Было приятно знать, что мне никогда не понадобится накладывать швы, делать ангиопластику [17], вправлять грыжу или лечить лазером отслаивание сетчатки. То, что Ракушка сделала с моей рукой, было исправлено за пару минут, и рука стала как новая; любое физическое повреждение могло быть устранено так же легко, без анестезии и шрамов. А ещё, как говорилось на презентации, очень приятно не беспокоиться о диабете, раке, болезни Альцгеймера, инфаркте, ревматоидном артрите — или о синдроме Катеринского, будь он проклят.

Плюс ко всему, теперь я мог читать часами. Мне по-прежнему становилось скучно так же легко, как и раньше: книга должна быть интересной. Но больше не приходилось прекращать чтение из-за того, что устали глаза или потому, что от чтения при тусклом освещении начала болеть голова.

[17] Notes: 17

Процедура расширения поражённого кровеносного сосуда для обеспечения кровотока через него. Обычно выполняется путём имплантации в сосуд специального расширителя.

В сущности, я не читал так много с тех пор, как был студентом.

Были ли вещи, по которым я скучал? Конечно. Моя любимая еда — перец халапеньо и попкорн, желейные конфеты и тягучий сыр на пицце. Я скучал по чувству, которое возникало после того, когда сладко зевнёшь, или по бодрящему ощущению от плещущей в лицо холодной воды. Мне не хватало щекотки и ощущения шёлка на коже, а ещё смеха, такого заливистого, что начинали болеть щёки.

Но всё это ушло не навсегда. Через десяток-другой лет появятся технологии, которые смогут вернуть мне и эти ощущения. Я могу подождать. Я могу ждать сколько угодно.

И всё же несмотря на то, что у меня было всё время мира, некоторые события развивались с пугающей стремительностью. Карен съехала из своего люкса в «Ройал-Йорке» и переехала ко мне. На время, разумеется: просто так удобнее, раз уж ей пришлось задержаться в Торонто для регулярных визитов к Портеру для проверки и отладки два или три раза в неделю.

Я не собирался уезжать из Норт-Йорка в обозримом будущем. Поэтому пытался решить, что делать с кухней. Казалось бессмысленным

отводить такую большую площадь под то, что мне — *нам* — никогда не понадобится, и, честно говоря, она была нежелательным напоминанием об удовольствиях, от которых пришлось отказаться. Конечно, надо будет оставить ванную для гостей, но бара с мойкой и кофейника гостям должно хватить за глаза, а кухня у меня была огромная и окнами выходила на ландшафтный парк во дворе. Слишком хорошее пространство, чтобы пустовать заброшенным. Может быть, я сделаю здесь бильярдную. Всегда хотел дома бильярдную.

Пока я размышлял обо всём этом, Карен, как это часто бывало, сидела в кресле, читая что-то с планшета. Она предпочитала бумажные книги, но не возражала против планшета, когда дело касалось новостей, и…

Внезапно я услышал, как она издала звук, который заменял ей горестный вскрик.

— Что случилось? — спросил я.

— Дарон умер.

Я сразу не узнал это имя.

— Кто?

— Дарон Бесарян. Мой первый муж.

— О господи, — сказал я. — Мне так жаль.

— Я не видела его… надо же, уже тридцать лет.

С тех пор как умерла его мать. Она была очень добра ко мне, мы с ней поддерживали контакт, даже после того развода с Дароном. Я приезжала на её похороны. — Карен на мгновение замолчала, потом решительно произнесла: — И я хочу поехать на похороны Дарона.

— Когда они?

Она сверилась с планшетом.

— Послезавтра. В Атланте.

— Ты… ты хочешь, чтобы я поехал с тобой?

Карен задумалась, потом сказала:

— Да. Если ты не возражаешь.

Вообще-то я терпеть не мог похороны — но никогда не был на похоронах кого-то, кого не знал лично; может быть, будет не настолько плохо.

— Э-э-э… конечно. Конечно, я… — «с удовольствием» как-то совсем не подходило моменту, и в этот раз я сумел-таки оборвать себя прежде, чем слово вырвалось на волю, — поеду с тобой.

Карен решительно кивнула:

— Значит, договорились.

* * *

Нужно было что-то решить с Ракушкой. Ей было необходимо человеческое общество, а меня, похоже, она не собиралась признавать, что бы я

ни делал — и Карен, как оказалось, тоже. Опять же, мы с Карен собрались в Джорджию, а потом решили на обратном пути заехать в Детройт. Было бы нечестно оставлять Ракушку наедине с робокухней на столь длительный срок.

И в общем, печально, конечно, но я полный идиот. Я не мог завершить всё раз и навсегда; не мог не поддаться соблазну и ещё один последний раз не попробовать выяснить отношения. Так что я позвонил Ребекке Чонг.

Я подумал, что, возможно, если я отключу видео на телефоне, то разговор будет легче. Она услышит мой голос, услышит в нём теплоту, приязнь — но не увидит моего пластикового лица.

Она, разумеется, знала, что это я звоню: телефон об этом сообщил. Так что сам факт того, что она сняла трубку…

— Алло, — послышался её голос, деловой и холодный. И у меня возникло то чисто психологическое ощущение, которым раньше сопровождалось падающее вниз сердце.

— Привет, Бекс, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал непринуждённо.

— Привет, — сказала она, по-прежнему избегая произносить моё имя. Оно было у неё перед глазами, цепочка пикселов на дисплее электронной

идентификации, но она не хотела его произносить.

— Бекс, — сказал я, — я по поводу Ракушки. — Ты можешь… не возражаешь, если она у тебя поживёт какое-то время? Я… она…

Ребекка была очень умна; за это, в частности, я её и любил.

— Она тебя не узнаёт, верно?

Я молчал дольше, чем это считается приличным в телефонном разговоре, потом ответил:

— Да. Не узнаёт. — Я снова помолчал, потом добавил: — Я же помню, как тебе нравилась Ракушка. В твоём доме разрешается держать животных?

— Ага, — ответила она. — Да, я с удовольствием присмотрю за Ракушкой.

— Спасибо, — сказал я.

Должно быть, разговор о собаке подвигнул её кинуть мне кость:

— На то и нужны друзья.

* * *

Я сидел в гостиной моих лунных апартаментов и читал с планшета новости. Конечно, статьи были отобраны в соответствии с моим списком ключевых слов, и…

Господи…

Господи Иисусе.

Да может ли это быть правдой?

Я открыл статью и прочитал — а потом прочитал ещё раз.

Чандрагупта. Я никогда раньше не слышал этого имени; то ли это была не его область, то ли…

Гиперлинк — биография. Нет, нет, всё настоящее, без обмана. А значит…

Моё сердце бешено колотилось, глаза застилал туман.

О господи. Боже ж ты мой…

Наверное, я должен послать ему и-мейл, но…

Но, чёрт его дери, я не мог. Нам разрешалось получать новости с Земли — я никогда бы сюда не приехал, если бы знал, что не смогу следить за играми «Блю Джейз», — но любые контакты с оставшимися на Земле людьми были строго запрещены.

Господи, почему это не случилось несколько недель назад, до того, как я потратил все эти деньги на мнемосканирование и переезд на Луну?

Но то были всего лишь деньги. *Это* — гораздо, гораздо важнее.

Неизмеримо важнее.

Это изменит *всё*.

Я перечитал новостную заметку, чтобы убедиться, что я не ошибся. Ошибки не было. Всё это было *реально*.

Я чувствовал возбуждение, ликование и трепет. Я покинул свою квартиру и практически вприпрыжку кинулся к офису «Иммортекс».

Главного администратора Верхнего Эдема звали Брайан Гадес: высокий, за пятьдесят, светлые глаза, серебристо-белые волосы, собранные сзади в хвостик, белая борода. Он встречал нас по приезде; я ещё пошутил, что фамилия у него — просто ад. И, хотя его голос ни на йоту не сбился с обычного любезного «клиент-всегда-прав», его бородатая челюсть напряглась так, что сразу стало ясно: я далеко не первый так шучу. Бюрократию здесь не разводили, так что я просто вошёл в дверь его офиса и поздоровался.

— Мистер Салливан, — сразу сказал он, поднимаясь из-за модного стола в форме почки; нас тут было не настолько много, чтобы нельзя было запомнить всех в лицо. — Чем могу помочь?

— Я должен вернуться на Землю.

Гадес вскинул брови.

— Мы не можем этого позволить. Вы знаете правила.

— Вы не понимаете, — сказал я. — Они нашли

решение моей проблемы.

— И что же это за проблема?

— Синдром Катеринского. Разновидность артериовенозной мальформации в мозгу. Это из-за неё я здесь. Но теперь появился способ его лечения.

— Правда? — спросил Гадес. — Это замечательная новость. И как его лечат?

Я прекрасно владел всей необходимой терминологией; я ведь жил с этим бóльшую часть жизни.

— С помощью нанотехнологий они эндоваскулярно вводят в АВМ частицы, которые закупоривают её нидус; кровь перестаёт в неё попадать. Поскольку частицы состоят из углеродных нановолокон, организм не отторгает их и никак на них не реагирует.

— И из этого следует… что? У вас будет нормальный срок жизни?

— Да! Да! То есть вы понимаете, что…

— Это великолепно. Где они делают такие операции?

— В Джоне Хопкинсе [18].

— Понятно. Что ж, вы туда попасть не можете, но…

---

[18] Notes: 18

Университет Джона Хопкинса в Балтиморе, Мэриленд, один из ведущих вузов США.

— Что значит — я не могу туда попасть? Мы говорим о спасении моей жизни! Я знаю, что у вас правила, но…

Гадес поднял руку.

— И мы не можем их нарушить. Но не волнуйтесь. Мы свяжемся с нужными людьми от вашего имени и доставим специалиста прямо сюда. У вас неограниченное медицинское обслуживание, хотя…

Я знаю, о чём он думает. Что мой бухгалтер — старина Ларри Хэнкок, — несомненно, заметит… сколько? Миллионы? Да, это обойдётся в миллионы. Но Гадес всё ещё не улавливал сути.

— Нет-нет, вы не поняли. Теперь всё по-другому. Условия, на которых я согласился здесь поселиться, больше не действуют.

Голос Гадеса был бесконечно любезен.

— Мне очень жаль, сэр. Мы, без сомнения, организуем ваше лечение — и как можно скорее, поскольку я прекрасно понимаю нестабильность вашего текущего состояния. Но вы не можете покинуть Верхний Эдем.

— Вы должны меня отпустить, — сказал я сдавленным голосом.

— Мы не можем. Снаружи у вас нет ни дома, ни денег, ни личности — ничего. Здесь единственное

место для вас.

— Нет, вы не понимаете.

— О, прекрасно понимаю. Послушайте, сколько вам лет?

— Сорок четыре.

— Подумайте о том, как вам повезло. Мне пятьдесят два, и я должен буду трудиться ещё много лет, но вы ушли на покой на один или два десятка лет раньше, чем большинство людей, и живёте в абсолютной роскоши.

— Но…

— Разве нет? Разве вам чего-то здесь не хватает? Вы ведь знаете, как мы гордимся качеством нашего обслуживания. Если что-то не отвечает вашим стандартам, вам достаточно только сказать. Вы ведь знаете.

— Нет-нет… здесь всё очень приятно, но…

— Вот видите, мистер Салливан, вам совершенно не о чем беспокоиться. У вас здесь есть всё, что вы могли бы иметь снаружи.

— Не всё.

— Так скажите мне, чего вам не хватает. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы вы остались довольны.

— Я хочу домой.

Это прозвучало так жалобно, так похоже на

мои первые дни в летнем лагере много лет назад. Но именно этого мне сейчас хотелось больше, чем чего бы то ни было в целом мире — во всех мирах. Я хотел домой.

— Мне правда очень жаль, мистер Салливан, — сказал Гадес, медленно качая головой; конский хвост у него на затылке при этом подпрыгивал. — Этого я вам дать никак не могу.

Глава 17

Ещё до того, как сесть в самолёт до Штатов, нужно пройти американскую таможню в аэропорту Пирсон города Торонто. Я боялся, что с этим будут сложности, но биометрия наших новых тел в ключевых пунктах полностью совпадала с биометрией прежних, так что мы прошли через автоматизированный контроль безо всяких хлопот. Я думал, что у Карен возникнут проблемы из-за того, что её нынешнее лицо не похоже на фотографию в паспорте, но программа распознавания лиц, вероятно, больше полагалась на базовую костную структуру, потому что признала, что изображённая на фото женщина — это действительно она.

Я не летал на самолёте с тех пор, как был подростком. Доктора не рекомендовали мне этого делать, потому что перепады давления могли спровоцировать синдром Катеринского. Теперь, разумеется, я не ощущал никаких перепадов давления вообще. Было интересно, улучшилась ли кормёжка на борту за последние годы, но теперь я это уже никак не мог проверить.

Одно из преимуществ отсутствия потоотделения состоит в том, что не нужно брать с собой так много одежды; мы летели с одной ручной кладью. Прибыв в Атланту, мы сразу подошли к стойке «Hertz» и взяли в аренду автомобиль — белую «Тойоту Дила». Поскольку нам незачем было заезжать в отель, мы поехали прямиком в похоронное бюро.

Водительские права Карен по-прежнему действовали, хотя она сказала, что не садилась за руль много лет: боялась, что её рефлексы уже не те. Но сейчас она вела машину с большим удовольствием. Я уже и не помню, когда в последний раз ездил пассажиром, но это дало мне возможность насладиться видами; в Джорджии и правда много персиковых деревьев.

По пути Карен рассказывала мне о Дароне.

— Он был моей первой любовью, — сказала она. — А когда это в первый раз, тебе не с чем сравнивать. Я и предположить не могла, что всё так обернётся… хотя, полагаю, этого никто не знает заранее.

— Почему вы расстались? — Этот вопрос давно меня интересовал, и теперь я решил, что выждал достаточно перед тем, чтобы его озвучить.

— О, по множеству причин, — сказала Карен. —

В основном из-за того, что хотели разного от жизни. Мы поженились ещё студентами. Он хотел заниматься продажами в печатном бизнесе, как его отец — тогда печатное дело ещё считалось хорошей карьерной перспективой, — и чтобы я тоже поскорее начала работать. Но я хотела остаться в университете, поступить в аспирантуру. Он хотел дом с большим участком в пригороде — я хотела путешествовать и не быть привязанной к одному месту. Он хотел немедленно заняться семейной жизнью; я же хотела повременить с детьми. На самом деле…

— Что?

— Ничего.

— Нет. Скажи мне.

Карен какое-то время молча вела машину. Потом сказала:

— У меня был аборт. Забеременела — глупо, правда? Забыла принять таблетки. Так вот, я не сказала об этом Дарону, потому что он стал бы настаивать на том, чтобы сохранить ребёнка.

Я сознательным усилием подавил естественную реакцию на удивление — глупо захлопать глазами. Они поженились в 1980-е, сейчас 2040-е. Если бы Карен оставила ребёнка, ему бы сейчас было около шестидесяти… и он бы также направ-

лялся бы сейчас на похороны человека, который был его отцом.

Я практически ощутил водоворот мировых линий, туман жизней, которые могли пойти иначе. Если бы Карен не прервала ту беременность десятки лет назад, она ради ребёнка могла бы остаться с Дароном… что означало, что она, вероятно, никогда бы не написала «Диномир» и его продолжения — к писательству её приобщил второй муж. А это означало, что она никогда не смогла бы позволить себе услуги «Иммортекс». И была бы сейчас просто очень старой дамой, страдающей от больных суставов.

Мы въехали на парковку похоронного бюро. На ней было много свободных мест, но Карен припарковалась на одном из мест для инвалидов.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Что? Ой. — Она включила задний ход. — Сила привычки. Раньше, когда я ещё водила, мы имели право пользоваться такими местами — мой бедный Райан передвигался с ходунками.

Она нашла другое место для парковки, и мы вышли. Я считал, что у нас в Торонто в августе жарко; здесь же было как в доменной печи и к тому же влажно, как в парной.

Другая пара — какое многозначное словосоче-

тание! — опережая нас, входила в здание. Должно быть, расслышав звук наших шагов, мужчина придержал дверь, для чего ему пришлось обернуться.

От удивления у него отвисла челюсть. Господи, как я устал от того, что на меня пялятся! Я выдавил из себя то, что считал своей лучшей постановочной улыбкой, и перехватил дверь. Мы с Карен вошли. Сегодня здесь было три скорбящие семьи; указатель в вестибюле направил нас в нужное помещение.

Гроб был открыт. Даже с такого расстояния я мог разглядеть тело, пытающееся казаться живым.

Ну да. Мне ли об этом говорить.

Разумеется, все взгляды тут же устремились на нас. Женщина лет, наверное, под восемьдесят — примерно ровесница Карен — поднялась со скамьи и подошла к нам.

— Кто вы? — спросила она, глядя на меня. Её голос был слаб, а глаза покраснели.

Этот вопрос, разумеется, я много раз задавал себе в последнее время. Однако прежде, чем я успел произнести хоть слово, Карен ответила:

— Он со мной.

Морщинистое лицо повернулось к Карен.

— А вы кто?

— Я Карен, — ответила она.

— Да? — сказала женщина, явно ожидая продолжения.

Карен, казалось, не хотела произносить свою фамилию. Здесь, в окружении настоящих Бесарянов — Бесарянов по рождению или в силу длительного замужества, — она, должно быть, не была уверена, что имеет на неё право. Но потом она всё-таки сказала:

— Я Карен Бесарян.

— О… Господи, — сказала женщина, щуря глаза и вглядываясь в молодое синтетическое лицо Карен.

— А вы?.. — спросила Карен.

— Джули. Джули Бесарян.

Я не знал, сестра она Дарону или ещё одна его вдова, но Карен, похоже, знала; она наверняка помнила имена своих бывших золовок, если таковые были.

Карен протянула Джули руки, словно в выражении соболезнования, но та лишь посмотрела на них и не пошевелилась.

— Мне всегда было интересно, как вы выглядели, — сказала Джули, снова переводя взгляд на лицо Карен.

Значит, другая вдова. Карен едва заметно вски-

нула голову.

— Теперь знаете, — ответила она. — На самом деле сейчас я выгляжу ненамного старше, чем когда мы с Дароном были вместе.

— Я… простите, — сказала Джули. — Простите меня. — Она посмотрела на своего мёртвого мужа, потом снова на Карен. — Я бы хотела, чтобы вы знали: за все пятьдесят два года нашей с Дароном совместной жизни он ни разу не сказал о вас плохого слова.

Карен благодарно улыбнулась.

— И он очень радовался вашим успехам.

Карен слегка кивнула.

— Спасибо. Кто здесь из семьи Дарона?

— Наши дети, — сказала Джули, — но вы их вряд ли знаете. У нас родилось две дочери. Они скоро вернутся.

— А его брат? Его сестра?

— Григор умер два года назад. А Наринэ вон там.

Голова Карен повернулась к ещё одной старой женщине, опирающейся на ходунки, которая разговаривала со среднего возраста мужчиной.

— Я… я подойду поздороваюсь, — сказала она. — Выскажу соболезнования.

— Конечно, — ответила Джули. Женщины ото-

шли, а я обнаружил, что прохожу в переднюю часть помещения, где стоит гроб, и там вглядываюсь в лицо покойника. Я не думал о том, чтобы это сделать, — но мне стали очевидны намерения моего тела, и я не стал накладывать на них вето.

Не могу сказать, что все мои мысли доброжелательны и уместны, довольно часто хочется, чтобы они вообще не приходили в голову. Но они приходят, и я вынужден их принимать. Этот человек там, в гробу, делал то, чего я никогда не сделаю: касался её во плоти, сливался с ней в природной, животной страсти. Да, то было шестьдесят лет назад… задолго до моего рождения. И я не злился на него за это; я ему завидовал.

Он лежал скрестив руки на груди и выглядел очень спокойным. Спокойным — и очень старым: лицо изборождено морщинами, голова практически лысая. Я попытался представить себе это лицо молодым. Был ли он в молодости красавцем — и насколько много тогда это значило для Карен? Но я не мог сказать, как выглядел этот человек в двадцать один, в возрасте, когда она вышла за него замуж. Ну да ладно, скорее всего, лучше не знать.

И всё же я не мог отвести взгляд от его лица, такого, каким моё собственное теперь уже ни-

когда не станет. Однако нас разделяла не только внешность; этот человек — Дарон Бесарян — был мёртв, а я, вероятно, никогда не умру. И до сих пор пытаюсь это осознать.

— Джейк?

Я выпал из своего транса. Карен приближалась ко мне очень короткими шажками; на её искусственную руку опиралась Джули, по-видимому преодолевшая своё недоверие к ней.

— Джейк, — повторила Карен, подойдя ближе, — прости, что я вас сразу друг другу не представила. Это Джули, жена Дарона. — Очень тактично с её стороны не уточнять «вторая жена».

— Я глубоко сочувствую вашей утрате, — сказал я.

— Он был хорошим человеком, — сказала Джули.

— Не сомневаюсь в этом.

Джули немного помолчала, потом сказала:

— Карен рассказала мне, что с вами произошло. — Она указала тонкой скрюченной рукой на моё тело. — Я, конечно, немного слышала об этих вещах — я всё ещё смотрю новости, хотя они по большей части вгоняют меня в депрессию. Но я и подумать не могла, что познакомлюсь с кем-то

настолько состоятельным, чтобы…

Она замолчала, и я не нашёл, что сказать в ответ, так что просто ждал, что она продолжит. И она в конце концов заговорила снова.

— Простите, — сказала Джули. Потом посмотрела на гроб и снова на меня. — Я не хотела бы того, что есть у вас, — только не без моего Дарона. — Она коснулась моего синтетического запястья своей рукой из плоти и крови. — Но я вам завидую. Мы с Дароном были вместе всего пятьдесят лет. Но вы двое! У вас впереди ещё столько времени! — В её глазах снова блеснули слёзы, и она опять посмотрела на своего мёртвого супруга. — О, как я вам завидую…

* * *

Вскоре после прибытия на Луну я слышал, как кто-то в шутку сказал: «Одно из преимуществ лунной жизни в том, что здесь нет адвокатов». Но, разумеется, это было не совсем так: мой новый друг Малкольм Дрэйпер был адвокатом, пусть и, по его собственным словам, в отставке. Так что было естественно обратиться к нему за советом относительно моих затруднений. Я позвонил ему по внутренней телефонной сети Верхнего Эдема — единственной, к которой имели доступ

здешние обитатели.

— Привет, Малкольм, — сказал я, когда его легко узнаваемое лицо появилось на экране. — Мне нужно с вами поговорить. Есть минутка?

Он приподнял седые брови.

— Что стряслось?

— Мы можем где-нибудь встретиться? — спросил я.

— Конечно, — ответил Малкольм. — Как насчёт оранжереи?

— Отлично.

Оранжереей называлось помещение пятидесяти метров в длину и ширину и десяти метров в высоту, полное тропических растений и деревьев. Это единственное место во всём Верхнем Эдеме, где воздух влажный. Огромное разнообразие цветов казалось пёстрым даже мне; представляю, какое буйство красок и оттенков видит Малкольм. Конечно, растения предназначались не только для борьбы с ностальгией жильцов; они были составной частью системы регенерации воздуха.

Нечастые посещения оранжерей в Торонто — «Аллан-гарденс» была моей любимой — приучили меня к медленным, неспешным прогулкам, словно в музее, от одного информационного стен-

да к другому. Но на Луне ходят по-другому. Я видел исторические кадры астронавтов «Аполлона», подпрыгивающих на ходу, — а ведь на них были надеты скафандры, которые весят больше, чем сам астронавт. У нас же с Малкольмом, одетых в спортивные шорты и футболки, не подскакивать просто не получалось. Это наверняка выглядело смешно, но мне было не до смеха.

— Так что же случилось? — спросил Малкольм. — Почему такое кислое лицо?

— Появился способ лечения моей болезни, — сказал я, глядя на переплетение лиан.

— Правда? Так это же здорово!

— Да, только вот…

— Только вот что? Вы должны прыгать до потолка. — Он улыбнулся. — Ну да, вы и так подпрыгиваете на каждом шагу, но радости в вас что-то не заметно.

— О, я очень рад тому, что лечение нашлось. Вы себе не представляете, каково мне было все эти годы. Но, в общем, я поговорил с Брайаном Гадесом…

— Да? — сказал Малкольм. — И что же сказал этот хвостатый?

— Он не отпустит меня домой, даже когда меня вылечат.

Мы пропрыгали ещё несколько шагов. Малкольм время от времени взмахивал руками, чтобы удержать равновесие, и он явно тщательно обдумывал свои слова. Наконец он произнёс:

— Вы *и так* дома, Джейк.

— Господи, и вы туда же? Условия, на которых я согласился поселиться здесь, изменились. Знаю, что контрактное право не ваша специализация, но должно же быть что-то, что я мог бы предпринять.

— Типа чего? Улететь обратно на Землю? Вы *и сейчас* там: новая версия вас живёт там в вашем доме, вашей жизнью.

— Но я оригинал. Я важнее.

Малкольм покачал головой.

— «Два Джейка», — сказал он.

Я посмотрел на него; он отводил от лица свисающую сверху листву.

— Что?

— Никогда не видели? Это сиквел к «Чайнатауну», одному из любимых моих фильмов. Первая часть была сказочно хороша, а вот «Два Джейка» — дешёвка.

— О чём вы говорите? — Я даже не пытался скрыть своё раздражение.

— О том, что сейчас есть два Джейка. И может

быть, вы и правы: возможно, оригинал действительно важнее сиквела. Но вам будет очень трудно это доказать кому-либо помимо вас или меня.

— А вы не могли бы мне помочь… ну, в профессиональном качестве?

— Адвокат полезен лишь в инфраструктуре, поддерживающей судебный процесс. Мы же на Диком Западе. Здесь словно фронтир — ни полиции, ни судов, ни адвокатов, ни тюрем. Тот, кто сейчас вместо вас на Земле, возможно, в состоянии что-то изменить — хотя не вижу, зачем бы ему это понадобилось, — но вы здесь не можете сделать ровным счётом ничего.

— Но теперь я проживу ещё десятки лет.

Малкольм пожал плечами.

— Я тоже. Мы отлично проведём время. — Он обвёл рукой окружающий нас сад: — Это правда замечательное место, чтоб вы знали.

— Но… но у меня есть кое-кто там, на Земле. Женщина. Теперь всё по-другому, вернее, будет по-другому, когда мне сделают операцию. Я должен отсюда выбраться; я должен попасть домой — к ней.

Мы прошли ещё немного.

— Гринсборо, — пробормотал Малкольм тихо,

словно про себя.

— Ещё один никому не известный фильм? — Моё раздражение не унималось.

— Не фильм. Это из истории. Истории моего народа. На юге США раньше всё было отдельно для чёрных и белых, и, разумеется, чёрным доставалось что похуже. Так вот, в 1960 году один чернокожий студент колледжа зашёл в белый сектор кафетерия в «Вулворте» — это такой большой универсальный магазин — и попросил, чтобы его обслужили. Ему отказали и велели убираться из магазина. Он не ушёл и устроил там сидячую забастовку; эта мода распространилась на другие заведения только для белых по всему Югу.

— И что?

Малкольм вздохнул, видимо, потрясённый моим невежеством.

— Они победили путём мирных протестов. Буфеты были десегрегированы, и чёрные получили те же права, что другие люди имели всегда. Участники бойкотов заставили людей у власти признать, что нельзя вытолкать кого-то взашей только из-за цвета его кожи. Так вот, вы не более чем кожура, мой друг, — сброшенная кожа. И возможно, вы заслуживаете признания своих прав.

Но, как и тем храбрым молодым людям, если вы хотите их иметь, вам нужно их потребовать.

— Как?

— Найдите место, которые вы могли бы занять, и откажитесь покинуть его, пока вам не дадут то, чего вам нужно.

— Думаете, это сработает? — спросил я.

— Раньше срабатывало. Конечно, вы не должны прибегать ни к чему насильственному.

— Я-то? Да никогда в жизни.

Глава 18

Мы с Карен провели в Джорджии четыре дня, осматривая достопримечательности, а потом полетели на Север, в Детройт, где нужно было сделать кое-какие дела.

Детройт. Странное место жительства для состоятельной писательницы, которая может поселиться где угодно. В прошлом столетии большинство канадцев жило как можно ближе к американской границе — но вовсе не из-за большой любви к южному соседу. Просто мы старались попасть как можно дальше на юг, к теплу и солнцу, не покидая при этом своей страны. В попытках убежать от жары американцы сейчас перебирались так далеко на север, насколько это возможно, не покидая «страны свободных и дома храбрых»; вот почему Карен жила здесь.

Конечно, у неё был фешенебельный особняк, заполненный плодами её трудов, изданиями её книг на тридцати языках и даже кое-какими декорациями и реквизитом из снятых по ним фильмов.

Его также заполняли вещи, напоминавшие о её

последнем муже, Райане, который умер два года назад. Райан коллекционировал окаменелости. В отличие от большинства связанных с природой хобби, окаменелости в последнее время становилось легче добывать — дополнительный сток и эрозия, вызванные активным таянием полярных шапок, делали доступным массу материала. По крайней мере, Карен так сказала.

В общем, у Райана были целые стеллажи, заставленные трилобитами — единственные беспозвоночные, окаменелости которых я способен опознать, — и множеством других интереснейших вещей.

Самой важной причиной заехать в Детройт было желание Карен повидаться с сыном Тайлером, который тоже жил здесь. После того как она прошла мнемоскан, она несколько раз разговаривала с Тайлером по телефону, но всегда при этом отключала видео. По её словам, она хотела, чтобы сын впервые увидел её новое лицо живьём, а не на каком-то экране, где оно выглядело бы ещё более холодным и далёким.

Где-то около шести вечера в доме Карен раздался звонок в дверь. Стенной монитор в гостиной немедленно показал изображение с камеры-глазка.

— Это Тайлер, — сказала Карен, кивая. Я знал, что ему сорок шесть. Волосы у него были светло-каштановые и уже заметно поредевшие. Карен поднялась с дивана и направилась к входной двери. Я последовал за ней. Там было темновато. Карен открыла дверь, и…

— Здравствуйте, — произнёс Тайлер удивлённым голосом. — Меня зовут Тайлер Горовиц. Я пришёл повидаться…

— Тайлер, это я, — сказала Карен.

Он застыл с раскрытым ртом. Я быстро подсчитал: Тайлер родился в 1999-м; лицо Карен такое, каким было в тридцать, в 1990-м. Даже ребёнком Тайлер никогда не видел мать такой, какой она выглядела сейчас.

— Мама? — тихим голосом недоверчиво спросил он.

— Заходи, сынок, заходи. — Она отступила в сторону, и он вошёл в дом.

Карен повернулась ко мне.

— Джейк, — сказала она, — познакомься с моим сыном Тайлером. Тайлер, это мой новый друг, о котором я тебе рассказывала.

Даже в тусклом свете Тайлер не мог не видеть, что моё тело искусственное; он посмотрел на мою протянутую для рукопожатия руку так, словно я

протянул ему какую-то отвратительную механическую клешню. В конце концов он всё же пожал мне руку, но безо всякого энтузиазма.

— Здравствуйте, Тайлер, — сказал я, пытаясь вложить в свой электронный голос как можно больше тепла.

Это был, без сомнения, сын Карен, хотя и выглядел почти на двадцать лет старше, чем она сейчас. Однако базовое строение его лица было очень похоже на Карен: широкое, с немного коротким носом и широко расставленными зелёными глазами.

— Здравствуйте, — сказал он. Забавно, но его голос прозвучал механически и безжизненно.

Я улыбнулся, и он отвёл глаза. Я знал, что моя улыбка выглядит немного странно, но, чёрт возьми, его мать раньше улыбалась кривой гримасой жертвы инсульта.

— Рад знакомству, — сказал я. — Карен мне много о вас рассказывала.

Он вздрогнул; возможно, ему не понравилось, что я называю его мать по имени. Карен провела нас в гостиную, и я уселся на диван, скрестив ноги. Тайлер остался стоять.

— Ваша мама рассказывала, что вы профессор истории, — сказал я.

— В Мичиганском университете, — кивнул он.

— На чём вы специализируетесь?

— На американской истории. Двадцатого столетия.

— О! — Мне хотелось ему понравиться, а люди обычно оттаивают, когда говорят о работе. — И о чём вы читаете лекции?

Он посмотрел на меня, явно пытаясь решить, принимать ли оливковую ветвь.

— На разные темы, — пожал плечами Тайлер. — Обезьяньи процессы. Великая депрессия. Вторая мировая. Кеннеди. Карибский ракетный кризис. Вьетнам. «Аполлон». Уотергейт. Иран-контрас.

«Аполлон» летал на Луну, а «Вторая мировая» и «Вьетнам» — это войны, но насчёт остального я и понятия не имел. Боже мой, двадцатое столетие. Столетие Карен.

— Надо как-нибудь нам с вами на эту тему пообщаться, — сказал я, пытаясь польстить ему. — Звучит крайне интересно.

Он посмотрел на меня.

— Вы ведь и сами должны что-то из этого помнить, — сказал он. — То есть я понимаю, что теперь вы выглядите молодым, но…

Карен взглянула на меня, и я едва заметно повёл плечами. Рано или поздно это всё равно

выплывет наружу.

— Моё новое лицо выглядит лишь немного моложе, чем оригинал. — Я сделал паузу. — Мне сорок четыре.

Тайлер моргнул.

— Сорок четыре? Боже, да вы же младше меня!

— Ага. Я родился в 2001-м — первого января, кстати. Я был…

— Вы младше меня, — повторил Тайлер, — и вы встречаетесь с моей матерью.

— Тайлер, прошу… — сказала Карен. Она присела рядом со мной на диван.

Его глаза впились в неё как изумрудные лазеры.

— Так вот что ты мне говорила по телефону — что хочешь познакомить меня с человеком, с которым встречаешься. Мама, тебе восемьдесят пять, а ему едва половина от этого срока!

— Но я не чувствую себя на восемьдесят пять, — сказала Карен. — А теперь и не выгляжу на столько.

— Это всё фальшивка, — сказал Тайлер.

— Ничего подобного, — твёрдо ответила она. — Я настоящая. Я настоящая, я человек, и я жива — живее, чем была многие годы. Джейк — мой друг, и я с ним счастлива. Ты ведь хочешь, чтобы

я была счастлива, да, Тайлер?

— Да, но… — Он посмотрел на мать. — Но боже ж ты мой…

Карен нахмурилась, что она делала очень редко. При этом на её пластикоже появлялась странная выпуклость между нижней губой и подбородком; надо сказать доктору Портеру, чтобы он это исправил.

— Боже ж ты мой… — повторила Карен и покачала головой. — Ты хочешь, чтобы я встречалась с кем-то моего возраста — с кем-то, кто одной ногой в могиле? Или ты бы предпочёл, чтобы я вообще ни с кем не встречалась?

— Папа бы…

— Ты знаешь, что я любила твоего отца — я любила Райана Горовица полностью и безраздельно. Он здесь совершенно ни при чём.

— Он всего два года как умер, — сказал Тайлер.

— В ноябре будет три, — ответила Карен. — И кроме того…

— Да? — сказал Тайлер, словно требуя объяснений.

Я знал о том, что не сказала Карен: у Райана началась болезнь Альцгеймера за много лет до того, как отказалось служить тело, что одиночество Карен началось не с момента его смерти, а гораз-

до раньше. Но Карен не попалась в эту ловушку. Вместо этого она рассказала историю — ведь то было её ремесло, её дар, её raison d'être [19].

— Когда мне было девятнадцать, Тайлер, я влюбилась в Дарона Бесаряна, приятного молодого человека, но не еврея. Ты едва помнишь своего деда, но он выжил в Холокосте и не хотел позволять мне встречаться с неевреем. Он всё время мне говорил: «Если они придут за нами снова — он спрячет тебя? Когда они попытаются забрать твой дом — встанет ли он на твою защиту?» И я отвечала: «Конечно. Дарон всё что угодно для меня сделает». Но папа не верил, и когда мы с Дароном поженились, он отказался прийти на свадьбу. Да, впоследствии мы с Дароном развелись, но для этого у нас были свои причины. А тогда я не позволила своему отцу указывать мне, с кем быть, и сейчас я не собираюсь позволять этого тебе. Так что веди себя как подобает, Тайлер, сядь и пообщайся с нами.

Тайлер сделал глубокий вдох и шумно выдохнул.

— Хорошо. — Он огляделся, отыскал самое дальнее от меня кресло и плюхнулся в него. — А когда

---

[19] Notes: 19
Смысл существования (*франц.*).

мы будем есть?

Я устремил взгляд в пол.

— Ах, ну да, — сказал Тайлер. — Когда *я* буду есть?

— Когда хочешь, дорогой, — ответила Карен. — Я думала, мы закажем тебе пиццу. Ты…

Я был уверен, что она хотела сказать что-то вроде «ты всегда любил пиццу», но в последний момент передумала. Уж слишком похоже на пожилую мать, сокрушающуюся о том, что её мальчик уже стал совсем взрослым.

После секундного раздумья Тайлер кивнул:

— Пицца сойдёт. У тебя тут есть какое-нибудь тихое местечко? Для всей семьи?

Мне подумалось, что это удачный момент для налаживания отношений.

— Тоже не любите большие сети?

Тайлер посмотрел на меня. Он казался почти что оскорблённым моими попытками найти с ним общий язык.

— Да. Ненавижу, — после небольшой паузы ответил он. — А ваша семья занимается каким-то малым бизнесом?

— Ну, раньше это был *семейный* бизнес… — сказал я.

— То есть как? — Взгляд Тайлера сделался по-

дозрительным.

— Это пивоваренный бизнес.

— То есть? Какая-то микропивоварня?

Что же, это также рано или поздно выяснилось бы.

— Нет. Не микропивоварня. Моя фамилия Салливан, и…

— Салливан? — перебил меня Тайлер. — Это как в «Салливан Селект»?

— Да. Мой отец был вице-президентом, и…

Тайлер кивнул так, словно я только что вручил ему собственный обвинительный акт.

— Непотизм, — сказал он. — Старые жирные коты.

Я хотел было промолчать, но Карен решила, что с неё хватит.

— Вообще-то у отца Джейка в тридцать пять лет случился тяжёлый инсульт, и он уже почти тридцать лет находится в вегетативном состоянии.

— Ох, — тихо сказал Тайлер. — Гхм… Мне очень жаль.

— Мне тоже, — ответил я.

— Так… э-э-э… — Тайлер, вероятно, размышлял обо всех хронологических несуразностях, что сложились здесь. Он старше меня; мой отец стал недееспособным примерно в его возрасте; жен-

щина, которая выросла в прошлом столетии, с мужчиной, который вырос в этом.

— Послушайте, — сказал я. — Я понимаю, что всё это очень неловко. Но факт в том, что мы с Карен уже вместе. И мы оба были бы очень рады, если бы мы с вами поладили.

— Кто говорит, что мы не ладим? — спросил Тайлер с явным вызовом.

— Да, в общем, никто, но… — Я оборвал себя и попытался зайти с другой стороны: — Давайте начнём с самого начала, хорошо? — Я поднялся, подошёл к тому месту, где он сидел, и снова протянул ему руку: — Я Джейк Салливан. Рад знакомству.

Тайлер, судя по его виду, раздумывал, стоит ли идти у меня на поводу с этой идеей перезагрузки знакомства. Но после секундной паузы он принял мою руку и пожал её. Он, однако, не стал мне подыгрывать, представляясь по новой.

— Итак, — сказала Карен, — почему бы тебе теперь не заказать пиццу? Попробуй позвонить в «Папа Луиджи». Последние несколько лет я не могла есть пиццу, но люди их хвалили.

— Телефон, — сказал Тайлер в пространство, — звонить; «Папа Луиджи».

Телефон подчинился, и Тайлер сделал заказ.

Я снова присел, в этот раз на деревянный стул с прямой спинкой, который мне в старом теле показался бы неудобным. Мы немного поговорили. У Тайлера было много вопросов по поводу мнемосканирования, и Карен на них отвечала.

Пиццу должны были доставить через тридцать минут, в противном случае она будет бесплатной. Я бы приплатил за то, чтобы её доставили ещё быстрее, лишь бы прервать эту неловкую беседу, но в конце концов в дверь позвонили. Карен хотела заплатить. Тайлер воспротивился:

— Ты ведь не будешь её есть.

— Но это ведь я тебя на ужин пригласила.

Карен отнесла коробку на кухню и поставила её сверху на плиту. Потом она нашла тарелку, и Тайлер выудил себе дымящийся ломтик пиццы. Сырные нити он оборвал пальцами. Начинка — пеперони, лук и бекон — выглядела роскошно декадентской, краешки кружочков пеперони приподнимались, образовывая маленькие искусственные озерца масла; полоски хрустящего бекона пересекали плоскую Землю из сыра; уголки концентрических полукружий лука потемнели почти до черноты.

Она *выглядела* сказочно, но…

Но совершенно не пахла. Обонятельные сенсо-

ры, которыми меня снабдили, были настроены исключительно на задачи, связанные с безопасностью: запахи протекающего газа, горящего дерева… Мясо, лук, томатный соус, тёплое тесто основы — ничто из этого для меня не пахло.

Но не для Тайлера. Я уверен, что он не собирался нас дразнить, но я видел, как он сделал глубочайший вдох, вбирая в себя эти восхитительные ароматы — а в том, что они восхитительны, я был абсолютно уверен. На его лице отразилось предвкушение, а потом он вцепился в ломтик зубами, и его лицо исказила гримаса, говорящая о том, что он обжёг себе нёбо.

— Ну как? — спросил я.

– *М-м-мф-ф-ф…* — Он сделал паузу, чтобы проглотить. — Весьма неплохо.

Это была отрада для желудка — и при наличии легкодоступных средств для растворения артериальных бляшек и других, предотвращающих накопление жира, это не было каким-то запредельным чревоугодием… для него. Для меня же это было нечто, утраченное навсегда.

Хотя нет, не навсегда. Сугияма сказал, что эта модель тела — последний писк лишь сегодняшних технологий. Его можно неограниченно совершенствовать. Со временем…

Когда-нибудь…
Я смотрел, как Тайлер ест.

* * *

Когда он ушёл, мы с Карен сели рядышком на диване в гостиной.

— Ну, что ты думаешь о Тайлере? — спросила Карен.

— Я ему не понравился, — ответил я.

— Какому же ребёнку нравится мужчина, с которым встречается его мать?

— Полагаю, так, но… — Я замолчал, но потом продолжил: — Нет, мне не на что жаловаться. По крайней мере, он более склонен примириться с твоим мнемосканом, чем моя мать с моим, да и друзья тоже.

Она спросила, что я имею в виду, и я рассказал о своём катастрофическом визите в дом матери. Карен очень мне сочувствовала, в продолжение всего рассказа держала меня за руку. Но, полагаю, я был не в лучшем настроении, потому что не заметил, как мы начали спорить — а я ненавижу, терпеть не могу с кем-то спорить.

— На самом деле неважно, что думает твоя мать, — сказала Карен.

— Ещё как важно! — огрызнулся я. — Ты мо-

жешь себе представить, как это для неё трудно?! Она выносила меня. Родила. Кормила грудью! Только всё это она делала не для *этого* меня.

— Я и сама мать, — сказала Карен, — и я делала всё это для Тайлера.

— Нет, не ты, — ответил я. — *Другая* Карен это делала.

— Ну да, чисто технически, но…

— Не «чисто технически». Это не мелкое буквоедство! Как же я устал от всего этого — от того, что на меня всё время пялятся, что относятся как к какой-то *вещи*! И возможно, они правы. Чёрт возьми, даже моя собака меня не признала!

— Твоя собака ничего не понимает, на то она и собака. А твоя мать и твои друзья неправы. Они просто глупцы.

— Они не глупцы. Не называй их так!

— Ну, их отношение к тебе, несомненно, глупое. Я так понимаю, все эти люди моложе меня. Если уж я смогла уложить это у себя в голове, то они-то всяко должны были, так что…

— Почему? Потому что ты так говоришь? — М-да, у меня и вправду было отвратное настроение. — Потому что великая писательница написала бы для этой истории счастливый конец?

Карен отпустила мою руку и после небольшой

паузы сказала:

— Нет, не поэтому. А потому, что люди должны быть более понимающими. Подумай, к примеру, о том, сколько мы потратили денег. Если бы они…

— Какая разница, сколько это стоило? Нельзя деньгами заставить других признать тебя.

— Нет, конечно, но…

— И невозможно заставить людей думать о тебе то, что тебе хочется, чтобы они о тебе думали.

Я был уверен, что Карен начинает злиться, хотя обычные физиологические признаки этого — покраснение лица, изменение тембра голоса — отсутствовали.

— Ты не прав, — сказала она. — Мы имеем право на…

— Мы *ни на что* не имеем права, — перебил я. — Мы можем *надеяться*, но мы не можем требовать.

— Нет, можем. Если…

— Ты выдаёшь желаемое за действительное, — сказал я.

— Нет, чёрт побери! — Она скрестила руки на груди. — Это наше *право*, и мы должны заставить остальных это увидеть!

— Размечталась, — сказал я.

И вот теперь её лицо и правда исказилось, а

слова стали отрывистыми.

— Это не мечты. Мы должны твёрдо на этом стоять.

Я уже тоже начал горячиться.

— Я не… — начал я говорить и оборвал себя. Я чувствовал неимоверное волнение, как всегда во время спора. Отведя глаза, я сказал: — Ладно.

— Что? — не поняла Карен.

— Ты права. Я признаю. Ты победила.

— Ты не можешь вот так вот сдуться.

— Это не стоит того, чтобы ругаться.

— Ещё как стоит!

Я всё ещё был взволнован, на самом деле это было больше похоже на панику.

— Я не хочу ругаться, — сказал я.

— Пары ругаются, Джейк. Это полезно. Только так можно добраться до корня проблемы. Мы не можем просто так остановиться и бросить это нерешённым.

Я почувствовал нечто вроде ментального аналога учащённо бьющегося сердца.

— Руганью ничего не решить, — сказал я, всё ещё не в силах смотреть на неё.

— Чёрт тебя дери, Джейк! Мы должны быть способны не соглашаться друг с другом без… ох. — Она замолкла. — О, теперь я понимаю. Вот

оно что.

— Что?

— Джейк, я не хрупкая. И я не свалюсь без чувств у тебя на глазах.

— Что?.. — Ах да. Мой отец. Господи, как она проницательна. Я и сам этого не осознавал. Я снова повернулся к ней лицом. — Ты права. Надо же, я и понятия не имел.

Я помолчал, затем сказал самым громким голосом, на какой был способен:

— Тысяча чертей, Карен, да у тебя голова набита дерьмом!

Она заулыбалась от уха до уха.

— Вот это я понимаю, припечатал! Только нет, не у меня, а у тебя. И вот почему…

Глава 19

Я был так разозлён перспективой застрять на Луне до конца жизни, что поразился, встретив человека, который был в восторге от того, что ему довелось сюда попасть. Но доктор Пандит Чандрагупта был как раз из таких.

— Спасибо, — повторял он снова и снова в офисе Брайана Гадеса. — Спасибо, спасибо! Я всегда хотел полететь в космос — это так здорово!

Я сидел в кресле. Брайан Гадес занимал собственное кресло покрупнее по другую сторону от своего стола в форме почки. Чандрагупта же стоял у круглого окна и осматривал лунный пейзаж.

— Я рад, что вы смогли приехать, доктор Чандрагупта, — сказал я.

Он повернулся ко мне лицом. У него были худое рельефное лицо, тёмная кожа, тёмные волосы, тёмные глаза и тёмная борода.

— О, я тоже очень рад! Очень!

— Да, — сказал я, но успел себя оборвать, прежде чем добавил: «Это мы уже установили».

— И вы тоже должны радоваться! — сказал Чандрагупта. — Ваше расстройство довольно ред-

кое, но я выполнял эту процедуру уже дважды, и оба раза с полным успехом.

— Будет ли мистер Салливан нуждаться в чём-либо особенном после операции?

Да, подумал я, *в отправке домой*.

Чандрагупта покачал головой:

— Да, в общем-то, нет. Конечно, это всё равно нейрохирургия, хоть и без скальпеля. Нужно быть осторожным: мозг — это наиделикатнейшее из творений.

— Я понимаю, — сказал Гадес.

Чандрагупта снова устремил взгляд на лунный пейзаж за окном.

— Как это говорил Олдрин? — спросил он. Я понятия не имел, о ком идёт речь. — «Величественное запустение». Так, воистину так. — Он покачал головой, медленно отвернулся от окна, и его голос сделался грустным: — Но, я полагаю, мне пора приступать к работе, верно? Лечение займёт много часов. Вы проводите меня в операционный театр?

Лечение. Моё сердце возбуждённо забилось.

* * *

Карен ушла в кабинет отвечать на электронные письма читателей — она ежедневно получала де-

сятки сообщений от людей, которым нравились её книги, и хотя у неё была небольшая программка, составлявшая костяк ответа по тексту письма, она всегда просматривала ответы и лично их редактировала.

Я остался в гостиной смотреть по телестене бейсбольный матч — «Блю Джейз» на стадионе «Янкиз». Но когда игра закончилась — «Джейз» должны что-то решить насчёт своего запасного питчера, — я отключил стену и бессмысленно уставился в пространство, и тут…

Что вы хотите сказать — я не могу пойти домой?

Голос был беззвучен, но легко различим.

Вы сказали, что после начального тестирования я смогу пойти домой.

— Джейк? — Я произнёс своё имя вслух с такой интонацией, с какой никогда его не произносил.

Кто это?

— Джейк? — сказал я снова.

Да? Кто это?

Ответ приходил тут же, без малейшей задержки. И всё же:

— Ты на Луне?

На Луне? Нет, конечно нет. Там должен быть мой биологический прототип.

— Где же ты? И *кто* ты?

Я…

Но в этот момент в комнату вошла Карен, и *странный голос-без-голоса* пропал.

— О, милый, ты должен это услышать, — сказал она, держа в руках распечатку письма. — Это от восьмилетней девочки из Венесуэлы. Она пишет…

* * *

Я проснулся в послеоперационной палате в Верхнем Эдеме; яркий свет флуоресцентных ламп слепил мне глаза, но я, по крайней мере, не взирал на них сверху…

Голова у меня раскалывалась, и ужасно хотелось в туалет, но я определённо был жив. На секунду я с горечью вспомнил обо мне другом там, на Земле, в настоящем мире, — о том, чья голова, вероятно, никогда не болит и которому никогда не нужно в туалет.

Я видел, как на другом краю комнаты доктор Чандрагупта разговаривает с женщиной-врачом — её фамилия была Ын. Чандрагупта, похоже, рассказывал анекдот; я не мог различить слов, но у Ын на лице было такое выражение, когда слишком долго ждёшь окончания шутки. Я по-

думал, что это добрый знак: хирург, только что завершивший неудачную операцию, не стал бы травить анекдоты. Я дождался, пока Чандрагупта закончит. Развязка, по-видимому, была достаточно хороша: Ын громко расхохоталась, хлопнула Чандрагупту по руке и заявила:

— Это *ужасно*.

Чандрагупта широко улыбнулся, по-видимому, довольный своим остроумием. Я попытался заговорить, но в горле у меня слишком пересохло; ничего не вышло. Я с трудом заставил словно покрытую наждачкой гортань сглотнуть и попробовал снова:

— Я…

Ын первой посмотрела в мою сторону, за ней Чандрагупта. Они пересекли комнату и склонились надо мной.

— Ну, здравствуйте, — сказал, улыбаясь, Чандрагупта; вокруг его тёмных глаз при этом появлялись морщинки. — Как вы себя чувствуете?

— Пить…

— Конечно. — Он огляделся в поисках крана, но в этой больнице хозяйничала Ын. Она знала, где что находится, и быстро подала мне пластиковую кружку, полную холодной воды. Я приподнял голову над подушкой — она почти ничего не ве-

сила, но внутри бесновались отбойные молотки. Я сделал глоток, потом другой.

— Спасибо, — сказал я ей, потом посмотрел на Чандрагупту: — Всё в порядке?

— В полном. А у вас?

— Нет, нет. Я о том, как всё прошло.

— По большей части хорошо. Была одна проблема: нидус был очень извилистый, и изолировать его, и только его, было непросто. Но в конечном итоге — *успех*.

Я почувствовал, что краснею.

— То есть вы меня вылечили?

— О да, разумеется.

— И никакой опасности каскадного разрыва сосудов?

Он улыбнулся.

— Не больше, чем у любого другого, так что следите за холестерином.

Я чувствовал себя не просто по-лунному лёгким; мне показалось, что я стал невесомым.

— Обязательно, — сказал я.

— Отлично. Ваш доппель…

Он оборвал себя. Он едва не сказал, что моему доппельгангеру не нужно обо всём этом беспокоиться, а вот мне придётся.

Мой доппельгангер. Другой я. Живущий *моей*

жизнью. Я должен…

— *Синий код! Чрезвычайная ситуация!* — зазвенел женский голос из интеркома на стене.

— Что за… — сказал я. Ын уже бегом бежала прочь.

— *Синий код! Чрезвычайная ситуация!*

Доктор Чандрагупта едва не стукнулся головой о потолок, спеша к двери.

— Доктор, что случилось? — крикнул я ему вслед. — Что происходит?

— *Синий код! Чрезвычайная ситуация!*

— Доктор!

* * *

Я считал, что автор бестселлеров проводит свои дни, надиктовывая текст в компьютер. Карен же, казалось, бóльшую часть времени проводила на телефоне, разговаривая то со своим литературным агентом в Нью-Йорке, то со своим киноагентом в Голливуде, то со своим американским редактором, также в Нью-Йорке, то со своим британским редактором в Лондоне.

Им было о чём поговорить: Карен ставила их в известность относительно изменений в своих делах в связи с мнемосканом. Я невольно подслушал некоторые из этих разговоров; старался

не слушать, но эти новые уши были такие *чуткие*… Все, с кем она разговаривала, приходили в восторг не только от того, что Карен задумалась о написании нового романа — она сказала, что уже много лет не чувствовала себя такой энергичной, — но и из-за шумихи, которая вокруг неё поднимется: Карен была первой в мире писательницей, совершившей перенос сознания.

Я бродил по её дому, он был огромен. Она устроила мне небольшую экскурсию в первый день, но этого оказалось недостаточно. Карен сказала, чтобы я не стеснялся бродить где мне вздумается, и я как раз этим и занимался, разглядывая висящие на стенах картины, разумеется, только оригиналы, тысячи бумажных книг и стеклянные шкафы — именно так, во множественном числе, — в которых были выставлены её награды.

Трофеи, сертификаты, фаллического вида штука под названием «Хьюго», ещё что-то, именуемое «Ньюбери», десяток других похожих и…

…даже не знаю, что это…

Я остановился как вкопанный и прислушался.

…какая-то ошибка…

Я слышал слабое жужжание кондиционера и ещё более слабое жужжание каких-то механизмов внутри моего тела, но где-то там, на границе

восприятия, были также и слова.

…если вы понимаете, что я имею в виду…

— Эй! — сказал я, чувствуя себя неловко оттого, что я говорю в голос, когда вокруг никого нет.

Что за… Кто это?

— Это я. Джейк Салливан.

Это я Джейк Салливан.

— По-видимому. И ты не биологический прототип, не так ли?

Что? Нет, нет. Он на Луне.

— Но предполагалось, что будет лишь один такой, как мы. В одном экземпляре.

Так и есть. И кто же ты тогда, чёрт возьми, такой?

— Гм-м, я легальная копия.

Да? А откуда ты знаешь, что я — нет?

— А где ты сейчас?

В Торонто… я так думаю. По крайней мере, не помню, чтобы я ездил куда-то ещё.

— Но где именно ты находишься?

Ну, наверное, где-то в здании «Иммортекс». Но я эту комнату никогда раньше не видел.

— Как она выглядит?

Синие стены — чёрт, кстати, я больше не дальтоник. А ты?

— То же самое.

Потрясающе, да?

— Что ещё есть в этой комнате?

Стол. Кровать, типа кушетки. Схема мозга на стене.

— А окна? Ты можешь выглянуть на улицу?

Нет. Только дверь.

— Ты можешь выходить из комнаты и возвращаться в неё, когда захочешь?

Я… я не знаю.

— Ладно, где ты провёл вчерашнюю ночь?

Я не помню. Здесь, полагаю…

— В чём ты находишься? В синтетическом теле?

Да — именно в таком, какое я заказывал.

— Я тоже. Там кто-нибудь есть? Другие мнемосканы?

Нет, никого не вижу. А что с тобой? Где находишься ты?

— В Детройте.

Какого чёрта ты там делаешь?

— Неважно. — Забавно: чего я смутился-то? Да ещё перед самим собой! — Но я был в нашем доме в Торонто.

То есть ты, получается, официальная, законная копия?

— Да.

А я — какая-то… пиратская?

— Похоже на то.

Но почему?

— Без малейшего понятия. Но это неправильно. Предполагалось, что будет сделан лишь один экземпляр.

Что… что бы ты сделал со мной, если бы меня нашёл?

— Что-что?

Ты бы захотел меня отключить, верно? Я — оскорбление твоего чувства себя.

— Э-э-э… ну…

Не уверен, что я должен тебе помогать. То есть мне, конечно, не нравится, что меня держат здесь, но это лучше, чем ты можешь мне предложить.

— Послушай, что бы «Иммортекс» ни задумала, её нужно остановить…

Я… возможно… если ты…

— Я тебя не слышу. Связь прерывается.

Кто-то идёт… Я…

И он исчез. Надеюсь лишь, что у него достало соображения не раскрывать свои карты.

* * *

Смерть Карен Бесарян стала шоком для всех. То есть умом я, конечно, понимал, что кожуре оставалось жить совсем недолго, но реальная смерть взбаламутила всю нашу лунную общину.

Мне нравилась Карен, и я любил её книги. Большинство из нас ещё не обзавелись связями на Луне — мы знали друг друга недостаточно долго. Но Карен, безусловно, успела оказать влияние на многих, хоть и нельзя было сказать, сколько из тех слёз, что я видел, было пролито по ней самой, а сколько — по самому себе и своей близкой кончине, ставшей такой очевидной с её смертью. Я был вдвойне выбит из колеи, потому что смерть Карен произошла сразу после моего излечения. Я старался об этом не задумываться, но было очень похоже на работу какого-то закона сохранения жизненной силы.

Было приятно узнать, что для Карен устроят поминальную службу. Я знал, что «Иммортекс» не сообщит об этой смерти никому на Земле, но компания всё же понимала необходимость упокоения, в прямом и переносном смысле.

Он был не слишком религиозен, этот наш кошачий рай Хевисайда. Неудивительно: те, кто

верит в жизнь вечную, вряд ли станут заниматься переносом сознания. Тем не менее очень благообразный мужчина по имени Габриэль Смайт — низкого роста, с платиновыми волосами, румяным лицом и поставленным британским выговором — провёл очень хорошую, по большей части светскую службу. Присутствовало большинство здешних обитателей; нас здесь было около двух десятков. Я сидел рядом с Малкольмом Дрэйпером.

Служба проходила в маленьком зале с десятком круглых столиков, каждый из которых был рассчитан на четверых. Здесь играли в настольные игры, проводили лектории и тому подобное. Гроба не было, но телестены демонстрировали множество изображений Карен и её кривобокой улыбки. У одной из стен было множество цветов, но я пришёл достаточно рано, чтобы заметить, что лишь небольшая их часть настоящие, срезанные, по-видимому, в оранжерее; остальные — сотни и сотни их — были голограммами, которые обслуживающий персонал включил уже после того, как я вошёл.

Смайт, одетый в чёрную водолазку и тёмно-серый пиджак, обращался к собравшимся стоя на краю зала.

— Карен Бесарян продолжает жить, — говорил он. Он носил полуочки и глядел сейчас поверх них. — Она живёт в сердцах и умах миллионов людей, наслаждавшихся её книгами или снятыми по ним фильмами.

Двое служителей начали тихо обходить собравшихся, вручая каждому узорчатый кубок с красным вином. Это меня удивило. Карен была еврейкой, а красное вино я видел только на католических службах. Я принял предложенный мне кубок, хотя голова до сих пор болела — интересно, когда уже перестанет?

— Но более того, — продолжал Смайт, — она живёт и телесно там, на Земле. Нам должно быть грустно от того, что произошло здесь, но мы должны также и радоваться. Радоваться тому, что Карен успела совершить переход, тому, что она продолжает жить дальше.

В толпе собравшихся послышалось одобрительное бормотание, сопровождаемое, однако, сдавленными рыданиями.

И Смайт с готовностью откликнулся на них.

— Да, — сказал он, — очень печально, что Карен больше нет с нами. Нам всем будет очень не хватать её ума и храбрости, её силы и очарования Юга. — Он подождал, пока служители

раздадут последние кубки с вином. — Карен была не особенно религиозна, но она гордилась своим еврейским наследием, и поэтому я хочу предложить тост из Талмуда. Дамы и господа, вино, которое вам раздали, разумеется, кошерное. Пожалуйста, поднимите бокалы…

Мы так и сделали.

Смайт повернулся к ближайшей к нему телестене, показывающей лицо Карен с её спокойной полуулыбкой. Он поднял свой кубок к экрану, провозгласил: «Лэхаим!» — и затем отпил из него.

– *Лэхаим!* — повторили мы все и тоже выпили.

Лэхаим! За жизнь!

* * *

Мы сидели в гостиной Карен в её доме в Детройте и смотрели телевизор. Зазвонил телефон. Карен взглянула на определитель звонившего.

— Хм-м, — это было всё, что она сказала, прежде чем принять вызов.

Сигнал видеофона был выведен на телеэкран, которому пришлось растянуть картинку больше, чем позволяло её разрешение; возможно, старые биологические глаза Карен этого раньше не замечали.

— Остин, — сказала она появившемуся на экране мужчине с ястребиным лицом. — Что стряслось?

— Привет, Карен. Э-э-э… кто это с тобой?

— Остин Стейнер, Джейкоб Салливан.

— Мистер Стейнер, — сказал я.

— Остин мой адвокат, — сказала Карен. — Ну, один из них. В чём дело, Остин?

— М-м-м, это… э-э-э…

— Деликатное дело? — сказал я и встал. — Я пойду… — Я чуть не сказал «приготовлю кофе», но это было бы смешно. — Пойду схожу кое-куда.

— Спасибо, милый, — улыбнулась Карен.

Я удалился, чувствуя спиной взгляд Стейнера. Я пошёл в другую комнату — комнату, посвящённую хобби Райана, делам давно минувших дней. Я осматривал комнату, почти не обращая внимания на доносящиеся из-за двери тихие голоса, когда услышал, как Карен зовёт меня:

— Джейк!

Я заторопился обратно в гостиную.

— Джейк! — повторила Карен, на этот раз тише. — Думаю, ты должен это услышать. Остин, повтори то, что мне только что рассказал.

Лицо Стейнера скривилось ещё больше, словно ему в рот попало что-то очень неприятное на

вкус.

— Сын мисс Бесарян, Тайлер Горовиц, обратился ко мне с ходатайством об утверждении её завещания.

— Её завещания? — переспросил я. — Но ведь Карен жива.

— Тайлер, похоже, считает, что биологическая версия Карен скончалась, — сказал Стейнер.

Я посмотрел на Карен. Эти искусственные лица и правда не слишком хорошо передают эмоции; я понятия не имел, о чём она думает. Однако я тут же повернулся обратно к Стейнеру.

— Пусть даже так, — сказал я. — Карен всё равно жива — здесь, в Детройте. И биологическая Карен хотела, чтобы эта Карен обладала всеми её юридическими правами личности.

У Стейнера были тонкие тёмные брови. Он приподнял их.

— По-видимому, Тайлер хочет, чтобы суд решил, является ли такая передача прав законной.

Я покачал головой.

— Но даже если Карен… то есть её… гм-м…

— «Кожура», — сказал Стейнер. — Так это называется? Её сброшенная кожа.

Я кивнул.

— Даже если её кожура скончалась, как мог

Тайлер об этом узнать? «Иммортекс» не разглашает такую информацию.

— Вероятно, подкупил кого-то, — сказал Стейнер. — Ну сколько бы пришлось заплатить кому-нибудь в Верхнем Эдеме за то, чтобы он дал знать, когда кожура истлеет? Учитывая, сколько денег стоит на кону…

— А это много? — спросил я. — То есть не всё состояние, а та часть, что причитается конкретно Тайлеру.

— О да, — сказала Карен. — Остин?

— Хотя Карен оставила очень щедрые суммы разного рода благотворительным организациям, — сказал он, — Тайлер и две его дочери являются единственными частными лицами — бенефициарами завещания Карен. Они должны унаследовать свыше сорока миллиардов долларов.

— Бог ты мой… — сказал я. Не знаю, за сколько я бы продал свою собственную мать, но если оценивать грубо…

— Ты не должна идти с этим в суд, Карен, — сказал Стейнер. — Это слишком рискованно.

— Что же мне тогда делать? — спросила Карен.

— Купи его. Предложи ему, скажем, двадцать процентов суммы, которую он должен был уна-

следовать. Он и с этим будет достаточно богат.

— Сделка? — сказала Карен. — Нас уже пытались несправедливо засудить, Остин. — Она оглянулась на меня. — Это случается со всеми успешными авторами. И моя политика — не соглашаться на сделку только для того, чтобы отвязаться.

Стейнер сдвинул брови.

— Это надёжнее, чем выходить с этим на процесс. Весь юридический базис твоей перемещённой личности — карточный домик: это новая концепция, которую ещё никто никогда не оспаривал в суде. Если ты проиграешь… — Взгляд Стейнера переместился на меня, — проиграют все такие, как ты. — Он покачал головой. — Последуй моему совету, Карен: убей это в зародыше. Перекупи Тайлера.

Я посмотрел на Карен. Она какое-то время молчала, но затем качнула головой.

— Нет, — сказала она. — Я Карен Бесарян. И если это нужно доказывать, я докажу.

Глава 20

На следующий день после поминальной службы по Карен я проснулся с жуткой головной болью. Я говорю «на следующий день», хотя на Луне по-прежнему была середина всё того же казавшегося бесконечным дня: солнце здесь ползёт две недели от горизонта до горизонта. Но Верхний Эдем жил по распорядку, основанному на периоде вращения Земли вокруг оси, и руководство «Иммортекс» решило, что здесь будет действовать время Восточного североамериканского часового пояса. По всей видимости, в октябре мы даже перейдём с летнего времени на зимнее.

Но тогда я ни о чём этом не думал. Тогда я мог думать только о том, как страшно болит у меня голова. На Земле у меня иногда случались мигрени, но сейчас болело сильнее, и эпицентр боли располагался в центре верхней части головы, а не сбоку. Я выбрался из постели и прошёл в смежную со спальней ванную, где плеснул в лицо водой. Не помогло; мне по-прежнему словно кто-то вогнал в череп долото, пытаясь отделить полушария

мозга друг от друга — теперь я понимал, что означает выражение «раздирающая боль».

Я выкурил сигарету в надежде, что это поможет, — тоже не помогло. Так что я нашёл себе стул и приказал телефону позвонить в больницу.

— Доброе утро, мистер Салливан, — сказала молодая чернокожая женщина, принявшая звонок.

— Здравствуйте, — сказал я. — Где мне найти доктора Чандрагупту?

— Мне очень жаль, сэр, но он покинул Верхний Эдем. Он сейчас на пути к острову ЛС. Я могу вам чем-то помочь?

Я открыл рот для ответа, но понял, что мне, пожалуй, и правда немного лучше.

— Нет, — сказал я. — Ничего. Я уверен, что всё будет в порядке.

* * *

Карен была в своём кабинете, где разговаривала с другим своим юристом — консультантом по инвестициям и чему-то ещё, — пытаясь выяснить, что именно она может сделать по поводу попыток сына утвердить её завещание.

Я же лежал на кровати Карен, вглядываясь в белизну потолка спальни — это уже вошло у меня в привычку. Я не был, разумеется, утомлён

— теперь я никогда таковым не бывал. Но лежать вот так издавна было моей любимой позой для размышлений. Определённо лучше положения «сидя на толчке», с помощью которого пытался передать состояние глубокой задумчивости Роден.

— Алло, — сказал я, глядя в пустоту потолка. — Алло? Ты там, Джейк?

Ничего. Совершенно ничего.

Я попытался очистить свой мозг, отбросить все мысли о Тайлере и предательстве, Ребекке и предательстве, Ракушке и предательстве и…

— Алло, — снова сказал я. — Алло?

И наконец, слабое шевеление на самом пределе восприятия.

Что за…

Контакт! Я почувствовал облегчение и подъём.

— Алло, — снова сказал я, тихо, но отчётливо. — Это я — другой экземпляр Джейкоба Салливана.

Что за другой экземпляр?

— Тот, что снаружи. Тот, что живёт жизнью Джейка.

Как ты со мной разговариваешь?

— Разве ты… разве ты не та же самая копия, с которой я контактировал раньше? Мы уже говорили вчера.

Не припоминаю…

Я помедлил. Может ли это быть *ещё* одна копия?

— Где ты находишься?

В какой-то лаборатории, полагаю. Без окон.

— Стены синего цвета?

Да. Откуда ты?..

— И на стене схема строения мозга?

Да.

— Это, наверное, та же самая комната. Или… или просто похожая. Послушай. Эта схема — она вроде постера? Плаката?

Да.

— Напечатана на бумаге?

Да.

Ты можешь её как-нибудь пометить? У тебя есть ручка?

Нет.

— Ну, тогда надорви её. Подойди к ней и, скажем, сделай маленький надрыв длиной в сантиметр в десяти сантиметрах над нижним левым углом.

Ерунда какая-то. Я брежу. Голоса в голове!

— Я думаю, это квантовая спутанность.

Кванто… правда? Круто.

— Ну давай, иди надорви этот плакат. Тогда,

когда я в следующий раз войду в контакт, то смогу определить, попал я в эту самую комнату или в другую, похожую, с такой же схемой на стене.

Ну ладно. В десяти сантиметрах над левым краем. Сделано.

— Отлично. Теперь сложная часть. Ты сказал, что находишься в теле, которое заказывал, верно?

Я этого не говорил. Откуда ты знаешь?

— Ты мне сказал вчера.

Я?

— Да. Или другой из нас. Так вот. Я хочу, чтобы ты как-нибудь пометил и тело. Есть какой-нибудь способ это сделать?

Зачем?

— Чтобы в следующий раз я знал, что контактирую с тем же самым тобой.

Ладно. Тут на полочке есть маленькая отвёртка. Я нацарапаю что-нибудь на пластикоже там, где это не будет заметно.

— Идеально.

Долгая пауза, потом:

Всё. Я нанёс три маленьких икса на внешнюю часть левого предплечья, под самым локтем.

— Отлично. Отлично. — Я помолчал, пытаясь всё это переварить.

О, погоди. Кто-то идёт.

— Кто это? Кто?

Доброе утро, доктор. Что я могу… Лечь? Думаю, да. Эй, что вы… вы сбрендили? Вы не можете…

— Джейк!

Я… ох. Эй! Эй, что проис…

— Джейк! Джейк, что с тобой? Джейк! Джейк!

* * *

Остин Стейнер, как я узнал, был весьма компетентным семейным адвокатом, но дело обещало быть крупнейшим, и Карен нужны были лучшие. К счастью, я точно знал, кому позвонить.

На стенном экране появилось лицо Малкольма Дрэйпера во всём его уиллосмитовском великолепии.

— Ба, да это же… Джейк Салливан, не так ли?

— Точно, — ответил я. — Мы встречались в «Иммортекс», помните?

— Конечно. Чем могу быть полезен, Джейк?

— У вас есть лицензия на практику в штате Мичиган?

— Да. Мичиган, Нью-Йорк, Массачусетс. И у меня есть помощники, которые…

— Хорошо. Хорошо. У меня есть дело.

Его брови взметнулись вверх.

— Какого рода дело?

— Ну, полагаю, технически это дело о наследстве, но…

Малкольм покачал головой:

— Простите, Джейк, я думал, что сказал вам, чем занимаюсь. Гражданские свободы, гражданские права. Уверен, мой секретарь найдёт вам хорошего специалиста по наследству из Мичигана, но…

— Нет-нет. Я думаю, вам это будет интересно. Видите ли, человек, о завещании которого идёт речь, — Карен Бесарян.

— Писательница? И как это связано?

Он не знал.

— С Карен вы также встречались в «Иммортекс». Женщина с джорджийским акцентом.

— Так это была Карен *Бесарян*? Господи. Но… Ох ты ж… Кто пытается утвердить её завещание?

— Её сын, Тайлер Горовиц.

— Но биологическая Карен ещё жива. Мичиганский суд наверняка…

— Нет, она умерла. По крайней мере, Тайлер так утверждает.

— Боже. Она совершила переход очень вовремя.

— Похоже на то. Как вы можете себе представить, дело наверняка выйдет за рамки обычной

тяжбы о наследстве.

— Вне всякого сомнения, — сказал Дрэйпер. — Это идеально!

— Прошу прощения?

— Это показательное дело того рода, которого дожидался мир. Мы совсем недавно начали копировать сознания, и пока что никто не оспаривал передачу юридических прав личности.

— То есть вы берёте дело?

Пауза.

— Нет.

— Что? Малкольм, вы нужны нам!

— Я как раз тот, кто вам точно *не* нужен: я же сам мнемоскан, забыли? Вам не нужен в суде робот, защищающий права другого робота. Нужен кто-то из плоти и крови.

В этом был смысл.

— Полагаю, вы правы. Вы можете кого-нибудь порекомендовать?

— О да. Ещё как могу, — улыбнулся он.

— Кого же?

— Когда вы позвонили и секретарь снял трубку, что он сказал?

Я задумался, немного раздражённый этой игрой в угадайку.

— Э-э-э… «Дрэйпер и Дрэйпер». Кажется.

— Точно так — и это как раз тот, кто вам нужен: второй Дрэйпер. Мой сын Дешон.

— А вы с ним хорошо ладите… в смысле, с тех пор, как вы прошли мнемоскан?

Малкольм кивнул. Я тяжело вздохнул.

— Ну, хоть у вас получилось.

* * *

Нам удалось назначить предварительные слушания на середину следующего дня. Малкольм и Дешон Дрэйперы прилетели из Манхэттена в Детройт восьмичасовым рейсом — перелёт занял меньше часа. Карен послала в аэропорт свой лимузин с водителем, чтобы доставить их в её особняк, который будет служить нам штаб-квартирой столько, сколько потребуется.

— Здравствуйте, Джейк! — сказал Малкольм, входя в дом. — И здравствуйте, Карен. Когда мы с вами виделись раньше, я понятия не имел, кто вы такая. Должен сказать, для меня это большая честь. Это мой сын и партнёр — Дешон.

Дешон оказался мужчиной под сорок с гладко выбритой головой, которая так хорошо смотрится у чернокожих и так убого — у белых.

— Карен Бесарян! — воскликнул Дешон, изумлённо качая головой. Он схватил её руку обеими

своими. — Мой отец прав. Вы даже не представляете, какая для меня честь быть знакомым с вами! Не передать словами, как я люблю ваши книги.

Я натянуто улыбнулся. Не сомневаюсь, что когда-нибудь привыкну к роли консорта при царствующей особе.

— Спасибо, — сказала Карен. — Я тоже рада с вами познакомиться. Пожалуйста, проходите.

Карен повела нас по длинному коридору. В доме до сих пор оставались комнаты, в которые я ни разу не заходил, и это была одна из них: длинное помещение, похожее на зал заседаний. Три стены закрывали вездесущие книжные полки; четвёртая была телеэкраном. Что ж, Карен сама была большим бизнесом; полагаю, ей необходимо место, где можно устраивать совещания.

Малкольм, в отличие от меня, высоко оценил увиденное.

— Folio Society[20]? — спросил он, оглядывая книги — все в твёрдом переплёте и слипкейсах [21].

Карен кивнула:

— Полный комплект — всё, что они когда-либо

---

[20] Notes: 20

Лондонское издательство, специализирующееся на роскошных подарочных изданиях.

[21] Notes: 21

Картонная коробка для хранения отдельного книжного тома.

издавали.

— Великолепно, — сказал Малкольм.

В зале стоял длинный стол с крутящимися креслами вокруг него. Карен заняла место во главе стола и пригласила остальных садиться. Конечно, никому из нас, кроме Дешона, не нужно было пить, а он, похоже, был доволен уже тем, что находится в её обществе.

— Джентльмены, — сказала Карен, — я очень вам благодарна за то, что вы пришли. — Она обвела руками комнату, но, я думаю, имела в виду и то, что находится за её пределами. — Как вы понимаете, я не хочу всё это терять. Как мы собираемся это предотвратить?

Малкольм сидел, положив руки со сплетёнными пальцами перед собой на стол.

— Как я сказал Джейку, Дешон будет ведущим адвокатом — нам требуется человеческое лицо. Конечно, я буду работать за кулисами, равно как и несколько наших помощников в Нью-Йорке. — Он посмотрел на сына: — Дешон?

Дешон был одет в серый костюм с зелёным галстуком. С недавних пор мне стал нравиться зелёный цвет.

— Вы уже поставили «Иммортекс» в известность о процессе?

Я посмотрел на Карен.

— Нет, — ответила она. — Зачем?

— Полагаю, они захотят принять участие, — сказал Дешон. — В конце концов, этот процесс проникнет в самое сердце мечты, которую они продают. Если суд решит, что вы не Карен Бесарян, что вы — это кто-то новый и не имеющий права на её собственность, «Иммортекс» попадёт в очень трудное положение.

— Я об этом не подумала, — признала Карен.

Дешон взглянул на отца, потом снова на нас:

— Нам следует обдумать ещё один аспект. Пока всё находится в подвешенном состоянии, ваш сын Тайлер наверняка захочет заморозить ваши счета — и судья вполне может это ходатайство удовлетворить. Никакой судья не решится выселить вас из вашего жилища, но вы можете обнаружить, что потеряли доступ к своим банковским счетам.

— У меня есть деньги, — тут же вмешался я. — Мы это переживём.

— Если только кто-нибудь не подаст в суд и на вас, — сказал Дешон.

Я нахмурился. Он прав. Пусть канадцы и не такие сутяжники, как американцы, моя мать недвусмысленно дала понять, что не считает, что

я — это по-прежнему я.

— И что же нам сделать? — спросил я.

— Во-первых, — сказал Малкольм, — поймите, пожалуйста, что мы беспокоимся не о наших гонорарах, мы заботимся о вас. И имейте также в виду, что мы всерьёз рассчитываем победить — в своё время.

— В своё время? — переспросил я. — Сколько, по-вашему, это займёт?

Малкольм посмотрел на Дешона, но тот наклонил голову в сторону отца, уступая ему слово.

— В гражданских делах, — сказал Малкольм, — вы можете дожидаться, пока в расписании суда откроется свободный слот, или можете купить его на аукционе; правительства штатов сейчас таким образом зарабатывают деньги. Я проверил планы детройтских судов. Если вы готовы потратить, скажем, полмиллиона, то получите процесс с полным составом жюри недели через две. Но это будет лишь начало. Если только это дело не будет урегулировано до процесса, нам придётся пройти весь путь до Верховного суда независимо от решения судьи по делу о завещании. Так или иначе, но дело «Бесарян против Горовица» станет вехой в юриспруденции.

Карен печально покачала головой.

— Я всю свою профессиональную жизнь пытаюсь создать себе имя, но мне бы не хотелось закончить как Миранда, Роу или Д'Агостиньо. — Она помолчала. — Забавно: множество писателей пишут под псевдонимом, но Бесарян — моя настоящая фамилия; я получила её от первого мужа. Роу — это ведь псевдоним, верно?

— Джейн Роу, да, — сказал Малкольм. — Потому что Джейн Доу уже представала перед судом. Её настоящее имя было Норма Маккорви — она сама сообщила его публике много лет спустя. — Он пожал плечами. — По иронии судьбы впоследствии она стала горячей противницей абортов. Немногие участвовали в вечеринке и по поводу победы в процессе «Роу против Уэйда», и по поводу отмены решения по нему.

Карен снова покачала головой.

— «Бесарян против Горовица». Господи всемогущий, ну и способ разрушить семью!

Дешон сочувственно посмотрел на неё.

— Конечно, — сказал он, — необязательно доводить это до суда.

— На сделку я не пойду, — твёрдо ответила она.

— Я это понимаю, — сказал Дешон. — Но мы будем пытаться развалить дело на каждой его

стадии. Собственно, мы надеемся сделать это уже сегодня, на предварительном слушании.

— Как? — спросила Карен. — То есть здорово, если получится, но как такое возможно?

— Очень просто, — ответил Дешон. Он сцепил руки на столе перед собой, в точности как его отец. — Верхний Эдем не случайно находится на обратной стороне Луны. То есть, конечно, это замечательное место для пожилых людей, но дело не только в этом. Над обратной стороной Луны ни у кого нет юрисдикции. Как их называют? «Кожура»?

Малкольм кивнул.

— Так вот, когда кожура умирает в Верхнем Эдеме, — продолжал Дешон, — не оформляют никакие бумаги — и в частности, не выписывают свидетельство о смерти. А без свидетельства о смерти весь иск Тайлера садится на мель; без него в этом штате нельзя утвердить завещание.

* * *

Судьёй, назначенным на предварительные слушания по этому делу, был Себастьян Херрингтон, белый мужчина, который выглядел лет на сорок пять, хотя, согласно имевшейся в интернете биографии, ему было за шестьдесят. Мне

казалось, что это для нас благоприятно: тот, кто уже прибегал к омолаживающим процедурам, будет симпатизировать позиции Карен.

— Итак, — сказал судья. — Что мы имеем?

Это были предварительные слушания, и пресса ещё не пронюхала про этот процесс; зал суда был пуст, за исключением нас с Карен, двоих Дрэйперов и строгого вида латиноамериканки лет примерно тридцати пяти, представлявшей Тайлера. Она встала после вопроса судьи.

— Ваша честь, — сказала она. — Я Мария Лопес, адвокат Тайлера Горовица, единственного ребёнка писательницы Карен Бесарян, ныне покойной.

У Лопес были короткие каштановые волосы со светлыми прядями. Её суровое, почти орлиное лицо венчал высокий лоб мыслителя.

— Мисс Бесарян была вдовой, — продолжала Лопес. — Тайлер и его несовершеннолетние дети — внуки покойной — были единственными наследниками согласно её завещанию. Они также её единственные наследники по закону и естественные получатели её наследства. Кроме того, Тайлер назван душеприказчиком по завещанию мисс Бесарян. Тайлер подал прошение от своего лица и от лица своих детей как единственных

бенефициаров завещания. Он хочет вступить в права владения её состоянием и просит на это одобрения суда.

С этими словами Лопес опустилась на своё место.

— По-моему, звучит как довольно простое дело, — сказал судья Херрингтон, лицо которого было ещё длиннее моего, а подбородок расплющен словно рожок для обуви. Он повернулся к нам. — Но я вижу, что у нас сегодня в гостях весьма необычное собрание. Кто из вас адвокат?

— Ваша честь, — сказал Дешон, вставая. — Я Дешон Дрэйпер из «Дрэйпер и Дрэйпер»; мы базируемся на Манхэттене, но лицензированы для юридической практики в штате Мичиган.

Маленький рот Херрингтона искривился идеальным полукругом. Он указал на нас троих, сидящих за столом, небрежным взмахом руки:

— А эти?

— Мой партнёр, Малкольм Дрэйпер. Карен Бесарян. И Джэйкоб Салливан, друг Карен Бесарян.

— Я имел в виду, — сказал Херрингтон, — *что* они такое?

Голос Дешона остался совершенно спокойным и ровным.

— Они мнемосканы, ваша честь, — загружен-

ные сознания. Оригиналы этих трёх человек подвергли себя процессу мнемосканирования, разработанному компанией «Иммортекс инкорпорейтед», передали свои права личности этим новым телам и удалились на обратную сторону Луны.

Черты лица Херрингтона теперь собрались в гримасу озадаченности; карие глаза под единственной густой чёрной бровью во всё лицо.

— Конечно, мне известна репутация вашей фирмы, мистер Дрэйпер, но… — Он нахмурился и на мгновение закусил нижнюю губу. — Времена меняются.

— Именно так, ваша честь, — согласился Дешон, — именно так.

— Очень хорошо, — сказал Херрингтон. — Полагаю, вы не согласны с ходатайством мистера Горовица?

— Совершенно верно, ваша честь, — ответил Дешон. — Наша позиция очень проста. Во-первых, и это главное: перед нами Карен Бесарян. — Карен, которая сидела между Малкольмом и мной, была одета в очень строгий и элегантный тёмно-синий брючный костюм. Она кивнула.

Херрингтон взглянул на свой планшет.

— Здесь говорится, что мисс Бесарян родилась

в 1960 году. Этот… этот конструкт…

— Я выбрала более раннюю версию своего лица, — сказала Карен. — Я не тщеславна, но…

Херрингтон кивнул ей.

— Очевидно, что вопрос о том, действительно ли вы Карен Бесарян, и является предметом данного разбирательства. Хотя если вы — это она, то я весьма рад знакомству: книги Карен Бесарян мне очень нравятся. — Он снова посмотрел на Дешона: — У вас есть что-то ещё, мистер Дрэйпер?

— Речь не о том, что есть у меня, ваша честь. Речь о том, чего нет у мисс Лопес. — Дешон явно пытался не допустить в свой голос издёвку, но ему это удалось лишь частично. — Перед вами женщина, которая заявляет, что она — Карен Бесарян, живая и здоровая. И разумеется, что в отсутствие свидетельства о смерти суд должен будет признать, что это так и есть.

Судья Херрингтон снова сделал озадаченное лицо: глаза расширены, брови вскинуты.

— Я не понимаю, — сказал он.

Дешон изобразил на лице собственную версию удивления.

— До начала утверждения завещания, — сказал он, — лечащий врач либо окружной судмедэксперт обычно оформляет свидетельство о смерти

в том случае, *если смерть действительно имела место*. Однако, поскольку свидетельство о смерти оформлено не было, очевидно…

— Мистер Дрэйпер, — сказал судья Херрингтон, — вас, по-видимому, ввели в заблуждение.

— Я… — начал Дешон, но тут встала Мария Лопес.

— Я согласна, ваша честь, — сказала она, явно очень довольная собой. — У нас на руках имеется свидетельство о смерти Карен Бесарян.

Глава 21

— Это чёртово свидетельство всё меняет, — сказал Малкольм Дрэйпер, расхаживая туда-сюда, — даже мнемосканы любят это делать, когда думают. Мы вернулись в зал заседаний в доме Карен. — Оно возлагает на нас всё бремя доказательства того, что Карен на самом деле жива.

Карен сняла пиджак своего костюма; не то чтобы ей могло стать жарко, полагаю, это тоже была привычка, пережившая мнемоскан. Она сидела по правую руку от меня, Дешон — по левую. Карен мрачно кивнула.

— Но, по крайней мере, Херрингтон согласился на слушание дела в суде присяжных, — сказал Малкольм, — а я думаю, что нам лучше будет с присяжными, чем без них.

Он замолчал, дойдя до конца своего маршрута, и развернулся.

— Что мы знаем об их адвокате? — спросил я. — Об этой Лопес?

Перед Дешоном лежал планшет, но он туда даже не заглянул.

— Мария Тереза Лопес, — сказал он. — Она

молода, но весьма хороша. Её специализация — наследственное право, так что у неё могут быть сложности с некоторыми из поднимаемых здесь вопросов, но я в этом сомневаюсь. Она была третьей в своей группе в Гарварде, печаталась в Law Review и работала на генерального прокурора Мичигана.

— Я давно взял за правило избегать недооценки оппонента, — кивнул Малкольм.

— Всё это может затянуться очень надолго, — сказал я, — и судья действительно заморозил активы Карен.

Херрингтон заморозил всё, за исключением пятисот тысяч долларов — суммы на базовые нужды по содержанию дома и ведению процесса.

— А мне понадобится больше денег, чем оставил судья, верно? — сказала Карен. Она оттопырила свои пластиковые губы, раздумывая, потом сказала: — Ладно, посмотрим, что я с этим смогу сделать.

Она наклонила голову и произнесла в пространство:

— Телефон, звонить Эрике. — Потом уже нам: — Эрика Коул — мой литагент.

— «Эрика Коул и партнёры», — произнёс мужчина-секретарь, лицо которого заполнило

телестену, но прежде чем Карен заговорила, он продолжил: — А, это вы, Карен. Переключаю.

На три секунды экран заполнился заставкой ожидания соединения, потом на нём появилось лицо белой женщины за пятьдесят. Оно всё словно состояло из кругов: круглая голова с круглыми завитками волос и круглые глаза за круглыми очками.

— Привет, Карен, — сказала она. — Что случилось?

— Эрика, это мой друг Джейк Салливан, а эти двое джентльменов — мои адвокаты: Малкольм и Дешон Дрэйперы.

— Малкольм Дрэйпер? — переспросила Эрика. — *Тот самый* Малкольм Дрэйпер?

Малкольм кивнул.

— Вау, мы обязательно должны поговорить, — сказала Эрика. — У вас уже есть представитель?

— В смысле книг? Нет.

— Нам определённо следует поговорить! — повторила она, решительно кивая.

Карен издала механическое покашливание, и взгляд Эрики тут же переместился на неё.

— Прости.

— Ты ведь знаешь, что я подумываю написать новую книгу? — сказала Карен.

Эрика выжидательно кивнула.

— Так вот, я готова — если предложение будет достаточно щедрым.

— Что ты задумала? Ещё одну книгу о Диномире?

— Да, — сказала Карен.

— Кхм… — сказал Малкольм, — э-э-э… простите, что вмешиваюсь, но…

Все посмотрели на него. Он сконфуженно пожал плечами.

— Пока всё это не завершится, — сказал он, — вам не следует пользоваться собственностью, ваши права на которую могут быть оспорены.

В первый раз я увидел, как лицо Карен искажается гневом.

— Что? Диномир — это моя собственность!

— Что происходит? — спросила Эрика.

Дешон и Малкольм потратили несколько минут на то, чтобы рассказать Эрике о том, что сделал Тайлер; Карен в это время едва не дымилась от ярости. Я решил, что не стоит сейчас говорить ей, что, даже если дело будет проиграно, ей нужно будет всего лишь подождать семьдесят лет, пока Диномир не станет общественным достоянием; после этого она сможет писать любые сиквелы, какие захочет, и никто не сможет ей в

этом помешать.

— Ну хорошо, — сказала наконец Карен. — Это будет книга не о Диномире. Но это будет первая моя книга за пятнадцать лет.

— У тебя есть наброски сюжета? — спросила Эрика. — Пробные главы?

Быть восьмисотфунтовой гориллой очень удобно, в частности, потому что очень редко приходится напоминать окружающим об этом факте.

— Мне они не нужны, — не колеблясь, заявила Карен.

Я бросил взгляд на телестену как раз вовремя, чтобы заметить кивок Эрики.

— Ты права, — сказала она. — Тебе это не нужно.

— Какой был самый крупный аванс, выплаченный за книгу? — спросила Карен.

— Сто миллионов долларов, — не задумываясь, ответила Эрика. — Барбаре Гейгер за финальную книгу сериала про Лиена.

Карен кивнула.

— У «Сент-Мартинс» по-прежнему преимущественное право на мой следующий роман?

— Да, — ответила Эрика.

— Отлично, — сказала Карен. — Свяжись там с

Хироши. Дай ему семьдесят два часа на то, чтобы подготовить предварительное предложение на сумму более ста миллионов долларов, иначе ты устраиваешь аукцион. Скажи ему, что мне нужна половина в момент подписания контракта и я хочу его подписать в течение недели после того, как мы придём к соглашению. Когда получишь чек, я скажу, какие из него производить выплаты от моего имени, но для начала мне нужны деньги на поддержание штанов, так что дай мне сто тысяч наличными.

— Как скоро у тебя будет готова рукопись? — спросила Эрика.

Карен на минуту задумалась.

— Я больше не устаю и не трачу времени на сон. Скажи ему, что рукопись будет через шесть месяцев; он сможет начать продажи к Рождеству 2046-го.

— У тебя есть рабочее название?

Карен не задумалась ни на секунду.

— Да. Скажи, что книга называется «Теперь меня ничто не остановит».

* * *

Одним из недостатков того, что ведущим адвокатом Карен был Дешон, а не Малкольм, была его

потребность во сне. В доме Карен было шесть гостевых спален, и Дешон сейчас храпел в одной из них. Малкольм тем временем читал с телестены в зале заседаний судебные прецеденты, а Карен, держа своё слово, удалилась в кабинет делать наброски для будущего романа.

Я остался в гостиной один и испытывал её огромное, обитое кожей механизированное кресло-кровать. Мне не нравилась кожаная мебель, когда я был из плоти и крови, потому что от неё я всегда потел, но сейчас такой проблемы не было. Откинувшись на спинку, я упёрся взглядом в серую поверхность выключенного телеэкрана.

— Джейк? — сказал я тихо.

Ничего. Я попробовал снова.

— Джейк?

Что за…

— Это я. Другой Джейк Салливан. Который снаружи.

О чём ты говоришь?

— Ты не помнишь?

Не помню что? Как я вообще тебя слышу?

— Ты не помнишь меня? Мы разговаривали некоторое время назад.

Что ты имеешь в виду — «разговаривали»?

— Ну, в общем, не разговаривали, да. Не вслух.

Но мы общались. Наши разумы соприкасаются.

Ерунда какая-то.

— Ты и раньше это говорил. Посмотри на свой левый локоть. Прямо под ним на внешней стороне руки должны быть нацарапаны три маленьких икса.

Ты знал… надо же. Как они здесь оказались?

— Ты их там нацарапал. Не помнишь?

Нет.

— И не помнишь, чтобы мы раньше общались?

Нет.

— А *что* ты помнишь?

Разные вещи.

— Что ты помнишь из последнего времени? Что с тобой было вчера, например?

Я не знаю. Ничего особенного.

— Хорошо, хорошо. Хм-м… посмотрим. Ну, ладно, вот. Последнее Рождество. Расскажи мне про последнее Рождество.

Ну, тогда как раз снег выпал — в Торонто много лет не было Рождества со снегом, а тут снег выпал на сочельник и пролежал до самого Дня подарков [22]*. Я подарил маме набор серебряных тарелок.*

---

[22] Notes: 22
С 24 по 26 декабря.

Я был ошеломлён.

— Продолжай.

Ну а она мне подарила красивые шахматы с фигурами из оникса. Дядя Блэр приходил на рождественский ужин, и…

— Джейк.

Да?

— Джейк, какой это был год?

Две тысячи тридцать четвёртый. Хотя нет, мы же говорим про Рождество, так что ещё был прошлый год — две тысячи тридцать третий.

— Джейк, сейчас 2045-й.

Ерунда.

— Это правда. Сейчас сентябрь 2045-го. Дядя Блэр умер пять лет назад. Я помню Рождество, о котором ты говоришь; я помню снег. Но это было больше десяти лет назад.

Чепуха. Что происходит?

— Это я и хотел бы выяснить. — Я помолчал; мои мысли метались, пытаясь всё это уложить в голове. — Джейк, если сейчас 2034-й, как ты утверждаешь, то как ты оказался в искусственном теле?

Я не знаю. Сам этому удивляюсь.

— В то время мнемоскана ещё не было.

Мнемоскана?

— «Иммортекс». Процесс мнемосканирования. Загрузка сознания.

Молчание. Потом:

Ну, я не могу отрицать тот факт, что я нахожусь здесь, в каком-то синтетическом теле. Но… ты сказал, что сейчас сентябрь?

— Да.

Это не так. Сейчас конец ноября.

— Будь это так, листья бы уже облетели — если ты по-прежнему в Торонто. Ты выглядывал сегодня на улицу?

Не сегодня, нет. Но вчера…

— То, что ты считаешь вчера, не считается.

В этой комнате нет окон.

— Синяя, да? Комната с синими стенами?

Да.

— На стене висит плакат со схемой устройства мозга, верно? Я попросил тебя надорвать его в десяти сантиметрах над левым нижним углом.

Не было такого.

— Было. Когда мы в прошлый раз контактировали. Посмотри и увидишь. Надрыв длиной в один сантиметр.

Да, он там есть, но это значит лишь, что ты уже был в этой комнате.

— Нет, не значит. Но вместе с иксами у тебя на

предплечье это означает, что ты — тот самый, с кем я говорил в прошлый раз.

Я с тобой в первый раз разговариваю.

— Не в первый — хотя я понимаю, что тебе именно так кажется.

Я бы запомнил, если бы мы разговаривали раньше.

— Это ты так думаешь. Но в общем… я не знаю — у тебя словно пропала способность формировать долговременную память. Ты не можешь запомнить ничего нового.

И я в таком состоянии уже двенадцать лет?

— Нет. И это очень странно. Биологический Джейкоб Салливан прошёл мнемосканирование лишь месяц назад. Тебя не могли создать раньше этого момента.

Я всё ещё не уверен, что верю во всю эту фигню, — но предположим, чисто для поддержания разговора, что это правда. Я могу себе представить, что в результате какой-то неполадки с этим твоим «мнемосканированием» я потерял способность формировать долговременную память. Но с чего бы вдруг я потерял больше десятилетия старых воспоминаний?

— Без малейшего понятия.

Так сейчас правда 2045-й?

— Да.
Долгая пауза.
Как «Блю Джейз» играют?
— Как в сортире.
Ну, по крайней мере, я не много потерял.

* * *

Прорезалось «Сент-Мартинс Пресс» с предложением аванса по гонорару за следующую книгу Карен Бесарян в сто десять миллионов долларов. Тем временем «Иммортекс» согласилась оплатить половину судебных издержек и оказать любую другую возможную помощь.

Карен потратила шестьсот тысяч на то, чтобы приобрести самый ранний процессуальный слот на аукционе. Эта практика казалась мне позорной, но это исключительно с моей канадской точки зрения. В Штатах вы можете получать медицинскую помощь вне очереди, если достаточно богаты, — почему с юстицией должно быть по-другому? Так или иначе, объяснил нам Дешон, поскольку Карен приобрела слот, процесс будет оформлен как её иск к Тайлеру.

Дешон Дрэйпер и Мария Лопес провели несколько дней, отбирая присяжных. Конечно, Дешону хотелось заполучить поклонников творчества

Карен — либо её оригинальных книг, либо снятых по ним фильмов. Он также хотел заполнить жюри чернокожими и латиноамериканцами, которых он и нанятые им консультанты считали более восприимчивыми к расширенному толкованию понятия личности.

Дешону также хотелось, чтобы присяжными стали богатые люди — этого было тяжелее всего достичь, потому что богачи обычно находят способы уклониться от исполнения гражданского долга.

— Смерть и налоги, как считается, вещи неизбежные, — объяснял нам Дешон. — Но бедняки знают, что богачи находят способы не платить налоговой то, что с них причитается. Тем не менее для них есть некоторое утешение в мысли о том, что уж смерть — подлинно великий уравнитель. Вернее, была таковым, пока не появилась «Иммортекс». Они будут ненавидеть Карен за то, что она нашла способ обойти смерть. Богатые же всегда боятся жадных родственников, так что состоятельные люди будут презирать Тайлера.

Я заинтригованно — и немного испуганно — наблюдал весь процесс *voir dire* [23], и вско-

[23] Notes: 23

Специальный термин, обозначающий этап отбора присяжных (*франц. дословно* «Смотреть говорить»).

ре весь состав жюри из семи человек оказался сформирован. Предпочтения Дешона и Лопес по большей часть взаимно уничтожились, и в жюри попали четыре женщины, две из которых были чернокожими и две — белыми, один чернокожий, один белый и один латиноамериканец. Всем было меньше шестидесяти — Лопес удалось не допустить тех, кто мог быть слишком озабочен вопросом собственной смертности. Никто из них не был богат, хотя двое — необычно много для одного состава жюри — определённо относились к среднему классу. И лишь один присяжный, латиноамериканец, читал книгу Карен. Это оказалось «Возвращение в Диномир», вторая часть цикла, которая, как он сказал, оставила его равнодушным.

Наконец всё было готово. Зал суда был простой и современный, с обшитыми красноватыми деревянными панелями стенами. По сигналу бейлифа мы все выполнили команду «Встать, суд идёт», как это показывают по телевизору. Как выяснилось, судьёй на процесс оказался назначен тот же самый Себастьян Херрингтон, который вёл предварительные слушания. Он вошёл и уселся за длинным столом красноватого оттенка, такого же, как у стенных панелей. Позади стола по одну

сторону от него висел флаг Мичигана, по другую — американский флаг. Рядом со столом судьи находилось место для свидетеля.

Дешон и Карен сидели за столом истца, который стоял рядом с местами жюри. Тайлер и Лопес сидели за точно таким же столом. Перед этими двумя столами находилось широкое пространство, покрытое желтоватой плиткой. Эта зона, как сказал мне Малкольм, именуется «колодцем».

Я не был участником процесса и потому сидел на галерее для зрителей, которая, в отличие от тех, что я видел по телевизору, была сдвинута в сторону, так что можно было видеть лица и истца с ответчиком, и судьи, и свидетелей.

Малкольм Дрэйпер сидел рядом со мной. Также на галерее присутствовали две дочери Тайлера, двенадцати и восьми лет, за которыми присматривала его чопорная жена. Дети были совершено очаровательны; их присутствие было явно призвано создать у присяжных впечатление о нас как о бессердечных монстрах, лишающих милых крошек их законного наследства.

Разумеется, процесс транслировался по телевидению, и все остальные места были заняты преимущественно репортёрами. Также присутствовали несколько представителей «Иммор-

текс», приехавшие сюда из Торонто.

— Заслушаем вступительное слово, — сказал судья Херрингтон, подперев рукой подбородок. — Начнём со стороны истца. Мистер Дрэйпер?

Дешон поднялся. Сегодня на нём были тёмно-синий костюм, светло-синяя рубашка и галстук, оттенок которого занимал промежуточное положение между двумя другими синими цветами.

— Дамы и господа присяжные, — сказал он, — Библия недвусмысленно заявляет: «Почитай отца твоего и мать твою». Это не просьба и не рекомендация — это одна из десяти заповедей. Что ж, мы все сегодня здесь потому, что некий человек — очень жадный — решил нарушить эту заповедь. — Он встал позади Карен и положил руки ей на плечи. — Познакомьтесь с матерью этого человека. Это Карен Бесарян, знаменитая писательница. Она многие годы тяжело работала, создавая одних из самых запоминающихся персонажей современной литературы. Она заработала этим много денег — и она их заслужила. В конце концов, это и есть американская мечта, верно? Усердно трудись, и далеко пойдёшь. Но теперь её сын — Тайлер Горовиц, сидящий вон там, — решил опозорить свою мать самым бесстыдным, самым оскорбительным, самым вопиющим спо-

собом. Он говорит, что она мертва и её деньги теперь должны перейти к нему.

В ходе этого процесса вы узнаете, что Карен Бесарян за человек. Вы узнаете, что она любящая, отзывчивая, щедрая и добрая. Она не просит вас присудить ей выплату материального или морального ущерба. Всё, чего она хочет, — чтобы сын оставил попытки реализовать её завещание до момента, когда она в самом деле умрёт. — Дешон по очереди заглянул каждому присяжному в глаза. — Разве она просит слишком многого?

Он сел и похлопал Карен по руке. Похожее на рожок для обуви лицо Херрингтона качнулось.

— Спасибо, мистер Дрэйпер. Ваше вступительное слово, мисс Лопес?

Мария Лопес встала. Она была одета в жакет такого густого красного оттенка, какого я раньше не видел: поразительно, что я до сих пор продолжал обнаруживать новые цвета. Брюки на ней были чёрного цвета, блузка — тёмно-серого.

— Дамы и господа присяжные, этот процесс не о жадности. — Она покачала головой и печально улыбнулась. — И не о деньгах. Он о любящем сыне, который хочет, чтобы его мать обрела покой, о скорби, о том, чтобы сделать то, что сделать должно. — Она замолчала, чтобы в свою очередь

пройти через ритуал заглядывания в глаза каждому из присяжных. — Завершение дел умерших родителей — одна из самых печальных обязанностей в жизни человека. Это разрывает сердце, но должно быть сделано. Попытки третьих лиц продлить страдания несчастного Тайлера бесчеловечны. Карен Бесарян мертва, и мы это докажем. Она умерла на Луне. Что же касается… *машины*, сидящей в этом зале и утверждающей, что она — Карен Бесарян, мы покажем, что она является самозванкой, пытающейся присвоить деньги, на которые у неё нет никаких прав. Позволим же Тайлеру похоронить свою мать.

Я согласна с истцом лишь в одном. Настоящая Карен Бесарян была щедрой женщиной. Она завещала больше десяти миллиардов долларов благотворительным фондам — таким, как Американское общество борьбы с раком, Гуманитарное общество США и «Врачи без границ». Эти деньги сделают возможным огромный объём добрых дел. Никто не скорбит о кончине Карен Бесарян больше, чем её преданный сын Тайлер. Но он хочет увидеть, как состояние его матери поможет другим людям — в точности как она сама того хотела перед тем, как умерла. Не будем же препятствовать исполнению последней воли

великой женщины. Спасибо.

— Хорошо, — сказал судья Херрингтон. — Мистер Дрэйпер, приступайте к представлению дела со стороны истца.

Глава 22

Войдя в ресторан американской кухни Верхнего Эдема, я заметил Малкольма Дрэйпера, сидящего в одиночестве и читающего что-то с планшета. Я подошёл-подпрыгал своей подскакивающей лунной походкой к его столику.

— Привет, Малкольм.

Он вскинул голову.

— Джейк! Садитесь.

Я отодвинул стул на другом краю стола и сел.

— Что читаете?

Он поднял планшет так, чтобы мне был виден экран. «Диномир». Он слегка пожал плечами.

— Мой сын был без ума от этой книги, а я так и не собрался её прочесть. Должен признать, она очаровательна.

Я покачал головой.

— Ну почему всегда так? Ничто так не увеличивает продажи автора, как его смерть.

Он нажал на кнопку выключения на планшете.

— Только, разумеется, Карен Бесарян на самом деле не умерла, — сказал он. — Мнемосканиро-

ванная Карен получит свои отчисления.

Я фыркнул.

— Будто она их заслужила.

Перед Малкольмом стоял бокал вина. Он отпил из него.

— Она в самом деле их заслужила, и вы это знаете.

Я снова фыркнул, и Малкольм пожал плечами. Он, должно быть, увидел официанта у меня за спиной, потому что сделал подзывающий жест; его таффордское кольцо блеснуло.

И действительно, через мгновение появилась официантка: белая, лет двадцати пяти, кудрявые волосы, да и все остальное изгибалось где надо.

— Добрый вечер, джентльмены, — сказала она. — Чего желаете?

— Для начала салат цезарь, — сказал Малкольм. — Без крутонов. Потом филе-миньон, завёрнутое в бекон, среднепрожаренное. Толчёную картошку с чесноком. Горох, морковь. Сделаете?

— Конечно, мистер Дрэйпер. Всё, что пожелаете. А для вас, мистер Салливан?

Я посмотрел на неё и растерянно заморгал. Откуда она знает, как меня зовут? То есть она, конечно, обслуживала меня раз или два, но…

День выдался длинный, а у меня снова начинала болеть голова, возможно, из-за слишком сухого воздуха. Так или иначе, мне не хотелось копаться в меню, так что я сказал:

— Мне всё то же самое, только вместо гороха с морковью принесите спаржи. И да, салат мне с крутонами.

— Филе также средней прожарки?

— Нет, чуть поменьше. И из альбертской говядины.

— Конечно. Что будете пить?

Я решил сегодня покапризничать.

— Принесите мне «Олд Салли Премиум Дарк».

— Хорошо, сэр. Заказ будет готов через…

— У вас оно есть? — спросил я. — У вас есть «Олд Салли»?

— Конечно, сэр. Мы сделали запас специально для вас. В нашем распоряжении полное досье на всех, кто переезжает сюда.

Я кивнул, и она удалилась.

— Видите? — спросил Малкольм, хотя тут всё и так было очевидно. — Это великолепное место.

— Ага, — сказал я. — Круто.

Я оглядел помещение. Я ел в этом заведении несколько раз, но никогда его толком не осматривал. Декор, разумеется, был выше всяких похвал:

тёмные стенные панели, как в лучших стейк-хаусах, хотя наверняка из того же самого взбитого реголита. Белые скатерти, витражные светильники… Полный фарш.

— Вам правда здесь нравится? — спросил я Малкольма.

— А что здесь может не нравиться?

— Отсутствие свободы. И…

— Что?

Я потёр ладонью макушку.

— Ничего. Возвращайтесь к своей книге.

Он нахмурился.

— Вы сегодня сам не свой, Джейк.

Это было совершенно невинное замечание — если только он тоже в этом не участвует. Я обнаружил, что начинаю злиться.

— Я сам не свой *каждый* день, — грубо ответил я. — Это… эта *штука* на Земле сейчас я. По крайней мере, так они говорят.

Малкольм вскинул брови.

— Джейк, вы хорошо себя чувствуете?

Я сделал глубокий вдох, пытаясь овладеть собой.

— Простите. Голова болит.

— Опять?

Я не помнил, чтобы рассказывал что-то Мал-

кольму, когда в прошлый раз молотки били меня по макушке. Я пристально на него посмотрел.

— Ага, опять.

— Вам нужно показаться доктору.

— Да что они знают? Им нельзя доверять.

Он улыбнулся.

— Странно слышать от того, кому один из них совсем недавно спас жизнь.

Появилась официантка — она принесла мне пиво в вычурной керамической кружке. Я отхлебнул из неё, и…

Резкая боль, словно в голову вонзили альпеншток. Малкольм, должно быть, заметил, как я вздрогнул.

— Джейк? Джейк, с вами всё хорошо?

— Да, — ответил я. — Пиво слишком холодное.

Боль потихоньку рассасывалась. Я отхлебнул ещё пива.

— Вам станет лучше после того, как вы поедите, — сказал Малкольм.

Я подумал об этом, о еде, которую приготовили специально для меня. Подумал о самом простом способе для «Иммортекс» решить проблему с моим желанием вернуться на Землю. Я ощутил ещё один укол, своего рода афтершок после только что поразившего меня приступа.

— Вообще-то, — сказал я, — я думаю, что пропущу ужин. Пойду прилягу.

Лицо Малкольма выражало озабоченность, но через мгновение он с преувеличенным энтузиазмом потёр себе живот.

— Повезло же мне. *Два* бифштекса.

Я заставил себя засмеяться и направился к двери. Но я знал, что он и не притронется к тому, что подадут со спаржей. Кем бы там ни был Малкольм Дрэйпер, но уж точно не дураком.

* * *

— Огласите, пожалуйста, ваше имя для протокола, — сказал клерк, худой чернокожий мужчина с тоненькими усиками.

Человек с кожей темнее, чем у меня, но светлее, чем у клерка, стоял лицом к нему, положив руку на том с одной из нескольких священных книг, которые держали в зале суда для этой цели.

— Имя: Пандит, Пэ-А-Эн-Дэ-И-Тэ. Фамилия: Чандрагупта, Че-А-Эн-Дэ-А-Эр-А-Гэ-У-Пэ-Тэ-А.

— Пожалуйста, садитесь, — сказал клерк.

Чандрагупта сел в тот же момент, когда Дешон поднялся на ноги.

— Доктор Чандрагупта, — сказал он. — Вы выписали свидетельство о смерти по этому делу,

не так ли?

— Да.

— Вы являетесь лечащим врачом Карен Бесарян?

— Нет.

— Когда-либо являлись?

— Нет.

— Вы когда-нибудь лечили её от какого-либо заболевания или травмы?

— Нет.

— Вам известно, был ли у неё лечащий врач?

— Да. То есть я знаю, кто её лечил перед тем, как она умерла.

— И кто же это был?

— Его звали Дональд Коль.

— Доктор Коль — ваш коллега?

— Нет.

— Где вы работаете, доктор Чандрагупта?

— В больнице Джона Хопкинса в Балтиморе.

— Это там, по вашему утверждению, умерла Карен?

— Нет.

— Где вы лицензированы для оказания медицинских услуг?

— В Мэриленде. А также в Коннектикуте.

— Карен умерла в Мэриленде?

— Нет.

— Карен умерла в Коннектикуте?

— Нет.

— Являетесь ли вы лицензированным судмедэкспертом?

— Нет, я…

— Отвечайте только на заданный вопрос, доктор Чандрагупта, — сказал Дешон вежливо, но твёрдо. — Являетесь ли вы лицензированным судмедэкспертом?

— Нет.

— Являетесь ли вы окружным коронёром или коронёром штата?

— Нет.

— И тем не менее вы выписали свидетельство о смерти в данном случае, не так ли?

— Да.

— Где вы выписали это свидетельство? Я спрашиваю не где, по вашему утверждению, умерла Карен, а где вы физически оформляли этот документ.

— В Балтиморе.

— Вы сделали это по собственной воле?

— Да.

— Доктор Чандрагупта, давайте попробуем ещё раз: вы выписали данное свидетельство

по собственной воле либо в ответ на чью-либо просьбу?

— Ну, если так это сформулировать… то второе. По чьей-либо просьбе.

— Чьей же?

— Тайлера Горовица.

— Ответчика по этому делу?

— Да.

— Он попросил вас выписать свидетельство о смерти?

— Да.

— Он вышел на контакт с вами, или наоборот?

— Я первым связался с ним, — сказал Чандрагупта.

— Когда вы связывались с ним, вам было известно, что Тайлер должен унаследовать десятки миллиардов долларов?

— Не в качестве непреложного факта, нет.

— Но вы об этом догадывались?

— Это казалось логичным, да.

— Вы потребовали с него плату за оформление свидетельства о смерти?

— Обычно подобного рода услуга оказывается за плату, да.

— Обычно, — повторил Дешон, и его голос сочился ядом. Он со значением посмотрел в сторону

жюри. Присяжные тоже смотрели на него, но я не мог сказать, о чём они думали.

— Мистер Дрэйпер, пожалуйста, — сказал Чандрагупта, разводя руками. — Я знаю, что Канада здесь прямо за рекой и что в зале суда есть канадцы. Но, положа руку на сердце, нет ничего аморального в том, чтобы доктор получал деньги за услуги, которые он оказывает.

— Нет, — сказал Дешон, — конечно, в этом нет ничего аморального. — Он подошёл к загородке присяжных и встал рядом с ней, словно бы становясь таким образом восьмым присяжным. — Скажите нам, в какую именно сумму вы оценили оказанную услугу.

— Я признаю, что мистер Горовиц был чрезвычайно щедр, но…

— Пожалуйста, назовите сумму в долларах.

— Мне было уплачено за эту услугу сто двадцать пять тысяч долларов.

Дешон взглянул на присяжных, почти приглашая их присвистнуть. Один из них так и сделал.

— Спасибо, доктор Чандрагупта. Мисс Лопес, свидетель ваш.

— Доктор Чандрагупта, — сказала она, вставая со своего места рядом с Тайлером, — вы сказали, что вы врач.

— Так и есть.

— И какова область вашей специализации?

— Я хирург, специализируюсь на проблемах церебрального кровообращения.

Я поёрзал на стуле. Интересно, что он знает о синдроме Катеринского?

— Где умерла мисс Бесарян?

Дешон вскочил на ноги.

— Возражение, ваша честь! Допущение фактов, не подтверждённых свидетельствами! Мы ещё не установили, что мисс Бесарян на самом деле мертва. В сущности, мы утверждаем прямо противоположное.

Судья Херрингтон скривил свой малоразмерный рот.

— Мистер Дрэйпер, в Детройте вы не на своём поле. Большинство здешних адвокатов знают, что я ненавижу мелочные семантические придирки. — У меня упало сердце, но Херрингтон продолжил: — В данном случае, однако, я признаю, что вы правы. Принимается.

Лопес снисходительно кивнула.

— Хорошо. Доктор Чандрагупта, считаете ли вы, что Карен Бесарян умерла?

— Да, я так считаю.

— И где же, по вашему мнению, наступила

смерть Карен Бесарян?

— В кратере Хевисайда, на обратной стороне Луны.

— И как вы об этом узнали?

— Я был там. — Я заметил, как несколько присяжных удивлённо вскинулись.

— Что вы делали на Луне, доктор Чандрагупта? — спросила Лопес.

— Меня доставили туда для того, чтобы сделать операцию: им потребовался мой опыт.

Полагаю, это была хорошая новость. Мне было приятно узнать, что «Иммортекс» действительно заботится о своих подопечных.

— То есть в Хевисайде не было своих докторов? — продолжала Лопес.

— О, были, конечно. Несколько — наверное, больше десятка. И очень хороших, должен заметить.

— Но они не обладают теми навыками, которые есть у вас?

— Именно так.

— Пациентом, лечить которого вы летали на Луну, была не Карен Бесарян, не так ли?

— Нет.

— Тогда какого рода контакты вы имели с мисс Бесарян во время вашего пребывания там?

— Я присутствовал при её смерти.

— Как сложились подобные обстоятельства?

— Я находился в медицинском учреждении Хевисайда, когда прозвучал синий код.

— «Синий код»?

— Стандартный больничный код, означающий остановку сердца. Напоминаю, что я специалист по кровообращению. Услышав оповещение, я выбежал в коридор, увидел других врачей и сестёр, которые куда-то бежали, вернее сказать, прыгали, отскакивая от стен в лунной гравитации. Я присоединился к ним и попал в палату, в которой находилась мисс Бесарян, одновременно с её лечащим врачом.

— Которым был доктор Дональд Коль, как вы сказали во время прямого опроса?

— Именно так.

— Что случилось потом?

— Доктор Коль пытался дефибриллировать мисс Бесарян.

— И с каким результатом?

— С отрицательным. Мисс Бесарян умерла у нас на глазах. Я должен сказать, что доктор Коль показал себя с наилучшей стороны, выполнив всё, что требовалось в подобных обстоятельствах. И он был искренне огорчён кончиной Карен

Бесарян.

— Не сомневаюсь в этом, — сказала Лопес и со значением взглянула в сторону присяжных. — Как и мы все. — Её голос не слишком подходил для выражения скорби, но она очень старалась. — Согласно обычной процедуре разве не доктор Коль должен бы был оформить свидетельство о смерти?

— «Обычной» здесь ключевое слово.

— Что вы имеете в виду?

— Он сказал мне, что не будет оформлять свидетельство.

— Как об этом зашла речь?

— Я спросил. После того как мисс Бесарян умерла, мне стало интересно, какая здесь процедура. Ну, то есть, принимая во внимание, где мы находились — на Луне. Я спросил доктора Коля, как будет происходить оформление факта смерти.

— И что он на это ответил?

— Он ответил, что никакого оформления не будет. Сказал, что весь смысл размещения людей вроде мисс Бесарян именно на Луне состоит в том, чтобы вывести их из-под чьей-либо юрисдикции.

— Чтобы не было необходимости оформлять свидетельство о смерти, не так ли?

— Именно так.

— А что насчёт уведомления ближайшего родственника?

— Коль сказал, что этого делать он также не будет.

— Почему?

— Он сказал, что это часть соглашения с клиентом.

Лопес многозначительно посмотрела на присяжных, словно Чандрагупта только что вскрыл какой-то зловещий заговор. Потом она медленно повернулась обратно к нему.

— Как вы сами к этому отнеслись?

У Чандрагупты, похоже, была привычка поглаживать бороду; он делал это прямо сейчас.

— Это меня обеспокоило. Показалось неправильным.

— Что вы сделали по этому поводу, когда вернулись на Землю?

— Я связался с Тайлером Горовицем в Детройте.

— Почему?

— Он ближайший родственник мисс Бесарян — её сын.

— Давайте отступим на один шаг назад. Откуда вы узнали, что женщина, которая умерла на

Луне, — Карен Бесарян?

— Во-первых, разумеется, потому что этим именем её называли другие врачи.

— У вас были и другие основания?

— Да. Я её узнал.

У Лопес были тонкие брови, которые она сейчас вскинула; внешние их кончики были обесцвечены.

— Вы были лично знакомы с ней?

Снова поглаживание бороды.

— Нет, не до того момента. Но я читал её книги своим детям десятки раз. И часто видел её по телевизору.

— У вас не возникло никаких сомнений относительно личности женщины, которая умерла на Луне?

Чандрагупта наконец убрал руку от бороды, но только для того, чтобы экспрессивно ею взмахнуть.

— Абсолютно никаких. Это была Карен Бесарян.

— Хорошо. И зная это, вы связались с её сыном, верно?

— Да.

— Почему? — Лопес снова приподняла брови.

— Мне казалось, что я должен это сделать. Ну,

то есть его мать умерла! Сын имеет право об этом узнать.

— И вы ему позвонили?

— Да. Это печальная обязанность, но я, разумеется, исполнял её не впервые.

— И Тайлер попросил вас кое-что сделать?

— Да. Он попросил меня выписать свидетельство о смерти.

— Зачем?

— Он сказал, что доктора на Луне этого не сделают. Он сказал, что хочет завершить дела матери.

— И вы согласились?

— Да. — Рука снова легла на бороду. — Эту обязанность я также уже раньше исполнял. Соответствующая электронная форма нашлась у меня в компьютере. Я заполнил её и отправил мистеру Горовицу, подписав её своей электронной подписью.

— И снова: насколько вы уверены, что умершая была Карен Бесарян?

— На сто процентов.

— И насколько вы уверены, что она в самом деле умерла?

— Также на сто процентов. Я видел, как остановилось её дыхание. Я видел, как выровнялась её ЭКГ. Я лично наблюдал, как её зрачки вспу-

чились.

— Вспучились?

— Расширились до максимального размера, оставив видимым лишь тонкое кольцо радужки. Это верный признак смерти мозга.

Лопес едва заметно улыбнулась.

— Спасибо, доктор Чандрагупта. О, ещё один вопрос — ваше вознаграждение. Мистер Дрэйпер уделил большое внимание тому, как много вы получили за свои услуги. Вы не хотели бы как-то прояснить этот вопрос?

— Вообще-то да, хочу. Плата была идеей мистера Горовица; он сказал, что я её заслужил. Он назвал это «заработком доброго самаритянина», своеобразный способ сказать спасибо.

— Он предложил вам большое вознаграждение до или после того, как вы согласились оформить свидетельство о смерти?

— После. Разумеется, после.

— Спасибо, — сказала Лопес. — Вопросов больше не имею.

Дешон уже был на ногах.

— Повторный опрос, ваша честь?

Херрингтон кивнул.

— Доктор Чандрагупта, — сказал Дешон, — каков обычный размер платы за оформление

свидетельства о смерти в штате Мэриленд?

— Я должен посмотреть в справочнике.

— Примерную величину, пожалуйста. Округлённую до ближайшей тысячи.

— Э-э-э… округлённая до ближайшей тысячи, эта величина будет равна одному.

— Иными словами, одной тысяче долларов, верно?

— Да.

— Существуют ли какие-либо документы, за оформление которых доктора в штате Мэриленд получают больше тысячи долларов?

— Мне о таких неизвестно.

— Итак, — сказал Дешон, — вы совершенно уверены в том, что ваш разговор с ответчиком о стадвадцатипятитысячедолларовом вознаграждении за оформление свидетельства о смерти состоялся *после* того, как вы согласились его оформить?

— Да. — Доктор Чандрагупта сердито воззрился на Дешона. — Именно так я это запомнил.

* * *

Мне казалось странным, что Дешон первым вызвал Чандрагупту, потому что доктор, как казалось, стоит целиком и полностью на стороне

Тайлера. Но я быстро понял, зачем он это сделал: после того, как Чандрагупта закончил давать показания, Дешон немедленно ходатайствовал об упрощённом судебном решении на основании недействительности свидетельства о смерти. Судья Херрингтон удалил присяжных из зала суда на то время, пока обсуждались ходатайства и контрходатайства. Дешон хотел, чтобы свидетельство о смерти было исключено из дела, потому что оно было выписано Чандрагуптой за пределами географической юрисдикции, в которой он был лицензирован для оказания медуслуг, и на основании подозрения в том, что он выписал его за взятку.

Лопес парировала цитатой из старинного морского устава Мэриленда, где Чандрагупта имел лицензию. Устав гласил, что любой доктор имеет право выписать свидетельство о смерти в международных водах в случае, когда доставка тела на берег является непрактичной, невозможной или противоречит воле покойного — последний пункт позволял команде корабля хоронить в море умерших в плавании моряков. Она также энергично доказывала, что подозрение не равносильно установленному факту. Множество особенностей законов Мэриленда и Мичига-

на было вытащено на свет, однако в конечном итоге судья Херрингтон постановил, что данное свидетельство пригодно для частной задачи установления факта смерти оригинальной, биологической Карен Бесарян.

Глава 23

Дешон и Лопес провели остаток утра за обсуждением других ходатайств — я и представить себе не мог, что это отнимает столько времени. Но в конце концов, после обеда, мы добрались до основной части шоу.

— Огласите, пожалуйста, ваше имя для протокола, — сказал клерк.

Карен сегодня надела простой и недорогой на вид бежевый костюм.

— Карен Синтия Бесарян, — ответила она.

— Можете сесть.

Карен села, а Дешон поднялся на ноги — почти как на качелях.

— Здравствуйте, Карен, — сказал он, радостно улыбаясь. — Как вы себя сегодня чувствуете?

— Хорошо, спасибо.

— Я рад, — сказал Дешон. — Полагаю, здоровье теперь вас больше не беспокоит?

— Нет, слава тебе, Господи.

— Я слышу в вашем голосе облегчение. У вас были проблемы со здоровьем в прошлом?

— Не больше, чем у любого человека моего воз-

раста, — ответила Карен. — Но от этого не легче.

— Не сомневаюсь, — сказал Дешон. — Не хочу лезть в ваши личные дела, но не могли бы вы рассказать нам о них подробнее?

— О, обычный набор: всё от тонзиллита до замены бедренной кости. — Карен сделала паузу. — Полагаю, хуже всего была моя схватка с раком груди.

— О, какой ужас, — сказал Дешон. — Как вас лечили?

— Сначала радиационной терапией и лекарствами. Опухоль удалось разрушить, но, понятное дело, сохранялся риск, что она появится снова. К счастью, мне больше не нужно об этом беспокоиться.

— Потому что вы переместились в это более долговечное тело?

— Нет-нет. Потому что я прошла генную терапию. У меня были два ключевых гена, которые у женщин вызывают предрасположенность к раку груди. Примерно двадцать лет назад я подверглась генной терапии, удалившей эти гены из моего тела. Это уменьшило риск развития новой раковой опухоли до очень низкого уровня.

— Понимаю, понимаю. Что ж, очень рад это слышать. Но давайте двигаться дальше. Карен,

вы бывали за пределами США после того, как стали мнемосканом?

— Да.

— Куда вы ездили?

— В Канаду. В Торонто.

— И это означает, что уже после загрузки в новое тело вы пересекали американо-канадскую границу, верно?

— Да, по пути туда на поезде и обратно на машине.

— Летали ли вы в последнее время самолётами?

— Да.

— Откуда и куда?

— Из международного аэропорта Торонто, Лестера Б. Пирсона, в Атланту, Джорджия.

— С какой целью?

— Я ездила на похороны.

— Не ваши собственные, я надеюсь! — Несколько присяжных засмеялись.

— Нет. Это были похороны моего первого мужа, Дарона Бесаряна.

— О боже… — сказал Дешон с подобающей случаю театральностью. — Весьма прискорбно это слышать. Тем не менее, когда вы пересекали границу… где? Между Виндзором и Детройтом? Там

вы должны были разговаривать с сотрудником таможни, верно?

— Да.

— И когда вы летели из Торонто в Атланту, вы также должны были иметь дело со служащими таможни, верно?

— Да.

— Так что, получается, вы общались с сотрудниками как американской, так и канадской таможенной службы, верно?

— Да.

— В процессе этого общения от вас требовалось удостоверить свою личность?

— Естественно.

— Какого рода удостоверяющие документы вы предъявляли?

— Мой американский паспорт и идентификационную карточку министерства внутренней безопасности США.

— И оба эти документа сейчас при вас?

— Да.

— Вы можете предъявить их суду?

— Конечно.

У Карен с собой была маленькая сумочка. Она достала из неё паспорт и меньшего размера идентификационную карточку.

— Я хотел бы приобщить эти документы к делу в качестве вещественных доказательств, — сказал Дешон, — и указать суду на то, что они действительно находились у истца.

— Мисс Лопес?

— Ваша честь, из одного лишь факта физического владения…

Херрингтон покачал длинной головой.

— Мисс Лопес, вы аргументируете свою версию. У вас есть возражения против приобщения этих предметов к делу?

— Нет, ваша честь.

— Очень хорошо, — сказал судья. — Продолжайте, мистер Дрэйпер.

— Спасибо, ваша честь. Итак, Карен, как вы только что продемонстрировали, у вас имеются идентификационные документы Карен Бесарян, верно?

— Конечно, — сказала Карен. — Ведь я — это она.

— Итак, у вас имеются документы Карен, но давайте заглянем глубже. — Дешон взял что-то со своего стола и поднял перед собой. Оно было размером примерно с колоду карт; в некоторых местах оно серебристо сверкало, остальная поверхность была матово-чёрной.

— Вы знаете, что это такое?

— Платёжный терминал, — сказала Карен.

— Именно, — подтвердил Дешон. — Всего лишь обычный, заурядный беспроводной платёжный терминал. Того типа, какие мы постоянно встречаем в магазинах и ресторанах — везде, где вам может понадобиться получить доступ к деньгам на вашем банковском счёте и перевести некоторую сумму кому-то ещё. Вы согласны?

— Да, выглядит очень похоже, — сказала Карен.

— Теперь позвольте мне продемонстрировать вам, что это не муляж, а настоящее работающее устройство, подключённое к глобальной финансовой сети.

— Хорошо.

Дешон вытащил из кармана золотистый диск.

— Что это такое, Карен?

— Рейган.

— Так вы называете монету в десять долларов США, верно? С американским орлом с одной стороны и бывшим президентом Рональдом Рейганом с другой.

— Да.

— Отлично. Теперь: вы имеете сейчас доступ к вашему банковскому счёту?

Карен ответила ровным тоном:

— Судья Херрингтон предусмотрительно ограничил общую сумму, которую я могу снять со своего счёта до завершения процесса. Однако да, я имею доступ к своему счёту.

— Отлично, — сказал Дешон. — Вот что я хочу, чтобы вы сделали. Я хочу дать вам вот эту десятидолларовую монету, пригодную для любых видов платежей, публичных и приватных. Взамен я хотел бы, чтобы вы перевели десять долларов с вашего счёта в вашем банке на мой счёт. Вы согласны это сделать?

— Конечно, — улыбнулась Карен.

Дешон взглянул в сторону судьи, и тот кивнул. После этого он пересёк «колодец» и подал Карен монету.

— Не тратьте всё за один раз, — сказал он, и двое присяжных усмехнулись; Дешон был дружелюбен и остроумен и медленно, но верно завоёвывал симпатии присяжных. — Теперь, если не возражаете…

Он протянул ей платёжный терминал. Карен приложила большой палец к площадке сканера, и на терминале зажёгся зелёный огонёк. Потом она поднесла прибор к правому глазу, и зажёгся второй зелёный огонёк.

— Погодите! — сказал Дешон. — Прежде чем вы продолжите, не прочитаете ли вы суду то, что сейчас написано на дисплее терминала?

— С удовольствием, — ответила она. — Здесь написано: «Подтверждение опознания: Бесарян, Карен С.».

Дешон взял терминал у неё из рук, подошёл к загородке жюри и продемонстрировал дисплей по отдельности каждому из присяжных. Смысл этого действа был ясен: прибор опознал отпечатки пальцев Карен и узор её сетчатки.

— То есть при пересечении границы вы удостоверяете свою личность с помощью того, что у вас есть, а именно документов, которые при вас имеются, верно?

— Да.

— А платёжный терминал идентифицировал вас с помощью того, кто вы есть, иными словами основываясь на ваших биометрических данных, верно?

— Насколько я понимаю, да.

— Отлично. — Дешон залез в карман пиджака и вытащил оттуда карточку. — Вот счёт, на который я хотел бы, чтобы вы перевели десять долларов, — сказал он, протягивая карточку.

Карен взяла её и поднесла к сканеру устройства.

Загорелся ещё один индикатор.

Карен что-то набрала на клавиатуре, и…

— Постойте! — сказал Дешон. — Что вы только что сделали?

— Ввела свой ПИН, — ответила Карен.

— Ваш персональный идентификационный номер?

— Да.

— И терминал принял его?

Карен подняла устройство. Зелёный огонёк был ясно виден даже с мест присяжных.

— Кто ещё, кроме вас, знает этот ПИН?

— Никто.

— Он у вас где-нибудь записан?

— Нет. Банк говорит, что этого нельзя делать.

Дешон кивнул.

— Вы поступаете мудро. Итак, терминал опознал вас не только на основании вашей биометрии, но также и по информации, которую может знать одна лишь Карен Бесарян, верно?

— Именно так, — ответила Карен.

Дешон опять кивнул.

— Теперь вы можете завершить перевод — я не хочу терять десять баксов…

Присяжных повеселило это замечание, и Карен нажала ещё несколько клавиш.

— Перевод завершён, — сказала она и подняла терминал, на котором загорелась соответствующая комбинация индикаторов.

Это была простая и элегантная демонстрация, и мне показалось, что по крайней мере на некоторых присяжных она произвела впечатление.

— Спасибо, — сказал Дешон. — Мисс Лопес, свидетель ваш.

— Не сейчас, — сказал Херрингтон. — Мы начнём с этого места завтра утром.

Глава 24

Той ночью, примерно в три часа, я рассказал Карен о странных разговорах, которые я вёл, по-видимому, с другими копиями меня. Мы прогуливались по подстриженным лужайкам её поместья. Жужжали насекомые, в небе носились летучие мыши. Полумесяц луны насмехался над нами с неба; где-то на её обратной стороне жил сейчас единственный другой Джейк Салливан, которому положено существовать, — мой биологический оригинал.

— Как, я уверен, ты знаешь, — говорил я, — в квантовой физике существует явление, которое называется «спутанность». Оно позволяет квантовым частицам оставаться связанными на любом расстоянии; изменение одной влияет на другую и наоборот.

— Ага.

— И, в общем, уже давным-давно существуют теории о том, что сознание имеет квантовомеханическую природу, — самая известная, по-моему, из книги Роджера Пенроуза 1980 года.

— Да, — сказала Карен. — И что?

— А то, что я вот что думаю: не спрашивай меня как, я не уверен насчёт конкретного механизма, но я думаю, что «Иммортекс» сделало много копий моего сознания и что иногда, время от времени, я каким-то образом к ним подключаюсь. Я предполагаю, что это квантовая спутанность, но это может быть и что-то другое. Но так или иначе я слышу их как голоса у меня в голове.

— Это как… как телепатия?

— Хм-м… терпеть не могу это слово — слишком уж оно связано со всякими психами. Кроме того, я же не слышу мысли *других* людей; я слышу свои… в некотором смысле.

— Прости, Джейк, но, по-моему, более вероятно, что в твоём новом мозгу просто что-то работает не так, как нужно. Наверняка, если ты расскажешь об этом доктору Портеру, он…

— Нет! — сказал я. — «Иммортекс» делает что-то *плохое*. Я… я чувствую это.

— Джейк…

— Это лежит в самой основе технологии мнемосканирования: способность создавать столько копий исходного разума, сколько потребуется.

Мы с Карен держались за руки. Ощущение было далеко не таким интимным, как если бы я был из плоти и крови, но, по крайней мере, теперь у

меня не потели ладони.

— Но зачем такое делать? — спросила она. — Какая у них может быть цель?

— Красть корпоративные секреты. Личные коды безопасности, пароли. Шантажировать меня.

— Шантажировать чем? Что ты такого сделал?

— Ну… ничего такого, чего стоило бы стыдиться.

— Правда? — игривым голосом спросила Карен.

Я не хотел терять нить разговора, но почему-то на секунду задумался над её вопросом.

— Нет, правда, в моём прошлом нет ничего такого, за неразглашение чего я заплатил бы хоть сколько-нибудь существенные деньги. Но дело не в этом. Может, они просто зондируют почву. Хотят посмотреть, что им это может принести.

— Например, секретную формулу «Олд Салли Премиум Дарк»?

— Карен, серьёзно. Что-то происходит.

— О, я не сомневаюсь, — сказала она. — Только, знаешь ли, я слышу голоса в голове всё время — голоса моих персонажей. Я ведь писатель. Может быть, и у тебя что-то похожее?

— Я не писатель, Карен.

— Ну, ладно. Хорошо. А ты читал Джулиана

Джейнса?

Я покачал головой.

— О, я обожала его в колледже. «Происхождение сознания путём распада бикамерального разума» — потрясающая книга. А уж название! Мой редактор никогда бы не позволил мне дать книге такое название. Так вот, Джейнс говорил, что два полушария мозга — это, по сути, две отдельные личности, и голоса ангелов и демонов, которые некоторые люди, по их словам, слышат, на самом деле исходят от другой половины их собственной головы. — Она посмотрела на меня. — Может быть, полушария твоего нового мозга недостаточно хорошо интегрированы? Пусть доктор Портер в этом покопается, и я уверена, он всё наладит.

— Нет, нет, — сказал я. — Это настоящее.

— А сейчас ты можешь это сделать? Выйти на связь с другим тобой?

— Я не могу это делать по желанию. Это происходит само собой.

— Джейк… — мягко сказала Карен и оставила моё имя висеть в ночном воздухе.

— Нет, правда, — сказал я. — Это правда происходит.

Её голос был непередаваемо добр.

— Джейк, ты никогда не слышал о спирити-

ческих сеансах? Говорящих досках? Синдроме ложной памяти? Человеческий разум способен убедить себя в том, что разного рода явления реально существуют или исходят откуда-то извне в то время, когда они порождены им самим.

— Это не то, что происходит со мной.

— Так ли? Эти твои… *голоса* сказали тебе хоть раз что-то такое, чего ты ещё знал? Что-то, чего ты не мог знать, но мог бы проверить и убедиться, что это правда?

— Ну нет, разумеется. Другие копии держат где-то в изоляции.

— А зачем? И почему со мной ничего подобного не происходит?

— Не знаю. — Я слегка пожал плечами.

— Ты должен спросить об этом доктора Портера.

— Нет, — сказал я. — И ты тоже ему ничего об этом не говори, пока я не разберусь, что происходит.

* * *

На следующий день в десять утра Мария Лопес предстала перед Карен, снова занявшей свидетельское место.

— Доброе утро, мисс Бесарян.

— Доброе утро, — ответила Карен.

— Вы приятно провели… провели время с прошлого заседания суда? — спросила Лопес.

— Да.

— Я могу спросить, чем вы занимались?

— Возражение, ваша честь! — сказал Дешон. — Не имеет отношения к делу.

— Прошу у суда минуту терпения, — сказала Лопес.

— Хорошо, — ответил Херрингтон. — Мисс Бесарян, ответьте на вопрос.

— Ну, давайте посмотрим. Я читала, смотрела фильм, написала кусочек нового романа, бродила по сети. Совершила приятную прогулку.

— Очень хорошо. Вы делали что-нибудь ещё?

— Множество других мелких дел. Я правда не понимаю, к чему вы клоните, мисс Лопес.

— Хорошо, тогда я спрошу напрямую: вы спали?

— Нет.

— Вы не спали. Будет ли верным сказать, что вы также не видели снов?

— Очевидно.

– *Почему* вы не спали?

— Моё искусственное тело в этом не нуждается.

— Но вы *можете* заснуть, если вам этого захочется?

— Я… я не вижу, зачем кому-то может захотеться заснуть, если в этом нет необходимости.

— Вы уклоняетесь от вопроса. Вы способны заснуть?

Карен несколько мгновений молчала, потом сказала:

— Нет. По всей видимости, нет.

— Вы вообще не спали с того момента, как были воссозданы в этой форме, не так ли?

— Это так, да.

— И поэтому вы также не видели снов, верно?

— Не видела.

Дешон вскочил на ноги.

— Ваша честь, это не похоже на надлежащий перекрёстный допрос.

— Простите, — сказала Лопес. — Просто несколько любезностей в начале дня. — Она взяла со стола большую бумажную книгу и поднялась. — Мы поговорим о ваших физических параметрах, мисс Бесарян. Начнём с простых. Ваш возраст.

— Восемьдесят пять.

— Дата рождения.

— Двадцать девятое мая 1960 года.

— И как вы появились на свет?

— Я… прошу прощения?

— Это были нормальные роды? Кесарево сечение? Другая процедура?

— Нормальные роды, по крайней мере, по стандартам того времени. Моей матери дали большую дозу обезболивающего, схватки были вызваны искусственно, а мой отец не был допущен в родовую палату. — Карен посмотрела в сторону присяжных, желая сразу увидеть их реакцию. — С тех пор мы прошли большой путь.

— Нормальные роды, — повторила Лопес. — Через расширенный родовой канал к дневному свету, мягкий шлепок по заднему месту — полагаю, тогда это ещё было в ходу.

— Да, думаю, так.

— Первый крик.

— Да.

— И конечно, перерезание пуповины.

— Да.

— Пуповины, через которую питательные вещества передавались от вашей матери растущему эмбриону, верно?

— Да.

— Пуповины, удаление которой оставляет шрам, который мы называем пупком, верно?

— Да.

— И шрам этот бывает двух видов — выпуклый и впалый, правильно?

— Да.

— И к какому виду принадлежит ваш, мисс Бесарян?

— Возражение! — сказал Дешон. — Отношение к делу!

— Мистер Дрэйпер поднимал вопрос о биометрических показателях, — сказала Лопес, разводя руками. — Очевидно, что я могу исследовать любые связанные с биометрией вопросы, а не только те, с которыми устраивал фокусы мистер Дрэйпер.

Похожее на обувной рожок лицо судьи качнулось вверх и вниз.

— Отклоняется.

— Мисс Бесарян, — сказала Лопес, — так какого же он типа: выпуклый или впалый?

— Впалый.

— Могу я его увидеть?

— Нет.

— И почему же?

Карен вскинула голову.

— Потому что это будет бессмысленно и — я уверена, судья со мной согласится — вряд ли

прилично в зале суда. Вы надеетесь, что у меня нет пупка и вы из этого факта сможете извлечь несколько лёгких очков в свою пользу. Так вот: пупок у меня есть; моё тело анатомически корректно. И поэтому, когда я обнажу пупок, вы попытаетесь заработать хоть какие-то очки, указывая на то, что это не настоящая рубцовая ткань, а простая скульптурная имитация. Я избавлю вас от хлопот: я это признаю́. Но так как пупок совершенно ни для чего не служит, это вряд ли что-то меняет. Мой ничуть не хуже, чем любой другой. — Она снова взглянула на присяжных. — В нём даже пух скапливается.

Присяжные и даже сам судья рассмеялись.

— Двигайтесь дальше, — сказал Херрингтон.

— Хорошо, — сказала Лопес, её голос звучал чуть пристыженно. — Ваша честь, я хотела бы приобщить к делу первую улику ответчика — печатную копию инструкции по эксплуатации платёжного терминала, приобщённого к делу мистером Дрэйпером ранее.

— Мистер Дрэйпер? — спросил судья Херрингтон.

— Не возражаю.

— Улика приобщается к делу, — объявил судья.

— Спасибо, — сказала Лопес. Она перешла «ко-

лодец», подошла к месту свидетеля и протянула инструкцию Карен: — Как вы видите, я отметила одну страницу закладкой. Откройте её, пожалуйста.

Карен так и сделала.

— Пожалуйста, прочитайте выделенный фрагмент, — попросила Лопес.

Карен откашлялась — излишний с механической точки зрения элемент театральности — и прочитала:

— «Этот сканер использует биометрические данные для обеспечения безопасности транзакций. Для подтверждения личности пользователя сканируется отпечаток пальца и узор сетчатки. Никакие два человеческих существа не имеют одинаковых отпечатков пальцев, и ни у каких двух индивидуумов не может быть идентичного узора сетчатки.

— Звучит впечатляюще, не правда ли? — сказала Лопес.

— Да. И этот терминал меня…

— Простите, мисс Бесарян, вы можете лишь отвечать на вопросы, которые я задаю. — Лопес сделала паузу. — Нет, прошу прощения, я не хочу показаться грубой. Что вы хотели добавить?

— Лишь то, что сканер опознал меня как Карен

Бесарян.

— Да, он это сделал. В ключевых биометрических категориях вы, по-видимому, идентичны, — по крайней мере, близки настолько, насколько необходимо, — с оригинальной Карен Бесарян.

— Именно так.

— Теперь, если суд не возражает, я хотела бы кое-что попробовать. Ваша честь, прошу приобщить к делу улики ответчика номер два, три и четыре. Номер два — это искусственная рука, номер три — искусственное глазное яблоко; и то и другое, как свидетельствует номер четыре, сертификат происхождения, произведено компанией «Моррелл GmbH» из Дюссельдорфа, ведущим мировым производителем протезов. Собственно «Моррелл» и производит многие компоненты, используемые компанией «Иммортекс».

За этим последовало около пятнадцати минут возражений и аргументов, после чего судья принял улики. Когда процесс вновь вошёл в своё русло, Лопес протянула искусственную руку Карен.

— Прижмите, пожалуйста, большой палец этой руки к сканеру терминала.

Карен нехотя подчинилась. Зажёгся один зелёный огонёк (я раньше терпеть не мог поль-

зоваться этими штуками, потому что не отличал зелёного от красного).

— И поднесите это к объективу камеры терминала. — Она протянула Карен искусственный глаз.

Карен сделала и это, и зажёгся второй зелёный огонёк.

— А теперь, мисс Бесарян, не будете ли вы так любезны прочитать то, что написано на дисплее? — Она показала ей терминал.

Карен посмотрела на него.

— Там…

— Да, мисс Бесарян?

— Там написано: «Подтверждение опознания: Бесарян, Карен С.».

— Спасибо, мисс Бесарян. — Она взяла устройство из безвольных рук Карен и уверенно нажала на нём какие-то клавиши. Когда она закончила, протянула терминал обратно Карен: — Теперь я бы хотела, чтобы вы сделали для меня то же, что сделали для мистера Дрэйпера: перевели десять долларов на мой банковский счёт. Конечно, для этого нам потребуется номер вашего ПИН.

Карен нахмурилась.

— Просто ПИН, — сказала она.

Лопес на мгновение растерялась:

— Простите?

— ПИН означает «персональный идентификационный номер». Только люди, работающие в Министерстве избыточных министерств, называют его номером ПИН.

Маленький рот судьи Херрингтона изогнулся в улыбке.

— Хорошо, — сказала Лопес. — Значит, для завершения транзакции нам теперь нужен ваш ПИН.

Карен сложила руки на груди.

— И я сомневаюсь, что суд может заставить меня его вам назвать.

— Нет-нет, конечно же нет. Приватность очень важна. Вы позволите? — Лопес протянула руку к терминалу, и Карен отдала его. Она нажала на устройстве несколько клавиш, затем вернула его Карен.

— Прочтите, пожалуйста, что написано на дисплее.

Пластиковое лицо Карен было не так пластично, как лицо из плоти и крови, но я видел, как оно оцепенело.

— Здесь написано: «ПИН подтверждён».

— Смотрите-ка! — воскликнула Лопес. — Не воспользовавшись ни отпечатком вашего паль-

ца, ни вашим узором сетчатки, ни чем-то таким, что знаете только вы, мы сумели получить доступ к вашему счёту, не так ли?

Карен молчала.

— Не так ли, мисс Бесарян?

— Надо полагать.

— В таком случае почему бы вам не подтвердить транзакцию и не перевести на мой счёт десять долларов, как вы это сделали для мистера Дрэйпера?

— Я бы не стала, — сказала Карен.

— Что? — переспросила Лопес. — Ах да. Конечно, вы правы. Это совершенно несправедливо. В конце концов, мистер Дрэйпер сначала дал вам десятидолларовую монету. Так что, полагаю, я также должна дать вам рейган. — Она снова запустила руку в карман, вытащила оттуда монету и протянула её Карен.

Карен скрестила руки на груди, отказываясь её брать.

— Ну и ладно, — сказала Лопес, разворачивая золотую фольгу и извлекая рельефный шоколадный диск. Она положила его в рот и прожевала. — Он всё равно фальшивый.

Глава 25

Золотая клетка — всё равно клетка.

Теперь я был здоров, и впереди у меня были десятилетия жизни. И я не хотел провести их все здесь, в Верхнем Эдеме.

И… я ведь правда был здоров, да? То есть метод доктора Чандрагупты меня излечил. Но…

Но в голове всё ещё стучали молотки. Это приходило и уходило, слава тебе, Господи; если бы так было всё время, я бы не выдержал, но…

Но ничего не помогало. Не помогало надолго, не помогало навсегда.

А я не доверял местным докторам. Посмотрите, что они сделали с несчастной Карен! Синий код, куда там!

И всё же…

И всё же я должен был сделать *что-то*. Я не машина, не робот. Я не такой, как тот, другой я, этот доппельгангер, свободный от боли и страданий. У меня болела голова. Когда случался приступ, она болела как тысяча чертей!

Я вышел из своего номера и запрыгал в лунной гравитации по направлению к больнице.

* * *

Нашим следующим свидетелем был Эндрю Портер, который приехал из Торонто в дополнение к полудюжине функционеров «Иммортекс», которые уже находились здесь.

— Доктор Портер, — сказал Дешон, — какое образование вы получили?

Место свидетеля было немного маловато для человека его роста, но Портеру удалось втиснуть туда ноги, сев наискосок.

— Я получил Ph.D [24] в области когнитивистики в Университете Карнеги Мелон и мастерские степени по электротехнике и компьютерным наукам в Калтехе.

— Вы когда-либо работали в академической сфере?

Брови Портера, как всегда, жили своей жизнью.

— Несколько раз. В последний раз я был старшим научным сотрудником в Лаборатории искусственного интеллекта Массачусетского Технологического Института.

---

[24] Notes: 24

Степень, присуждаемая в странах Европы и США, эквивалент кандидата наук.

— Должен сказать, что меня повеселил сегодняшний фокус мисс Лопес с монетой, — сказал Дешон. — Но у вас, как я понимаю, есть настоящая золотая медаль, не так ли?

— О да. Вернее, я был в составе команды, которая её получила.

— Вы принесли её с собой? Мы можем её увидеть?

— Конечно. — Портер вытащил из кармана пиджака довольно большую коробку и открыл её.

— Улика истца номер три, ваша честь, — сказал Дешон.

Поднялась обычная суматоха, после которой вещественное доказательство было приобщено к делу. Дешон поднял медаль к объективу камеры, демонстрируя сначала одну, а потом другую её сторону; изображение проецировалось на стену позади Портера. На одной стороне были выгравированы стоящий вполоборота человек с тонкими чертами лица, курсивная надпись: «Может ли машина думать?» — и имя: «Алан М. Тьюринг». На другой стороне были бородатый человек в очках и имя: «Хью Дж. Лёбнер». На обеих сторонах вдоль края шла надпись: «Лёбнеровская премия».

— Как она к вам попала? — спросил Дешон.

— Мы получили её в награду как первая группа,

сумевшая пройти тест Тьюринга.

— И как вы это сделали?

— Мы скопировали человеческий разум — разум Сэмпсона Уэйнрайта, также выходца из MIT, — в искусственный мозг.

— И вы продолжаете работать в этой области?

— Да.

— Где вы работаете сейчас?

— В компании «Иммортекс».

— В качестве кого?

— Я старший научный сотрудник. Моя должность называется «директор по технологиям реинстанциирования».

Дешон кивнул.

— И как бы вы описали то, чем занимаетесь по работе?

— Я слежу за всеми аспектами процесса переноса личности из биологического носителя в наногелевую матрицу.

— Наногелевая матрица — это материал, из которого вы создаёте искусственные мозги?

— Именно.

— То есть вы один из разработчиков процесса мнемосканирования, с помощью которого «Иммортекс» переносит сознание, и вы продолжаете руководить применением этого метода в компа-

нии «Иммортекс», верно?

— Да.

— Тогда, — сказал Дешон, — не могли бы вы нам объяснить, как в человеческом мозгу возникает сознание?

— Нет. — Портер покачал своей удлинённой головой.

Судья Херрингтон нахмурился.

— Доктор Портер, вы обязаны отвечать. Я не хочу слышать никаких отговорок о корпоративных секретах или…

Портер попытался повернуться к судье вместе со стулом, но не смог.

— Не в этом дело, ваша честь. Я не могу ответить на этот вопрос, потому что не знаю ответа. И никто не знает, насколько мне известно.

— Позвольте мне уточнить, доктор Портер, — сказал Дешон. — Вы не знаете, как работает сознание.

— Именно так.

— Но тем не менее вы умеете его копировать? — продолжал Дешон.

— И это *всё*, что я с ним умею делать, — кивнул Портер.

— Что вы имеете в виду?

Портер очень убедительно сделал вид, будто

раздумывает о том, с чего начать, хотя мы, разумеется, репетировали его выступление много раз.

— Программисты пытаются воспроизвести человеческий мозг в компьютере уже больше столетия. Кто-то считал, что для этого достаточно лишь подобрать правильные алгоритмы, другие пытались строить математические модели нейронных сетей, третьи — что это как-то связано с квантовыми вычислениями. Никто из них не достиг успеха. О, компьютеры теперь умеют делать всякие умные штуки, но пока что никому не удалось построить с нуля устройство, которое обладало бы самосознанием как я или вы, мистер Дрэйпер. Ни разу, к примеру, ни один компьютер не попросил «Не выключайте меня». Ни разу ни один компьютер не задумался о смысле жизни. Не написал роман-бестселлер. Мы думали, что способны научить машины делать подобные вещи, но пока что мы этого не умеем. — Он посмотрел на присяжных, потом снова на Дешона. — Однако перемещённые биологические сознания, которые мы создаём, способны на всё это и многое другое. Они способны на те же виды мыслительной деятельности, что и другие люди.

— Вы сказали «другие люди», — заметил Дешон. — То есть вы считаете копии людьми?

— Разумеется. Эта медаль свидетельствует о том, что они целиком и полностью проходят тест Тьюринга: нет такого вопроса, на который они не ответили бы неотличимо от ответов других людей. Они — люди.

— Осознают ли они себя?

— Вне всякого сомнения. Так же осознают, как вы или я. Собственно, несмотря на некоторую разницу в напряжениях, электрические профили скопированного и оригинального мозга идентичны на правильно откалиброванных энцефалограммах.

— Но… простите меня, доктор Портер, я не хочу показаться непонятливым, но — если вы не знаете, чем вызывается сознание, то как вы можете его воспроизвести? Откуда вы знаете, *что* воспроизводить?

— Рассмотрим такую аналогию: я совершенно не разбираюсь в музыке. Когда я учился в школе, там считали, что если мне дать в руки музыкальный инструмент, то я буду представлять опасность для каждого обладающего слухом человека, так что я посещал занятия по вокалу вместе с остальными детьми, лишёнными музыкального слуха. Так что я вообще ничего не знаю о том, что делает Пятую симфонию Бетховена музы-

кальным шедевром. Однако я инженер, и если вы принесёте мне её на CD и попросите переписать на карту памяти, я это сделаю. Я не буду искать на CD «музыкальность», не буду выискивать «композиторский гений». Я просто скопирую *всё*, что там есть, на другой носитель. Именно это мы и делаем, когда переносим сознание.

— Но если вы не знаете, что искать, то не можете ли вы пропустить что-нибудь важное?

— Нет. Большинство психологов скажет, что даже если всё, что мы сделаем, — это воспроизведём карту связей между нейронами и различий в уровнях нейротрансмиттеров, то мы захватим всё, что есть в мозгу осмысленного. А мы определённо это делаем.

— Но это ведь огромный массив данных, — сказал Дешон.

— Не такой огромный, как может показаться, — ответил Портер. — Мы нашли в них массу фрактальных резонансов — это означает, что одна и та же комбинация повторяется снова и снова на разных уровнях детализации. Эти данные очень хорошо сжимаются, если кому-то придёт в голову их хранить.

Я настороженно выпрямился, услышав эти слова, но поскольку сидел позади Карен, не смог

встретиться с ней взглядом.

— Так что, копируя информацию, вы также копируете и сознание вместе с ней? — спросил Дешон. — Простым копированием связей и уровней нейротрансмиттеров?

— Ну, кое-кто утверждает, что эти вещи не являются истинными физиологическими коррелятами сознания, не являясь сами по себе физическим проявлением осознанных мыслей, — и указывают в качестве доказательства на парамеций.

— «Парамеций»? — повторил Дешон.

— Да… Ваша честь, вы позволите?..

Херрингтон кивнул, и Портер с видимым облегчением выбрался из тесного свидетельского места. Он вытащил из другого кармана пиджака маленький пульт дистанционного управления, и на телестене начали появляться изображения.

— Парамеции, — сказал Портер, — это разновидность простейших — одноклеточных организмов. У парамеций нет нервной системы, поскольку нервная система состоит из специализированных нервных клеток, а одноклеточное существо, разумеется, таковых иметь не может. И всё же без нейронов и нейротрансмиттеров парамеция может обучаться. Безусловно, не слишком

многому, но может. Вы можете научить её тому, что, если она оказывается на распутье, движение влево всегда заканчивается лёгким ударом тока, а вправо — получением пищи. — Изображения на стене иллюстрировали его слова. — Каким-то образом парамеция запоминает это, несмотря на полное отсутствие нервной системы. И это наводит на мысль о возможности того, что вовсе не нейронные сети отвечают за наше самоосознание.

— Но тогда, — сказал Дешон, — *что* же за него отвечает?

На телестене появились новые изображения.

— Одна из версий, — сказал Портер, — гласит, что микротрубочки, составляющие экзоскелет клетки, — место, где находится микроскопическое сознание парамеции, да и человека тоже. Микротрубочки — это как початки индейской кукурузы [25], пустые внутри, но сверху покрыты зёрнами. И, как и на кукурузном початке, эти зёрна могут образовывать узоры. Некоторые утверждают, что узоры эти могут двигаться и реплицироваться как клеточные автоматы, и…

— Клеточные автоматы? — переспросил Де-

---

[25] Notes: 25
Кукуруза с зёрнами разных цветов в початке.

шон.

Новые изображения, похожие на ожившие кроссворды.

— Да, именно так, — сказал Портер. — Представьте себе поверхность микротрубочки как свёрнутую в трубку решётку, состоящую из квадратных клеток. Представьте, что некоторые из квадратиков чёрные, а некоторые — белые; вот почему я помянул именно индейскую кукурузу. Представьте также, что квадратики выполняют простые правила: если ты чёрный квадрат и по крайней мере три из восьми соседних квадратов также чёрные, то ты должен стать белым.

На телестене возникла иллюстрация.

— Видите? — спросил Портер. — Очень простое правило. Но, выполняя подобные правила, квадратики начинают образовывать сложные узоры. К примеру, можно получить формы-бумеранги, представляющие собой устойчивую конфигурацию чёрных клеток, которая движется по решётке — каждый раз, как применяется базовое правило, весь этот кластер сдвигается на одну клетку влево. Вы также можете получить формы, которые пожирают другие формы, и большие формы, которые распадаются на две меньшие, но в остальном остаются идентичными.

Мы увидели все эти вариации на телестене.

— Теперь подумайте вот о чём, — сказал Портер. — Узоры реагируют на стимулы в форме применяемого к ним правила. Но реакция на стимулы — это один из стандартных признаков жизни. Узоры движутся, и опять же, движение — это ещё один признак жизни. Узоры пожирают другие узоры, а питание — это третий признак жизни. И узоры воспроизводят себя, и, конечно, это также один из признаков того, что мы имеем дело с живым существом. В самом деле клеточные автоматы — одна из форм того, что уже давно называют искусственной жизнью, хотя я лично считаю, что уточнение «искусственная» здесь излишне. Они *и есть* жизнь.

— То есть ваш процесс мнемосканирования копирует узоры клеточных автоматов?

— Опосредованно, да.

— Опосредованно? Если есть вероятность, что вы что-либо упустили…

— Нет-нет. Мы копируем информацию с абсолютной точностью, но зафиксировать конфигурацию клеточных автоматов физически невозможно.

— Почему?

— Как я сказал, мы записываем конфигурацию

нейронных сетей — положение и связи каждого нейрона в вашем мозгу, — но мы не записываем узор клеточных автоматов на поверхности микротрубочек внутри этих нейронов. Видите ли, тубулины — крошечные зёрна, из которых складывается початок микротрубочки, — могут находиться в двух состояниях, которые я изобразил чёрным и белым цветом на графике вот здесь. Они могут образовывать слошные динамические узоры, которые вы видели на поверхности микротрубочек. Но эти два состояния на самом деле не белое и чёрное. Они определяются тем, где находится электрон: в субъединичном кармане альфа или субъединичном кармане бета. — Он взглянул на присяжных: — Я знаю, я знаю: звучит как полная белиберда. Но главное то, что это квантовомеханический процесс, а это значит, что мы даже *теоретически* не можем измерить состояние, не изменив его.

Портер повернулся обратно к Дешону.

— Но когда наш квантовый туман конденсируется в наногель мозга, он на короткое время оказывается квантово спутанным с биологическим оригиналом, и узоры клеточных автоматов оказываются идентичными. Так что если микротрубочки и вправду являются источником

сознания, то именно в этот момент происходит его перенос в двойника. Конечно, спутанность быстро разрушается, но к этому времени правила уже применяются к новым клеточным автоматам, так что, возвращаясь к нашей метафоре, квадратики начинают снова менять цвет.

Теперь Портер смотрел на Карен, сидящую за столом истца.

— Так что неважно, чем порождается сознание: нейронными сетями или же клеточными автоматами на поверхности микротрубочек — мы переносим и то и другое точно и полно. Новый, искусственный мозг — настолько же реальный, мыслящий, осознающий себя, как и старый; это мозг того же самого человека до последних мельчайших деталей. И эта замечательная женщина, вне всякого сомнения, Карен Бесарян.

— Спасибо, доктор Портер, — кивнул Дешон. — Вопросов больше не имею.

* * *

Мне говорили, что нам ни под каким видом не будет позволено контактировать ни с кем из оставшихся на Земле, но в этот раз «Иммортекс» пошла против своих хвалёных правил. Я сидел в кресле в офисе доктора Ын, а рельефное борода-

тое лицо доктора Чандрагупты взирало на меня с компьютерного монитора. Он уже был в Балтиморе — на Земле, везучая скотина, тогда как я всё ещё торчал на Луне.

— Вам нужно было рассказать мне раньше, мистер Салливан, — сказал он. — Мы можем лечить лишь то, про что нам рассказывают.

— Мне только что сделали операцию на голове, — раздражённо ответил я. — Я посчитал, что головные боли с этим связаны.

Я ждал, пока мои слова достигнут Земли, а его вернутся обратно ко мне.

— Нет, такого не должно было быть. Я подозреваю, что боли действительно скоро пройдут. Причина, вероятно, лежит в несбалансированности нейротрансмиттеров. Мы радикально изменили конфигурацию кровотока в вашем мозгу, и, подозреваю, это нарушило обратный захват. Это, безусловно, может вызывать головные боли того типа, что вы описываете. Ваш мозг приспособится, всё в конце концов должно прийти в норму. И конечно же, доктор Ын, уверен, выпишет вам что-нибудь против болей, хотя это лишь купирует синдром, а не вызвавшую его причину. — Он перевёл взгляд с меня на сидящую рядом со мной женщину. — Доктор Ын, что у вас

есть в наличии?

— Я думала дать ему тораплаксин, если только у него нет противопоказаний для вашего случая.

Снова пауза, затем:

— Нет, нет. Должно быть нормально. Скажем, двести миллиграмм для начала, дважды в день, да?

— Да-да. Я передам в наш аптечный пункт…

Но Чандрагупта там, на Земле, я так думаю, не собирался уступать ей трибуну, потому что он продолжал говорить:

— Однако, мистер Салливан, могут быть и другие проблемы, связанные с сильными флуктуациями в уровне нейротрансмиттеров. Депрессия, к примеру. Вы чувствовали что-то подобное?

Скорее, я чувствовал гнев — но мой гнев, разумеется, был полностью оправдан.

— Нет.

Пауза — сигнал идёт к Земле, — потом кивок и новые слова:

— Также возможны внезапные смены настроения. Вы наблюдали какие-либо признаки этого?

Я покачал головой:

— Нет.

Пауза, потом:

— Паранойя?

— Нет, ничего такого, доктор.

— Хорошо, хорошо, — Чандрагупта кивнул. — Дайте нам знать, если что-то из этого начнёт появляться.

— Обязательно, — сказал я.

* * *

В процессе объявили перерыв на ланч или, скажем так, полуденный перерыв; ни Карен, ни мне, ни Малкольму, разумеется, не нужно было есть. Зато Дешон проглотил пару чизбургеров и больше кока-колы, чем, как мне казалось, может вместить человеческий желудок. А потом была очередь Марии Лопес задавать вопросы Портеру.

Портер имел суровый вид, хотя его брови, как всегда, находились в постоянном движении. Он был на добрых полметра выше Лопес и возвышался над ней даже сидя.

— Мистер Портер, — начала она, но он тут же её прервал.

— Я не хочу цепляться к мелочам, — Портер улыбнулся в сторону судьи, — но вообще-то я *доктор* Портер.

— Конечно, — сказала Лопес. — Прошу прощения. Вы сказали, что работаете в компании «Иммортекс», верно?

— Да.

— Вы также владеете её акциями?

— Да.

— Сколько стоит ваша доля в компании?

— Около восьми миллионов долларов, я полагаю.

— Это большие деньги, — сказала Лопес.

Портер добродушно пожал плечами.

— Конечно, всё это лишь на бумаге, не так ли? — спросила Лопес.

— В общем, да.

— И если акции «Иммортекс» рухнут, ваше состояние улетучится?

— Можно и так сказать, — ответил Портер.

Лопес посмотрела в сторону жюри.

— И поэтому вполне естественно, что вы хотите убедить нас, будто разработанный «Иммортекс» процесс в самом деле делает то, что вы говорите.

— Я уверен, что если у вас есть эксперты, не согласные со мной, то вы их вызовете для дачи показаний, — сказал Портер. — Но я и правда верю — как человек, учёный и инженер — во всё, что только что сказал.

— И всё же вы сказали, что не знаете, что такое сознание.

— Верно.

— Но уверены в том, что можете его копировать.

— Также верно.

— Без искажений?

— Да.

— Без ошибок?

— Да.

— И без пропусков?

— Да.

— Тогда скажите нам, доктор Портер, почему ваши роботы не спят?

Портера это явно разозлило; его брови даже на мгновение замерли.

— Они не роботы.

— Но, — сказала Лопес, — все *люди* спят. Однако я перефразирую вопрос. Почему человеческий разум, загруженный в искусственный мозг, не спит?

— Это… в этом нет необходимости.

— Так мне сказала мисс Бесарян — которая, несомненно, читала ваши рекламные буклеты. Но какова истинная причина того, что они не спят?

Портер насторожился.

— Я… я не уверен, что понимаю вопрос.

— Почему ваши искусственные люди время от

времени не засыпают?

— Как я сказал, им это не нужно.

— Возможно, так оно и есть. Но им также не нужно заниматься сексом, в конце концов, они ведь не могут размножаться нашим методом или любым другим. Однако ваши изделия способны на такие занятия, не так ли?

— Ну, людям нравится секс, так что…

— Многим нравится и сон, — сказала Лопес.

— Вовсе нет. — Портер покачал головой. — Им нравится то, что сон восстанавливает их силы и энергию, но сам по себе сон — это просто бессознательное состояние.

— Так ли, доктор Портер? А как же сновидения? Разве это бессознательное состояние?

— Ну…

— Ну же, доктор. Не может же этот вопрос быть совершенно новым для специалиста в вашей области. Разве сновидения — это бессознательное состояние?

— Нет, обычно оно не классифицируется как таковое.

— Глубокий сон без сновидений с ровными дельта-ритмами и без быстрых движений глаз — это бессознательное состояние, верно? Но сновидения — нет. Я права?

— Ну… да.

— В сновидениях человек осознаёт себя.

— Полагаю, это правда.

— Вы специалист по мозгу, доктор Портер, не я. Это правда?

— Да.

— Сновидения — это форма сознательной активности, верно?

— Да.

— Потому что в них присутствует осознание себя, верно?

— Да.

— Но ваши роботы, простите, ваши реинстанциации не видят снов.

— Не все формы сознательной активности желательны, мисс Лопес. Я, к примеру, очень надеюсь на то, что ни один из наших клиентов никогда не испытает ужаса или панической атаки, — а это всё сознательные состояния.

— О, очень умно, доктор Портер, — сказала Лопес, театрально хлопая в ладоши. — Браво! Но вы уходите от вопроса. Сновидения отличаются от всех остальных сознательных состояний тем, что это полностью внутренние переживания, не так ли?

— Более или менее.

— Я думаю, скорее, более. Сновидения — самая сущность нашей жизни, верно? Настоящее сознание, такое, каким обладала биологическая Карен Бесарян, включает в себя способность внутренней концептуализации в отсутствие внешних факторов. А у ваших созданий нет сознания подобного рода.

— Это не…

— Не правда ли, вы не даёте им спать потому, что если они заснут, то будут ожидать увидеть сны, а когда проснутся, то не смогут ничего вспомнить и скоро станет ясно, что они *не видят снов*? Потому что наиболее интимная часть нашего внутреннего мира — сновидения — у них совершенно отсутствует? Это так, доктор Портер?

— Я… всё совсем не так…

— Но если бы они были точными копиями, они видели бы сны, не так ли? Вы сказали, что они отвечают на вопросы в точности как отвечали бы люди — за это вам и дали вашу красивую медаль, верно? Но что, если бы вы спросили их о сновидениях?

— Вы делаете из мухи слона, — сказал Портер, складывая руки на груди.

Лопес покачала головой.

— О, такого я не сделала бы и во сне. Но я могу

увидеть сон о других вещах — в отличие от этой конструкции, утверждающей, что она Карен Бесарян.

— Возражение! — воскликнул Дешон. — Ваша честь!

— Приберегите это для своего заключительного слова, мисс Лопес, — сказал Херрингтон.

Лопес отвесила в сторону судейского стола грациозный поклон.

— Конечно, ваша честь. Вопросов больше не имею.

Глава 26

Я вернулся в свою квартиру в Верхнем Эдеме — не мог заставить себя называть её «домом» — и принял первую таблетку тораплаксина. После этого я лежал на диване, потирая лоб и надеясь, что лекарство подействует. По моей голосовой команде вид на озеро Луис на телестене сменился трансляцией «Си-би-си».

Новости. Интересно, следит ли «Иммортекс» за тем, что мы смотрим по телевизору. Меня бы это не удивило. Да что там, готов биться об заклад, что они…

Внезапно моё сердце подпрыгнуло так сильно, словно меня пнули в грудину.

По телевизору шёл репортаж о Карен Бесарян.

Другой Карен Бесарян.

— Отметить! — выкрикнул я в пространство.

Внизу на экране была надпись: «Детройт». Белая женщина — репортёр стояла снаружи старинного здания.

— Необычное сражение разворачивается сейчас в этом мичиганском суде, — говорила женщина. — Против сына знаменитой писатель-

ницы Карен Бесарян, автора мегапопулярной серии о Диномире, подала иск некая сущность, утверждающая, что она и есть Карен Бесарян…

Я смотрел, словно оценепев. Мне потребовалось какое-то время, чтобы узнать Карен: она заказала себе гораздо более молодое лицо. Но по мере того, как показывали эпизоды судебных заседаний, становилось ясно, что это определённо она — или, по крайней мере, её мнемосканированная версия.

И её право называться настоящей, легальной Карен Бесарян оспаривалось в суде! Репортёрша не высказывала мыслей о том, чем, по её мнению, закончится процесс, но от самого факта того, что весь этот фарс вполне может рухнуть, я пришёл в неописуемый восторг. Брайан Гадес не сможет больше держать меня здесь! Ему придётся позволить мне вернуться на Землю, позволить мне снова жить моей собственной жизнью! Иначе это будет равносильно удержанию меня в заложниках…

* * *

— Сторона истца вызывает Тайлера Горовица, — вставая, произнёс Дешон.

Я видел, как Карен неловко заёрзала на своём

месте рядом со стоящим Дешоном.

Тайлер с решительным видом занял свидетельское место, и Дешон начал опрос:

— Мистер Горовиц, ваш адвокат каким-то образом узнала персональный идентификационный номер вашей матери. Это вы его ей дали?

— Я воспользуюсь пятой поправкой.

— Мистер Горовиц, знать чей-то ПИН не преступление. Если кто-то был достаточно беспечен и допустил, чтобы его узнали другие, то это его проблема, а не ваша. Если, конечно, вы не воспользовались им для противоправного получения доступа к финансам вашей матери, в каковом случае, разумеется, ваша ссылка на привилегии пятой поправки целиком и полностью оправдана.

— Из денег моей матери я не тронул ни цента, — резко ответил Тайлер.

— Нет, нет, конечно нет, — ответил Дешон и выждал тщательно отмеренную паузу перед тем, как сказать: — *Пока*.

Лопес вскочила на ноги.

— Возражение, ваша честь!

— Принимается, — ответил Херрингтон. — Мистер Дрэйпер, осторожнее.

— Прошу прощения, ваша честь. — Дешон скло-

нил бритую голову в сторону судьи. — Мистер Горовиц, если вы хотите, чтобы я оставил тему вашей способности залезать в банковский счёт вашей матери, я это сделаю.

— Чёрт возьми, вы всё перекручиваете! — сказал Тайлер. — Я… послушайте, много лет назад моя мать упомянула, что её ПИН — это её рабочий телефон в те времена, когда она была беременна мной; она тогда занималась сбором средств для Университета штата Джорджия. Когда мисс Лопес спросила меня о нём, я позвонил в архив университета и попросил архивариуса заглянуть в старую телефонную книгу. Так что, как видите, ничего предосудительного.

— Разумеется, ничего, — кивнул Дешон.

Он замолчал, и через несколько секунд судья Херрингтон сказал:

— Мистер Дрэйпер?

Дешон начал было садиться, словно закончив опрос, но ещё до того, как его зад опустился на стул, снова поднялся и громко спросил:

— Мистер Горовиц, вы любите свою мать?

— Я любил её, да, очень сильно любил, — ответил он. — Но теперь она умерла.

— Так ли? — спросил Дешон. — Вы не признаёте, что женщина, сидящая сейчас рядом со

мной, — это ваша мать?

— Это не женщина. Это не человеческое существо. Это робот, машина.

— И тем не менее она содержит все воспоминания вашей матери, не так ли?

— Предположительно да.

— Насколько точны эти воспоминания? Вы когда-либо замечали, чтобы она вспомнила какую-то деталь не так, как её помните вы?

— Нет, никогда, — ответил Тайлер. — Все воспоминания действительно точны.

— Так в каком же отношении она не является вашей матерью?

— Во *всех* отношениях, — сказал Тайлер. — Моя мать из плоти и крови.

— Понимаю. Тогда позвольте задать вам конкретный вопрос. Ваша мать, как мы уже узнали, родилась в 1960 году — и, таким образом, росла при стоматологии двадцатого века. — Дешон содрогнулся от этой варварской мысли. — Я так понимаю, что в некоторых из её зубов у неё есть пломбы?

– *Были* пломбы, — поправил Тайлер. — Да, полагаю, это так.

— Значит, сам факт того, что часть естественной эмали её зубов была заменена чем-то под

названием «амальгама», сплавом серебра и ртути — ртути! — не сделал её в ваших глазах в меньшей степени вашей матерью, верно?

— Эти пломбы поставили ещё до моего рождения.

— Да, да. Но вам они не казались чужеродными или неуместными. Они были просто частью вашей матери.

Глаза Тайлера сузились.

— Полагаю, что так.

— И, насколько я понимаю, вашей матери пятнадцать лет назад заменили бедро.

— Да, это так.

— Но тот факт, что её бедренная кость искусственная, не сделал её менее вашей матерью, нет?

— Нет.

— Также мне известно, что у вашей матери не было миндалин — снова варварская медицина двадцатого века, когда от вашего тела отрезали части, хотите вы того или нет.

— Это правда, да, — сказал Тайлер. — У неё не было миндалин.

— Но из-за их отсутствия она не стала в ваших глазах менее полноценным человеческим существом, не так ли?

— Э-э-э… нет. Не стала.

— А правда ли, что вашей матери провели лазерную коррекцию формы глаза с целью улучшения зрения?

— Да, это правда.

— Вы после этого не стали смотреть на неё по-другому?

— Нет, это она стала видеть меня по-другому.

— Что? Ах да. Остроумно. Кроме того, в последние годы, как я знаю, вашей матери установили два кохлеарных импланта с целью улучшить её слух. Это так?

— Да.

— Это изменило ваше мнение о ней? — спросил Дешон.

— Нет, — ответил Тайлер.

— Как ваша мать показала ранее, она прошла генетическую терапию, которая переписала её ДНК с целью удаления генов, вызвавших у неё ранее рак груди. Но и это не изменило вашего мнения о ней, не так ли?

— Нет, не изменило.

— То есть удаление части тела, например миндалин, не изменяет вашего мнения о ней?

— Нет.

— И замена частей её тела, как, например, в

ходе пломбирования зубов или имплантации искусственного бедра, также не меняет вашего мнения о ней, верно?

— Верно.

— И модификация частей тела, к примеру, изменение формы глаза с помощью лазерной хирургии, не меняет вашего мнения о ней, верно?

— Верно.

— И добавление новых частей тела, таких как кохлеарные слуховые импланты, также не меняет вашего мнения о ней, верно?

— Верно.

— И даже переписывание её генетического кода с целью избавления от вредных генов не изменило вашего мнения о ней, верно?

— Да.

— Удаление. Замена. Модификация. Пополнение. Переписывание. Вы только что показали, что ничто из этого не способно заставить вас перестать считать Карен Бесарян своей матерью. Можете ли вы чётко сформулировать, почему именно Карен Бесарян, присутствующая в этом зале, не является вашей матерью?

— Это просто *не она*, — упрямо сказал Тайлер.

— В каком отношении?

— Во всех отношениях. Это не она.

— Это второй раз, мистер Горовиц. Вы собираетесь отвергнуть её и в третий раз [26]?

— Ваша честь! — Лопес снова вскочила с места.

— Снимаю вопрос, — сказал Дешон. — Мистер Горовиц, сколько именно вы лично унаследуете, если суд согласится утвердить завещание вашей матери?

— Много, — ответил Тайлер.

— Ну же, вы должны знать точную цифру!

— Нет, я не знаю. Обычно я не занимаюсь финансовыми делами моей матери.

— Будет ли верным сказать, что эта сумма измеряется в десятках миллиардов долларов? — спросил Дешон.

— Полагаю, да.

— Посущественнее, чем тридцать сребреников, правда?

— Ваша честь, да сколько же можно! — воскликнула Лопес.

— Снимаю, снимаю, — сказал Дешон. — Свидетель ваш, мисс Лопес.

---

[26] Notes: 26

Намёк на библейскую историю об апостоле Петре, трижды отрёкшемся от Христа.

* * *

После перерыва на ланч Мария Лопес поднялась, перешла «колодец» и повернулась лицом к своему клиенту. Тайлер выглядел одновременно усталым и взволнованным. Его тёмный оливковый костюм помялся, а редеющие волосы взъерошились.

— Мистер Дрэйпер попросил вас сформулировать причины, по которым истец на данном процессе не является вашей матерью, — сказала Лопес. — В перерыве у вас было время подумать об этом.

Мне хотелось закатить глаза к потолку, но я ещё не знал, как это делается. На самом деле она, конечно, имела в виду, что у них было время посовещаться и она подсказала ему ответ получше.

Лопес продолжала:

— Не могли бы вы попробовать ещё раз объяснить, почему существо, называющее себя Карен Бесарян, не является вашей матерью?

Тайлер кивнул.

— Потому что она в лучшем случае *копия* некоторых аспектов моей матери. Нет никакой преемственности между двумя личностями. Моя мать родилась как существо из плоти и крови. Да,

в какой-то момент был сделан слепок её мозга, и это… *это* было создано из него. Но моя мать из плоти и крови не перестала существовать в момент завершения сканирования; это не было так, словно бы копия принимает эстафету от оригинала. Нет, моя мать из плоти и крови отправилась на космоплане на околоземную орбиту, оттуда на космическом корабле на Луну и поселилась в доме престарелых на обратной стороне Луны. Всё это произошло после того, как была создана копия, и копия не имеет никаких воспоминаний об этих событиях. Даже если мы допустим, что эта копия в любом материальном смысле идентична моей матери — а я этого не допускаю ни на секунду, — их жизненный опыт уже различен. Эта копия является моей матерью не более, чем её сестра-близнец, если бы таковая у неё была.

Тайлер помолчал, затем продолжил:

— Честно говоря, мне всё равно — правда всё равно, — является ли скопированное сознание личностью или нет. Мы выясняем не это. Мы выясняем, является ли она *той же самой личностью*, что и оригинал. И в самой глубине моего сердца, моего интеллекта, в каждой клеточке моего существа я знаю, что нет. Моя мать умерла. Мне бы хотелось — о, как бы мне хотелось! — что-

бы это было не так. Но это правда. — Он закрыл глаза. — Правда.

— Спасибо, — сказала Лопес.

— Мистер Дрэйпер, — сказал судья Херрингтон, — вы можете вызвать следующего свидетеля.

Дешон встал. Он посмотрел на Тайлера, на Херрингтона, потом вниз на сидящую рядом Карен. И потом, немного разведя руками, сказал:

— Ваша честь, сторона истца завершила опрос свидетелей.

Глава 27

Теперь, когда меня вылечили, я стал более энергично упражняться, потому что теперь мог это выдержать и не хотел, чтобы мои ноги стали непригодными для ходьбы по Земле, ведь я собирался туда вернуться. Каждый день в полдень мы с Малкольмом встречались на баскетбольной площадке Верхнего Эдема.

Когда я пришёл туда сегодня, он уже был там — бросал мяч из неподвижного положения. Корзина висела невероятно высоко — на добрых десяти метрах, так что требовалась отличная координация, чтобы уложить в неё мяч, но у Малкольма неплохо получалось.

— Привет, Малкольм, — сказал я, выходя на площадку. Голос, как всегда в таких местах, отозвался гулким эхом.

— Джейкоб, — сказал он, оглядываясь на меня. Он был какой-то встревоженный.

— Что? — спросил я.

— Просто надеюсь, что вы не станете отрывать мне голову, — сказал Малкольм.

— Что? А, вы про вчерашнее. Простите меня:

вообще не знаю, что на меня нашло. Послушайте, вы не смотрите телепередачи с Земли?

Малкольм послал мяч свечой вверх. Он прошёл сквозь кольцо и начал долгое-долгое падение на пол, словно в замедленной съёмке.

— Иногда.

— Видели новости?

— Нет. И весьма рад этому.

— В общем, — сказал я, — ваш сын попал на первые полосы.

Малкольм поймал мяч и повернулся ко мне.

— Правда?

— Ага. Он представляет в суде Карен Бесарян — мнемосканированную Карен Бесарян — на процессе, на котором её сын оспаривает её право на её личность.

Малкольм постучал мячом об пол.

— Это мой мальчик!

— Мне неприятно это говорить, — сказал я, — но я надеюсь, что он проиграет. Я надеюсь, что Карен проиграет. — Я поднял руки, и Малкольм бросил мне мяч.

— Почему?

— Ну, теперь, когда меня вылечили, я хочу вернуться домой. Брайан Гадес говорит, что я не могу, потому что правами на мою личность

владеет другой. Но если это окажется не так…

Я побежал через площадку, стуча мячом об пол, потом подпрыгнул, взлетев высоко-высоко, выше Малкольмовой головы, и уложил мяч в корзину.

Я ещё спускался вниз, когда он спросил:

— Как далеко продвинулся процесс?

— Говорили, что решение вынесут всего через пару дней. — Я немного согнул ноги, чтобы смягчить удар, но, по правде, смягчать было особо нечего.

— И вы думаете, что это решение изменит ваши обстоятельства? — спросил Малкольм, наклоняясь, чтобы подобрать мяч.

— Ну, да, — сказал я. — Конечно. А почему нет?

Он развернулся и медленно стукнул несколько раз мячом об пол.

— Потому что в юриспруденции ничто не случается быстро. Предположим, Дешон выиграет — а он чертовски хороший адвокат и, вероятно, победит. — Он прицелился и бросил мяч. Тот высоко взлетел и на пути вниз провалился в корзину. — Но победа в первом раунде ничего не значит. — Он побежал огромными длинными скачками и поймал мяч прежде, чем он стукнулся об пол. — Другая сторона подаст апелляцию, и им придётся пройти через всё это снова.

Он опять бросил мяч, но в этот раз, я думаю, намеренно промазал, будто иллюстрируя свои слова.

— Или, предположим, Дешон проиграет, — сказал он. — Ну, тогда *его* сторона подаст апелляцию.

Я пошёл подобрать мяч.

— Да, но…

— И тогда на апелляцию будет подана апелляция, и в громких процессах, подобных этому, так будет продолжаться, пока дело не дойдёт до Верховного суда.

Я подобрал мяч, но просто держал его в руках.

— О, наверняка он не такой уж громкий.

— Вы шутите? — воскликнул Малкольм. — Это бомба! — Он дал эху двух последних слов затихнуть и продолжил: — Речь идёт о конце налога на наследство. Ведь бессмертные существа никогда не откажутся от своих состояний. Налоговая служба США обязательно присоединится к процессу, если ещё этого не сделала. Это будет тянуться годами… и в любом случае это всего лишь Штаты. Вы канадец; американские законы на вас не распространяются.

— Да, но подобные процессы пройдут и в Канаде.

— Послушайте, если вы не собираетесь бросать этот мяч… — Я кинул ему мяч. — Спасибо.

Он начал стучать им об пол.

— «Иммортекс», может, находится и в Канаде, благодаря её либеральным законам. Но сколько канадцев до сих пор прошли через них? Большинство клиентов «Иммортекс» — богатые американцы и европейцы. — Он подпрыгнул, поднялся над корзиной и с силой зашвырнул в неё мяч. Опускаясь вниз, он сказал: — А у вас ведь нет детей, не так ли?

Я покачал головой.

Опустившись на пол, он сказал:

— Тогда вряд ли будет борьба за ваше наследство.

У меня упало сердце.

— Может, это и так, но…

Он нагнулся за мячом.

— Плюс, даже если США запретят передачу прав личности, Канада не обязательно это сделает: вы с нами расходитесь по целому спектру вопросов. Господи, да в Канаде пудель может вступить в законный брак с тостером на четыре ломтика! Вы правда можете вообразить, чтобы ваша страна захлопнула дверь перед загруженными сознаниями?

— Возможно, — сказал я.

Он держал мяч в руках.

— Возможно. Но на это уйдут годы. *Годы*. Мы с вами можем и не дожить до того времени, как всё утрясётся. — Он бросил мяч мне, но я его не поймал. Мяч запрыгал по полу, и звуки его ударов раздавались в унисон с молотками, снова застучавшими у меня в голове.

* * *

На следующий день, когда мы все встали, чтобы поприветствовать входящего в зал судью Херрингтона, я отметил, что он выглядит так, будто накануне ему не удалось толком поспать. Конечно, я вообще не спал и отвёртки Портера насчёт мнемосканов и сна меня тревожили.

Стоп — я сказал *отвёртки*? Я имел в виду *увёртки*, ясное дело. Господи, все эти разговоры о том, что мы роботы, начинают действовать на нервы!

Все сели. Малкольм сидел рядом со мной справа; в отдалении по левую руку сидела жена Тайлера с детьми.

— Мисс Лопес, — сказал судья, кивая своим длинным лицом, — можете начинать опрос свидетелей со стороны ответчика.

Сегодня Мария Лопес была в оранжевом, и по

какой-то причине светлые пряди исчезли из её причёски. Она встала и поклонилась в сторону судьи.

— Спасибо, ваша честь. Мы вызываем профессора Калеба По.

— Калеб По! — выкрикнул клерк.

Щеголеватый белый мужчина средних лет представился и был приведён к присяге.

— Профессор По, — сказала Лопес, — кем вы работаете?

— Я профессор философии Мичиганского университета. — У него был приятный ровный голос.

— И в этом качестве задумывались ли вы о том, что означает обладать сознанием?

— Да, конечно. На самом деле одна из моих книг так и называется: «Сознание».

Некоторое время было потрачено на представление его званий и научных достижений, затем Лопес сказала:

— По вашему профессиональному мнению, действительно ли объект, присутствующий здесь и называющий себя Карен Бесарян, является ею?

По энергично замотал головой:

— Совершенно точно нет.

— И как вы можете это аргументировать?

С По явно всё хорошо отрепетировали, он включился в игру без запинок и колебаний.

— В философии существует концепция, называемая «зомби». Название, конечно, неудачное, потому что философский зомби не имеет ничего общего с ожившими мертвецами из мифологии вуду. Философский зомби — это классический пример человека, свет у которого включён, но никого нет дома. Он выглядит бодрствующим и мыслящим, демонстрирует сложное поведение, но сознание в нём отсутствует. Зомби не личность и тем не менее действует неотличимо от таковой.

Я посмотрел на присяжных. Они, по крайней мере, выглядели отдохнувшими и, похоже, слушали с интересом.

— Фактически, — говорил По, — я утверждаю, что все люди перво-наперво зомби, но с добавлением элемента сознания исключительно в качестве пассажира. Объясню разницу: зомби сознателен в том смысле, что он реагирует на внешнюю среду — но и только. Истинное сознание, которое, как я покажу позднее, мы и имеем в виду, когда говорим о личности, признаёт, что осознавать себя — это *на что-то похоже*.

— Что вы имеете в виду? — спросила Лопес.

По был довольно суетливым типом. Он поёрзал на своём свидетельском сиденье.

— Классический пример базируется на знаменитом аргументе Джона Сёрля против «сильного» искусственного интеллекта. Представьте себе человека в комнате с дверью, в которой прорезана щель — как в старые времена, когда через неё просовывали почту. Понимаете, о чём я? Итак, человек сидит в такой вот комнате. У человека есть огромная книга и пачка карточек с нарисованными на них закорючками. Так вот, некто снаружи комнаты просовывает в щель лист бумаги с серией таких закорючек. Задача человека — посмотреть на закорючки, найти такую же последовательность в своей большущей книге, скопировать из неё закорючки, которые следуют за найденными, на тот же лист бумаги и засунуть его обратно в щель.

Он изобразил руками, как делает всё это.

— Так вот, — продолжал По, — человек не знает, что закорючки на самом деле — китайские иероглифы, а книга — список вопросов и ответов на китайском языке. Так что, когда через щель просовывают китайскую фразу «Как дела?» — он ищет этот вопрос в книге и находит подходящий китайский ответ: «Хорошо». Находящемуся

снаружи — тому, кто задаёт по-китайски вопросы, — кажется, что сидящий внутри человек понимает китайский. Но на самом деле это не так: он даже не понимает, что, собственно, делает. И совершенно точно не чувствует того, что вы или я чувствуем, когда говорим, что *знаем* китайский или *понимаем* классическую музыку. Человек в комнате — зомби. Он действует так, *как если бы* осознавал свои действия, но на самом деле он их не осознаёт.

По снова поёрзал на стуле.

— Метафору можно проиллюстрировать тем, что, несомненно, когда-нибудь случалось с каждым из нас: мы садимся в машину, чтобы куда-то поехать, и пока мы едем, наш разум витает в облаках. Когда мы прибываем к месту назначения, у нас нет никаких воспоминаний о поездке. Так кто же был за рулём? Зомби! Это он работал водителем, пока ваше сознание — его пассажир — занималось другими делами.

Лопес кивнула, и По продолжил:

— Подумайте вот о чём: как часто мы останавливаемся и спрашиваем себя: «Так, а что я сегодня ел на обед?» Мы часто съедаем весь обед, даже не отдавая себе отчёта в том, что *едим*. Но если вы способны представить себе, что едите или ведёте

машину, не уделяя этому внимания — когда ваше сознание отвлечено чем-то другим, — то есть если этим можно заниматься какое-то время, не подключая сознания, то почему бы не вообразить, что точно так же бессознательно всё это можно делать и *на постоянной основе*? Таков зомби — актёр, исполнитель, тот, кто выполняет рутинные действия в отсутствие реальной личности.

— Но ведь это очень сложное поведение, — сказала Лопес.

— О да, конечно, — согласился По. — Зомби-водитель управляет автомобилем, подчиняется сигналам светофора, оглядывается по сторонам, прежде чем тронуться, — он продолжал изображать все действия, которые описывал, — обменивается жестами с другими водителями, вероятно, даже слушает по радио сообщения о пробках и в соответствии с ними меняет маршрут. Всё это может делаться — и делается — без осознанного внимания.

Мария Лопес вышла из-за стола ответчика в «колодец».

— Но ведь это не так, доктор По. Я согласна, что некоторые действия так привычны, что становятся инстинктивными, но слушать радио и принимать решения исходя из услышанного

— это-то наверняка требует участия сознания, разве нет?

— Не соглашусь — и вы, мэм, думаю, тоже не согласитесь, если на секунду задумаетесь. — Он развёл руками, словно охватывая всё вокруг. — Несомненно, каждый в этом зале переживал нечто подобное: вы читаете роман и в один прекрасный момент осознаёте, что понятия не имеете о том, что говорилось на последней странице. Почему? Потому что ваше осознанное внимание отвлеклось на мысли о чём-то ещё. Но нет никаких сомнений в том, что вы прочитали страницу, содержания которой не помните. Вы наверняка нажимали кнопку пролистывания страниц на планшете, когда её читали. Ваши глаза пробежали по десяткам и сотням слов текста, хотя сознание и не воспринимало их смысла. Кто же тогда читал? Вы-зомби! К счастью, у зомби нет никаких чувств, поэтому вы, осознав, что пропустили страницу или больше текста, говорите себе: «Постой, постой, ну-ка вернись!» — и перечитываете материал, который зомби *уже* прочитал. И зомби без возражений делает это ещё раз, поскольку ему никогда не бывает скучно; скука — сознательное состояние. А потом вы вдвоём — сознательный вы и вы-зомби — продолжаете

читать новый материал вместе и синхронно. Однако зомби всегда на переднем плане, ваше сознание на заднем. Вы как будто бы заглядываете зомби через плечо, читая то, что читает он.

— Не приведёте ещё какие-нибудь примеры? — попросила Лопес, опершись задом о стол ответчика.

По кивнул.

— Конечно. Случалось с вами когда-нибудь такое? Вы лежите в постели, спите, и тут звонит телефон. — Он изобразил, как поднимает старомодную телефонную трубку. — Вы берёте трубку, разговариваете и потом, когда разговор окончен, понятия не имеете, что вы только что сказали. Или ваш супруг говорит вам, что вчера поздно вечером вы о чём-то разговаривали перед сном, а наутро у вас не остаётся об этом ни малейших воспоминаний. Такое случается сплошь и рядом. Если сознательная часть вашего разума не отвечает на телефонный звонок и не участвует в разговоре, то эту задачу берёт на себя зомби.

— Но ведь он наверняка способен лишь на чисто механические реакции, не так ли? — спросила Лопес.

По покачал головой и снова поёрзал на стуле.

— Вовсе нет. Вообще-то именно зомби ответ-

ственны за бóльшую часть того, что мы говорим. Да и может ли быть иначе? Вы начинаете фразу, которая может оказаться длиной в двадцать или тридцать слов. Вы правда считаете, что вы сформировали всю эту фразу в мозгу, прежде чем произнести её? Вот прямо сейчас остановитесь на секунду и попробуйте подумать следующее: «Сегодня по дороге из суда домой мне нужно бы зайти купить хлеба и молока». Вам понадобится измеримое количество времени, чтобы всё это сформулировать, и тем не менее мы способны разговаривать без остановки довольно долгое время, не делая пауз на формулирование мыслей, которые мы хотели бы выразить. Нет, в большинстве разговоров мы обнаруживаем, что же такое мы собираемся сказать, только когда уже это говорим — то есть вместе с нашими собеседниками.

По поглядел на присяжных, потом снова на Лопес.

— Вы никогда не удивлялись тому, что только что сказали? Конечно, но это было бы невозможно, если бы вы заранее знали, что собираетесь сказать. Кстати, весь метод терапевтической беседы строится именно на этом принципе: психолог заставляет вас внимательно прислушиваться к словам, изрыгаемым вашим зомби, и в какой-то

момент вы восклицаете: «Боже мой! Так *вот* что на самом деле творится у меня в голове!»

— Ну хорошо, допустим, — сказала Лопес. Она отлично справлялась с ролью адвоката дьявола. — Но говорить — это довольно просто, как и вести машину, пока не случается что-то непредвиденное. И тогда наверняка в действие вступает сознание — берёт бразды в свои руки, так сказать.

— Вовсе нет, — ответил По. — Вообще-то это была бы катастрофа. Рассмотрим ещё один пример: игра в теннис. — Он изобразил удар ракеткой. — С точки зрения сознания теннис — это на сто процентов зрелище. Мяч летает туда-сюда слишком быстро, чтобы сознательно предугадать его траекторию, скорость и прочее. Есть такой фокус. Если вы хотите обыграть профессионального теннисиста, сделайте так: позвольте ему разделать вас под орех в тренировочном матче, потом похвалите его и его технику. Попросите его показать, что именно он делает лучше вас; попросите показать эти приёмы в деталях, в замедленном действии. А потом предложите ему матч-реванш. Его сознание всё ещё будет размышлять о том, *как* играют в теннис, о том, что при этом нужно делать, и это будет мешать зомби. Только когда

сознание окончательно уберётся с поля и зомби начнёт играть самостоятельно, теннисист снова обретёт прежнюю форму.

По развёл руками, словно всё это было совершенно очевидно.

— То же самое с вождением автомобиля. Если вы вот-вот врежетесь в другую машину, вы не можете остановиться и подумать о том, что нужно надавить на тормоз, или о том, как вывернуть руль, чтобы избежать заноса. Сознание вас убьёт; вы должны позволить зомби реагировать без задержек, вызванных осознанным мышлением.

— Но если сделать ещё один шаг вперёд, доктор По? — сказала Лопес, глядя не на него, а на присяжных, словно говоря от их имени. — Вот я знаю, что я нахожусь в сознании; я знаю, что я не зомби. Но если мы поверим в то, что вы сейчас сказали, то вы можете оказаться зомби, который лишь играет роль эксперта, дающего показания перед судом, не осознавая этого по-настоящему. Не приведёт ли это к солипсизму — убеждению в том, что лишь *я* реально существую?

— Ещё год-два назад я бы с вами согласился, — кивнул По. — Солипсизм — это просто неимоверно раздутое самомнение, и нет никаких рациональных оснований верить, что вы,

Мария Лопес, — избранная, единственное по-настоящему мыслящее человеческое существо, существующее в реальности. Но «Иммортекс» это положение изменила. — Он поднял вверх два пальца. — Теперь на сцене *два* типа актёров. Один тип — это люди, которые происходят от длинной череды гоминидов и приматов и более ранних млекопитающих, синапсид, амфибий, рыб и так далее к первым одноклеточным организмам — существам, очень похожим на упоминавшихся доктором Портером парамеций. А второй — это иммортексовские мнемосканы, загруженные сознания. Разумный человек может путём экстраполяции своего внутреннего мира установить, что другие люди также обладают сознанием или, точнее, что у других также имеется обладающий сознанием наездник внутри зомби-тела. Но, по моему мнению, всё, чего достигла «Иммортекс», — это способность воссоздавать зомби; суду не было предоставлено ни одного доказательства того, что *сознание*, которым обладала биологическая Карен Бесарян, тоже было скопировано. Да, свет горит внутри этого… этой *сущности*, сидящей здесь, — но нет никаких оснований считать, что *дома кто-то есть*. И сам факт, что мнемосканы не видят снов, — чертов-

ски веское тому подтверждение.

По взглянул на галерею для зрителей, туда, где позади меня сидел доктор Портер, и обвиняющее указал на него пальцем:

— Эндрю Портер сам сказал, что не знает, что такое сознание, а его пространный рассказ о микротрубочках был призван лишь запутать дело. Чем бы ни было на самом деле сознание, нет никаких свидетельств того, что в ходе процесса мнемосканирования оно было перенесено. — По скрестил руки на груди. — Бремя доказательства такого переноса лежит целиком на «Иммортекс», и, как я уже сказал, нет абсолютно никаких свидетельств в пользу этого.

Глава 28

Я снова пошёл в офис Брайана Гадеса в здании администрации Верхнего Эдема — и, должен сказать, он был совсем не рад моему визиту.

— Мистер Салливан, ну мы ведь уже говорили обо всём этом. Вы не можете вернуться на Землю, поэтому, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста… расслабьтесь и наслаждайтесь жизнью. Вы ведь даже не начали исследовать все возможности, которые вам здесь предлагаются.

Таблетки, которые они мне дают, были транквилизаторами, я в этом не сомневался. Пытаются меня накачать, чтобы я был тихим. Я спустил оставшиеся в унитаз.

— Сейчас на Земле осень, — сказал я. — По крайней мере, в Северном полушарии. Вы можете мне устроить прогулку по усыпанной опавшими листьями аллее? А скоро наступит зима. Устроите мне хоккей на замёрзшем пруду? Лыжную прогулку? Закаты, не похожие на шар огня, опускающийся за скалистый горизонт, а настоящие, цветные и окутанные пеленой облаков.

— Мистер Салливан, будьте же разумны!

— «Разумны!» Я никогда не собирался становиться сраным *астронавтом*!

— Вообще-то как раз собирались. И кроме того, здесь вы можете делать то, что на Земле вообще невозможно. Вы уже пробовали летать? А ведь здесь можно летать как птица, если пристегнуть к рукам крылья достаточно большого размера. Мы устраиваем такие занятия наверху, в спортзале.

Он замолчал, словно ожидая, что я что-то скажу в ответ. Я молчал.

— А скалолазание? Вы бы знали, насколько приятнее заниматься этим здесь! Скалолазание при пониженной гравитации — это просто сказка, и стены кратера Хевисайда прекрасно для этого годятся.

По-видимому, Гадес разглядел ответ у меня в глазах, потому что продолжил:

— Ну а секс? Вы уже пробовали секс при пониженной гравитации? Это *лучше*, чем секс в невесомости. В невесомости обычные толчки отталкивают вас от партнёрши. Но в лунной гравитации каждый способен на все акробатические трюки, которые показывают в порнофильмах.

Это вызвало наконец у меня реакцию. Я практически закричал:

— Нет, у меня не было секса, чёрт вас возьми! С

кем мне здесь заниматься сексом?

— У нас здесь лучшие секс-работники в… в Солнечной системе, мистер Салливан. Яркие, чувственные, спортивные, абсолютно здоровые.

— Я не хочу секса, вернее, мне не нужен *только* секс. Я хочу любви, хочу кого-то, кто мне небезразличен и кому небезразличен я.

Его голос был мягок.

— Я смотрел ваше досье, мистер Салливан. У вас на Земле никого не было, так что…

— Это было *тогда*. Это был мой выбор. Но теперь, когда я здоров…

— Теперь, когда вы здоровы, вы в состоянии отличить женщину, которая на самом деле вас любит, от той, которой нужны лишь ваши деньги?

— Да идите вы…

— Простите: я не должен был этого говорить. Но если серьёзно, мистер Салливан, вы ведь знали, что отказываетесь от романтических отношений, когда переселялись сюда.

— На год или два! Но не на десятилетия.

— И хотя я понимаю ваше нежелание заводить отношения с кем-либо из наших более пожилых гостей, здесь работает множество служащих вашего возраста. И я не думаю, что у образованного

человека приятной внешности, такого, как вы, совершенно отсутствуют шансы на романтические отношения. Наша компания не запрещает персоналу вступать в подобные отношения с клиентами.

— Это не то, что мне нужно. У меня есть кое-кто на Земле.

— Ах, — сказал Гадес.

— И мне нужно попробовать сойтись с ней; я *должен*. Я по-глупому отстранялся от неё, но сейчас ситуация совсем иная.

— Как её зовут? — спросил Гадес.

Меня этот вопрос удивил — настолько удивил, что я на него ответил:

— Ребекка. Ребекка Чонг.

— Мистер Салливан, — проникновенно сказал Гадес, — а вас не посещала мысль о том, что на Земле уже живёт другой вы, который не страдает синдромом Катеринского? Он уже много недель назад мог ощутить ту смену отношения к жизни, которую вы переживаете сейчас. Возможно, они с Ребеккой давно уже вместе… что не оставляет места для вас.

Моё сердце бешено колотилось — ощущение, которого другому мне никогда не испытать.

— Нет, — сказал я. — Нет, это невозможно.

Гадес приподнял бровь, словно спрашивая: «Разве?» Но он не стал ничего говорить — первый его по-настоящему добрый поступок по отношению ко мне.

* * *

После ланча наступило время для перекрёстного опроса Дешоном Калеба По, профессора философии.

— У вас приятный голос, доктор По, — сказал Дешон, выходя из-за стола истца.

Брови По удивлённо подпрыгнули.

— Спасибо.

— Очень приятный, — продолжал Дешон. — Очень хорошо модулированный. Вам раньше говорили об этом?

— Время от времени. — По наклонил голову.

— О, я уверен в этом. С таким голосом вы, наверное, хорошо поёте?

— Спасибо.

— Вы поёте, доктор По?

— Да.

— И где же вы поёте?

— Возражение, — сказала Лопес, разводя руками. — Какое это имеет отношение к делу?

— Всё выяснится очень скоро, — сказал Дрэй-

пер, глядя на судью.

Херрингтон на мгновение задумался, потом сказал:

— У меня очень консервативное понятие о том, что такое «скоро», мистер Дрэйпер. Но продолжайте.

— Спасибо, — сказал Дешон. — Доктор По, где вы обычно поёте?

— Ну, когда учился, пел в ночных клубах, на свадьбах, на корпоративных вечеринках.

— Но вы уже не студент, — сказал Дешон. — Сейчас вы где-нибудь поёте?

— Да.

— Где же?

— В хоре.

— В церковном хоре, верно?

По немного поёрзал на стуле.

— Да.

— Какой деноминации?

— Епископальной.

— То есть вы поёте в хоре в христианской церкви, верно?

— Да.

— В ходе формальной церковной службы каждое воскресенье, правильно?

— Ваша честь, — сказала Лопес. — И снова от-

ношение к делу.

— Я уже прошёл «с», «к» и «о» в слове «скоро», ваша честь, — сказал Дрэйпер. — Позвольте мне дойти до конца.

— Хорошо, — сказал Херрингтон, нетерпеливо постукивая ручкой о стол.

— Вы поёте на церковных службах, — сказал Дешон, снова поворачиваясь к По.

— Да.

— Про вас можно сказать, что вы религиозный человек?

— Да, полагаю, можно. Но я не псих! — вскинулся По.

— Вы верите в Бога?

— Разве без этого можно быть религиозным?

— То есть вы верите в Бога. Верите ли вы в дьявола?

— Я не какой-то трясущий Библией фундаменталист, — сказал По. — Не литералист. Я верю, что Вселенной, по современным воззрениям, одиннадцать миллиардов девятьсот миллионов лет. Я верю, что жизнь эволюционировала из простейших форм путём естественного отбора. И не верю в небылицы.

— Вы не верите в дьявола?

— Нет.

— А в ад?

— Изобретение, имеющее большее отношение к поэту Данте, чем к какой-либо части рационалистического богословия, — ответил По. — Истории об аде и дьяволах были, вероятно, полезны, когда духовенству приходилось иметь дело с неграмотной, необразованной, простодушной паствой. Но мы ни то, ни другое, ни третье; мы способны проследить за моральной аргументацией и сделать разумный выбор, не страшась чудовищ.

— Очень хорошо, — сказал Дешон. — Очень хорошо. То есть вы обходитесь без наиболее глупых атрибутов примитивной религии, верно?

— Ну, я не стал бы это выражать в такой непочтительной форме…

— Но вы не верите в дьявола?

— Нет.

— И не верите в ад?

— Нет.

— И не верите в Ноев ковчег?

— Нет.

— И не верите в душу?

По не ответил.

— Доктор По? Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос. Правда ли, что вы не верите в душу?

— Это… я бы так не сказал.

— Вы хотите сказать, что вы *верите* в душу?

— Ну, я…

Дешон вышел вперёд и встал перед своим столом.

— Вы верите в то, что *у вас* есть душа?

— Да, — сказал По, приходя в себя. — Да, верю.

— И как она у вас оказалась?

— Её дал мне Бог, — сказал По.

Дешон многозначительно поглядел в сторону жюри, потом снова повернулся к По.

— Можете ли вы объяснить нам, что такое, по-вашему, душа?

— Это сущность того, что я есть, — сказал По. — Это божественная искра внутри меня. Это часть меня, которая переживёт смерть.

— В соответствии с вашим пониманием этих вещей, каждый ли из живущих людей обладает душой?

— Да, разумеется.

— Без каких-либо исключений?

— Абсолютно.

Дешон перешёл через «колодец» и указал за спину на Карен, сидящую за столом истца:

— Посмотрите, пожалуйста на сидящую здесь мисс Бесарян. У неё есть душа?

Карен внимательно следила за процессом, ши-

роко раскрыв зелёные глаза.

— Нет, — убеждённо ответил По.

— Почему нет? Как вы это определили?

— Она… *оно*… искусственно изготовленный объект. С таким же успехом можно спросить, есть ли душа у автомобиля.

— Понимаю вашу позицию. Но помимо этого убеждения, мистер По, как вы можете *определить*, что у мисс Бесарян нет души? Какой тест можете провести, чтобы продемонстрировать, что у вас душа есть, а у неё — нет?

— Такого теста не существует.

— И то верно, — сказал Дешон.

— Возражение, — сказала Лопес. — Это не вопрос.

— Принимается, — сказал судья Херрингтон.

Дешон покаянно кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Но вот это — вопрос: доктор По, вы верите в то, что Бог будет судить вас после смерти?

По некоторое время молчал. У него был вид животного, которое знает, что на него идёт охота.

— Да, верю.

— И что же будет в вас судить Бог?

— Была ли моя жизнь моральна или аморальна.

— Да, да, но *какую часть* вас Он будет судить? Вспомните — к этому моменту вы будете мертвы. Он, очевидно, не будет судить ваш хладный труп, не так ли?

— Нет.

— И Он не будет судить электрически неактивный ком плоти, который был вашим мозгом, не так ли?

— Нет.

— Так *что* же Он будет судить? Какую часть вас?

— Он будет судить мою душу.

Дешон посмотрел на присяжных и развёл руками.

— Это не кажется особенно справедливым. Ведь это ваше тело и ваш мозг совершали аморальные поступки. Ваша душа была лишь их попутчиком.

— Ну…

— Разве не так? Когда вы ранее говорили в своих причудливых философских терминах о внутреннем наезднике, об истинном сознании, сопровождающем тело-зомби, этот наездник, о котором вы говорили, на самом деле был душой, не так ли? Не это ли вы имели в виду *в конечном итоге*? — Дешон позволил последним словам повиснуть в воздухе.

— Ну, я…

— Если я ошибаюсь, доктор По, пожалуйста, поправьте меня. В простом, обыденном понимании нет никакой осмысленной разницы между нашим «истинным сознанием» и тем, что остальные люди называют душой, верно?

— Я бы не стал так это формулировать…

— Если таковая разница существует, пожалуйста, опишите её.

По открыл рот, но ничего не сказал. Он выглядел очень похожим на рыбообразных предков, которых перечислял ранее.

— Доктор По? — сказал Дешон. — Суд ожидает вашего ответа.

По закрыл рот, сделал глубокий вдох через нос и, казалось, задумался.

— В обыденном понимании, — сказал он наконец, — я признаю, что эти два термина смешиваются.

— Вы согласны, что ваше философское понятие сознания, наложенного на зомби, и религиозное понятие о душе, наложенной на биологическое тело, — это, по сути, одно и то же?

Через некоторое время По кивнул.

— Профессор, нам нужен словесный ответ — для протокола.

— Да.

— Спасибо. Итак, какое-то время назад мы говорили о Боге, который судит *души* после смерти. Почему Бог это делает?

По поёрзал на стуле.

— Я… я не понимаю вопроса.

Дешон развёл руками.

— Я имею в виду, каков смысл того, что Бог судит души? Разве они не делают то, для чего Бог их создал?

По насупил брови: он явно опасался подвоха, но не мог его распознать. Впрочем, я тоже не мог.

— Нет-нет. Душа решает, творить ей добро или зло — и впоследствии несёт за это ответственность перед Богом.

— А-а, — сказал Дешон. — То есть у души есть воля, не так ли?

По поглядел на Лопес, словно прося совета. Я увидел, как она едва заметно пожала плечами. Взгляд профессора снова переместился на Дешона.

— Да, конечно, — ответил он наконец. — В этом всё и дело. Бог дал нам свободную волю, и душа пользуется ею.

— Другими словами, — сказал Дешон, — душа может делать выбор какой пожелает, независимо от желаний Бога, верно?

— В каком смысле?

— В том смысле, что Бог желает, чтобы мы творили добро — чтобы следовали требованиям Десяти заповедей или, скажем, Нагорной проповеди, — но не *принуждает* нас к этому. Мы вольны делать всё, что пожелаем.

— Да, конечно.

— И, разумеется, поскольку душа — это та часть нас, что принимает решения, то на самом деле *душа* может делать всё, что она пожелает, верно?

— Ну… да.

— Теперь поговорим о физической сущности души. До смерти она локализована в индивидууме?

— В каком смысле?

— В смысле, не рассеяна тут и там — это локализованное явление, правильно? Душа существует внутри конкретного человека.

Лопес сделала ещё одну попытку:

— Ваша честь, возражение. Отношение к делу…

Однако судья Херрингтон был заинтригован.

— Отклоняется, мисс Лопес, — и не беспокойте меня больше такими возражениями в продолжение данного опроса. Профессор По, ответьте на вопрос. Локализована ли душа внутри конкрет-

ного человека?

По, похоже, растерялся при виде перебранки между судьёй и адвокатом, который платит ему за его показания, однако в конце концов ответил:

— Я… да.

— А после смерти? — спросил Дешон. — Что происходит с душой тогда?

— Она покидает тело.

— Физически? Материально? Как энергетическая волна или что-то подобное?

— Душа нематериальна, и она за пределами наших понятий о пространстве и времени.

— Как удобно! — сказал Дешон. — Но давайте сделаем ещё один шаг, хорошо? Душе не нужно дышать, верно? Ей также не нужно есть. То есть она запросто может существовать без поддержки со стороны инфраструктуры биологического тела?

— Конечно, — ответил По. — Душа бессмертна и нематериальна.

— И при этом имеет определённое местоположение. Ваша душа до вашей смерти находится внутри вас, а моя — внутри меня, верно?

По развёл руками.

— Если вы собираетесь попросить меня показать вам душу на рентгеновском снимке или МРТ,

мистер Дрэйпер, то я честно признаю, что не могу этого сделать.

— Вовсе нет, вовсе нет. Я просто хочу убедиться, что мы с вами на одной и той же странице. Мы согласились, что душа локализована: ваша — внутри вас, моя — внутри меня.

— Да, это так, — сказал По.

— И что душа становится *мобильной* после смерти тела, верно? Она может *отправиться* на небеса.

— Да. Если Господь её туда допустит.

— Но может ли она отправиться куда-то ещё?

— О чём вы говорите?

— Я говорю о том, что душа ведь не меняется после смерти. Она по-прежнему имеет волю, не так ли? Ваша душа не превращается в автомат, верно? Она не становится *зомби*?

По снова поёрзал на стуле.

— Нет.

— Тогда, доктор По, если не существует теста, который можно бы было выполнить, чтобы установить наличие души, если душа локализована в конкретном месте и ей не требуется питание и иная поддержка живого тела, если душа покидает тело в момент смерти, выходит за пределы пространства и времени и может переместиться

в новое положение после смерти тела, в котором она находилась, и, главное, если душа обладает свободой действий даже после смерти, то как вы можете утверждать, что после смерти биологической Карен Бесарян её душа не решила переместиться в искусственное тело, сидящее сейчас за столом истца?

— Я… э-э-э…

— Ведь это возможно, доктор По? При тех свойствах души, которые вы сами нам описали, разве это не возможно? Биологическое тело Карен Бесарян, по-видимому, мертво. Но не подлежит никакому сомнению тот факт, что мисс Бесарян *хотела* перенести свою личность в механическое устройство, присутствующее в этом зале суда вместе с нами. Принимая во внимание это её желание — желание *её души*, разве не было бы логичным, если бы её душа вселилась бы теперь в это искусственное тело?

По молчал. Дешон учтиво ему кивнул.

— Признаю, что был многословен, доктор По, но моя последняя тирада была вопросом, на который вы должны дать ответ.

— Ну, если вы хотите играть в игры…

— Какие игры, доктор По? Вы сами указали на важность того, что биологическое существо

имеет душу, тогда как у мнемоскана её нет. Да, вы воспользовались философским языком для того, чтобы указать нам, что присутствующая в этом зале Карен Бесарян, по-видимому, лишена души — состояние, которое вы описали как «зомби». Кое-кто мог бы сказать, что *это* была игра, поскольку вы сами признали, что не можете обнаружить, измерить или указать нам на душу. — Дешон вернулся к столу истца и встал позади Карен, положив руку ей на плечо. — Даже если души творит один лишь Бог и их нельзя скопировать никаким процессом, доступным смертным, разве не сохраняется возможность того, что душа мисс Бесарян находится сейчас в этом искусственном теле, делая его не в большей степени зомби, чем был её биологический оригинал до того, как умер?

— Ну, я…

— Такое возможно, не так ли? — сказал Дешон.

По издал долгий судорожный вздох.

— Да, — сказал он наконец. — Да, полагаю, возможно.

Глава 29

После разговора с Брайаном Гадесом я несколько часов ходил спотыкаясь — жуткая вещь на Луне, где и так передвигаешься словно марионетка. Мог ли он оказаться прав? Могли ли робот с Ребеккой… Чёрт, о чёрт! Я хотел её — я так сильно её хотел, что это причиняло мне настоящую, физическую боль. Я не отдавал себе отчёта в том, какую сильную любовь подавлял для того, чтобы оградить Ребекку от возможной трагедии, но теперь мне не нужно было её подавлять, и она затопила меня с головой. Половина моих мыслей была о ней; даже в снах, которые мне удавалось вспомнить, была она. Я должен был снова её увидеть, узнать, есть ли у нас шансы…

И всё же, а если нет? Что, если весь этот флирт, все эти нежные касания, все эти приветственные и прощальные поцелуи, даже та чудесная ночь нашей близости так много значили лишь для меня одного?

Нет. Нет, я не мог *так* ошибаться. Что-то во всём этом было — не могло не быть. И я должен был вернуться, пока этот гадкий… *андроид* сделает

свой ход.

Однако как это сделать — я не имел ни малейшего понятия. Но я буду держать глаза и уши открытыми, выискивая свой шанс. А пока…

А пока Гадес был прав. Я едва ковырнул тот массив удовольствий, который предлагала Луна. И теперь, когда я окончательно решил так или иначе её покинуть, можно по крайней мере попробовать какие-то из них. В конце концов, второй раз я сюда уже точно не попаду.

Так что для начала я опробовал одну из проституток. Я выбрал красивую миниатюрную японку с большими карими глазами; выбрал не думая и не сразу осознал, что она больше всех остальных была похожа на Ребекку Чонг.

И у нас был секс, она была смела и чудо как хороша. Гадес оказался прав: при пониженной гравитации действительно можно выделывать всякие штуки. Мы делали это и стоя, и отжимаясь от пола на одной руке, делали это по-всякому, и я продолжал думать о Ребекке, только о Ребекке.

В конце концов я насытил физическое желание и поблагодарил женщину. Но это была не любовь.

И не та женщина, которую я любил.

* * *

— Сторона ответчика вызывает профессора Алиссу Неруду.

Высокая стройная женщина под шестьдесят, с тёмными волосами и смешанными европейско-азиатскими чертами лица заняла место свидетеля.

— Клянётесь ли вы, — сказал клерк с едва заметным акцентом, — что показания, которые вы дадите по делу, рассматриваемому сейчас судом, будут правдой, только правдой и ничем, кроме правды, и да поможет вам Бог?

— Клянусь, — ответила Неруда.

— Займите, пожалуйста, место на свидетельской скамье и огласите своё имя и фамилию для протокола, — сказал клерк.

— Меня зовут Алисса Неруда. — Она продиктовала имя и фамилию по буквам.

— Спасибо, — сказал клерк.

Лопес поднялась.

— Профессор Неруда, где вы в данный момент работаете?

— В Йельском университете.

— В каком качестве?

— Я профессор биоэтики.

— С пожизненным контрактом?

— Да.

— Какие вы имеете учёные звания?

— Степень доктора медицины в Гарварде.

— То есть вы врач, верно?

— Да.

— У вас есть ещё какие-либо учёные звания?

— Магистр права из Йеля.

— То есть вы также и юрист?

— Да.

— И адвокат?

— Да. С разрешением работать в судах штатов Коннектикут и Нью-Йорк.

— Ваша честь, — сказала Лопес, — мы прилагаем резюме профессора Неруды на сорока шести страницах. — Она передала распечатку клерку. — Профессор Неруда, вас когда-нибудь вызывали в качестве свидетеля в суд низшей инстанции по делам, которые впоследствии доходили до Верховного суда США?

— Да.

— Имело ли какое-либо из этих дел отношение к юридическому определению личности?

— Да.

— Что это было за дело или дела?

— «Литтлер против Карви».

— Когда оно слушалось Верховным судом?

— В августе 2028-го.

— И пожалуйста, напомните нам, кто были его участники.

— Истец — тот, кто подал в суд, — мистер Орен Литтлер из округа Бледсо, штат Теннесси. Ответчик — тот, на кого было подано в суд, — его подруга на тот момент, мисс Стелла Карви, также из округа Бледсо.

— И в чём, вкратце, состоял конфликт между мистером Литтлером и мисс Карви? — спросила Лопес.

— Литтлер и Карви встречались около двух лет. Их отношения имели интимный и сексуальный характер. Десятого мая 2028 года или около того мисс Карви забеременела. Она узнала об этом двадцать пятого мая 2028 года посредством домашнего теста на беременность. Она проинформировала мистера Литтлера об этом факте, и они согласились пожениться, родить ребёнка и вместе его растить.

— Пожалуйста, продолжайте, профессор, — сказала Лопес.

— На шестой неделе беременности мисс Карви и мистер Литтлер поссорились. Мисс Карви отменила свадьбу и прекратила романтические

отношения. Она также сказала мистеру Литтлеру, что собирается прервать беременность. Литтлер энергично возражал: он хотел, чтобы ребёнок родился, и был готов принять на себя полную опеку над ним и ответственность за него. Мисс Карви отвергла все его предложения, и поэтому мистер Литтер получил постановление суда, запрещающее мисс Карви делать аборт на том основании, что по закону плод должен рассматриваться как полноценная личность. Заметьте, что судья, издавший это постановление, не принимал решения о справедливости или несправедливости притязаний мистера Литтлера. Он лишь нашёл аргументы мистера Литтлера достаточно убедительными для того, чтобы дело могло быть вынесено на суд присяжных.

Лопес посмотрела на наших присяжных.

— И что же решили присяжные?

— Они решили, что на основании «Роу против Уэйда» мисс Карви имеет полное право на аборт по собственному желанию.

— Тем всё и закончилось?

Неруда покачала головой:

— Нет. Мистер Литтер подал апелляцию; апелляционный суд отменил решения суда низшей инстанции, и дело по ускоренной процедуре

передали в Верховный суд.

— По ускоренной процедуре? — переспросила Лопес. — Почему?

— Хотя все судьи того процесса уже ушли в отставку, суд помнил «Роу против Уэйда». В том случае анонимная Джейн Роу судилась за право сделать законный аборт. Уэйд — это Генри Уэйд, окружной прокурор округа Даллас, штат Техас, где жила Роу; он считался ответственным за действовавший тогда в его юрисдикции запрет на аборты. «Роу против Уэйда» был спорным во многих отношениях, но также является классическим примером случая, когда отложенная справедливость равносильна её отсутствию. К тому времени, когда Верховный суд начал слушания «Роу против Уэйда», беременность Джейн Роу подошла к концу, она родила девочку и отдала её на удочерение. Да, она получила право на аборт, но слишком поздно, чтобы оно принесло ей хоть какую-то пользу. Именно поэтому Верховный суд согласился заслушать «Литтлер против Карви» вне очереди.

Лопес кивнула.

— И что же Верховный суд решил по поводу «Литтлер против Карви»?

— Шестью голосами против трёх суд решил,

что нерождённый ребёнок Стеллы Карви действительно является личностью с полным набором прав, предусмотренных пятой, восьмой, тринадцатой и четырнадцатой поправками к Конституции.

— И поэтому?..

— И поэтому мисс Карви запретили делать аборт.

— Какова роль «Литтлер против Карви» в отношении «Роу против Уэйда»? — спросила Лопес.

— Его часто называют прецедентом, отменившим «Роу против Уэйда».

— Запрещая тем самым аборт эмбрионов, находящихся позднее определённой стадии развития?

— Именно.

— И каков же статус «Литтлер против Карви» сегодня?

— Оно всё ещё действует.

Лопес кивнула.

— Итак, как я только что сказала, «Литтлер против Карви» делает аборт незаконным позже определённой стадии развития плода. Не могли бы вы пояснить присяжным, каким образом в «Литтлере» проводилось разграничение между состоянием наличия и отсутствия личности?

— Конечно. Весь процесс в «Литтлер против Карви» строился вокруг именно этого вопроса: когда эмбрион становится личностью? Ведь, — Неруда провернулась в сторону судьи Херрингтона, — мы не можем окончательно решить, когда некто перестаёт быть личностью, если не знаем, когда он ею становится.

Плоский подбородок судьи опустился и поднялся.

— Однако поторопитесь с этим, — сказал он.

— Конечно, конечно, — сказала Неруда. — Проведение границы между личностью и неличностью является одной из величайших задач биоэтики. Существует, конечно, позиция радикальных сторонников права на жизнь: новая личность, со всеми своими правами, появляется в момент зачатия. Противоположная крайность — утверждение, что новая личность не существует до момента рождения, примерно девятью месяцами позже. Хотя на самом деле с 1970-х годов существует довольно активная фракция, считающая, что даже это слишком рано, и утверждающая, что личность не существует до появления существенных мыслительных способностей, что происходит в возрасте от двух до трёх лет. Эти люди считают и аборты, и безболез-

ненный инфантицид одинаково приемлемыми с моральной точки зрения.

Я заметил, как на лице нескольких присяжных отразился ужас, но Неруда продолжала говорить:

— Зачатие и роды — это, разумеется, хорошо определённые моменты времени. Хотя зачатие человека впервые наблюдалось непосредственно лишь в 1969 году, изучая животных, мы ещё за сто лет до этого выяснили, что зачатие происходит, когда сперматозоид сливается с ооцитом.

— Ооцитом? — повторила Лопес.

— Женской гаметой. То, что в быту обычно называется яйцеклеткой.

— Хорошо, — сказала Лопес, — зачатие происходит, когда сперматозоид и яйцеклетка сливаются.

— Да, и это определённый с точностью до секунды момент времени. Мы также, разумеется, очень точно фиксируем время рождения. Вот, к примеру… — Неруда замолчала.

— Да, профессор?

— Ну, в общем, в этом зале присутствует мистер Салливан.

Сейчас я всегда сидел прямо; от того, что я откидывался на спинку, дополнительного удобства не возникало.

— Что такого важного в мистере Салливане? — спросила Лопес.

— Теперь он, конечно, мнемоскан, однако его оригинал был, насколько я помню, первым ребёнком, родившимся в Торонто после полуночи первого января 2001 года.

— Вещественное доказательство ответчика номер десять, — сказала Лопес, беря в руки кусочек прошлого. — Вырезка из «Торонто Стар» за вторник, второго января 2001 года, посвящённая этому факту.

Доказательство было принято, и профессор Неруда продолжила:

— Итак, если исключить крайние точки зрения, о которых я упомянула ранее, мы обычно считаем, что личность становится личностью в момент рождения. Однако был ряд интереснейших судебных процессов, которые испытывали этот подход к определению начала существования личности на гибкость.

— Например? — спросила Лопес.

— «Департамент здравоохранения и социальных служб против Малони».

— Что там произошло?

— Бренда Малони — эмоционально нестабильная женщина из Бронкса, Нью-Йорк. В 2016 году

она забеременела, и через стандартные тридцать девять недель её катили в родовую палату. В этот момент она увидела столовый нож на подносе с едой, приготовленной для другого пациента. Мисс Малони схватила нож и воткнула его себе в живот, мгновенно убив своего ребёнка ещё до того, как он успел родиться. — Я снова увидел, как присяжные поёжились, и Неруда снова продолжала, не останавливаясь: — Совершила ли мисс Малони убийство? Вообще-то дело так и не дошло до суда, потому что мисс Малони была признана невменяемой, — но оно, безусловно, гальванизировало общественное мнение. После него у точки зрения о том, что эмбрион не становится настоящей личностью по крайней мере до момента рождения, поддержки существенно поубавилось.

— Другими словами, — сказала Лопес, — позиция радикальных сторонников прав матери «Пока ребёнок не оказался вне тела матери, он не личность» стала более шаткой из-за дела Малони, верно?

— Да, я именно так интерпретирую юридические комментарии того периода.

— Можно ли сказать, что для определения начала существования личности существовало

лишь два момента, просто и чётко обозначенных биологическими обстоятельствами: зачатие и рождение?

— Да.

— И дело Малони — а также, я уверена, другие дела — сделали момент рождения менее приемлемым для этой цели в глазах большинства законодателей и политиков, верно?

— Да, — снова подтвердила Неруда. — Помимо зачатия и обрезания пуповины, все промежуточные моменты им казались выбранными произвольно. Даже момент рождения произволен, если роды вызываются искусственно с помощью медикаментов или в случае кесарева сечения. К тому же довольно скоро мы, несомненно, научимся вынашивать детей в искусственных матках. Как это обычно изображается в фантастике: плод находится в стеклянной бутылке, наполненной жидкостью, и растёт в ней почти девять месяцев. А потом я беру пистолет и стреляю в стеклянную бутылку. Если пуля попадает в плод, прямо в его сердце, то я произвела аборт, но если я не попала в плод и лишь разбила бутылку, отчего ребёнок выпал из неё на стол, то я произвела роды. Здесь очень тяжело провести границу.

— Действительно, — сказала Лопес. — А были

ли попытки юридически привязать начало новой жизни к какому-либо третьему моменту, скажем, к моменту имплантации?

— Да, были, — ответила Неруда, — но они закончились полной неразберихой.

— Почему?

— Ну, зачатие ведь происходит не в матке; оплодотворённая яйцеклетка — если пользоваться общепринятыми терминами — обычно двигается по фаллопиевой трубе в матку и там внедряется в её стенку. Это событие иногда считается моментом появления личности, но такая трактовка была отвергнута Верховным судом в «Литтлер против Карви».

— Почему?

— Из-за прогресса науки, мисс Лопес. Тогда этого ещё не умели, да и сейчас мы делаем лишь первые шаги, но мы признаём, как я говорила ранее, что в принципе рано или поздно станет возможным вынашивать эмбрион в искусственной матке. Суд не хотел создавать прецедент, в соответствии с которым эмбрион, выношенный in vitro [27], в силу самого этого факта не считался

[27] Notes: 27

Термин и методика выполнения экспериментов, когда эксперименты проводятся «в пробирке» — в искусственных условиях, вне организма или естественной среды.

бы человеком. Они искали такое определение, которое бы было связано исключительно с самим эмбрионом.

— Значит, раз суды не были удовлетворены моментом рождения в качестве критерия, то их естественным выбором должен был стать момент зачатия? Вы сказали, что его легко определить.

— О да, конечно, — сказала Неруда, кивая. — До момента зачатия не существует нового организма с сорока шестью хромосомами — плюс-минус одна, как в случае с синдромами Дауна или Тёрнера. Но как только произошло зачатие, появляется полный генетический чертёж нового человека: определяется его пол и прочее.

— То есть в «Литтлер против Карви» суд решил, что личность появляется в момент зачатия?

Неруда покачала головой:

— Они не могли такого решить, не превратив миллионы американцев в убийц.

— Каким образом? — Лопес склонила голову вбок.

Неруда сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

— «Оксфордский словарь английского языка» утверждает, что понятие «контроль рождаемости» вошло в язык в 1914 году. Но, разумеется, это

был очень неудачный термин. Мы не пытаемся контролировать рождаемость; мы хотим сделать кое-что на девять месяцев раньше — предотвратить беременность. Фактически, несмотря на то что зачатие и рождение находятся на разных краях обсуждаемого периода времени, мы используем понятия «контрацепция» и «контроль рождаемости» взаимозаменяемо. Так вот, существуют настоящие контрацептивы, кондомы, диафрагмы и спермициды, которые предотвращают зачатие, просто препятствуя доступу сперматозоидов к яйцеклетке или убивая их до того, как они её достигнут. И конечно же, хирургическая стерилизация мужчины или женщины также предотвращает зачатие, равно как и воздержание. Также это делает календарный метод, если вы очень осторожны и вам сопутствует удача. Но самый распространённый метод… скажем так, планирования семьи — ничто из вышеперечисленного. Это так называемые противозачаточные пилюли или пластыри, импланты и так далее с таким же принципом действия. Противозачаточные пилюли *иногда* предотвращают зачатие — это один из оказываемых ими эффектов. Но есть ещё и вторичный эффект: они препятствуют имплантации оплодотворённой яйцеклетки в

матку. Если бы суд решил, что жизнь начинается в момент зачатия, то ему пришлось бы признать, что противозачаточные пилюли убивают эту жизнь, лишая её обычных средств продолжения существования, к которым она получает доступ путём имплантации в матку. Но американцы любят противозачаточные пилюли и похожие средства, которые заставляют стенку матки твердеть так, что эмбрион не может в неё внедриться. Первые такие пилюли появились на рынке в 1960 году, и с тех пор они непрерывно совершенствуются, так что сейчас у них практически нет побочных эффектов. Но политически консервативной стране — а наша определённо стала такой, когда Овальный кабинет занял Пэт Бьюкенен, — которая, с одной стороны, желала сакрализировать нерождённую жизнь, а с другой — не хотела отказываться от удобств противозачаточных пилюль, требовалось такое определение, согласно которому эта самая жизнь, как и личность, появлялась бы *после* зачатия, чтобы те случаи, когда противозачаточная пилюля препятствует имплантации, а не зачатию, не были равносильны убийству.

— И в «Литтлер против Карви» суд сделал именно это, верно?

— Да. — У Неруды были собственные графические материалы, и они сейчас появились на телестене. — Верховный суд Соединённых Штатов постановил, что личность появляется, когда происходит *индивидуализация*. В течение примерно четырнадцати дней после зачатия оплодотворённая яйцеклетка может разделиться на два или больше идентичных близнеца; в сущности, идентичные близнецы по-научному называются монозиготными, потому что они формируются из одной зиготы — одной клетки, образованной слиянием двух гамет. Так вот, пока эмбрион всё ещё имеет шансы стать несколькими людьми — такова была аргументация, — он не может быть признан индивидуумом, обладающим личностью. Понимаете?

Я определённо понимал, однако, судя по виду Карен, до неё ещё пока не дошло.

— Итак, — сказала Лопес, — согласно действующему законодательству личность является личностью только в том случае, если она является *лишь одной* личностью, верно?

Я увидел, как отреагировал на это Дешон: его брови поползли к бритой макушке. Такого финта с их стороны мы вообще не предвидели — это было чертовски умно.

— Именно так, — сказала Неруда. — С юридической точки зрения вы получаете права личности, как только становитесь одним, и только одним, индивидуумом.

Лопес перешла через «колодец» и остановилась у загородки присяжных.

— Итак, профессор Неруда, в соответствии с вашим юридическим опытом, какое это имеет значение для рассматриваемого дела?

Неруда развела руками.

— Разве это не очевидно? Карен Бесарян, или, простите, здесь будет более уместна её девичья фамилия, Карен Коэн, не стала личностью в тот день, когда была зачата — она родилась в мае 1960-го, так что это произошло где-то в августе 1959-го. Она стала личностью пятнадцать дней спустя, когда её эмбрион потерял возможность стать несколькими разными людьми.

Лопес посмотрела на присяжных, чтобы убедиться, что они следят за мыслью.

— Да, профессор, — сказала она. — Продолжайте.

Неруда улыбнулась. Наступала кульминация её выступления.

— И поскольку индивидуализация — это часть юридического определения личности, Карен

— теперь уже Карен Бесарян, — по-видимому, *перестала* быть личностью в глазах закона не в тот день, когда её тело умерло на Луне, но в тот более *ранний* день, когда её разум отсканировали и была создана его копия. Та личность, которой была Карен Бесарян, юридически оказалась возвращена в статус эмбриона возрастом меньше пятнадцати дней; она потеряла свои права личности в момент, когда перестала быть единственным уникальным организмом. Понимаете? Уникальная юридическая сущность, известная как Карен Синтия Бесарян, прекратила существовать в момент завершения сканирования. И, разумеется, когда личность исчезает, она исчезает насовсем.

Если бы я был в своём старом биологическом теле, то наверняка бы в этот момент поражённо осел бы в кресле. Лопес элегантно обошла всю нашу стратегию — и при этом сообщила суду, что если он станет оспаривать её позицию, то ему придётся оспорить всё действующее законодательство об абортах. Одного взгляда на судью Херрингтона мне хватило, чтобы понять: это последнее, чего бы ему хотелось.

— Сделаем перерыв, — сказал судья; вид у него был не менее ошарашенный, чем у меня.

Глава 30

Как бы мне хотелось видеть Землю! Тогда было бы, на чём сосредоточить мысли, когда я думаю о Ребекке. Но Земля была прямо под нами, а созерцание пола не могло удовлетворить мою психологическую потребность. Конечно, и ничто другое не могло, кроме возможности увидеть её по-настоящему.

Ребекка думает, что Вселенная шлёт ей послания, по её словам, сначала тактично, но потом, если она их не воспринимает, Вселенная начинает дубасить её палкой.

Я не верил в такие вещи, потому что знал, что Вселенной я безразличен. И всё же, вероятно, из уважения к Ребекке я иногда обнаруживал, что и правда присматриваюсь, прислушиваюсь, подмечаю: если есть способ отсюда выбраться, то, может, Вселенная мне намекнёт?

Тем временем я последовал ещё одному совету Брайана Гадеса — тому, которого, как я надеялся, потом не буду стыдиться. Я решил попробовать заняться лунным скалолазанием. На Земле я никогда ничем подобным не увлекался: восток

Канады не больно-то богат горами. Но звучало это привлекательно, так что я поинтересовался в бюро развлечений.

Оказалось, что альпинистские экспедиции водил мой старый знакомый Квентин Эшберн, инженер по обслуживанию лунобусов. Никому не позволялось выходить на поверхность Луны в одиночку; те же самые правила здравого смысла, что применяются в дайвинге, действовали и здесь. Так что Квентин, узнав, что я интересуюсь скалолазанием, пришёл в полный восторг.

В прошлом, как мне сказали, скафандры изготавливали для каждого индивидуально, но новые адаптивные материалы сделали это ненужным. В Верхнем Эдеме имелись скафандры трёх размеров для мужчин и трёх — для женщин, и практически сразу стало очевидно, что мне нужен мужской средний размер.

Квентин помог мне облачиться, проверил все соединения. Потом отобрал альпинистское снаряжение, хранившееся тут же на открытых полках. Кое-что из него я узнал: к примеру, мотки нейлоновой верёвки. Другое я видел впервые в жизни. Оно имело вид настоящего оружия: пистолета с толстым коротким дулом.

— Что это? — спросил я.

— Это горный пистолет, — сказал Квентин. — Для забивания питонов.

— Что ж, надеюсь, нам они не попадутся, — сказал я.

Квентин засмеялся.

— Питоны — это такие металлические штыри. — Он открыл толстый магазин пистолета и показал. Штыри были десяти сантиметров в длину. Передний конец был заострён, на заднем имелась проушина, в которую продевалась верёвка. — Мы вбиваем их в скалу и используем как упор для руки или ноги или закрепляем на них канаты. На Земле питоны обычно забивают руками, но здесь скалы довольно твёрдые, к тому же слишком велик риск повредить рукавицу и выпустить из скафандра весь воздух. Так что мы пользуемся горными пистолетами.

Я никогда не держал в руках никакого оружия и, как канадец, был горд этим фактом. Однако я взял устройство и последовал примеру Квентина, который опустил другое такое же в объёмистый карман на правом бедре.

Наконец, мы напялили круглые шлемы. Они были начинены, как пояснил Квентин, чем-то вроде электронных чернил: любая часть шлема могла стать матовой и блокировать солнечные

лучи. Затем мы прошли через шлюз, который оказался рядом с площадкой, где садились лунобусы.

— Ваша радость и гордость улетела, — сказал я ему по радио, указывая на пустую площадку.

— Уже давно, — ответил Квентин. — Он на обычном маршруте к ЛС-один. Но завтра он возвращается, повезёт несколько человек в обсерваторию SETI.

Обсерватория SETI. Там слушают приходящие из Вселенной сообщения. Я тоже пытался их слушать.

Мы двинулись дальше, шагая уже по лунной поверхности. Хотя скафандр весил больше двадцати килограмм, я по-прежнему ощущал себя гораздо легче, чем на Земле. Воздух в скафандре был немного странным, совершенно лишённым каких-либо запахов, но я быстро к нему привык, хотя…

Нет, показалось. На секунду я подумал, что начинается новый приступ головной боли, но ощущение прошло практически сразу же.

Перед нами была стена кратера. Пока мы шли, солнце исчезло за ней и стали видны звёзды. Я продолжал вглядываться в чёрное-пречёрное небо в поисках Земли, но, конечно же, её отсюда

не было видно. А вот…

— Это Марс? — спросил я, указывая на яркую точку света, немного отличавшуюся оттенком от остальных: она могла быть красной либо зелёной, но я никогда не слышал о «Зелёной планете».

— Так точно, — ответил Квентин.

Нам понадобилось минут десять, чтобы то шагом, то прыжками добраться до кратерной стены, которая теперь уходила ввысь над нашими головами, крутая и неровная. Поскольку мы были в тени, Квентин включил фонарь, встроенный в скафандр в центр груди, а потом протянул руку и переключил что-то на моём скафандре, включая такой же фонарь.

— Ух ты, — сказал я, глядя на чернильную стену. — Она выглядит… трудной.

— Ещё бы, — дружелюбно отозвался Квентин. — Когда легко — никакого интереса.

Он не стал ждать ответа, что было хорошо, потому что я не знал, что ответить. Вместо этого он отстегнул клапан на кармане и вытащил из него горный пистолет.

— Видите? — спросил Квентин, указывая свободной рукой. Я кивнул. — Целитесь в трещину в скале.

Он прицелился, потом выстрелил. Звука не

было никакого, но пистолет явно разрядился с немалой отдачей, судя по тому, как рука Квентина дёрнулась назад. Металлический штырь беззвучно воткнулся в скалу. Квентин убедился, что он сидит прочно, и продел сквозь штырь верёвку.

— Всё очень просто, — сказал он.

— Сколько крюков у него в обойме?

— Восемь. Но в карманах уйма запасных, так что не беспокойтесь.

— Э-э-э… похоже, у него приличная отдача, — сказал я, указывая на пистолет.

— Зависит от установки мощности, — объяснил Квентин. — Но на максимуме, когда мы работаем с гранитом…

Он подрегулировал что-то на пистолете и выстрелил в сторону от кратерной стены. Штырь метнулся через лунный вакуум и взметнул пыль там, где упал.

— Порядок? — спросил Квентин. Я кивнул. — Ну, тронулись!

Мы начали взбираться по каменной стене, поднимаясь всё выше и выше, к солнечному свету.

Это возбуждало. Я был под открытым небом, и в отсутствие окружающих меня стен, похоже, перестал чувствовать себя пленником — по край-

ней мере на время. Мы выбрались на гребень кратерной стены, и…

Яростный свет солнца ударил мне в глаза, вызвав новый приступ головной боли, прежде чем шлем потемнел. Боже, как бы мне хотелось, чтобы мозг перестал болеть…

Мы немного прошлись по серой поверхности, загибавшейся к слишком близкому горизонту. «Величественное запустение» — так сказал об этом Чандрагупта, цитируя кого-то ещё. Так оно и было. Я упивался этой суровой красотой, пытаясь игнорировать боль между ушами.

Вскоре в динамиках шлема послышалось пикание, контрапунктом к пульсирующей боли: нас предупреждали об ограниченности запаса воздуха.

— Ну что же, — сказал Квентин. — Пора домой.

«Домой», — подумал я. Чёртов ремонтник лунобусов прав. Пора вернуться домой, раз и навсегда.

* * *

Дешон и Малкольм весь перерыв провели, разыскивая информацию и совещаясь, и когда мы вернулись в зал суда, я услышал, как Дешон говорит Карен, что он «готов и готовее уже не ста-

нет». Как только вошёл судья Херрингтон и все мы снова сели, Дешон начал свой перекрёстный опрос Алиссы Неруды, биоэтика из Йеля.

— Доктор Неруда, — сказал он, — я уверен, что присяжных очень заинтересовал ваш рассказ о джерримендеринге [28] границ между личностью и её отсутствием.

— Я бы не стала обвинять высший суд страны в джерримендеринге, — холодно ответила она.

— Вероятно. Но в вашем комментарии о людях, которые становятся более чем одной индивидуальностью, имеется зияющий пробел, не так ли?

Неруда посмотрела на него:

— Да?

— Похоже на то, — сказал Дешон. — Ведь клонирование человека технически возможно с какого года? С двадцать второго или вроде того?

— По-моему, первый клонированный человек родился в 2013-м, — ответила Неруда.

— Значит, я ошибся, спасибо, — сказал Дешон. — Но разве клонирование не состоит в том, что мы берём некую личность и делаем из неё

---

[28] Notes: 28

Произвольная демаркация избирательных округов с целью искусственного изменения соотношения политических сил в них и, как следствие, в целом на территории проведения выборов. Джерримендеринг нарушает равенство избирательных прав граждан.

две? Ведь оригинал и клон генетически идентичны, и тем не менее они оба обладают всеми правами и являются людьми.

— Вам нужно прослушать мой курс, мистер Дрэйпер. Это действительно интереснейшая теоретическая проблема, но она не имеет отношения к американским законам. Во-первых, разумеется, никто в здравом уме не скажет, что это *один и тот же* человек. И во-вторых, клонирование человека всегда было запрещено в США — оно запрещено даже в Канаде, — так что американскому законодателю не было нужды инкорпорировать концепцию человеческих клонов в определение личности. — Она скрестила руки на груди, словно говоря: «Вот так-то!» — Индивидуализация остаётся частью действующего права.

Если Дешон был обескуражен, он удачно это скрыл.

— Благодарю вас, доктор Неруда, — сказал он. — Вопросов больше не имею.

— И на этом мы сегодня закончим, — сказал судья Херрингтон. — Присяжные, должен вас предупредить о…

* * *

Прошло уже немало времени с тех пор, как я общался с другим экземпляром меня, но сегодня вечером это случилось снова, когда я смотрел по телевизору матч «Блю Джейз». Они играли так погано, что, похоже, я позволил своим мыслям отвлечься. Возможно, мой *зомби* и не возражал против зрелища их разгрома, но моё сознание не могло больше этого выносить, и…

И внезапно у меня в голове появилась другая версия меня. Я приказал телевизору отключиться и напряг слух.

Это странно…

— Привет! — сказал я. — Привет, ты там?

Что? Кто?

Я вздохнул, снова прошёл всю канитель объяснений, кто я такой, закончив словами:

— И я знаю, что ты думаешь, будто сейчас 2034 год, но это не так. На самом деле сейчас 2045-й.

О чём ты говоришь?

— Сейчас 2045 год, — повторил я.

Само собой. Я и так это знаю.

— Правда?

Конечно.

То есть это не тот самый экземпляр с пробле-

мами с памятью, с которым я разговаривал в прошлый раз. Чёрт, интересно, сколько их всего?

— Ты вроде говорил про что-то странное.

Что? А, да. Да, очень.

— Что именно?

Я уронил ручку, которой писал.

— И что?

И успел её поймать прежде, чем она долетела до пола.

— Ну, сейчас в твоих реакциях отсутствует медленный химический компонент, — сказал я. — Сейчас всё электрическое и происходит со скоростью света.

Нет, не в этом дело. Я видел, как ручка падает, видел её отчётливо, когда она летела к полу.

— Я не замечал подобного обострения восприятия.

Не думаю, что это обострение восприятия… Вот. Я подобрал её и уронил снова. Она падает как в замедленной съёмке.

— Падает в замедленной… как это может быть?

Понятия не имею, если только…

— О чёрт…

То-то и оно.

— Ты на Луне. То есть, полагаю, это может быть любое место с пониженной гравитацией, в том

числе орбитальная станция, которая вращается слишком медленно для земного «же». Но поскольку мы уже знаем, что у «Иммортекс» есть база на Луне…

Да. Но если я на Луне, разве в разговоре не должно быть задержки сигнала? Луна же в… в четырёхстах тысячах километрах от Земли или сколько там?

— Типа того. А свет движется со скоростью триста тысяч километров в секунду, так что… сейчас прикину… должна быть задержка в секунду с третью.

Может, она и есть. Может быть.

— Давай проверим. Я сосчитаю до пяти; когда ты услышишь, как я говорю «пять», ты подхватишь и сосчитаешь от шести до десяти, а потом я — от одиннадцать до пятнадцати. Хорошо?

Хорошо.

— Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

Шесть. Семь. Восемь. Девять. Десять.

— Одиннадцать. Двенадцать. Тринадцать. Четырнадцать. Пятнадцать.

Не заметил никакой задержки.

— Я тоже.

Тогда как?..

— Эндрю Портер говорил что-то об использо-

вании квантового тумана для неинвазивного сканирования мозга оригинального Джейка Салливана…

Ты думаешь, что копии квантовано спутаны?

— «Квантово». Правильно говорить «квантово».

Я знаю.

— Я знаю, что знаешь.

Квантово спутаны. То есть мы связываемся мгновенно…

— Именно. То, что Альберт Эйнштейн называл «некими жуткими дальнодействиями».

Полагаю, это возможно.

— Но зачем бы «Иммортекс» стала создавать ещё одну копию меня на Луне?

Я не знаю, — сказал голос у меня в голове. — *Но мне это не нравится.*

— Ты ведь не можешь вернуться сюда, на Землю. Здесь может быть только один я.

Я знаю. Везучий чёрт.

Я подумал об этом.

— Похоже, так и есть.

* * *

Карен вернулась на место свидетеля, в этот раз вызванная Марией Лопес, а не Дешоном.

— Ранее, — начала Лопес, — во время перекрёстного опроса Алиссы Неруды ваш адвокат, мистер Дрэйпер, использовал термин «джерримендеринг» в отношении определения границы между жизнью и смертью. Вы это помните?

— Да, помню, — подтвердила Карен.

— Вы профессиональный писатель; я уверена, что у вас обширный словарный запас. Не могли бы вы просветить нас относительно значения этого вычурного слова?

Карен наклонила голову вбок.

— Оно означает перекраивание границ для получения политического преимущества.

— Этот термин, — сказала Лопес, — происходит от имени Элбриджа Джерри, не так ли? Он изменил границы избирательных округов в Массачусетсе, будучи губернатором этого штата, так, чтобы его партия получила большинство на следующих выборах, верно?

— Герри, — поправила Карен, — а не Джерри. Мы стали говорить «джерримендеринг», но губернатор — а впоследствии вице-президент — произносил свою фамилию «Герри».

Я улыбнулся способности Карен найти способ вежливо послать кого-то в зад.

— Э-э-э… да, конечно, — сказала Лопес. — Так

вот, губернатор изменил границы округа Эссекс так, что его очертания стали напоминать саламандру. Значит, повторимся, джерримендеринг означает изменение линий границ таким образом, чтобы получить политическую или личную выгоду, правильно?

— Можно сказать и так.

— И адвокат истца обвинил Верховный суд в том, что он просто передвигал линию, разделяющую жизнь и смерть, пока она не стала политически приемлемой, не так ли?

— Да, мистер Дрэйпер имел в виду что-то такое.

— Но, конечно же, вы хотите, чтобы присяжные этого жюри передвинули другую линию — очевидную, неопровержимую, обозначающую момент смерти мозга — в другое место ради вашего личного удобства, не правда ли?

— Я бы так не сказала, — сухо ответила Карен.

— А ведь вы сами в прошлом занимались играми в джерримендеринг?

— Мне о таком неизвестно.

— Нет? Мисс Бесарян, у вас есть дети?

— Разумеется. У меня есть сын, Тайлер.

— Ответчик на этом процессе, верно?

— Да.

— А другие дети?

Карен выглядела как… я не мог сформулировать: её пластиковое лицо исказилось таким образом, как я ни разу ещё не видел, и я не знал, какую эмоцию оно выражает.

— Тайлер — мой единственный ребёнок, — сказала наконец Карен.

— Ваш единственный *живой* ребёнок, — сказала Лопес, — верно?

Иногда вы читаете в книгах о том, как рот человека от удивления образовывает идеальное «О». Лица из плоти и крови на самом деле не могут такого сделать, но синтетическая физиономия Карен изобразила её безупречно, когда Лопес задала этот вопрос.

— Вы же женщина, — сказала Карен. — Как вы можете быть так бессердечны? Какое отношение к делу может иметь тот факт, что я потеряла дочь, когда она была ещё в колыбели? Думаете, я до сих пор не плачу и не могу уснуть, когда о ней вспоминаю?

Мария Лопес в первый раз оказалась в полнейшей растерянности.

— Мисс Бесарян, я…

Карен не унималась.

— Господи боже мой, мисс Лопес, вытащить

это…

— Честное слово, мисс Бесарян! — воскликнула Лопес. — Я понятия не имела! Я не знала.

Карен скрестила руки на груди. Я взглянул на присяжных: у всех были такие лица, будто они ненавидят Лопес всеми фибрами души.

— Правда, мисс Бесарян. Я… я глубоко сочувствую вашей утрате. Правда, Карен… пожалуйста, простите меня.

Карен молчала. Лопес повернулась к судье:

— Ваша честь, может быть, небольшой перерыв…

— Двадцать минут, — сказал Херрингтон и стукнул молотком.

Глава 31

Панель управления шлюзовой камерой лунобуса располагалась, как этого и следовало ожидать, рядом с дверью шлюзовой камеры. Пилот ещё не появился, что было очень кстати. Я взошёл на борт первым и дождался остальных. На самом деле мне хватило бы одного, но… но, чёрт побери, следующие два пассажира, две женщины, белая и азиатка, вошли вместе. Ну что поделаешь?

Я переместился к управлению шлюзом и уже готов был нажать соответствующую кнопку, когда увидел, что не кто другой, а сам Брайан Гадес идёт по коридору, взмахивая в воздухе хвостом своей причёски. Будет лучше с ним внутри или снаружи? Мне нужно было принять решение немедленно, и я решил, что с ним внутри удар будет даже сильнее. Я дождался, пока он пройдёт через шлюз, и затем нажал кнопку аварийной блокировки…

Две женщины уже заняли свои места. Они сели не вместе; несмотря на то что входя болтали друг с другом, подругами они, похоже, не были. Гадес ещё стоял, и он удивлённо обернулся, услышав

звук задраиваемого шлюза.

Он обернулся и впервые заметил меня. Его глаза тут же округлились.

— Салливан?

Я вытащил горный пистолет из маленького рюкзака, который я положил на сиденье рядом с собой, а потом кашлянул, прочищая горло в сухом воздухе кабины.

— Мистер Гадес, дамы, прошу меня простить… — Я замолчал: макушку словно пронзило иглой боли. Я дождался, пока она поутихнет.

— Мистер Гадес, дамы, — снова повторил я, словно предыдущие мои слова не висели до сих пор в воздухе, — это угон.

Я сам не был уверен, какой реакции ждал: визга, криков? Все трое тупо смотрели на меня.

Наконец Гадес произнёс:

— Вы ведь шутите, правда?

— Нет, — сказал я. — Не шучу.

— Вы не можете угнать лунобус, — сказала женщина-азиатка. — Его здесь некуда угонять.

— Я не собираюсь его куда-то угонять, — сказал я. — Я собираюсь оставить его здесь подключённым к жизнеобеспечению Верхнего Эдема, пока не будут выполнены мои требования.

Вот так. Это был не совсем кафетерий в «Вул-

ворте», но сойдёт.

— И чего же вы требуете? — спросила вторая женщина.

— Мистер Гадес знает, а вам я скажу позже. Но сперва позвольте сказать, что я не хочу причинять вред кому бы то ни было — это *они* причиняют мне вред. Моя цель — чтобы все мы вышли отсюда живыми и невредимыми.

— Мистер Салливан, пожалуйста… — сказал Гадес.

— «Пожалуйста»? — Я фыркнул. — Я говорил вам «пожалуйста». Я умолял вас. Но вы отказали.

— Должен быть другой способ!

— Такой был. Вам он не понравился. Ладно, хватит пока разговоров. Мистер Гадес, сядьте — вон там, в первом ряду.

— Или что? — спросил он.

— Или, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — я вас убью.

Я поднял горный пистолет.

— Что это? — спросила женщина-азиатка.

— Приспособление для альпинизма, — сказал я. — Стреляет металлическими штырями и пробивает человека насквозь.

Гадес на мгновение задумался, потом усадил своё долговязое тело в одно из двух передних

кресел. Потом повернул его так, чтобы оказаться лицом ко мне.

— Очень хорошо, — сказал я. — Теперь — я больше не хочу, чтобы за мной шпионили. Все трое: провернитесь к своему иллюминатору и опустите виниловую шторку.

Никто не двинулся.

— Быстро! — рявкнул я.

Сначала подчинилась азиатка, потом вторая женщина. Гадес демонстративно напрягся, якобы пытаясь опустить свою, потом повернулся ко мне и сказал:

— Она застряла.

Я не собирался перегибаться через него и проверять, так что просто сказал:

— Вы врёте. Закройте её.

Гадес подумал, потом с преувеличенным усилием потянул за шторку, и она опустилась.

— Так-то лучше, — сказал я. Потом указал на белую женщину: — Вы — встаньте и закройте все остальные шторки, пожалуйста.

— «Пожалуйста»? — сказала она, передразнивая меня, передразнивающего Гадеса. — Вы хотите сказать: «Сделайте это, или я вас убью»?

Я не собирался вступать в споры.

— Я канадец, — сказал я, по-прежнему удержи-

вая пистолет, но опустив руку. — Я не могу не сказать «пожалуйста».

Она застыла на мгновение, потом слегка пожала плечами, поднялась и пошла по салону, опуская шторки.

— Также закройте дверь в кабину.

Она подчинилась. Переднее панорамное окно больше не было видно из салона — это означало, что через него теперь не было видно нас.

— Спасибо, — сказал я. — Займите своё место.

С другой стороны шлюза послышался стук — кто-то пытался заставить нас его открыть. Я его проигнорировал и вместо этого переместился к панели связи рядом с дверью шлюзовой камеры. На ней был двадцатисантиметровый экран видеофона.

На экране появилась привлекательная темноглазая брюнетка.

— Транспортный контроль Хевисайда лунобусу-четыре, — сказала она. — Что случилось? У вас поломка шлюзовой камеры? Пробоина в корпусе?

— Хевисайд, это лунобус-четыре, — сказал я в камеру. — Говорит Джейкоб Салливан. Со мной ещё три человека, в том числе Брайан Гадес, так что делайте в точности как я скажу. Не пытай-

тесь войти в лунобус. Я знаком с принципами его работы; спросите Квентина Эшберна, он подтвердит. Если я не получу того, что мне нужно, я открою топливный бак. Моногидразин из него сублимирует в облако взрывчатого пара, и я запущу маршевый двигатель и подожгу его. Взрыв уничтожит половину Верхнего Эдема.

Глаза брюнетки округлились.

— И вас также, — сказала она. — Вы ведь тоже умрёте.

– *Я уже мёртв!* — крикнул я. Чёрт, я пытался сохранять спокойствие, но молотки у меня в голове стучали всё сильнее. — Я — кожура, сброшенная кожа. У меня ни личности, ни документов. — Я сделал глубокий вдох, потом сглотнул. — Мне нечего терять.

— Мистер Салливан…

— Нет. И больше никаких разговоров. Я не хочу вести переговоры с диспетчером. Найдите мне кого-нибудь, у кого есть полномочия договариваться. Пока же… — Я ткнул пальцем в кнопку «Выкл.».

Хотел бы я, чтобы был способ обойтись без привлечения других людей. Но его не было. Они могли эвакуировать Верхний Эдем или найти какой-то способ запустить лунобус удалённо. Я

хотел, чтобы на кону стояло больше, чем куча оборудования, неважно, насколько дорогостоящего.

— Теперь, — сказал я, глядя на двух женщин и Гадеса, — можно познакомиться. Меня зовут Джейкоб Салливан, я из Торонто. Я скопировал своё сознание в искусственное тело, потому что был смертельно болен. Но сейчас меня вылечили, и я хочу вернуться домой — таково моё требование. Я искренне не хочу причинять вреда никому из вас. — Я сделал жест в сторону женщины-азиатки, специально проверив, что делаю это пустой левой рукой, а не правой, в которой держу пистолет. — Теперь вы.

Женщина посмотрела на меня с вызовом, но потом решила, что немного сотрудничества не помещает.

— Я Акико Утияма, — сказала она. Она была не слишком красива, худа, с короткими волосами, выкрашенными в какой-то светлый цвет. — Я радиоастроном из обсерватории SETI в кратере Чернышева. — Она помолчала, потом добавила: — У меня муж и две дочки шести лет, близнецы. Я очень хочу к ним вернуться.

— И я очень надеюсь, что вернётесь, — сказал я. — Я повернулся ко второй женщине, которая была гораздо симпатичнее, с большими глазами

и копной тёмных волос. — Вы?

— Хлоя Хансен, — сказала она. — Главный диетолог Верхнего Эдема.

— Так, значит, это вы, — сказал я.

— Что «я»?

— Вы подсыпаете мне в еду всякую дрянь.

Она была хорошей актрисой, этого у неё не отнять.

— О чём вы говорите?

Я проигнорировал вопрос и повернулся к Гадесу:

— Хлоя, без сомнения, вас знает, а я и подавно, но мы можем задержаться здесь надолго, так что вы тоже можете представиться Акико.

Гадес скрестил руки на груди и нахмурился, однако подчинился:

— Я Брайан Гадес, шеф-администратор Верхнего Эдема.

Акико внимательно посмотрела на него.

— Так это он из-за вас, — сказала она, указывая на меня. — Дайте ему то, что он просит, и покончим с этим.

— Я *не могу* ему этого дать, — сказал Гадес. — Он подписал контракт. Кроме того, вся наша бизнес-модель…

— Да в задницу вашу бизнес-модель! — пере-

била его Акико. — Просто сделайте то, что он говорит.

— Нет. У его новой версии на Земле тоже есть права, и…

— И у меня есть права! — сказала Акико. — Как и у… Хлоя, верно? У нас у всех есть права!

— Да, у вас есть, — сказал я. — А у меня нет — в данный момент нет, об этом и речь. Когда я верну себе свои права, всё закончится.

Телефон пискнул. Я подошёл к панели и нажал кнопку приёма вызова.

— Здравствуйте, — сказал мужской голос с рафинированным британским выговором. — Я могу поговорить с мистером Салливаном?

— Джейкоб Салливан у телефона, — сказал я. — С кем я говорю?

Всегда становлюсь преувеличенно вежлив, когда слышу британский акцент.

— Меня зовут Габриель Смайт, и мне выпала честь выполнять обязанности вашего основного посредника в разрешении данного недоразумения.

Смайт — мне знакомо это имя. Я задумался, и тут до меня дошло. Низенький румяный человечек с платиновыми волосами, который вёл поминальную службу по Карен Бесарян.

— Вы в диспетчерской транспортной службы? — спросил я.

— Да. Со мной мисс Бортолотто, с которой вы разговаривали ранее.

— Я вас помню. Вы вели поминальную службу по Карен. Но вы ведь не раввин… или раввин?

— Я не собираюсь вам лгать, мистер Салливан, уверяю. Я главный психолог компании «Иммортекс».

Я набрал полные лёгкие неприятно сухого воздуха лунобуса.

— Я не псих, доктор Смайт.

— Вы можете звать меня Гейб.

Я подумал о том, чтобы отклонить предложение. Мы никакие не приятели; он мой враг, и я должен это помнить. Однако если я буду звать его «доктор», это даст ему преимущество статуса.

— Ладно. Гейб, — сказал я наконец, — я не псих.

— Никто этого не говорил, — ответил Гейб.

— Тогда почему со мной разговариваете вы?

— Не нашлось больше никого с опытом участия в подобного рода ситуациях. Кто-то должен этим заниматься, и шеф-повар вряд ли для этого подойдёт. Кроме того, вы взяли мистера Гадеса в… вы удерживаете мистера Гадеса.

Интересно, как он оборвал себя, прежде чем сказать «в заложники». Должно быть, у него сейчас на экране было какое-то пособие по переговорам с террористами, в котором, по-видимому, рекомендовалось избегать этого слова. Неплохая рекомендация; мне и самому это слово не нравилось. Но мне нужен *эффект*.

— Теперь, — продолжал Смайт, — самое главное. У кого-нибудь на борту есть какие-то особые нужды? Какие-либо проблемы медицинского плана?

Ага, он и правда отрабатывает какой-то список.

— У всех всё хорошо.

— Вы уверены?

Я посмотрел, как трое остальных, выгнув шеи, смотрят на меня через плечо.

— С вами всё в порядке? — спросил я.

Акико, казалось, собралась было что-то сказать, но в конце концов передумала. Остальные молчали.

— Да, — сказал я. — У всех всё в порядке. И я не хочу никому причинять вреда.

— Я рад это слышать, Джейк. Очень рад. Не могли бы вы открыть видеоканал? Семьи… э-э-э… — он, должно быть, искал одобренный

термин, — задержанных наверняка захотят увидеть их.

— Командовать здесь буду я.

— Конечно, — сказал Смайт. — Безусловно. Тогда каковы ваши… что я для вас могу сделать?

Требования. Он явно собирался спросить, каковы мои требования, но снова оборвал себя на полуслове. Мы тут ведём *переговоры*. Торгуемся. Торговля — это обоюдная выгода, взаимный компромисс; это не сработает, если появятся неустранимые «требования».

Я решил снова его ущипнуть:

— У меня только одно *требование*. Я хочу вернуть свою личность. Верните меня на Землю и дайте мне жить своей прежней жизнью. Сделайте это, и я всех отпущу.

— Я посмотрю, что смогу сделать.

Изящно и неопределённо: подозреваю, учебник советовал никогда не брать на себя никаких обязательств, которые он не мог бы исполнить.

— Не заговаривайте мне зубы, Гейб. Вы не можете вернуть мне личность. Но есть человек, который может, — другой Джейкоб Салливан, дубликат моего разума в теле робота, который остался на Земле.

— И это проблема, Джейк. Вы наверняка сами её

видите. Земля далеко. И, как вы должны знать, мы пообещали, что вы никогда не войдёте в контакт с тем, кто вас заменил. Он должен приложить все усилия, чтобы забыть о том, что его оригинал всё ещё существует.

«Существует». Не «жив». Существует.

— Сделайте исключение, — сказал я. — Свяжите нас по радио.

— Мы на обратной стороне Луны, Джейк.

— А вы можете транслировать сигнал через спутники связи на синхронной орбите над лунным экватором. Я не идиот, Гейб, и правда всё обдумал. Перезвоните мне, когда получите ответ.

С этими словами я отключил связь.

Глава 32

Карен всё ещё приходила в себя после разговора о её давно умершей дочери. Мы немного постояли вместе, обнявшись, в коридоре зала суда. Присяжных, разумеется, на время перерыва увели в их комнату, так что они ничего этого не видели. И к лучшему: это было не для публики. Я обнаружил, что глажу искусственные волосы Карен искусственной рукой, надеясь, что это как-то её утешит. К окончанию перерыва Карен немного успокоилась, и мы вернулись в зал суда. Я занял своё место среди зрителей; Малкольм Дрэйпер уже был там, и Дешон уже сидел за столом истца. Я увидел, как входит Мария Лопес. Она выглядела… я не знаю, как это описать. Отчаянной, может быть. Или решительной. Дела пошли не так, как она планировала всего минуту назад. Интересно, что же именно она планировала.

Дверь в кабинет судьи Херрингтона открылась.

— Всем встать! — скомандовал клерк, и все встали.

Херрингтон занял своё место за судейским сто-

лом, стукнул молотком и сказал:

— Снова ведётся протокол в деле «Бесарян против Горовица». Мисс Лопес, вы можете продолжать опрос мисс Бесарян.

Лопес поднялась, и я видел, как она глубоко вдохнула, всё ещё не уверенная в себе.

— Спасибо, ваша честь, — сказала она и замолчала.

— Ну? — спросил Херрингтон секунд через пятнадцать.

— Прошу прощения, ваша честь, — сказала Лопес. Она посмотрела на Карен — или, вероятно, посмотрела мимо Карен, немного правее неё, словно фокусируясь на мичиганском флаге, а не на свидетеле.

— Мисс Бесарян, позвольте мне перефразировать мой предыдущий вопрос. Вы когда-либо делали аборт?

Дешон немедленно вскочил на ноги.

— Возражение! Отношение к делу!

— Лучше бы в этом был смысл, мисс Лопес, — сердито сказал Херрингтон.

— Я его покажу, — ответила та; прежний пыл частично вернулся, — если мне будет дана такая возможность.

— У вас есть всего одна попытка.

Лопес отвесила свой фирменный поклон.

— Разумеется, ваша честь. — Она повторила вопрос, дав присяжным ещё раз услышать важное слово в самом конце: — Мисс Бесарян, вы когда-либо делали аборт?

— Да, — тихо ответила Карен.

По залу заседаний пробежал шепоток. Судья Херрингтон состроил гримасу и стукнул молотком.

— Ну же, мы не собираемся делать из вас преступницу, мисс Бесарян, — сказала Лопес. — Мы не хотим, чтобы у жюри сложилось впечатление, будто вы подвергались этой операции в недавнее время, не так ли? Не скажете ли вы суду, когда именно вы прервали жизнь плода?

— Э-э-э… это был 1988-й.

— Тысяча девятьсот восемьдесят восьмой. То есть это было сколько? — пятьдесят семь лет назад, правильно?

— Да.

— То есть, если бы вы не избавились от того плода, у вас был бы ещё один ребёнок — сын или дочь — в возрасте примерно пятидесяти шести лет.

— Я… вероятно.

— Вероятно? — повторила Лопес. — Я думала, ответ будет «да».

Карен смотрела в пол.

— Да, полагаю, что так.

— Пятьдесят шесть лет. Зрелый мужчина или женщина, весьма вероятно, что с собственными детьми.

— Возражение, ваша честь, — сказал Дешон. — Отношение к делу!

— Поторопитесь, мисс Лопес.

Она кивнула.

— Весь смысл в том, что аборт был произведён в 1988 году. — Она сделала особое ударение на слове «произведён». — И это было… дайте подумать… за сорок лет до того, как «Роу против Уэйда» было отменено «Литтлером против Карви».

— Вам виднее.

— А «Роу против Уэйда» временно легализовал право женщины прерывать зреющую внутри неё жизнь, не так ли?

— Изначально эта мера не планировалась как временная, — возразила Карен.

— Простите, — сказала Лопес. — Я лишь хотела заверить суд, что вы прервали развитие плода, когда в Соединённых Штатах это было законно, не так ли?

— Да. Это была законная процедура, которую делали в государственных больницах.

— О, конечно. Конечно. Мы не хотим рисовать в головах присяжных картины мрачных коновалов в глухих переулках.

— Вы только что это сделали, — решительно сказала Карен. — Это была законная, моральная и общепринятая процедура.

— Общепринятая! — сказала Лопес с облегчением. — Общепринятая, да. То самое слово.

— Возражение! — сказал Дешон, разводя руками. — Если у мисс Лопес нет вопросов к моей клиентке…

— О, у меня есть вопросы. Есть. Мисс Бесарян, почему вы сделали тот аборт?

Дешон начинал злиться; его лицо оставалось спокойным, а вот голос — нет.

— Возражение! Отношение к делу!

— Мисс Лопес, пожалуйста, переходите к делу, — сказал Херрингтон, подпирая рукой подбородок.

— Всего пара минут, ваша честь. Мисс Бесарян, почему вы сделали тот аборт?

— В то время я не хотела иметь ребёнка.

— То есть аборт действительно был сделан из соображений личного удобства?

— Из соображений экономической необходимости. Мы с мужем лишь начинали работать.

— То есть вы это сделали для блага ребёнка.

Дешон снова развёл руками.

— Возражение! Ваша честь, пожалуйста!

— Снимается, — сказала Лопес. — Мисс Бесарян, когда вы делали этот аборт, то не думали, что совершаете убийство, не так ли?

— Разумеется нет. Тогда это была совершенно законная процедура.

— Действительно. Этот период иногда называют Тёмными веками.

— Только не я.

— Да, не сомневаюсь. Скажите, пожалуйста, почему прерывание беременности — это не убийство?

— Потому что… потому что это *не убийство*. Потому что Верховный суд Соединённых Штатов постановил, что это законная процедура.

— Да, да, я понимаю, что таковы тогда были законы. Но мне *сейчас* интересна ваша собственная моральная точка зрения. Почему прерывание той беременности не было убийством?

— Потому что плод ещё не был человеком — ни в моих глазах, ни в глазах закона.

— Сегодня, разумеется, закон с этим бы не согласился.

— Но не я.

Меня внутренне передёрнуло. Карен слишком рассердилась и стала неосторожна. Лопес тут же ухватилась за эту реплику.

— Вы хотите сказать, что ваши стандарты выше стандартов закона?

— Мои стандарты не зависят от давления лоббистов и прихотей политиков, если вы об этом.

— То есть вы по-прежнему считаете, что плод — это не личность?

Карен молчала.

— Ответьте пожалуйста, мисс Бесарян.

— Да.

Снова шум в зале; снова стук молотка.

— Вы говорите, что да, плод не является личностью?

— Да.

— Плод, созданный физическим проявлением любви между вами и вашим покойным супругом, упокой Господь его душу. Плод с сорока четырьмя хромосомами, содержащими уникальную комбинацию ваших черт и черт вашего мужа.

Карен молчала.

— Этот плод *не является* личностью, верно?

Карен помолчала ещё немного, потом произнесла:

— Верно.

— На каком этапе беременности вы её тогда прервали?

— На девятой… нет, десятой неделе.

— Вы не уверены?

— Это было ужасно давно, — сказала Карен.

— Верно. Почему вы ждали так долго? До того момента вы не знали, что беременны?

— Я узнала про беременность через четыре недели после зачатия.

— Тогда почему такая задержка?

— Мне нужно было время, чтобы подумать. — Карен не смогла удержаться от того, чтобы влезть на любимого конька. Чёрт, чёрт, чёрт! — Как раз то, чего пятнадцатидневное ограничение «Литтлера против Карви» женщин лишило. Вам никогда не приходило в голову, мисс Лопес, что установление такого ограничения на срок законного аборта заставило женщин второпях принимать решения, которых они, будь у них время разобраться со своими чувствами, принимать бы не стали?

— Вопросы задаю я, мисс Бесарян, если не возражаете. И, в самом деле, предположим, вы снова забеременели в неподходящее время и эта беременность случилась уже после «Литтлера против Карви». Вы позволили бы закону заставить вас

принять решение к предписанной в законе дате?

— Это закон.

— Да. Но вы состоятельная женщина, мисс Бесарян. Вы смогли бы найти способ сделать безопасный — по крайней мере, для вас — аборт после истечения пятнадцатидневного срока, не правда ли?

— Полагаю, да.

— И вы бы спокойно приняли это решение? Вас не беспокоило бы, что вы занимаетесь джерримандерингом границы между личностью и её отсутствием?

Карен ничего не ответила.

— Ответьте, пожалуйста, на вопрос. Вы бы передвинули границу между личностью и отсутствием личности так, чтобы было удобно лично вам?

Карен продолжала молчать.

— Ваша честь, не могли бы вы дать указание свидетелю ответить на вопрос?

— Мисс Бесарян? — сказал судья Херрингтон.

Карен кивнула, потом склонила голову набок. Она посмотрела на Дешона, затем на присяжных, затем снова на Лопес.

— Да, — сказала она, наконец. — Полагаю, я бы это сделала.

— Понимаю, — сказала Лопес, глядя на присяжных. — Мы понимаем. — Какой бы дискомфорт Лопес ни испытывала ранее, он уже прошёл. — Итак, мисс Бесарян, ещё раз: что у этого несчастного зародыша, зачатого мужчиной и женщиной, отсутствует, не давая ему стать личностью, из того, что у вас, искусственного создания, есть, в силу чего вы личностью являетесь?

— Я… э-э-э…

— Ну же, мисс Бесарян! Вам не хватает слов? Вам, профессиональному писателю?

— Это… хм-м…

— Это очень простой вопрос: должно быть что-то, чего у вашего ликвидированного плода не было, но есть у вас. Иначе вы оба были бы личностью — в соответствии с вашим собственным моральным кодексом.

— У меня есть жизненный опыт.

— Однако он не ваш. То есть это не опыт, накопленный непосредственно тем… той конструкцией, что находится сейчас перед нами. Этот опыт был скопирован в вас из настоящей Карен Бесарян, ныне покойной, верно?

— Он был перенесён из прежней версии меня с её согласия и по её явно выраженному желанию.

— Нам приходится верить вам на слово, верно?

Ведь… простите меня, но ведь настоящая Карен Бесарян мертва, не так ли?

— Я знала, что моё тело приходит в негодность — именно поэтому организовала перенос в это долговечное тело.

— Но было перенесено не всё, не так ли?

— О чём вы?

— Я о том, что воспоминания мисс Бесарян были перенесены, однако тривиальные мелочи, скажем, содержимое её желудка на момент переноса, не были воспроизведены в копии.

— Ну… нет, не были.

— Конечно же, не были. Ведь они несущественны. Как, скажем, морщины на лице оригинала.

— Я заказала более молодое лицо, — твёрдо ответила Карен.

— Ваша честь, вещественное доказательство ответчика номер двенадцать — фото Карен Бесарян, сделанное в прошлом году.

На телестене появилось лицо Карен. Я уже и забыл, какой невероятно древней она выглядела раньше: белые волосы, изрезанное морщинами лицо, полупрозрачная кожа, глаза, казавшиеся слишком маленькими для своих орбит, кривая улыбка жертвы инсульта. Я непроизвольно отвёл глаза.

— Это вы, не так ли? — спросила Лопес. — Ваш оригинал?

— Да.

— Настоящая вы, вы, которая…

— Возражение! — воскликнул Дешон. — Ответ дан.

— Принимается, — сказал Херрингтон.

Лопес склонила голову.

— Хорошо. Простите меня за прямоту, мисс Бесарян, но вы, очевидно, решили не пользоваться услугами пластической хирургии.

— Я не слишком тщеславна.

— Достойно восхищения. И всё же вы явно считаете, что лишь *некоторые* части вас являются вами-настоящей, правда? Итак, какая же, по-вашему, часть имеется у вас, но отсутствует у плода, чьё развитие было прервано?

— Разум, — сказала Карен. — Если бы перед вами сидела копия нейронных связей плода, вы вряд ли наделили бы её каким-то особым статусом.

— То есть личность создаёт интеллект, так по-вашему? — спросила Лопес, приподнимая брови.

— М-м-м… да.

— И поэтому плод не является личностью?

— Да.

Вот это моя Карен: семь бед — один ответ. Я услышал, как некоторые из присутствующих в зале резко вдохнули.

— Я имею в виду, — продолжала Карен, — что он является сейчас, с точки зрения сегодняшнего закона, но…

— Но вы с этим законом не согласны, верно?

— Женщины долго и упорно сражались за право на контроль над собственным телом, мисс Лопес. Признаю, что вещи несколько изменились с тех пор, как я была молода, но…

— Нет-нет-нет, мисс Бесарян. Вы не можете обвинять сегодняшнее общество в узости мышления; мы *расширили* понятие того, что является человеком, по сравнению со временами вашей молодости. Мы раздвинули рамки так, что теперь они включают и плод.

— Да, но…

— Мы их расширили в направлении, которое вам, видимо, не по душе. Мы защищаем новорождённых младенцев — а вы бы это отменили и взамен позволили бы людям цепляться за некую разновидность псевдожизни на другом её конце, не так ли? Первые девять месяцев — это слишком много, а вот девять дополнительных десятилетий и даже столетий в синтетической форме, прилеп-

ленные с другой стороны, — это разумно. Такова ваша позиция, мисс Бесарян?

— Моя позиция, раз вы спрашиваете, состоит в том, что если закон признал за кем-то права личности, то эти права являются неотчуждаемыми.

Лопес, по-видимому, ждала именно этих слов Карен. Она практически прыгнула к своему столу и схватила планшет.

— Вещественное доказательство ответчика номер тринадцать, ваша честь, — провозгласила она, показывая его судье. Потом она перешла через «колодец» и положила планшет перед Карен. — Мисс Бесарян, будьте любезны коснуться иконки «Информация о книге» и сказать суду, какая книга в данный момент открыта?

Карен подчинилась.

— «Словарь английского языка американского наследия», девятое полное издание.

— Очень хорошо, — сказала Лопес. — Теперь, пожалуйста, закройте это примечание и прочитайте текст в окне, что находится под ним.

Карен коснулась экрана, потом сказала:

— Это определение слова «неотчуждаемый».

— Именно так. Пожалуйста, зачитайте его.

— «То, что не может быть передано другому либо другим: неотчуждаемые права».

— То, что *не может* быть передано, — повторила Лопес. — Вы согласны с этим определением?

— Уверена, что для большинства людей «неотчуждаемый» означает «то, что нельзя отнять».

— Правда? Не хотите проконсультироваться с другими словарями? Скажем, «Мерриам-Уэбстер»? «Энкарта»? Оксфордский? Все они загружены в этот планшет. Мисс Бесарян, уверяю вас — они все дают одно и то же определение: *нечто, что не может быть передано*. И вы сами только что сказали, что, по вашему мнению, права личности являются неотчуждаемыми.

Дешон развёл руками.

— Ваша честь, возражение — отношение к делу. Вы велели мне в первый день избегать мелочных семантических придирок, но…

— Простите, мистер Дрэйпер, — сказал Херрингтон. — Отклоняется. Аргумент мисс Лопес бьёт прямо в цель.

— Спасибо, ваша честь. — Лопес кивнула в сторону судьи и снова повернулась к Карен: — Ну так что же? Или мы в Стране чудес, где слово означает все, что мы хотим, чтобы оно означало?

— Не перегибайте, — предупредил Херрингтон.

— Простите, ваша честь, — ответила она. — Ну так как, мисс Бесарян? Должны права личности

допускать передачу или они, как вы сами сказали, являются неотчуждаемыми?

Карен открыла рот, но потом снова его закрыла.

— Всё в порядке, мисс Бесарян, — сказала Лопес. — Ничего страшного. Я готова оставить этот вопрос риторическим. Я уверена, что достойные мужчины и женщины нашего жюри знают, как на него ответить. — Она повернулась к судейскому столу: — Ваша честь, сторона ответчика закончила опрос свидетелей.

Глава 33

Внутри лунобуса, понятное дело, были камеры. Предполагалось, что сейчас они выключены.

Ага. Как же.

Я взял тюбик пасты для заделывания пробоин в скафандре и залепил объективы всех камер, проследив, как паста твердеет и её поверхность становится матовой и гладкой. Незалепленной я оставил лишь камеру видеофона рядом со шлюзом — и он скоро загудел, сообщая о входящем звонке. Я нажал кнопку ответа, и на экране появилось лицо Габриэля Смайта.

— Да, Гейб, — сказал я. — Вы связались с искусственным мной?

— Да, Джейк, связались. Он, конечно, в Торонто, но согласился с вами поговорить.

— Давайте его сюда.

И вот он — я — передо мной. Я видел это искусственное тело перед сканированием, но ни разу с тех пор, как его оживили. Это была слегка упрощённая версия меня, с несколько более молодым лицом, казавшимся слегка пластмассовым.

— Привет, — сказал я.

Он какое-то время не отвечал, и я уже хотел было возмутиться, но тут он сказал:

— Привет, брат.

Ну конечно. Задержка сигнала: одна секунда с третью, чтобы мои слова достигли Земли; ещё одна секунда с третью, чтобы ответ добрался до меня. И всё-таки подозрения не покидали меня.

— Откуда я знаю, что это действительно ты? — спросил я.

Один Миссисипи. Два Мисс…

— Это я, — ответил андроид.

— Нет, — ответил я. — В лучшем случае один из нас. Но я должен быть уверен.

Пауза.

— Так задай мне вопрос.

Никто другой не мог этого знать — по крайней мере, не от меня, хотя я полагаю, что *она* могла рассказать кому-нибудь. Но если учесть, что она тогда встречалась с моим лучшим другом, то я бы скорее предположил, что на губах её была печать — после означенного события, разумеется.

— Как звали девушку, которая впервые сделала нам минет?

— Кэрри, — ответил другой я. — У бассейна за школой. После вечеринки по случаю завершения той постановки «Юлия Цезаря».

Я улыбнулся.

— Хорошо. Ладно. Ещё один вопрос, чтобы не ошибиться. До того, как пройти через мнемоскан, мы решили утаить от персонала «Иммортекс» один незначительный факт. Нечто, связанное с… э-э-э… со светофорами.

— Светофорами? О — что мы дальтоники. Не различаем красный и зелёный. Или, по крайней мере, раньше не различали — я-то теперь их вижу.

— И?

— Это… м-м-м…

— Ну же, дай и мне это увидеть.

— Это… это… ну, в общем, красный — он *тёплый*, понимаешь? Особенно насыщенные оттенки, ближе к коричневому. А зелёный — я не нахожу сравнений, чтобы описать его. Он не холодный, не такой, как, к примеру, синий. Резкий, возможно. Он выглядит резким. И… я не знаю. Но он мне нравится — мой новый любимый цвет.

— Как выглядит травяной газон?

— Это… э-э-э…

Вмешался голос Смайта:

— Простите, Джейк, но нам нужно обсудить более насущные вопросы.

Я всё ещё находился под впечатлением, но

Смайт был прав. Последнее, чего бы мне хотелось, — это возникновения эмоциональной привязанности к другому мне.

— Да, хорошо. Ладно, послушай, копия меня. Ты прекрасно знаешь, почему мы согласились на это копирование. Мы думали, что биологический я скоро умрёт или превратится в растение, но теперь это не так; я проживу ещё десятки лет.

Задержка сигнала.

— Правда?

— Да. Обнаружился способ лечения моей болезни, и меня вылечили. Судьба папы мне больше не грозит.

Задержка сигнала.

— Это… великолепно! Я счастлив это слышать.

— Я и сам доволен как слон. Однако, видишь ли, мы оба знаем, что из нас двоих я — настоящий, правда?

Нескончаемая пара секунд.

— Ну нет, — сказал другой я. — Ты полностью принял условия, когда подписывал контракт. Ты понимал, что я не ты, а *я* — стану настоящим из нас двоих.

— Но ты ведь тоже наверняка смотришь новости. Ты должен знать, что в Мичигане сейчас идёт судебный процесс с участием Карен Бесарян,

где пытаются доказать, что мнемоскан — это на самом деле не личность.

Задержка сигнала.

— Нет, я этого не знал. И кроме того…

— Как ты можешь этого не знать? Мы никогда не пропускаем новости.

— …какое имеет значение, что происходит в Мич…

— Как играют «Блю Джейз» в этом сезоне?

— …игане. Важно не что говорят юристы, а о чём мы договорились.

Я подождал, пока пройдёт две с хвостиком секунды. Но андроидный я просто стоял, глядя куда-то за пределы кадра. Он, предположительно, в Торонто, так что за кадром с большой вероятностью находится доктор Эндрю Портер. Но Портер говорил, что не интересуется бейсболом.

— Я спросил, как играют «Блю Джейз», — повторил я и снова стал ждать.

— Гм-м… нормально. Только что выиграли у «Дэвил Рэйз».

— Нет, они играют ужасно. Не выиграли ни одного матча за две недели.

— Э-э-э… я последнее время не следил…

— Какой бывший президент недавно умер? — спросил я.

— Э-э-э… ты про американского президента?

— Ты не знаешь, да? Хилари Клинтон недавно умерла.

— Ах, *это*…

— Это была не Клинтон, лживый ты ублюдок. Это был Бьюкенен. — Неудивительно, что Смайт остановил его прежде, чем он начал рассказывать, как выглядит зелёный газон. Этот андроид никогда его не видел. — Господи Иисусе, — сказал я. — Ты не тот второй «я», который живёт моей жизнью. Ты… ты *запасной*.

— Я…

— Заткнись. Просто закрой рот. *Смайт!*

Кадр сменился; на экране возник Смайт.

— Я здесь, Джейк.

— Смайт, не смейте больше вот так пудрить мне мозги. *Не смейте!*

— Да. Я прошу прощения. Это было очень глупо с моей стороны.

— Это было почти *фатально* с вашей стороны. Свяжитесь с той моей копией, что живёт на Земле. Я хочу с ним встретиться, лицом к лицу. И пусть возьмёт с собой бумажный экземпляр… — чёрт, какие газеты ещё выходят на бумаге? — бумажный экземпляр «Нью-Йорк таймс» с датой их отлёта с Земли — это, по крайней мере, покажет,

что кто-то реально явился прямо оттуда. Но ему всё равно придётся доказать, что он — именно тот, кто обладает законными правами личности.

— Мы не можем этого сделать, — сказал Смайт.

Голова у меня раскалывалась. Я потёр виски.

— Не говорите мне, чего вы можете, а чего нет, — сказал я. — Ему всё равно придётся явиться сюда рано или поздно. Вы слышали, чего я хочу, и я собираюсь это получить. Пусть он придёт ко мне — привезите его на Луну.

Смайт развёл руками.

— Даже если я соглашусь попросить его об этом и он согласится приехать, то дорога до Луны займёт три дня и ещё почти день понадобится, чтобы доставить его сюда из ЛС-один.

Краем глаза я заметил, что Гадес начал подниматься с кресла. Я направил на него горный пистолет.

— Даже не думайте об этом, — сказал я. Потом повернулся к изображению Смайта. — Привезите его грузовой ракетой. Высокое ускорение в течение первого часа. Ему же не нужно жизнеобеспечение, верно? И он может выдержать кучу «же», я знаю.

— Это будет стоить…

— …неизмеримо меньше, чем взрыв лунобуса

вместе с половиной Верхнего Эдема.

— Я должен получить санкцию.

— Не делай этого! — Я обернулся; это кричал Гадес. — Гейб, ты меня слышишь? Я приказываю тебе не делать этого!

Голос Гейба звучал растерянно, но он ответил:

— Я посмотрю, что смогу сделать.

— Чёрт тебя дери, Гейб! — заорал Гадес. — Я старшее должностное лицо «Иммортекс» на Луне, и я приказываю тебе не делать этого!

— Заткнитесь, — сказал я Гадесу.

— Нет, — ответил Гейб. — Нет, всё в порядке, Джейк. Мне очень жаль, Брайан, мне правда жаль. Но сейчас я не могу выполнять ваши приказы. У нас на телефоне консультанты с Земли, как вы понимаете, и я сверяюсь с разного рода инструкциями. И все они говорят об этом одно и то же. Приказы зало… *задержанных* нельзя выполнять независимо от высоты их положения, поскольку эти приказы, очевидно, отдаются под принуждением. Вам придётся положиться на мою оценку ситуации.

— Проклятие, Смайт! — сказал Гадес. — Ты уволен.

— Когда я вытащу вас из этой неприятности, сэр, если у вас по-прежнему будет такое желание,

вы сможете это сделать. Но в данный момент вы попросту не в том положении, чтобы увольнять кого бы то ни было. Мистер Салливан, Джейк, я сделаю всё, что смогу. Но это потребует времени.

— Я никогда не был особенно терпелив, — сказал я. — Может быть, это связано с жизнью под смертным приговором и я ещё не привык к тому, что обстоятельства изменились. В любом случае ждать я не хочу. Грузовая ракета может добраться сюда за двенадцать часов; я дам вам ещё двенадцать на логистику и на то, чтобы привезти другого меня к месту старта ракеты. Но это всё. Если через двадцать четыре часа я не увижу здесь андроида, узурпировавшего мою личность, люди начнут умирать.

Смайт шумно выдохнул.

— Джейк, вы знаете, что я психолог, и я… в общем, просматривал ваше досье. *Это не вы.* Это совершенно на вас не похоже.

— Это *новый* я, — сказал я. — Разве не в этом всё дело? Появился новый Джейк Салливан.

— Джейк, я вижу запись о том, что вы недавно подвергались операции на мозге — нанохирургической, конечно, но…

— Да. И что?

— И потом у вас были проблемы с балансом

уровня нейротрансмиттеров. Вы по-прежнему принимаете тораплаксин? Потому что если нет, то…

— Именно. Чтоб я принимал таблетки, которыми вы меня пичкаете?!

— Джейк, у вас химический дисба…

Я с силой ткнул пальцем в кнопку «Выкл.».

* * *

Судья Херрингтон объявил перерыв до завтра, и мы с Карен вернулись домой. Я всё ещё пылал гневом оттого, как Лопес обошлась с Карен на месте свидетеля. То, что Карен не слишком из-за этого расстроилась, помогало, но не слишком. Хотя моя пластикожа не могла изменять цвет, я чувствовал себя багровым от злости — и чувство это никак не рассеивалось.

Обычно, когда я на что-то злился, помогала прогулка. Я уходил из дома и бродил кругами вокруг квартала. Но сейчас я мог шагать милю за милей — мера длины, которой я пользовался лишь как фигурой речи, но Карен её реально ощущала — без малейшего изменения настроения. Опять же, раньше, когда я бывал расстроен, брал огромный пакет картофельных чипсов, что-нибудь, во что их макать, и набивал себе рот. Или, если чувство-

вал, что уже не в силах этого вынести, заползал в постель и засыпал. И конечно же, ничто так не помогает расслабиться, как холодное «Салливан Селект».

Но теперь я не могу есть. Не могу пить. Не могу спать. Не осталось простых способов изменить настроение.

А настроение у меня по-прежнему менялось. Кстати, я, помнится, где-то читал, что «настроение» — это одно из определений человеческого сознания. Чувство, тон, аромат (подберите свою метафору), ассоциированный с текущим самосознанием.

Но сейчас я завёлся до чёртиков. «Завёлся до чёртиков» — так один из моих друзей любил говорить, когда злился, ему нравилось, как звучит эта фраза. И в ней действительно слышалось достаточно раздражения, чтобы отдать должное тому, что я сейчас испытывал.

Так что же мне теперь делать? Может быть, выучиться медитировать? В конце концов, должны же существовать проверенные временем способы достижения внутреннего мира без применения химических стимуляторов.

Правда, разумеется, всё, что влияет на наши чувства, по крайней мере в нашей биологической

ипостаси, это и есть химические стимуляторы: дофамин, ацетилхолин, серотонин, тестостерон. Но когда вы стали электрической машиной, а не биологической, то как сымитировать действие этих веществ? Мы были первым поколением перемещённых сознаний; наши недостатки ещё исправлять и исправлять.

На улице шёл дождь, неутихающий холодный дождь. Но на меня он не должен оказывать никакого влияния: холод я отмечал лишь как абстрактный элемент данных, а вода с меня просто скатывалась. Я вышел через парадную дверь и зашагал по дорожке, ведущей к улице.

Звук крупных капель, бьющих меня по голове, складывался в надоедливую барабанную дробь. Разумеется, никто не гулял по улице в такую погоду, хотя мимо проехали несколько машин. По тротуару ползали земляные черви. Я вспомнил из детства их характерный запах — удивительно, как мало мы гуляем под дождём, когда становимся взрослыми! Но мои новые обонятельные сенсоры не откликались на этот конкретный молекулярный раздражитель.

Я шёл дальше, пытаясь осмыслить то, что произошло, пытаясь унять свой гнев. Должен быть какой-то способ от него избавиться. Может быть,

нужно думать о чём-то хорошем? Я стал думать о старых репризах «Франтикс» [29], которые мне обычно нравились, о голых женщинах, о том идеальном звуке, который издаёт бейсбольная бита при ударе по мячу, когда удар получился именно такой, как надо…

И мой гнев утих.

Утих.

Словно я нажал выключатель. Каким-то образом я устранил дурное напряжение. *Потрясающе*. Интересно, какая мысль, какая ментальная конфигурация производит такой эффект и смогу ли я когда-нибудь воспроизвести её снова?..

Я шагал дальше, и шаги были такие же, как раньше, — чёткие и выверенные. Но мне показалось, что мой шаг стал более пружинистым в метафорическом смысле, а не благодаря встроенным в мои ноги амортизаторам.

И всё же, если существует комбинация, отключающая по желанию гнев, то нет ли другой, которая включает счастье, отключает печаль, включает восторг, отключает…

Эта мысль была словно удар кулака.

Отключает любовь.

---

[29] Notes: 29
The Frantics — канадская комик-труппа 1980-х годов.

Не то чтобы я хотел отключить свои чувства к Карен — ничего подобного! Но где-то в нейронных узорах, скопированных у прежнего меня, по-прежнему оставались чувства к Ребекке, и они по-прежнему причиняли боль из-за того, что она не ответила на них взаимностью.

Если бы только я мог отключить *эти* эмоции, чтобы положить конец той боли.

Если бы.

Дождь продолжал падать.

Глава 34

Я стоял в задней части центрального отсека лунобуса и смотрел на троих моих заложников — чёрт, как же я ненавижу это слово!

— Честное слово, — сказал я, — я не хочу никому причинять вреда.

— Но причините, если понадобится, — сказал Брайан Гадес. — Вы так сказали Смайту.

— Смайт до этого не доведёт, — сказал я. — Я знаю.

Но Гадес покачал головой; его белые волосы мерцали в свете утопленных в потолок светильников.

— Ему придётся до этого довести. В технологию переноса создания «Иммортекс» вложены сотни миллиардов — и они все базируются на предположении, что долговечная копия становится вами-настоящим. Мы не можем позволить, чтобы эта… это *самоубеждение* было успешно поколеблено ни вами здесь, ни кем-либо на Земле. На кону огромные состояния. На кону жизни — жизни мнемосканов!

Гадес поднялся со своего кресла, но, похоже,

хотел лишь размять длинные ноги. Он взглянул на Акико с Хлоей, потом снова обратился ко мне:

— Послушайте, здесь нет никаких законов — ни полиции, ни правительства. Так что вы не совершили никакого преступления. И я слышал, что сказал Смайт: есть смягчающие обстоятельства. Ваша операция…

— Держу пари, вам бы хотелось, чтобы я умер на операционном столе!

Гадес развёл руками.

— Это не ваша вина, — сказал он. — Вы за себя не отвечаете. Просто отдайте мне свой пистолет, и мы все выйдем наружу. «Иммортекс» не выдвинет никаких обвинений; никаких последствий не будет. Вы можете всё это закончить прямо сейчас.

— Я не могу этого сделать, — сказал я. — Хотел бы, но не знаю другого способа получить то, что мне нужно, — то, чего я заслуживаю.

— Господи, какой вы эгоист, — сказала Акико. — Не могу поверить, что они выбрали вас.

Я почувствовал, как мои глаза сужаются.

— Выбрали меня? Выбрали меня для чего?

Но Акико проигнорировала вопрос.

— А что будет с нами? Посмотрите, что вы делаете с нами!

— Они не доведут ситуацию до состояния, когда могут пострадать люди.

— Да что вы говорите! — воскликнула Акико. — Как долго, по-вашему, они позволят вам держать Верхний Эдем в заложниках? Сколько времени пройдёт, прежде чем остальные жильцы запаникуют? Они должны будут положить этому конец.

— Всё будет хорошо, — сказал я. — Я обещаю.

— Вы обещаете? — Это Хлоя вступила в разговор. — Чего стоит *ваше* обещание?

Я подошёл к женщинам немного ближе; мне хотелось успокоить их и приободрить.

Внезапно Гадес прыгнул. Это миф, что люди на Луне движутся замедленно: объекты *падают* медленно, но если оттолкнуться от пола изо всей силы, то полетишь, как адский нетопырь. Гадес был от меня в пяти метрах, но его прыжок с лёгкостью покрыл это расстояние, и когда он врезался в меня, я полетел назад и впечатался в заднюю стену лунобуса.

Внезапно обе женщины тоже пришли в движение. Акико вскочила со своего кресла и тоже прыгнула к нам. Хлоя схватила металлический футляр, с которым пришла, и бросилась на меня, явно собираясь размозжить мне им голову.

Я по-прежнему крепко держал пистолет в пра-

вой руке. Однако Гадес прижал её к стене, не давая мне выстрелить в него или одну из женщин.

Отчаянные времена требуют отчаянных поступков…

Я вывернул запястье так сильно, как только смог, и выстрелил. Здесь, в салоне, звук выстрела был оглушительным. Практически тут же питон ударил в цель. Я хотел лишь проделать дыру во внешнем корпусе, но не смог хорошо прицелиться. Питон попал в иллюминатор, прошил закрывающую его виниловую шторку, как папиросную бумагу, и разбил стекло за ней. Воздух со свистом начал выходить из салона, завыл сигнал тревоги. Шторка с маленькой дырочкой посередине выгнулась наружу. Судя по звуку, закалённое стекло иллюминатора за ней было выбито полностью, так что единственное, что не давало всей атмосфере с рёвом устремиться наружу, была дырочка в шторке, через которую сперва нужно было пройти.

Мы все теперь смотрели на эту шторку, смотрели, как она выгибается всё больше и больше. В любой момент поток выходящего воздуха мог сорвать её, открывая пустой овал иллюминатора; когда это произойдёт, салон потеряет весь воздух в течение нескольких секунд.

Гадес был в ярости, конский хвост его причёски трепыхался в потоке воздуха. Он продолжал прижимать меня к стене, но знал, что если ничего не сделает, то мы все умрём. С недовольным «Да чтоб тебя!» он отпустил меня и крикнул женщинам:

— Быстро! Найдите что-нибудь, чтобы прикрыть окно!

Виниловая шторка уже начинала трескаться по краям, и воздух утекал все быстрее. Хлоя на мгновение застыла, разрываясь между желанием забить меня до смерти своим металлическим чемоданчиком и спасти собственную жизнь, потом бросила чемоданчик, который лениво полетел вниз, ударился о пол, подскочил на полметра и снова упал. Сама она бросилась к ближайшему креслу и попыталась выдрать из него сиденье — но лунобусы, разумеется, никогда не летают над морем, и потому их сиденья не являются одновременно съёмными плавстредствами.

Акико тем временем кинулась к медкомплекту, висящему на стене рядом со входом в кабину пилота. Она торопливо открыла его и нашла упаковку бинтов. Без сомнения, они не были такими плотными, как хотелось бы, но она всё равно запихала немного бинта в дырку в виниловой шторке.

Однако, хотя шум выходящего воздуха малость утих, это никак не решило проблему трещин по краям. Я подумал, не загнать ли всех в пилотскую кабину: дверь туда, похоже, герметична. Собственно, Гадес уже скрылся в ней. Я испугался, что он собирается захлопнуть за собой дверь и спастись, оставив нас здесь задыхаться. Но через секунду он появился снова — с большой ламинированной картой Луны! Он кинулся к окну и, прежде чем винил окончательно лопнул, расправил карту над иллюминатором, прижав как можно сильнее к закругляющемуся корпусу. Она тут же присосалась к стене, однако прилегала неплотно — воздух продолжал потихоньку выходить.

Акико нашла в медкомпекте клейкую ленту и принялась заклеивать края карты. Я тем временем взял все тюбики ремонтной пасты для скафандров и сунул их Хлое, которая также стала выдавливать их на края карты. Гадес по-прежнему стоял расставив руки и прижимая карту к стене.

Видеофон вовсю сигналил о входящем вызове. Бог знает, как долго — пока шум утекающего воздуха не утих, мы его и услышать-то не могли. Держа пистолет нацеленным на спину Гадеса,

я придвинулся к видеофону и нажал кнопку ответа.

— Салливан.

— Мистер Салливан, господи, у вас там все целы? — Голос Смайта, британский выговор искажён паническими интонациями.

Хлоя почти закончила герметизировать края карты. Гадес опустил руки и повернулся ко мне. Его серые брови приподнялись, когда он увидел, что пистолет нацелен ему прямо в сердце.

— Да, — ответил я. — Всё в порядке… пока что. Мы… э-э-э… дали течь.

Заговорил другой, знакомый голос:

— Джейкоб, это Квентин Эшберн. Вы по-прежнему подключены к системам жизнеобеспечения Верхнего Эдема. Она не приспособлена к быстрому наполнению лунобуса атмосферой, но давление в салоне должно вернуться к норме примерно через час, если течь устранена.

Я взглянул мимо Гадеса. Хлоя закончила, и карта как будто бы держалась.

— Устранена, — сказал я и услышал, как Квентин шумно выдохнул.

— Хорошо.

— Что у вас там произошло? — снова заговорил Смайт.

— Ваш мистер Гадес напал на меня, и мне пришлось стрелять.

На пару секунд наступила тишина.

— Ох, — сказал Смайт наконец. — Он… Брайан не пострадал?

— Нет, нет, все в полном порядке. Но я надеюсь, что вы теперь понимаете, что я не шучу. Как там продвигается доставка другого меня сюда?

— Мы всё ещё его разыскиваем. Его нет в его доме в Торонто.

— У него есть мобильник, гос-с-споди ты боже мой! Его номер… — я продиктовал.

— Мы попробуем, — сказал Смайт.

— Давайте-давайте, — ответил я, потирая виски. — Часики тикают.

Глава 35

Мария Лопес встала, чтобы произнести заключительное слово ответчика от имени Тайлера Горовица. Она почтительно поклонилась судье Херрингтону, потом повернулась к шести действующим присяжным и одному запасному.

— Вопрос на этом процессе, леди и джентльмены, очень прост: в чём состоит идентичность личности? Это явно нечто большее, чем простая биометрия. Мы видели, что кто угодно может прикинуться кем угодно другим, имея доступ к соответствующим технологиям. Но в глубине наших бьющихся сердец мы понимаем, что в понятии «быть кем-то» есть нечто, невыразимое словами, нечто, ускользающее от измерения, то, что делает каждого из нас самим собой. — Она указала вытянутой рукой на Карен, одетую сегодня в серый брючный костюм: — Этот робот — этот объект! — хочет, чтобы мы поверили, что лишь потому, что некоторые его параметры идентичны параметрам покойной Карен Бесарян, он и есть мисс Бесарян. Но это не так! Посредством своих книг настоящая Карен Бесарян дала

радость сотням миллионов людей, так что мы, разумеется, не хотели бы, чтобы наша любимая рассказчица умирала. Но так случилось, что она умерла, прекратила свой земной путь. Мы будем скорбеть по ней, мы всегда будем её помнить, но мы также должны найти в себе силы, которые её сын, который любил её более других, так замечательно продемонстрировал: силы позволить ей, как могло бы быть написано на могильном камне, которого её лишили, покоиться с миром. Покойная Карен Бесарян была оригиналом — а люди всегда особенно высоко ценят оригиналы, будь то первые издания книг или картины. Фальшивые деньги, поддельные паспорта — это *не настоящие* вещи, и их не до́лжно принимать за настоящие. В вашей власти, достойные мужчины и женщины этого жюри присяжных, положить конец этой чепухе — представлению о человеческом существе как о всего лишь наборе *данных*, который легко может быть скопирован, так же как песня или фотография. Мы — нечто большее. Вы это знаете; я это знаю: давайте сделаем так, чтобы и весь мир это знал. Возможно, вы согласитесь с доктором По, философом, которого мы выслушали ранее, что существо, сидящее там, — не личность, а не более чем зомби. Или, возможно,

вы считаете, что это всё же личность. — Лопес пожала плечами. — Может быть, и так. Но даже если это так, это совершенно точно *не* Карен Бесарян: это кто-то другой, некое *новое* создание. Вы можете признать его таковым — но не дайте ему прикинуться тем, кем оно не является. Умершая и оплаканная Карен Бесарян такого не заслуживает. Декларация независимости содержит одни из величайших когда-либо написанных слов. — Лопес на мгновение закрыла глаза, и когда она их открыла, её голос был полон благоговения и изумления: — «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Создателем определёнными неотчужимыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью».

Она сделала паузу, давая словам подействовать, затем воскликнула:

— Наделены их Создателем! И слово «Создатель», дорогие присяжные, написано с большой буквы «С» — явно имея в виду Бога, а не некую фабрику в Торонто! «*Неотчужимые*» права — или *неотчуждаемые*, как мы сейчас говорим, что означает в точности то же самое: права, которые нельзя никому передать. Таково было намерение подлинно великих людей, написавших и под-

писавших Декларацию — таких светочей, как Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон. И я прошу вас сейчас почтить этих великих людей, последовав их мудрости. Иная физическая сущность — иная *инстанциация* на их жаргоне — никак не может быть той же самой личностью. Мистер Дрэйпер превратил христианскую традицию в фарс своими дешёвыми уловками, однако когда Иисус Христос восстал из мёртвых, то, по словам Библии, сделал это телесно, в той же самой физической форме, вернувшейся к жизни, а не в какой-то новой, отдельной сущности. И правда, мы считаем душевнобольными тех, кто думает, что он Иисус либо иной умерший человек, потому что одно лишь подражание поведению другого человека не делает вас им. Без того же тела *не может быть* той же личности. Мы сейчас не говорим о том, должен ли быть наделён правами личности искусственный интеллект, созданный с нуля: это битва грядущих эпох, если когда-нибудь удастся такое сотворить. Нет, перед нами вопрос, должны ли научные фокусы — высокотехнологический дым и зеркала — позволять кому-либо играть в игры с жизнью и смертью. И я громко заявляю: нет, не должны!

В нашем прекрасном штате Мичиган мы от-

вергли порочные претензии Джека Кеворкяна [30] на то, что ему должно быть позволено передвигать границу между жизнью и смертью по своему усмотрению; вы возвысили голос против этой чепухи пятьдесят лет назад, и сегодня добрым гражданам Мичигана снова выпал жребий стать голосом разума, совестью нации.

В нашей стране мы провели чёткую границу: жизнь начинается тогда, когда теряет возможность стать несколькими индивидами, и кончается с прекращением биологической активности мозга. Никому не должно быть позволено обходить эти правила из соображений… — она посмотрела прямо на Карен, — личного удобства или личной выгоды. Остановите это безумие сейчас, дамы и господа присяжные. Вынесите решение в пользу Тайлера. Это будет верное решение. Потому что, в конце концов, если вы не признаете Карен Бесарян мёртвой, то не превратите ли вы её жизнь в насмешку? Эта женщина боролась, любила, рожала, сражалась с раком,

---

[30] Notes: 30

Джек Кеворкян (1928–2011) — врач-патолог и сторонник эвтаназии из города Понтиак в Мичигане, помогавший уйти из жизни неизлечимо больным пациентам, за что в 1999 году был осуждён и приговорён лишению свободы на срок от 10 до 25 лет. В 2007 году был освобождён условно-досрочно. Книга, которую вы читаете, вышла в 2005 году; на момент её написания Джек Кеворкян ещё сидел в тюрьме.

создавала произведения искусства, смеялась, плакала, радовалась и скорбела. Если мы откажемся признать, что она умерла, не откажемся ли мы тем самым признать, что она жила?

Не отрицайте её существование. Не отказывайте Карен Бесарян в жизни и смерти. И, самое главное, не отказывайте её безутешному сыну в возможности упокоить её с миром. Спасибо.

Присяжных слова Лопес явно впечатлили. Я видел, как две женщины и один мужчина несколько раз кивали по ходу её речи, и, хотя Херрингтон тут же прекратил это ударом своего молотка, двое мужчин обменялись между собой короткими репликами по окончании речи Лопес.

У Дешона Дрэйпера сегодня была белая роза в петлице — по-видимому, его личная традиция для представления заключительного слова.

— Адвокат ответчика, — сказал он, кивая в сторону Марии Лопес, — обратилась к Декларации независимости. Не к Конституции США или Биллю о правах, документах, которые лежат в основе законодательства нашей страны, как вы могли заметить. Мисс Лопес не могла взывать к душам «отцов-основателей» или «составителей Конституции», поскольку эти понятия не применяются к авторам Декларации независимости, написан-

ной более чем за десятилетие до Конституции. Действительно, прошло почти три сотни лет со времён подписания Декларации, и, в отличие от Конституции, каждое слово и каждый нюанс которой пристально исследуется юристами, Декларация независимости, по нашему общему мнению, является продуктом своей эпохи — перечнем давних обид на Георга III, тогдашнего короля Великобритании. Нет, Декларацию мы должны припускать сквозь фильтр современных представлений. К примеру, когда мы слышим слова «все люди созданы равными», то сегодня мы верим — в отличие от самих авторов Декларации тогда, в восемнадцатом веке, — что все *люди* [31], а не только мужчины созданы равными. Женщины имеют точно такое же право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Более того: когда Джефферсон подписывал этот документ, то под «людьми» он понимал лишь *белых* людей. Чёрные, такие как я, не были в его глазах людьми; в конце концов, он сам владел рабами и таким образом нёс личную ответственность за лишение их свободы. Нет, не к Декларации независимости должны мы

[31] Notes: 31

Трудноперводимая тонкость: в английском языке слово men часто употребляется для обозначения людей вообще, хотя в буквальном смысле означает только мужчин.

обращаться за ответами. Кроме того, я уверен, что судья впоследствии проинструктирует вас насчёт того, что Декларация независимости не имеет никакой юридической силы.

Однако я всё же верю, что история может многому нас научить. Так что позвольте мне процитировать другие великие слова нашего прошлого, посвящённые вопросу личной идентичности. — Голос Дешона усилился и зазвенел в правдоподобной имитации оригинала: — «У меня есть мечта, что однажды наша страна выправится и заживёт в соответствии с истинным смыслом слов, лежащих в её основе: *“Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди созданы равными”*. У меня есть мечта, что четверо моих детей однажды станут жить в стране, где их будут судить не по цвету их кожи, а по содержанию их характера».

Дешон улыбнулся каждому из присяжных по очереди.

– *Вот* что должно учитываться! Содержание характера! А как мы показали ранее, содержание характера истца идентично его биологическому оригиналу. И всё же было бы ошибкой жить одним только прошлым — ибо вопрос, поставленный перед нами, касается нашего будущего.

Процесс мнемосканирования, через который прошла Карен Бесарян, обошёлся ей в гигантскую сумму, но все новые технологии заоблачно дороги. Никому из вас, дамы и господа присяжные, ещё не исполнилось шестидесяти, а некоторые из вас значительно моложе. К тому времени, когда вы встанете перед тяжёлым выбором, перед которым не так давно встала Карен Бесарян, перенос сознания подешевеет — это будет вариант, доступный и *вам*. Не закрывайте эту дверь. Ваша жизнь может продолжиться так же, как жизнь Карен Бесарян.

Женщина, сидящая здесь — а она женщина во всех смыслах этого слова, — это Карен Бесарян, с точностью до мельчайших подробностей её жизни. Она помнит, как в 1960-х была маленькой девочкой в Джорджии. Она помнит свой первый поцелуй в 1970-х. Она помнит, как рожала Тайлера и кормила его грудью. Она помнит свой восторг при виде своей первой изданной книги. В юриспруденции существует концепция, обозначаемая словом «заведомо», имеющая отношение к знанию, которым обладает человек, к его осведомлённости. Эта Карен Бесарян обладает всеми знаниями оригинала; она — *та же самая* личность.

Более того, она обладает теми же самыми чувствами, надеждами, чаяниями, той же самой творческой силой и теми же самыми желаниями, что и всегда. А вы обязаны принять во внимание её желания — ибо она хотела именно этого. Биологическая Карен Бесарян хотела, чтобы её продолжение могло стать настоящей ею, могло контролировать её состояние, жить в её доме, наслаждаться её жизнью, продолжать рассказывать истории о персонажах, любимых во всём мире. Этого хотела Карен Бесарян — это её решение, которое не наносит вреда никому, кроме жадных наследников. И кто мы такие, чтобы ему препятствовать?

Когда вы удалитесь для принятия решения, в ваших руках будет не только судьба Карен Бесарян, но также и всех таких же, как она, включая, — он внезапно указал на меня, — вот этого человека, друга Карен Бесарян. — Он немного сдвинул руку. — И вот этого человека, моего отца — искусственного человека, в котором я каждой частичкой своего существа признаю своего отца!

Что станет с этими живыми, любящими людьми, если вы вынесете решение в пользу ответчика? Если вы посчитаете, что эта женщина не Карен Бесарян, то она лишится *всего*. У неё

не будет ни денег, ни репутации, ни личности, ни прав. Разве мы хотим вернуться во времена, когда среди нас жили люди, лишённые прав? Разве мы хотим былых эпох, когда определение полноправного человека было очень узким: только мужчины, но не женщины, и при этом лишь белые мужчины? Нет, конечно же нет. Мы живём в просвещённом настоящем и хотим ещё лучшего будущего.

Он подошёл к столу истца и положил руку на плечо Карен; Карен накрыла его руку ладонью и переплела с ней пальцы.

— Примите дальновидное решение, — продолжал Дешон. — Примите моральное решение. Примите верное решение. Признайте, что эта женщина — Карен Бесарян. Потому что, дамы и господа, как вы могли убедиться в ходе этого процесса, так оно и есть.

Глава 36

Дешон считал, что жюри будет совещаться в течение четырёх дней. Консультант по подбору присяжных, которого он нанял, оценивал это время в неделю, тогда как комментатор «Суд-ТВ» предполагал, что не меньше восьми дней. Мы с Карен вернулись в её дом и пытались занять себя чем-нибудь, кроме беспокойства за исход процесса. Мы сидели вдвоём в её гостиной, решив, что нам больше нравится сидеть; пусть даже с точки зрения усталости в этом и не было нужды, так казалось более естественным. Я сидел в раскладном кожаном кресле, она — неподалёку в другом кресле, читая бумажную книгу. Полностью откинувшись на спинку, я ясно видел, на какой она странице, и поэтому заметил, что она всё время перечитывает одну и ту же главу. Похоже, лишь её внутренний *зомби* мог заниматься чтением, пока мы были погружены в ожидание.

Я просматривал новости о бейсбольных матчах, которые пропустил, на планшете с выключенным звуком — я мог комментировать бейсбол по крайней мере не хуже платного комментатора.

Внезапно — хотя разве бывает по-другому? — зазвонил мой сотовый телефон; рингтоном у меня была установлена тема из передачи «Хоккейный вечер в Канаде». Телефон лежал на кофейном столике. Я привёл спинку кресла в вертикальное положение, сгрёб телефон со столика, поднёс к глазам и посмотрел на его маленький экран, на котором было написано «Видео недоступно» и «Дальняя связь». Мне никогда не удавалось сопротивляться телефону, а Карен говорила, что может запросто его игнорировать. Наверное, это умение приходит, когда становишься знаменитостью. Я нажал кнопку ответа и поднёс телефон к уху.

— Алло? — Тишина; мне показалось, что там вообще никого нет. — Алло? — снова сказал я. — Алл…

— Здравствуйте, — сказал мужской голос с британским акцентом. — Могу ли я поговорить с Джейкобом Джоном Салливаном?

— Я слушаю… Алло? Алло? Вы меня…

— Очень хорошо, превосходно. Мистер Салливан, меня зовут Габриэль Смайт. Я работаю в компании «Иммортекс».

— Чем могу помочь, мистер Смайт?… Мистер Смайт?… Алло? Алло?

— Я прошу прощения за задержки, мистер Сал-

ливан. Видите ли, я звоню с Луны…

— С Луны! — Я увидел, как встрепенулась Карен. — Это насчёт…

— …конкретно из кратера Хевисайда на обратной стороне… да, да, это насчёт вашего оригинала. Как я сказал…

— Что с ним?

— …я нахожусь в Хевисайде, в месте под названием… пожалуйста, мистер Салливан, с таким задержками очень трудно разговаривать. Возможно, будет лучше, если мы будем говорить «приём» в конце реплики. Приём.

О, как я об этом мечтал!

— Согласен. Приём.

Тишина; затем:

— Вот, так лучше. Как я сказал, я нахожусь в Хевисайде, в месте, которое в наших брошюрах называется Верхний Эдем. Мистер Салливан, дело касается проживающего здесь вашего оригинала. Он…

— Он умер? — Я не ожидал, что меня поставят об этом в известность. Карен сочувственно положила руку мне на плечо. — Я… э-э-э… не хотел бы…

— …взял в заложники трёх человек и… что? Нет, нет, он не умер. Пожалуйста, дождитесь, пока я не скажу «приём». Он взял в заложники

трёх человек…

— В заложники! Это невозможно. Вы уверены…

— …забаррикадировался внутри лунобуса вместе с ними и… Пожалуйста, мистер Салливан, мы договорились, что вы дождётесь, пока я не скажу «приём». Я ещё…

— Простите.

— …не закончил. Ваш оригинал требует встречи с вами. Вот теперь — приём.

Карен придвинулась ко мне так близко, что могла слышать обе стороны диалога. Её зелёные глаза округлились.

— Мистер Салли…

— Да, я здесь. Простите.

— …ван. Вы ещё там? Приём.

— Да, да. Я здесь. Но послушайте: это какое-то безумие! Я знаю… я знаю *себя*. Я никогда и ни при каких обстоятельствах не сделал бы ничего вроде захвата заложников. — Тишина; потом я вспомнил: — Приём.

Мы с Карен обменялись обеспокоенными взглядами, пока текли секунды.

— Да, мы понимаем. Но… возможно, вы уже знаете? Был найден способ лечения вашей… *его* болезни. Приём.

— Правда? Вау! Нет, я ничего такого не слышал. Это… это великолепно. Хм-м… приём.

Тишина, затем:

— Мы, разумеется, организовали операцию. Однако операция имела побочные эффекты. Доктор, который его лечил, предположил, что разладились его нейротрансмиттеры, причём серьёзно. От этого у него развилась паранойя и склонность к насилию. Приём.

— Вы можете это поправить?

Снова тишина, пока радиоволны преодолевали пропасть между мирами, потом, хотя я опять забыл должным образом закончить реплику, голос с британским акцентом заговорил снова:

— Разумеется — если мы сможем заставить его лечиться, с ним всё будет в порядке. Но сейчас, как я сказал, он держит в заложниках трёх человек в лунобусе. И он требует вернуть ему права на его личность. Конечно, мы…

— *Вернуть что?*

— …объяснили ему, почему это невозможно. Не существует юридической процедуры для… *репатриация*, полагаю, будет правильным термином… для репатриации личности. Так или иначе, нам нужна ваша помощь, мистер Салливан. Нам нужно, чтобы вы приехали сюда, в Хевисайд, и

поговорили с ним. Приём.

— Приехать на Луну? Я даже в Европе никогда не был, а вы хотите, чтобы я отправился на Луну? Э-э-э… приём.

Сводящая с ума задержка; затем:

— Да. Прямо сейчас. Вы единственный, с кем он будет говорить. На кону больше, чем три жизни; если он взорвёт топливный бак лунобуса, он убьёт практически всех, кто сейчас находится в Верхнем Эдеме. Приём.

— Ну так соедините нас по телефону. Зачем мне самому лететь на Луну? Приём.

В этот раз тишина длилась дольше, чем можно бы было объяснить скоростью света.

— Гм-м… мы… ранее мы попробовали его обмануть, надеясь на быстрое разрешение кризиса. Наш план не сработал. Он не поверит, что разговаривает с реальным вами, пока не увидит вас лицом к лицу и не поговорит непосредственно. Приём.

— Господи. Я… я понятия не имею, как организовать такое путешествие. Приём.

— Мы обо всём позаботимся. Вы ведь сейчас в Торонто? Мы можем прислать…

— Нет, нет. Я в Детройте, не в Торонто.

— …за вами машину… О. Детройт. Ладно, боль-

шой разницы нет. Мы пришлём за вами машину через час. Она отвезёт вас в аэропорт, откуда вы вылетите в Орландо, а в Орландо вас уже будет ждать самолёт, который доставит вас в Космический центр имени Кеннеди. Мы погрузим вас в грузовую ракету — к счастью, следующий пуск по плану должен состояться через шесть часов. Ракета должна была доставить в Верхний Эдем медикаменты. Ничего необычного: мы держим здесь много сложных лекарств с ограниченным сроком хранения, от которых зависит жизнь наших клиентов и которые производятся только на Земле. Однако в ракете оставалось много свободного места; его планировалось заполнить деликатесными продуктами, но мы можем их выгрузить, чтобы освободить место для вас. Приём.

— Э-э-э… мне нужно это обдумать. Давайте я вам перезвоню. Приём.

Пауза, затем:

— Позвонить на Луну непросто. Пожалуйста…

— Тогда вы перезвоните мне через тридцать минут. Мне нужно подумать. Конец связи.

* * *

Мне пришлось позволить своим… *гостям* на борту лунобуса воспользоваться туалетом. Пер-

вые два раза я боялся, что они могут что-нибудь устроить, но, похоже, там не было ничего такого, чем они бы могли воспользоваться. Зеркало над раковиной, к примеру, было из полированной стали, а не стеклянное. Тем не менее я потребовал, чтобы они оставляли дверь в туалет открытой.

Однако вскоре в туалет понадобится мне. Я вряд ли смог бы там развернуться, кроме того, я никогда не мог делать это на людях. Наверное, надо заставить их снова усесться по своим местам и отлить в какую-нибудь ёмкость… если бы она у меня была. Конечно, ситуация станет ещё хуже, когда мне приспичит по-большому, поскольку такая поза очень уязвима. Если бы только я…

Видеофон пискнул. Я подошёл, чтобы ответить.

— Мы установили контакт с другим вами, — сказал Смайт, появившись на экране. — Он в Детройте.

— В Детройте? — переспросил я. У меня в руке был горный пистолет, которым я водил между Хлоей, Акико и Гадесом… впрочем, Акико сейчас дремала, так что особой угрозы не представляла.

— Какого чёрта он делает в Детройте? — спросил я, и меня тут же осенило. Процесс — его, должно быть, заинтересовал процесс. — Хотя

неважно, — сказал я прежде, чем Смайт успел ответить. — Что он сказал?

— Он сказал перезвонить ему через тридцать минут.

— Чёрт возьми, Смайт, если вы опять юлите…

— Нет-нет. Скоро всё выяснится. Поэтому прошу: ради бога, не делайте ничего непоправимого!

* * *

Мы с Карен смотрели друг на друга. Она всё ещё держала свою книжку на весу; это не стоило никаких усилий, и пока Карен не прикажет руке опуститься, она так и останется поднятой.

Я же так и сидел в своём кресле, но с поднятой спинкой: механизмы внутри его и механизмы внутри меня приведены в состояние готовности.

— Тебе нужно ехать, — сказала Карен. — Тебе нужно полететь на Луну.

— Я им не нужен. Им нужен профессионал. Переговорщик или…

— Или кто? Снайпер? Потому что его они и пошлют — не того, кто сумеет его отговорить, а того, кто сумеет его подстрелить.

Чёрт. Я всегда хотел того, что было у всех остальных: нормальной жизни, просто обычной

нормальной жизни.

— Ладно, — сказал я. — Я поеду.

— И я поеду с тобой, — сказала Карен.

— Куда? — не понял я. — Во Флориду?

Карен покачала головой.

— На Луну.

— Я… э-э-э… не уверен, что они станут за это платить.

— Я сама могу за себя заплатить.

Я на секунду растерялся — но она была права: она и правда могла. Даже если её бакновский счёт никогда не разморозят, аванса от «Сент-Мартинс» будет более чем достаточно.

— Ты уверена, что хочешь ехать?

— Абсолютно. Одному Богу известно, как долго присяжные будут совещаться, и в любом случае вердикт могут зачитать и без меня. На Луне я услышу его на полторы секунды позже; это я как-нибудь переживу.

Карен поднялась, повернулась и посмотрела на меня. Она протянула мне руки, я взялся за них, и она без видимых усилий подняла меня на ноги. Положив руки мне на плечи, она продолжила:

— И, если честно, я слишком рискую, оставаясь здесь. Я люблю… люблю разговаривать с тобой, Джейк. Мне нравится, как ты играешь с идеями.

Но ты слишком легко встаёшь на чужую точку зрения. Я не хочу, чтобы тебя уговорили выключиться. Перенос был юридически обязывающим актом: *ты* — Джейкоб Салливан. Я не хочу, чтобы те, на Луне, запудрили тебе мозги. Людям из «Иммортекс» нужно лишь вернуть заложников. Твой оригинал, в его текущем состоянии здоровья, по-видимому, беспокоится только о себе. Там нужен кто-то, кто позаботится о *тебе*.

Я привлёк её к себе, обнял, чувствуя мягкую оболочку и твёрдость под ней.

— Спасибо.

— Сколько осталось до тех пор, как они перезвонят?

— Я сказал тридцать минут, но сомневаюсь, что у них хватит терпения, и…

Словно услышав, телефон зазвонил. Я взглянул на дисплей, на котором снова было написано «Дальняя связь». Ещё какая дальняя.

— Алло? — сказал я, тронув кнопку громкой связи.

Две секунды цифровой тишины, потом:

— Мистер Салливан, спасибо, что ответили. Простите, что звоню раньше времени, но нам правда…

— Нет-нет, всё в порядке. Я приеду.

— …очень нужен ваш ответ. Ситуация здесь принимает… О, вы приедете? Великолепно! Великолепно! Я очень рад. Мы…

— Только одно условие. Карен Бесарян едет со мной. Приём.

Тишина, затем:

— Вы имеете в виду её мнемосканированную версию? Зачем? Она… м-м-м…

— Мы знаем, что её оригинал умер. Но она мой друг, и я хочу, чтобы она была со мной. Приём.

— Мистер Салливан, я не уполномочен…

— Я за себя заплачу, — сказала Карен.

— …включать в соглашение кого-то ещё. Это будет очень… что? Ну, если вы возместите расходы — я так понимаю, это говорит мисс Бесарян? Но должен вас предупредить, мэм, мы планируем воспользоваться экспресс-ракетой; дополнительные пятьдесят килограмм обойдутся в… Анна? Секундочку, пожалуйста… примерно в шесть миллионов долларов. Приём.

Я улыбнулся Карен:

— Женщина за шесть миллионов долларов.

— Не проблема, — сказала она.

— Ну… тогда всё в порядке, — ответил Смайт. — Всё в порядке. Но помните: вы полетите срочной грузовой ракетой — это самый быстрый способ

добраться до Луны. Они беспилотные и не приспособлены для пассажиров. Это будет не слишком комфортабельное путешествие. Приём.

— Что такое комфорт, в конце концов? — сказала Карен. — Нам не нужны мягкие кресла. Мы *знаем*, какая снаружи температура, но безразличны к ней. Сколько времени займёт перелёт?

— Нужно сказать «приём», — подсказал я.

— Э-э-э… приём, — добавила Карен.

Задержка сигнала, затем:

— Двенадцать часов.

Карен фыркнула — я и не знал, что она и сейчас умеет так делать.

— В самолётах я проводила и больше.

— Тогда договорились, — сказал я. — Мы летим. Вы сказали, что пришлёте за нами машину?

— Да, пришлём. Каков ваш текущий адрес?

Карен сообщила.

— Отлично, — ответил Смайт. — Мы всё устроим. Вы уже на пути к Луне.

Я на пути к Луне…

Я покачал головой.

На пути к чёртовой Луне.

Глава 37

Видеофон лунобуса снова пискнул.

— Всё в порядке, — сказал Габриэль Смайт, как только я принял звонок. — Всё в порядке. Он уже летит. Джейкоб Салливан уже летит сюда.

— Грузовой ракетой? — спросил я.

— Да. Сейчас он на пути к Флориде.

— Когда он будет здесь?

— Через четырнадцать часов.

— Ну, значит, нам особенно нечего делать, пока он сюда не доберётся, верно? — сказал я.

— Вы видите, что мы идём вам навстречу, — сказал Смайт. — Мы делаем всё, что в наших силах, чтобы вам помочь. Но четырнадцать часов — это долгий срок. Вам нужно поспать.

— Я так не думаю. Я вполне способен не поспать одну ночь. И у меня есть таблетки. Спросите доктора Ын. Я сказал ей, что страдаю от постоянной сонливости, и она дала мне какой-то стимулятор.

— И всё же, — сказал Смайт, — через четырнадцать часов всё станет только сложнее. А контролировать троих слишком хлопотно. Вы не

думаете, что одного можно бы было отпустить? Скажем, в качестве жеста доброй воли?

Я подумал об этом. Строго говоря, мне, вероятно, вообще не нужны заложники: в конце концов, я мог уничтожить весь Верхний Эдем, просто взорвав лунобус. И Смайт был прав: трое — это и правда слишком много, чтобы эффективно контролировать. Но мне не хотелось менять никакие параметры.

— Не думаю, — ответил я.

— Ну же, Джейк! Ведь вам же будет проще следить за двумя людьми вместо трёх. Или за одним…

— Не испытывайте судьбу, Гейб, — сказал я.

— Ладно, ладно. Но одного-то заложника вы можете отпустить?

Чёрт, три — это действительно многовато. Плюс, совсем скоро мне их придётся кормить.

— Вы, вероятно, хотите вернуть Брайана Гадеса, — сказал я. — Его я не отдам.

— Мы примем любого, кого вы решите отпустить, Джейк. Выбор за вами.

Я осмотрел свою команду. Гадес сидел с решительным выражением на круглом лице. Хлоя Хансен выглядела смертельно напуганной; мне даже захотелось как-то её успокоить. Я отключил

телефон.

— А вы? — спросил я Акико Утияму. — Вы хотите уйти?

— Хочешь, чтобы я умоляла? — спросила она. — А вот хрен тебе.

Я опешил.

— Я… я стараюсь хорошо с вами обращаться.

— Да ты на нас срать хотел, сучий ты сын. Не говоря уж про всех наших близких!

— Я собирался вас отпустить.

– *Собирался*. Великодушный тиран.

— Нет, то есть, если вы…

— Так отпусти меня. Или не отпускай. Но не жди, что я скажу тебе за это долбаное *спасибо*.

— Ладно, — сказал я. — Можете идти. Активируйте шлюз.

Акико секунду смотрела на меня — выражение её лица не изменилось.

— Но когда вернётесь домой, — добавил я, — вымойте рот с мылом.

Она поднялась с кресла, в котором сидела, и пошла к шлюзу. Я дождался, пока она закончит шлюзование, потом вернулся к видеофону.

— Смайт, — сказал я.

Пауза.

— Смайта сейчас нет, — ответил голос женщи-

ны-диспетчера.

— И где же он?

— В туалете.

Везучий чёрт. Интересно, это правда или они опять пытаются меня надуть?..

— Ладно, скажите ему, что я только что послал ему подарочек.

* * *

Грузовой отсек ракеты имел форму цилиндра высотой метра три и диаметром примерно метр. По сравнению с ним третий класс казался роскошным.

— Как… э-э-э… вы хотели бы расположиться? — спросил Хесус Мартинес, мускулистый лысый мужчина, следящий за погрузкой.

Я посмотрел на Карен. Она вскинула брови, оставляя это на моё усмотрение.

— Лицом к лицу, — сказал я. — Окон нет, так что смотреть будет особо не на что.

— Света тоже не будет, — сказал Хесус, — когда задраят люки.

— А вы не можете дать с собой нам этих светящихся штук? — спросил я. — Люцифериновых, или как их?..

— Думаю, можно, — ответил Хесус. — Но каж-

дый грамм стоит денег.

— Запишите на мой счёт, — сказала Карен.

— Как скажете, миссис Бесарян. — Хесус кивнул и велел стоящему рядом с ним человеку принести световых палочек, потом, снова повернувшись к нам, сказал: — Вы ведь понимаете, что нам придётся пристегнуть вас на первый час, когда ракета будет разгоняться с постоянным ускорением. Но потом вы сможете отстегнуться, если пожелаете. Как видите, мы уже выстлали внутреннюю поверхность грузового отсека смягчающим материалом. Ваши тела прочны, но старт будет тяжёлым.

— Это нормально, — сказал я.

— Хорошо, — ответил Хесус. — Сейчас время Т минус шестьдесят минут. Давайте устраиваться.

Я вошёл в вертикальный цилиндр грузового отсека и прислонился к закругляющейся стене напротив входа. Потом я развёл в стороны руки, приглашая Карен к себе в объятия. Она тоже вощла в отсек и обхватила меня. Почему бы нам так и не лететь, обнявшись? Конечности у нас не затекают.

Хесус и двое его помощников немного подвигали нас и пристегнули.

— Такие, как вы, искусственные тела — это, воз-

можно, будущее пилотируемой космонавтики, — сказал Хесус, не прерывая работы. — Никакого жизнеобеспечения, и о длительных перегрузках беспокоиться не нужно.

Тот, кого Хесус отправлял за световыми палочками, вернулся.

— Они светят по четыре часа каждая, — сказал он, переламывая одну и встряхивая; она залила помещение светом… зелёным, полагаю, то был оттенок зелёного цвета. — У вашего брата нормальное ночное зрение?

— Более чем нормальное, — ответил я.

— Тогда вам будет достаточно одной зараз, но на всякий случай вот ещё.

Он засунул их в сетчатый карман, закреплённый на стене грузового отсека, где Карен легко могла их достать.

— Да, и ещё одно… — сказал Хесус. Он протянул мне нечто такое, чего я не видел уже очень-очень давно.

— Газета? — спросил я.

— Сегодняшняя «Нью-Йорк таймс», — ответил он. — Ну, по крайней мере, первая страница. Они печатают тысячу экземпляров ежедневно на бумаге — для Библиотеки Конгресса и нескольких чудаков, готовых платить по тысяче баксов за

печатный экземпляр.

— Ага, — сказал я, — слышал о таком. Но зачем это мне?

— Таковы были инструкции от парней на Луне. Это поможет вам доказать, что вы прилетели с Земли; никаким иным способом, кроме как грузовой ракетой, газета не могла добраться до Луны за двенадцать часов.

— О, — сказал я.

Хесус запихнул газету в другой сетчатый карман.

— Всё готово? — спросил он. Я кивнул.

— Да, — отозвалась Карен.

Он улыбнулся.

— Мой вам совет: не говорите о религии, политике или сексе. Ни к чему затевать спор в ситуации, когда вам друг от друга никуда не деться.

С этими словами он захлопнул изогнутую дверь грузового отсека, и мы остались одни.

— Ты в порядке? — спросил я Карен. Мои искусственные глаза адаптировались к полутьме быстрее биологических; опять же, наверное, благодаря различиям между электроникой и химическими реакциями.

— Мне хорошо, — ответила она, и это прозвуча-

ло вполне искренне.

— Кстати, ты раньше летала в космос?

— Нет, хотя всегда хотела. Но к тому времени, когда начал развиваться космический туризм, мне уже было под шестьдесят и доктор меня отговорил. — Пауза. — Как хорошо больше не беспокоиться об этом.

— Двенадцать часов, — сказал я. — Это может показаться вечностью, если нельзя заснуть. А мы ведь даже не можем эмоционально расслабиться. В смысле, что там на Луне вообще происходит?

— Они вылечили другого тебя. Если бы у тебя этой болезни не было, значит…

Я чуть-чуть качнул головой:

— Это врождённый дефект. Можно называть вещи своими именами.

— Ну, если бы у тебя его не было, ты бы не пошёл на мнемосканирование в таком возрасте.

— Я… прости, Карен, я не критикую твой выбор, но, в общем, если бы у меня не было этого врождённого дефекта, я не уверен, что вообще стал бы этим заниматься. Я никогда не стремился обмануть смерть. Я лишь не хотел, чтобы меня обманули, лишив нормальной жизни.

— Когда я была в твоём возрасте, вообще не задумывалась о том, чтобы жить вечно, — сказала

Карен. А потом её тело немного сдвинулось, словно чуть-чуть сжавшись. — Прости, я не должна была так говорить, да? Не хочу, чтобы ты комплексовал из-за нашей разницы в возрасте. Но это правда. Когда впереди ещё десятки лет жизни, они кажутся такими долгими… Всё относительно. Ты читал Рэя Бредбери?

— Кого?

— Вздох. — Она снова произнесла слово, а не изобразила звук. — В подростковом возрасте это был один из моих любимых писателей. Один его рассказ начинается, когда он — или его персонаж, уж мне-то как писателю не стоило бы смешивать автора и его героя — вспоминает свои школьные годы. Он говорит: «Представьте себе лето, которое никогда не кончится». Школьные летние каникулы! Всего два коротких месяца, но когда ты молод, они кажутся бесконечными. Однако когда тебе восемьдесят и доктор говорит, что тебе осталось всего несколько лет, то годы, даже десятилетия уже не кажутся достаточно долгими, чтобы переделать всё, что тебе хочется.

— Ну, я… ох ты ж!..

Двигатели взревели. Нас с Карен крепко потянуло вниз, к полу грузового отсека. Рёв ракеты был слишком силён, чтобы можно было разго-

варивать, так что мы просто слушали. У наших искусственных ушей были встроенные предохранители; шум не мог нам навредить.

Тем не менее он был невероятно громким, и трясло корабль немилосердно. Через некоторое время раздался громкий лязг: как я предположил, отсоединились фермы, не дававшие ракете начать полёт вверх. Мы с Карен поднимались на орбиту быстрее, чем кто-либо из людей до нас.

Я крепко сжимал её, и она так же крепко сжимала меня. Становилось понятно, какие части моей анатомии были лишены сенсоров. Казалось, я должен был ощутить, как стучат зубы, но этого не было. И спина наверняка должна болеть от сжатия нейлоновых колец, которыми переложены мои титановые рёбра, однако ощущений, с этим связанных, также не возникло.

Однако от громоподобного рёва было никуда не спрятаться, и я чувствовал огромный вес, навалившийся на меня сверху. Становилось жарко, но не слишком: грузовой отсек был хорошо изолирован. И всё вокруг было облито зеленоватым светом палочки.

Рёв не утихал целый час; огромное количество топлива было сожжено, чтобы вывести нас на быструю орбиту к Луне. Однако в конце концов

двигатели замолчали, и я впервые осознал смысл выражения «оглушительная тишина». Контраст был абсолютным — между самым громким звуком, который могли воспринять мои уши, и полным его отсутствием.

Я видел лицо Карен в нескольких сантиметрах от моего. Оно было в фокусе — искусственная оптика более гибкая, чем натуральная. Она кивнула, словно чтобы показать мне, что с ней всё хорошо, и мы оба наслаждались тишиной ещё какое-то время.

Но было и большее удовольствие, чем избавление от шума.

Возможно, будь я по-прежнему биологическим, я бы заметил это сразу: еда попыталась бы вернуться из желудка в пищевод или забеспокоилось бы внутреннее ухо. Могу себе представить, почему биологических людей в такой ситуации может начать тошнить. Но для меня это было просто прекращением ощущения, что меня что-то тянет вниз. У нас было не так много свободного места — но астронавтам «Аполло», я уверен, тоже казалось поначалу, что у них нет места, пока не исчезла сила тяжести. Я расстегнул пряжки привязных ремней, оттолкнулся от пола и медленно пролетел метр, отделявший меня от потолка.

Карен радостно засмеялась, двигаясь без усилий в крошечном пространстве.

— Как здорово!

— Божественно! — согласился я, сумев выставить руку, чтобы избежать удара головой о выстланный мягким потолок — хотя, сообразил я, термины «пол» и «потолок» сейчас потеряли всякое значение.

Карен удалось развернуться: её синтетическое тело было короче моего, и, в конце концов, она когда-то была балериной — знала, как выполнять сложные движения. Что касается меня, я сумел изогнуться дугой вдоль цилиндрической стенки, расположившись перпедикулярно своему предстартовому положению.

Это возбуждало. Я вспомнил слова Хесуса на стартовой площадке о том, как идеально подходят люди с искусственными телами для исследований космоса. Возможно, он прав и…

Тут я почувствовал, как мне в лицо попало что-то мягкое и скомканное.

— Что за?..

Мне понадобилась секунда, чтобы разглядеть, что это, в тусклом зелёном свете, тем более что световая палочка сейчас была позади Карен, то есть её тело отбрасывало на меня причудли-

вую тень. Предмет, что попал мне в лицо, был блузкой.

Я поглядел вниз… в сторону… вверх… в общем, на Карен.

— Давай же, Джейк, — сказала она. — Другого такого шанса может и не быть.

Я вспомнил, когда мы делали это в прошлый раз — из-за вызванных процессом стрессов мы с тех пор даже не пробовали.

— Но…

— Домой мы наверняка будем возвращаться регулярным рейсом, — сказала Карен, — с кучей других людей. Но сейчас нам выпала возможность, какой больше может никогда не выпасть. Плюс, в отличие от других людей, мы можем не беспокоиться насчёт синяков.

Её лифчик уже плыл в моём направлении, словно чайка в изумрудном сумраке. Это было… возбуждающе — смотреть, как она изгибается и складывается вдвое, стягивая с себя трусики.

Я поймал лифчик, свернул его и отправил в полёт по такой траектории, где он не будет мешаться, а потом принялся снимать рубашку, которая тут же вздыбилась вокруг меня, как только я расстегнул пуговицы. Следующим был ремень — плоский летающий угорь. А затем мои

трусы воспарили и присоединились к тем, которые сняла Карен.

— Ну ладно, — сказал я ей. — Давай посмотрим, получится ли у нас стыковка…

Глава 38

Десять часов спустя нам снова пришлось пристегнуться — ракета тормозила полных шестьдесят минут. Хотя большинство пилотируемых рейсов, по-видимому, прибывают на Луну в место под названием ЛС-1, мы должны были совершить посадку непосредственно в кратере Хевисайда.

Посадкой управляли дистанционно, так что смотреть снова было не на что: в грузовом отсеке не было окон. И всё же я знал, что мы садимся кормой вперёд, как пошутил Хесус на мысе Кеннеди, «способом, который назначили нам Господь и Роберт Хайнлайн», хоть я и не понял шутки.

Здесь был конец лунного дня, который длится — вроде бы Смайт об этом упоминал — две недели. Температура поверхности, по-видимому, была около ста градусов Цельсия, но это был сухой жар. Согласно доктору Портеру, которого на этот счёт проконсультировал Смайт, мы выдержим десять или пятнадцать минут такой жары, не говоря уж об ультрафиолетовом излучении, прежде чем могут начаться проблемы; отсутствие воздуха, разумеется, никак нам не мешало.

У грузовой ракеты не было шлюзовой камеры, лишь один люк, но его было довольно просто открыть изнутри; те же правила безопасности, что существуют для холодильников, похоже, распространяются и на космические корабли. Я распахнул створку люка наружу, и атмосфера, которую мы привезли с собой, вырвалась на свободу белым облаком.

Мы были внутри кратера Хевисайда; его гребень поднимался в отдалении. До ближайшего купола Верхнего Эдема отсюда было метров сто, и…

Должно быть, это он. Лунобус — серебристый кирпич с приделанными с двух сторон сине-зелёными топливными баками, лежащий на круглой посадочной платформе. Он соединялся с соседним зданием телескопическим тоннелем.

Лунная поверхность была примерно в двенадцати метрах у меня под ногами — гораздо дальше, чем я бы решился прыгнуть при земной гравитации, но здесь это не должно быть проблемой. Я посмотрел на Карен и улыбнулся. Разговаривать мы не могли, поскольку не было воздуха. Но я изобразил губами слово «Джерони-

мо!» [32], ступая за край люка.

Падение было плавным и, казалось, бесконечным. Когда я ударился о грунт — вероятно, то была первая пара кроссовок «Найк», когда-либо касавшаяся лунной поверхности, — взметнулось облачко серой пыли. Часть её пристала к моей одежде, — судя по всему, статическое электричество, но остальная тут же осела.

Внутри большого кратера было множество мелких: какие-то всего несколько сантиметров в поперечнике, другие — несколько метров. Я обернулся и взглянул на Карен.

Для женщины, которая совсем недавно была такой дряхлой, с протезом бедренной кости и, несомненно, жила в страхе сломать другое бедро, она вела себя весьма смело. Без малейших колебаний она повторила то, что только сделал я: шагнула из люка наружу и полетела вниз.

В её руках было что-то продолговатое… ну конечно! Она не забыла захватить «Нью-Йорк таймс», свернув её в трубку. Было странно видеть, что в падении её волосы и одежда даже не шелохнулись — здесь не было сопротивления воздуха, чтобы произвести такой эффект. Я сделал

---

[32] Notes: 32

Это слово выкрикивают американские десантники, прыгая с парашютом; традиция зародилась в 1940 году.

несколько поспешных полушагов-полупрыжков в сторону, чтобы освободить ей место, и она приземлилась с широчайшей улыбкой на лице.

Небо над нашими головами было совершенно чёрным. Ни одной звезды не было видно, помимо самого Солнца, которое яростно сияло. Я протянул руку, Карен ухватилась за неё, и мы пошли, подпрыгивая, к Верхнему Эдему, месту, которое, как предполагалось, никогда в жизни не увидим.

* * *

Габриэль Смайт оказался плотным мужчиной под шестьдесят, со светлыми волосами и румяным лицом. Он базировался в транспортной диспетчерской Верхнего Эдема — тесном, тускло освещённом помещении, заполненном экранами мониторов и светящимися панелями управления. Через широкое окно всего метрах в двадцати был виден лунобус, пристёгнутый к пассажирскому тоннелю. Тоннель занимал почти всё поле зрения, не давая нам заглянуть внутрь.

— Спасибо, что прилетели, — сказал Смайт, тряся мою руку. — Спасибо.

Я кивнул. Я не хотел быть здесь, по крайней мере, при таких обстоятельствах. Но, думаю, чувствовал себя морально обязанным, несмотря на

то что *я лично* ничего не сделал.

— И я вижу, вы привезли газету, — продолжал Смайт. — Превосходно! Итак, у нас есть видеофонная связь с лунобусом. Вот микрофон, вот здесь камера. Он заблокировал все камеры наблюдения в лунобусе, но мы можем видеть его через камеру видеофона, когда он выходит на связь, и он может видеть нас. Я собираюсь ему позвонить и сказать, что вы здесь. Он, по крайней мере частично, ведёт себя разумно — выпустил одного из заложников. Чандрагупта сказал…

— Чандрагупта? — поражённо прервал его я. — Пандит Чандрагупта?

— Да. А что?

— Какое он к этому имеет отношение?

— Это он вылечил другого вас, — пояснил Смайт.

Мне хотелось хлопнуть себя по лбу, но это выглядело бы слишком театрально.

— Господи, ну конечно! А также из-за него началась вся эта бодяга с судебным процессом. Он выписал свидетельство о смерти Карен Бесарян, которая умерла здесь.

— Да, да. Мы видели. Мы, разумеется, следим за ходом процесса. Излишне говорить, что мы вовсе ему не рады. Так вот, он говорит, что ваш, э-э-э…

— Кожура, — сказал я. — Я знаком с жаргоном. Моя кожура.

— Да. Он говорит, что ваша кожура будет страдать от сильных флуктуаций уровней нейротрансмиттеров в мозгу в течение, вероятно, ещё пары дней. Иногда он ведёт себя очень разумно, но временами становится чрезвычайно вспыльчив или превращается в параноика.

— Чёрт, — сказал я. Смайт кивнул.

— Кто бы мог подумать, что будет легче скопировать мозг, чем вылечить его? Но в любом случае помните, что он вооружён и…

— Вооружён? — спросили мы с Карен в унисон.

— Да, да. У него горный пистолет — это такое альпинистское приспособление, стреляет металлическими штырями. Он запросто может кого-нибудь убить.

— Бог ты мой… — сказал я.

— Да уж, — согласился Смайт. — Ну ладно, я ему звоню. Не обещайте ему ничего, чего не можете дать, и старайтесь его не злить. Хорошо?

Я кивнул.

— Поехали, — сказал Смайт и нажал несколько кнопок на маленькой панели.

Телефон несколько раз пискнул; потом послышалось:

— Лучше бы у вас были хорошие новости, Гейб.

Изображение на экране видеофона было моим прежним лицом. Я уже и забыл, как много седины было у меня в волосах. В его глазах было затравленное выражение, которого, как мне кажется, я раньше никогда не видел.

— Хорошие, Джейк, — сказал Смайт. Было странно слышать своё имя, когда обращаются не ко мне. — Очень хорошие. Твой… другой ты уже здесь, рядом со мной, в диспетчерской Верхнего Эдема.

Он жестом пригласил меня войти в поле зрения камеры, и я подчинился.

— Привет, — сказал я, и мой голос показался механическим даже мне самому. Я уже и забыл, как богат был мой настоящий — *оригинальный* — голос.

– *Пф-ф-ф*, — сказал другой я. — Ты привёз газету?

— Да, — сказал я. Карен, держась за кадром, протянула её мне. Я поднял её к камере телефона, чтобы он смог увидеть дату и прочесть заголовки.

— Я, конечно, проверю её позже, но пока всё вроде в порядке; я верю, что ракета прибыла с

Земли сегодня и что ты — это, возможно, он.

— Открой иллюминатор на лунобусе, и ты увидишь ракету, — сказал я. — Она примерно в сотне метров и… сейчас прикину… должна быть видна с левого борта от тебя.

— И снайпер как раз только и ждёт, чтобы моё лицо появилось в иллюминаторе.

— Честное слово, Джейк, — вмешался Гейб. — На Луне нет снайперов.

— Если только он не прилетел с *ним*, — сказал другой Джек, указывая на меня.

Я не помнил за собой такой паранойи. Мне это не нравилось. Гейб посмотрел на меня. Он слегка приподнял плечи и немного вскинул светлые брови.

— Джейк, — мягко сказал я, — ты хотел меня видеть?

Лицо на мониторе кивнуло.

— Но как я узнаю, что ты — это правда ты?

— Это я.

— Нет. В лучшем случае — один из нас. Но в это тело может быть загружено *любое* сознание; то, что он внешне выглядит как я, ещё не значит, что внутри у него мой мнемоскан.

— Ну так задай мне вопрос, — сказал я.

Он мог задать мне бесчисленное множество

вопросов о вещах, которые лишь мы могли знать. Имя воображаемого друга моего детства, о котором я никому не рассказывал. Первая и единственная вещь, которую я подростком украл из магазина: портативная игровая приставка, которую мне просто невероятно хотелось иметь.

И я с удовольствием ответил бы на эти вопросы. Но он их задавать не стал. Нет, он выбрал тот, на который мне отвечать не хотелось. Было ли то из-за его извращённого желания унизить меня, хотя раскрытие этого факта причинило бы боль и ему, или он хотел показать мне, как далеко способен зайти, чтобы я объяснил это потом Смайту и остальным, — этого я определить не мог.

— Где именно, — спросил он, — мы находились, когда у отца случилось кровоизлияние в мозг?

Я посмотрел на Карен, потом снова в камеру.

— В его «берлоге».

— И что мы в этот момент делали?

— Джейк…

— Ты не знаешь, правда?

О, я знаю, я знаю.

— Не надо, Джейк.

— Смайт, если это опять какая-то лажа, я убью Гадеса — клянусь.

— Не делай этого, — сказал я. — Я отвечу. Отве-

чу. — Мне по-настоящему не хватало способности сделать глубокий, успокаивающий вдох. — Мы с ним ругались.

— О чём?

— Джейк, не надо. Ты слышал достаточно, чтобы понять, что я — это в самом деле я.

– *О чём?* — требовательно повторил другой я.

Я закрыл глаза и, не открывая их, тихо проговорил:

— Меня поймали за пользованием поддельным удостоверением личности. Мы кричали друг на друга, и он свалился прямо у меня на глазах. Ссора со мной и стала причиной кровоизлияния у него в мозгу.

Я почувствовал руку Карен у себя на плече. Она слегка его сжала.

— Ну надо же… — сказал другой я. — Добро пожаловать на Луну, братец.

— Я хотел бы посетить это место при других обстоятельствах, — сказал я, открывая наконец глаза.

— Я тоже. — Он помолчал. — Кто это? Ещё один мнемоскан?

— Друг.

— Хм-м. Ого, да это же Карен, нет? Я видел по телевизору. Карен Бесарян!

— Здравствуйте, Джейк, — сказала она.

— Вы, должно быть, знаете, что ваша кожура умерла — это стало известно в ходе процесса, правда? Что вы здесь делаете?

— Я прилетела с Джейком, — сказала Карен. — Он… мы…

— Что?

Я взглянул через плечо на Карен. Она легко двинула плечами и сказала:

— Мы любовники.

Биологический я был потрясён.

— Что?

— Не можете себе такого представить? — спросила Карен. — Ваша копия — и с такой старой женщиной? Вы знаете, я помню, как мы познакомились на презентации.

Другой Джейк на мгновение смешался, потом сказал:

— Да. Конечно, вы помните.

— Возраст не имеет значения, — сказала Карен. — Не для меня. И не для Джейка.

– *Я* — Джейк, — сказал биологический я.

— Нет, не вы. Не юридически. Не боле чем женщина, которая здесь умерла, была мной.

Я видел, что Гейб и остальные занервничали, но никто не стал останавливать Карен. А другой

я так вообще как будто обрадовался.

— Давайте-ка проясним: вы двое — мнемоскан Карен и мнемоскан Джейк — вы вместе, да? Пара?

— Да.

— Из чего следует… из чего следует, что ты, Джейк, — ты не с Ребеккой?

Я удивился:

— С Ребеккой? С Ребеккой *Чонг*?

— Мы знаем другую Ребекку? Да, конечно, Ребекка Чонг!

— Нет, нет. Мы с ней… она… она не очень хорошо восприняла мою трансформацию. И кстати, Ракушка тоже… Ребекка сейчас за ней присматривает.

Его лицо озарилось настоящей улыбкой.

— Отлично. Отлично. — Он посмотрел на меня, потом на Карен и едва ли не со смехом сказал: — Я надеюсь, что вы будете вдвоём очень счастливы.

— Ни к чему над нами глумиться, — резко сказала Карен.

— О, вовсе нет, вовсе нет, — сказал другой я с преувеличенной любезностью, — я говорю совершенно искренне. — Но потом посерьёзнел. — Так или иначе, я следил за вашими юридическими перипетиями, Карен. Вполне возможно, что вы

оба потеряете права личности.

— Мы ничего не потеряем, — так же резко отозвалась Карен. — Мой Джейк не какой-нибудь местоблюститель, приглядывающий за вашей жизнью, пока вы не будете готовы забрать её назад. Он продолжил её, живя собственной жизнью — со мной. И мы не собираемся идти на попятный.

Моё биологическое эго было, казалось, несколько обескуражено напором Карен.

— Я… э-э-э…

— Так что, как вы видите, — продолжила Карен, — речь идёт не о вас и ваших желаниях. У моего Джейка теперь собственная жизнь. Новые друзья. Новые отношения.

— Но это я — настоящий!

— Чушь собачья, — ответила Карен. — Чем вы можете это доказать?

— Только я… только у меня есть…

— Что? *Душа?* Вы думаете, тут всё дело в душе? Нет никакой души. Поживите с моё и узнаете. Увидите, как люди увядают день за днём, год за годом, пока от них не остаётся ничего. Душа! Картезианская чепуха! Нет в вас никакой магической неощутимой части. Всё, что вы есть, — это физический процесс, процесс, который может

быть — и был — безупречно воспроизведён. У вас нет ничего — *ничего,* — чего бы не было у этого Джейка. Душа? Хватит молоть чушь!

— Ты знаешь, что она права, — мягко сказал я. — Раньше ты никогда не верил в душу. Когда мама говорила о том, что папина душа всё ещё там, в том разрушенном мозгу, тебе было жаль её не из-за того, что случилось с папой, а из-за того, что она *заблуждалась*. Ты именно так об этом и думал, этим самым словом; ты это знаешь, и я это знаю. *Заблуждалась*.

— Да, но…

— Но что? — спросил я. — Ты хотел сказать, что теперь всё по-другому? Что ты достиг какого-то просветления?

— Ты…

— Если кто и должен был начать смотреть на вещи по-другому, — сказал я, — так это я. Собственно, я и начал: я теперь вижу все цвета. И я знаю, что *ничего* во мне не пропало. Мой разум — идеальная, *идеальная* копия твоего.

— Ты бы не смог узнать, если бы чего-то не хватало, — сказал он.

— Конечно, смог бы, — вмешалась Карен. — Когда стареешь, то болезненно осознаёшь все те вещи, что ускользают от тебя. Чувства притупля-

ются, становится труднее что-то вспомнить. Вы знаете совершенно точно, что у вас было до того, как вы это потеряли.

— Она права, — сказал я. — Я совершенно *цельный*. И так же, как и ты, хочу жить своей жизнью.

Глава 39

Два меня.

Это всё чертовски запутанно, но я обнаружил, что думаю о нём как о Джейкобе, а о себе — как о Джейке. Один из тех ментальных фокусов, в которых мы начинаем нуждаться всё больше, когда становимся старше.

Он был Джейкоб, где конечное «ОБ» означало «оригинальный биологический». Я же был просто Джейк.

Я обнаружил, что я, Джейк, не могу отвести глаз от экрана видеофона, показывавшего Джейкоба, моей кожуры. Всего несколько недель назад мы были одним целым, а…

А до того меня попросту не было. Он, Джейкоб, был единственным, кто на самом деле *пережил* всё то, о чём я лишь помнил. Это у него был шрам на правой руке после падения с дерева в двенадцать, это он запнулся о ступеньку и повредил связку на лодыжке, это у него была артериовенозная мальформация, это он смотрел, как падает отец, это он занимался любовью с Ребеккой и он видел мир в усечённой цветовой палитре, в

которую были окрашены большинство наших общих воспоминаний.

— Я пойду туда, — сказал я в видеофон.

— Куда? — спросил Джейкоб.

— В лунобус. К тебе.

— Нет, — ответил Джейкоб. — Нет. Оставайся на месте.

— Почему? — спросил я. — Потому что легче отрицать мою личность и мои права, когда я лишь горстка пикселов на крошечном экранчике?

— Я не идиот, — сказал Джейкоб, — так что не надо со мной обращаться как с идиотом. Я контролирую ситуацию. Твой приход её дестабилизирует.

— Я правда не думаю, что у тебя есть выбор, — сказал я.

— Есть. Я не открою шлюз.

— Хорошо, — сказал я, соглашаясь, — будешь держать меня снаружи. Но если ты собирался говорить со мной лишь по телефону, мне не нужно было прилетать сюда с Земли.

Пауза, потом Джейкоб ответил:

— Ладно. Карты на стол, брателло. Ты здесь, потому что я хочу, чтобы ты согласился *остаться* здесь вместо меня.

Я опешил, но наверняка ничто в моей искус-

ственной физиологии этого не выдало. Я ответил так спокойно, как только мог:

— Ты знаешь, что я не могу этого сделать.

— Выслушай меня, — сказал Джейкоб, поднимая руку. — Я не прошу чего-то ужасного. Сколько ты собираешься прожить?

— Я не знаю, — ответил я. — Долго.

– *Очень* долго, — сказал он. — Несколько столетий как минимум.

— Если не случится ничего плохого.

— А сколько проживу я?

— Я не знаю, — ответил я.

— Наверняка знаешь, — сказал Джейкоб. — Без синдрома Катеринского я проживу примерно столько же, сколько и любой другой родившийся в 2001 году канадец: ещё лет пятьдесят, если мне повезёт. У тебя будет вдесятеро больше времени, возможно, в сотню раз больше. Всё, о чём я тебя прошу, — позволить мне прожить эти пятьдесят лет — или меньше, возможно, значительно меньше, — на Земле.

— А… а что будет со мной?

— Ты останешься здесь, в этом замечательном курорте Верхний Эдем. — Он внимательно смотрел на меня, пытаясь определить мою реакцию. — Устрой себе отпуск на пятьдесят лет

— чёрт возьми, чего греха таить, мы ведь по большей части только этим и занимаемся, верно? Здесь словно в Лас-Вегасе или на лучшем в мире круизном лайнере. — Он помолчал. — Послушай, я смотрел трансляции процесса. Я знаю, что он идёт не очень хорошо. Тебе охота провести следующие икс лет, таскаясь по судам, или лучше расслабиться здесь и вернуться, когда всё устаканится? Ты знаешь, что рано или поздно за мнемосканами признают полные права личности — так почему бы не дождаться этого момента здесь и вернуться на Землю на белом коне?

Я смотрел на него, на своего… своего *прародителя*.

— Не хочу быть к тебе несправедливым, — медленно произнёс я, — но…

— Пожалуйста, — сказал другой я с умоляющими нотками в голосе. — Я ведь не многого прошу. У тебя всё равно останется бессмертие, а я получу свои несколько десятилетий, которых меня лишили.

Я посмотрел на Карен. Она посмотрела на меня. Я сомневался, чтобы кто-то из нас смог что-то прочитать на лице другого. В раздумье я снова повернулся к экрану.

Моя мать будет счастлива; она сама, разумеет-

ся, никогда не согласится на мнемоскан, с её-то верой в душу, но таким образом она вернёт себе сына на всю оставшуюся ей жизнь.

А мой отец? Да, я его теперь вообще не посещаю. Но Джейкоб мог бы снова начать и сам бы думал, как справляться со связанным с этим эмоциональным разладом и чувством вины и потери. А к тому времени, как я вернусь на Землю, десятилетия спустя, мой отец тоже уже будет мёртв. Плюс, если Джейкоб из плоти и крови вернётся на Землю, то как же обрадуется Ракушка! И Ребекка, возможно, тоже будет рада.

Я уже раскрыл было свои искусственные губы, чтобы дать ответ, но, прежде чем успел что-то сказать, заговорила Карен.

— Совершенно исключено! — сказала она со своим характерным южным выговором. — Моя жизнь на Земле, и вместо меня туда некому вернуться. Там книги, которые собираюсь написать, интеллектуальная собственность, которую мне придётся защищать, места, которые собиралась посетить, — и я хочу, чтобы Джейк был рядом со мной.

Она никак не указала на меня, но простое использование моего имени так, словно оно принадлежало лишь одному человеку, заставило

другого меня нахмуриться. Я позволил словам Карен ненадолго повиснуть в воздухе, а затем сказал в камеру:

— Ты слышал даму. Так не пойдёт.

— Ты ведь не будешь на меня давить, — сказал Джейкоб.

— Нет, не буду. Но и продолжать разговаривать вот так я тоже не намерен. Я иду к тебе в лунобус. Там мы и поговорим. Лицом к лицу. — Я помолчал, потом, кивнув, добавил: — Как мужчина с мужчиной.

— Нет, — сказал другой я. — Я тебя не впущу.

— Впустишь, — ответил я. — Я же тебя знаю.

Глава 40

Телескопический тоннель, ведущий к лунобусу, был более жёсткой конструкцией, чем те, по которым обычно грузятся в самолёты — ведь ему, в конце концов, нужно обеспечивать герметичность, — но выглядел очень похоже. Однако, пройдя через него, я столкнулся с проблемой. Во внешней двери шлюзовой камеры лунобуса, встроенной в его серебристый корпус, было окно, которое оставалось неприкрытым. Однако во внутренней двери, на дальнем краю небольшой камеры, было своё окошко, и оно было прикрыто. И я задумался о том, как дать другому мне знать, что я пришёл.

Простояв перед дверью с полминуты, без сомнения, с глупым выражением на лице, я решил просто постучать по внешней шлюзовой двери в надежде, что звук будет слышен внутри.

Наконец шторка окошка на внутренней двери на секунду убралась, и я увидел круглое белобородое лицо, принадлежащее, как я уже знал, Брайану Гадесу, главному функционеру «Иммортекс» на Луне. Я не мог его слышать, но он

что-то сказал, обращаясь к кому-то — предположительно другому мне — по левую руку от него, и мгновение спустя внешняя шлюзовая дверь с лязгом открылась. Я вошёл в неё, внешняя дверь закрылась, и через несколько секунд открылась внутренняя, за которой показался Джейкоб Салливан из плоти и крови со странного вида толстым пистолетом, нацеленным туда, где находилось бы моё сердце, если бы таковое было.

— Полагаю, это тоже метод, — сказал я, кивнув на пистолет. — Если ты избавишься от меня, то проблема того, кто настоящий, решится сама собой.

Он ничего пока не сказал, но пистолет немного дрогнул в его руке. Двое его заложников — Брайан и женщина — смотрели на нас.

— Однако, — сказал я, — ты был на той презентации в «Иммортекс». Ты должен знать, что, чем бы ты ни выстрелил мне в грудь, доктор Портер и его команда наверняка смогут исправить повреждения. А мой череп из титана, усиленного сетью из углеродных нанотрубок. Я должен выжить, даже если выпрыгну из самолёта, а парашют не раскроется. И я бы подумал о рикошете, прежде чем стрелять мне в голову.

Джейкоб продолжал смотреть на меня, а потом

наконец хватка его руки на рукояти пистолета ослабла.

— Сядь, — сказал он.

— Вообще-то, — ответил я, — мне больше нет необходимости сидеть, потому что я не устаю. Я предпочёл бы остаться на ногах.

— Ладно, а вот я присяду, — сказал он.

Он прошёл по салону и опустился в переднее пассажирское кресло, стоявшее у самой переборки, отделяющей пассажирский салон от пилотской кабины. После этого он развернулся вместе с креслом лицом ко мне, по-прежнему держа в руках пистолет. Брайан Гадес сидел во втором ряду, обеспокоенно глядя на него, а женщина-заложница находилась рядом с ним с глазами, распахнутыми так широко, что сделалась похожей на персонаж аниме.

— Итак, — сказал я, — что мы со всем этим будем делать?

— Ты знаешь меня так же хорошо, как и я сам, — ответил Джейкоб. — Я не собираюсь сдаваться.

Я слегка пожал плечами.

— Я настолько же упрям. И я в своём праве; в конце концов, не я взял заложников. То, что ты делаешь, неправильно. Ты это знаешь. — Я помолчал. — Мы можем всё это прекратить. Всё, что

тебе нужно сделать, — просто бросить оружие.

Я увидел, как на лице женщины появилась надежда.

— Я собираюсь бросить оружие, — сказал Джейкоб. — Я собираюсь отпустить этих людей… кстати, Джейк, познакомься с Брайаном Гадесом и… и…

— Вы даже не помните, как меня зовут? — сказала женщина. — Вы рушите всю мою жизнь и даже не помните моего имени?

Я посмотрел на неё и попытался сделать сочувственное лицо.

— Я Джейк Салливан, — сказал я. Она не ответила, и я спросил: — А вы?

— Хлоя. — Она выразительно посмотрела на Джейкоба. — Хлоя Хансен.

Фраза «рад знакомству» решительно не подходила к ситуации, поэтому я просто кивнул и снова повернулся к Джейкобу, сидящему на крутящемся кресле.

— Ну? — сказал я.

— Послушай, — ответил Джекоб, — я знаю, что где-то в глубине ты со мной соглашаешься. Ты считаешь, что биологическая жизнь более реальна. Дай мне то, чего я хочу.

Я задумался. Бессмысленно отрицать. Он прав:

я и правда в это верил. Но так было до того, как я прошёл мнемоскан, до того, как я… да, чёрт возьми, да: до того, как влюбился в Карен. С ней я чувствовал себя более живым, чем когда-либо раньше. Я смотрел на Джейкоба и думал, смогу ли я ему это растолковать. Конечно, он — *я* — любил Ребекку, но мы так и не дали этой любви расцвести и превратиться в отношения.

— Сейчас всё по-другому, — сказал я. — Мои чувства изменились.

— Значит, мы в тупике.

— Разве? Рано или поздно тебе придётся заснуть.

Он не ответил.

— Кроме того, — продолжил я, делая крошечный шажок навстречу, — я знаю все твои слабости.

До этого он смотрел в пол, полагаю, он всё-таки начинал уставать, — но при этих словах его голова резко вскинулась.

— Я знаю все твои *психологические* слабости, — сказал я.

— Они и твои тоже.

Я медленно кивнул.

— Ты так думаешь. Но знаешь, чему я научился, а ты нет, никчёмный сукин ты сын? Я узнал, что

когда любишь кого-то и кто-то любит тебя, то *у тебя больше нет слабостей*. Неважно, что ты сделал в прошлом, неважно, что ты чувствуешь в самых тёмных закоулках своего разума. Вергилий сказал, что amor vincit omnia, а он был очень смышлёным парнем: любовь действительно побеждает всё.

Внезапно раздался какой-то гудящий звук.

— Что это? — спросил я.

— Видеофон, — ответил Джейкоб, указывая на устройство, висящее на стене рядом с дверью шлюза. — Ответь.

Я подошёл к видеофону, отыскал кнопку приёма звонка и нажал её. На экране возникло лицо Смайта.

— Прошу прощения, что прерываю вас, — сказал он. — Но, я думаю, вы тоже хотите это услышать. Звонили с Земли. Дешон Дрэйпер. Он говорит, что присяжные возвращаются, и…

– *Не сейчас!* — прорычал я.

Я повернулся к Джейкобу, но не отключил видеофон. Смайт по-прежнему будет всё слышать, хотя поле его зрения и ограниченно.

— Видишь, Джейкоб? — сказал я. — Я полностью в твоём распоряжении. Ты для меня главнее всего. — Я сделал пару шагов в его направлении,

пытаясь сократить дистанцию, которую увеличил, отойдя к видеофону. — Давай решим это миром, а?

— Конечно, — сказал Джейкоб. — Просто дай мне то, что мне нужно.

— Я не могу. У меня собственная жизнь. У меня Карен. — Я не хотел быть жестоким, правда не хотел. Но он никогда не видел так ясно, как сейчас вижу я: во всех нюансах и оттенках, во всём великолепии. — Кроме того, ты не будешь знать, что делать со своей жизнью там, на Земле; ты никогда этого не знал. Ты плыл по течению, проживал фамильные деньги. Господи, Джейкоб, во многих отношениях ты был так же оторван от реальности, как и папа. Но я теперь вижу, я вижу всё. Жизнь — она не для того, чтобы быть одному, а чтобы быть с кем-то.

— Но у меня есть *кто-то*, — ответил Джейкоб. — Ребекка.

— Ах, да, Ребекка. Хочешь позвонить ей на Землю?

— Что? Нет.

— Почему? Стыдишься того, что сделал? Боишься, что она никогда не посмотрит на тебя теми же глазами?

Джейкоб неловко поёрзал в кресле.

— Потому что я знаю, каково это, когда на тебя смотрят *по-другому*. Я ходил к ней после сканирования. Она не могла смотреть мне в глаза, всё время норовила куда-то уйти, когда я оказывался рядом. Она даже имени моего произнести не могла.

— Это ты, — сказал он.

— С тобой будет то же самое, когда она узнает, что ты тут устроил. Думаешь, она не спросит тебя, что стало с твоей копией-мнемосканом? Думаешь, она об этом просто забудет? — Я покачал головой. — Ты не можешь выиграть, просто не можешь.

Джейкоб медленно поднялся на ноги, но не выпрямился в полный рост.

— С тобой всё в порядке? — спросил я.

Он держал пистолет одной рукой, а другой яростно тёр макушку.

— Джейкоб? — позвал я. Он скривился; я и забыл, как сильно может деформироваться плоть. — Джейкоб, ради бога…

— Ты в этом участвуешь, — произнёс он сквозь стиснутые зубы. — Ты тоже в этом участвуешь.

— Участвую в чём, Джейкоб? Я просто хочу помочь.

— Ты лжёшь! Вы все сговорились, чтобы меня

достать.

— Нет, — сказал я так мягко, как только мог. — Нет, вовсе нет, Джейкоб. Что-то не так у тебя в мозгу, но это временно.

Джейкоб вдруг резко наставил на меня пистолет, он словно бы стал продолжением его руки.

— Я убью тебя, — прошипел он.

Я едва заметно пожал плечами.

— Ты не сможешь.

— Тогда я убью их, — сказал он, направляя пистолет куда-то между Брайаном и Хлоей.

— Джейкоб, нет! — воскликнул я. — Ради бога, это не… это не *мы*. Ты знаешь, что это не мы. Это последствия операции. Доктор Чандрагупта может их устранить. Давай опустим сейчас пистолет и просто выйдем наружу через шлюз.

Он снова скривился и согнулся ещё больше.

— Чтобы они смогли залезть мне в голову? — В его голосе звучала насмешка.

— Нет, Джейкоб, — ответил я. — Ничего такого. Они просто…

— Заткнись! — закричал он. — Просто заткни свою поганую пасть! — Он огляделся по сторонам. — Хватит с меня вас! Хватит с меня вас всех! Думаете, вам удастся отговорить меня от моей *жизни*?

Я развёл руки в успокаивающем жесте, но ничего не сказал. Он снова скривился и сдавленно пробормотал:

– *Боже…*

— Джейкоб… — сказал я тихо. — Пожалуйста…

— Я не могу сдаться, — сказал он так, словно эти слова отрывали от него клещами. — Обратной дороги нет.

— Разумеется есть, — ответил я. — Прекрати это всё, и…

Но Джейкоб покачал головой, поднял пистолет, прицелился Хлое в грудь, и…

Ш-ш-ш-у-хххх!

Оглушительный рёв воздуха, вытекающего из… из пилотской кабины, у закрытой двери в которую Джекоб как раз стоял. Он обернулся, а Хлоя тем временем поспешно спряталась за креслом.

Дверь в кабину, похоже, была герметичной; по-видимому, не было опасности, что её выбьет, даже если с другой стороны воцарится глубокий вакуум. Эта дверь не двигалась в сторону на направляющих, а поворачивалась на петлях, как дверь в кабину на пассажирских самолётах, и, судя по её виду, открывалась вручную.

— Джейкоб, — сказал я. — Мне не опасна разгерметизация, а вот тебе и твоим… гостям — да.

Вам троим нужно по крайней мере спрятаться в шлюзовой камере.

Он не ответил. Мне были видны лишь белки его глаз; пот выступил на его лбу крупными каплями.

— Собственно, — сказал я, так проникновенно, как только мог, — мы все могли бы пройти через шлюзовую камеру и вернуться в Верхний Эдем…

— *Нет!* — Это было скорее животное рычание, чем слово. — Я убью…

Ещё один *ш-ш-шух-х-х!*

Внезапно, к моему полнейшему изумлению, дверь в пилотскую кабину начала открываться *внутрь*, в салон. Невероятно: когда с другой стороны вакуум, нужна нечеловеческая сила, чтобы открыть эту дверь. Хлоя, по-видимому, завизжала, но её визг потонул в рёве утекающего воздуха. Дверь продолжала открываться, и…

О господь всемогущий!

В салон вступила Карен Бесарян; её синтетические волосы развевались на поднятом вытекающим воздухом ветру. Как только она полностью оказалась внутри, она отпустила дверь, и та с громким стуком захлопнулась.

Джейкоб развернулся к ней лицом, поднял пистолет и выстрелил ей прямо в живот. Метал-

лический штырь воткнулся в неё, однако она продолжала идти вперёд, решительно делая шаг за шагом.

Джейкоб снова выстрелил, в этот раз прицелившись выше. Ещё один штырь воткнулся ей в грудь, разорвав пластиплоть и обнажив кремний и силикон.

Но Карен продолжала двигаться вперёд и…

Хлоя сжалась, словно кошка, вне поля зрения Джейкоба, а потом прыгнула и опустилась Джейкобу на спину, обхватив его руками за шею. Джейкоб выстрелил снова, но в этот раз промахнулся — питон прошёл сквозь дверь в кабину, словно её и не было, пробив в ней двухсантиметровую дыру, через которую снова засвистел воздух.

Джейкоб не обратил на это внимания. Он прицелился Карен в голову и выстрелил снова. Штырь попал в неё, но отрикошетил от непробиваемого черепа. Я инстинктивно проследил траекторию отскочившего снаряда, который воткнулся в боковую стену лунобуса и застрял там, не пробив сквозного отверстия.

Я снова переключил своё внимание на Карен — и потрясённо раскрыл рот, инстинктивно пытаясь втянуть в себя воздух. Её левая глазница

была разбита, и глаза в ней не было. Синеватый металл виднелся через рваную дыру в пластикоже, и какая-то жёлтая смазка, словно янтарные слёзы, стекала по левой стороне лица.

Но её голос с неизменным джорджийским акцентом был в полном порядке.

— Оставь моего друга и всех остальных в покое, — сказала она, по-прежнему идя вперёд.

Брайан Гадес тоже начал действовать. Он прыгнул, летя почти горизонтально с развевающимся хвостом на затылке, и схватил Джейкоба за ноги. Хлоя отцепилась от падающего Джейкоба и метнулась в сторону.

Внезапно я осознал, что повсюду кровь. Мне понадобилось мгновение, чтобы понять, что случилось: от резкой смены давления у Джейкоба пошла из носа кровь, и два алых фонтана — а ведь кровь и правда ярко-красного цвета! — били из его ноздрей. Боже, если бы его не вылечили от синдрома Катеринского, смена давления, вероятно, убила бы его.

Джейкоб растянулся на полу. Карен одолела остаток расстояния между ними и теперь склонилась над ним. Она схватила его правое запястье левой рукой и вцепилась в его странный пистолет правой. Джейкоб явно не хотел отпускать

пистолет, и…

И тут раздался треск, вполне различимый на фоне шипения выходящего воздуха, и я понял, что Карен сломала по меньшей мере одну кость в руке Джейкоба, выворачивая пистолет из его хватки. Она с отвращением посмотрела на оружие и отбросила его в сторону; он высоко подлетел, отскочив от обивки одного из кресел, и начал медленное падение вниз.

Руки Джейкоба пришли в движение, обхватив Карен за голень. Я видел, как исказилось от боли его лицо: сломанная кость в правой руке, должно быть, причиняла страшные мучения. Но он дёрнул Карен вверх изо всех своих сил, и в лунной гравитации этого оказалось достаточно, чтобы бросить её вверх и назад, словно шотландское бревно [33].

Внезапно он оказался на ногах и бросился к пистолету. Брайан припал к полу и прыгнул, перелетел через салон и столкнулся с Джейкобом — оба снова упали. Я бросился к ним, пытаясь помочь Брайану, а Хлоя пронеслась мимо меня в противоположном направлении. Брайан поднялся на ноги, и Джейкоб тоже поднялся, но он не

---

[33] Notes: 33

Имеется в виду шотландский национальный вид спорта — бросание бревна.

обращал на Брайана внимания: всё его внимание было приковано к Хлое, которая…

Моё несуществующее сердце на секунду остановилось; мне правда так показалось.

…которая подхватила пистолет и выстрелила из него прямо в грудь Джейкобу.

Рот Джейкоба открылся в том неидеальном «О», которое получается у биологических людей, его дефектные глаза с неправильным количеством колбочек широко раскрылись, и новый поток алого цвета залил ту кровь, что уже была на его рубашке; он пошатнулся и…

О чёрт…

…и, словно повторяя то, что случилось с отцом, он тяжело осел на одно из крутящихся кресел. Кресло повернулось на пол-оборота, и Джейкоба Джона Салливана, рождённого от мужчины и женщины, не стало.

Глава 41

— И как ты это сделала? — спросил я после того, как мы покинули лунобус и суматоха закончилась.

— Сделала что? — не поняла Карен.

— Вломилась в кабину. А потом открыла дверь кабины, которую прижимало атмосферным давлением.

— Ты же знаешь, — сказала Карен, глядя на меня уцелевшим глазом.

— Откуда?

— Ты разве не выбрал опцию суперсилы?

— Что? Нет.

— О, — улыбнулась она. — Ну а я выбрала.

Я потрясённо кивнул.

— Напомни мне, чтобы я тебя не злил.

— Мистер МакГи, — сказала Карен, — не злите меня. Вам не понравится, если я разозлюсь.

— Что?

— Прости. Ещё одно телешоу, которое тебе надо будет посмотреть.

— Уже предвку… кстати! Я же отключил Дешона. Ты знаешь, какой был вердикт?

— О господи! — воскликнула Карен. — Я совсем про это забыла. Нет, когда он звонил, присяжные только выходили. Давай-ка ему перезвоним.

Мы попросили Смайта проводить нас в коммуникационный центр, и оттуда мы позвонили на сотовый Дешона, включив предварительно громкую связь, чтобы всем было слышно. Как оказалось, звонок на Землю был довольно сложным процессом, включающим в себя настоящих живых людей-операторов, — я и не знал, что такое ещё существует. Но в конце концов телефон Дешона зазвонил.

— Дешон Дрэйпер, — сказал он вместо приветствия, и потом, через секунду: — Алло? Там кто-нибудь…

— Дешон! — сказала Карен. — Это Карен, я звоню с Луны, так что прошу прощения за задержку сигнала. Каков был вердикт?

— О, теперь вам интересно! — сказал Дешон немного капризно.

— Простите, Дешон, — сказал я. — Тут много чего произошло. Биологический я мёртв.

Пауза, длиннее, чем просто скорость света.

— Ох ты ж… — сказал Дешон. — Мне очень жаль. Вам, должно быть…

— Вердикт! — вмешалась Карен. — Каков был

вердикт?

— …сейчас хуже некуда. Хотел бы я… О, вердикт? Друзья, простите. Мы проиграли, Тайлер победил.

— Боже, — сказала Карен. И потом потише: — Боже…

— Конечно, мы подадим апелляцию, — сказал Дешон. — Отец уже трудится над бумагами. Мы доведём это дело до Верховного суда. Ставки настолько высоки…

Карен продолжила разговаривать с Дешоном. Я же отошёл к окну и стал смотреть на бесплодный лунный ландшафт, очень жалея, что отсюда не видно Земли.

* * *

Брайан Гадес был сам не свой от радости из-за того, что он больше не заложник, и Гейб Смайт, похоже, тоже был рад, что всё закончилось.

Только закончилось ещё не всё. Оставалось одно незавершённое дело.

Карен ушла поговорить с биологическим Малкольмом Дрэйпером — обсудить апелляцию на вынесенный против неё вердикт. Хотя в теории взгляды биологического и мнемосканированного Малкольмов совпадали, на практике их мнения

должны были расходиться, хотя, надо полагать, вряд ли настолько, как у нас с Джейкобом.

Пока Карен этим занималась, я наведался в здание администрации Верхнего Эдема и встретился с Гадесом и Смайтом. Гадес сидел за своим столом в форме почки, а Смайт стоял позади него, легко, как возможно лишь в лунной гравитации, опираясь на стенной шкаф.

— Я знаю, — сказал я напрямик, встав перед ними, — что вы создавали другие экземпляры меня. Нескольких на Земле и по крайней мере одного здесь, на Луне.

Гадес повернулся, и они со Смайтом посмотрели друг на друга: высокий человек с белой бородой и конским хвостом на затылке и низенький с румяным лицом и британским акцентом.

— Это неправда, — сказал наконец Гадес, снова поворачиваясь ко мне.

— Первая реакция корпоративного менеджмента любого мира: лгать. Но сегодня это не сработает. Насчёт других экземпляров я уверен на сто процентов. Я вступал с ними в контакт.

Смайт сузил глаза.

— Это невозможно.

— Возможно, — сказал я. — Это своего рода… спутанность, я полагаю. — Обоих использование

мной этого слова явно застало врасплох. — И я знаю, что вы что-то с ними делаете, что-то творите с их памятью. Я бы хотел, чтобы вы ответили на один вопрос: зачем?

Гадес ничего не ответил, Смайт тоже молчал.

— Ладно, — сказал я, — давайте *я* вам расскажу, что, по моему мнению, вы задумали. На процессе я узнал о существовании философской концепции под названием «зомби». Это не совсем то же, что зомби вуду — оживлённые мертвецы. Нет, философский зомби — это существо, которое выглядит и действует в точности как мы, но не имеет сознания, не осознаёт себя. Тем не менее оно может выполнять сложные высокоуровневые задачи.

— Да? — сказал Смайт. — И что?

— «И похоже, ты единственный, кто знает, каково это — быть мною».

— Простите, — сказал Смайт. — Это вы что, *пели* только что?

— Пытался, — ответил я. — Это строка из заглавной песни старого сериала «Друзья». В своё время это было любимое телешоу Карен. И эти слова как раз к месту: быть мной — это *как-то*; вот каково настоящее определение сознания. Но зомби — это *никак*. Они не являются *кем-то*.

Они не чувствуют боли или удовольствия, хоть и реагируют на них так, словно чувствуют.

— Вы же понимаете, — медленно произнёс Смайт, — что не все философы считают, что подобные конструкты возможны. Джону Сёрлю они очень нравились, но Дэниел Деннет в них не верил.

— А во что верите вы, доктор Смайт? Вы, главный психолог «Иммортекс», во что верите? Во что верит доктор Портер?

— Не отвечайте, — сказал Гадес, оглядываясь через плечо. — Я больше не заложник, Гейб; если вам дорога ваша работа — не отвечайте.

— Тогда отвечу я, — сказал я. — Я думаю, что в «Иммортекс» верят в зомби. Я думаю, что вы экспериментируете с копиями моего разума, пытаясь получить человеческое существо без сознания.

— Это для чего же? — спросил Смайт.

— Да для всего. Рабы, сексуальные игрушки — что угодно. Религиозные люди скажут, что эти тела лишены души; философы скажут, что они существуют не осознавая себя… не *зная*, что они существуют, что их дом между ушами пуст. Рынок услуг по переносу сознания в искусственные тела может быть огромен, но рынок разумных

роботов-работников будет ещё шире. До сих пор никому не удавалось создать подлинный искусственный интеллект, и ваше мнемосканирование добилось этого самым простым путём из возможных: в точности скопировав человеческий мозг. Я смотрел ту передачу с Сэмпсоном Уэйнрайтом по телевизору — двое за занавесями. Ваши копии в точности повторяют оригинал, но по-настоящему вы хотите не этого, правда? Конечно нет! Вы хотите получить интеллект человека без его сознания, который бы не осознавал себя, который был бы «никак». Вам нужны зомби — мыслящие существа, способные безупречно производить даже самые сложные операции, не жалуясь и не скучая. И поэтому вы стали экспериментировать с контрафактными копиями моего разума, пытаясь изъять из него те части, что отвечают за сознание, чтобы получить в результате зомби.

— Уверяю вас, мы не работаем ни над чем настолько гнусным, — покачал головой Смайт.

– *Гейб*, — сказал Гадес тихо, но строго.

— Будет лучше сказать ему правду, — сказал Смайт, — чем позволить предполагать худшее.

Гадес надолго задумался; его круглое бородатое лицо застыло. Наконец он слегка, почти незамет-

но, кивнул.

Но теперь, получив разрешение говорить, Смайт, похоже, не знал, с чего начать. Он оттопырил губы и несколько секунд молчал.

— Вы знаете, кто такой Финеас Гейдж? — спросил он наконец.

— Это из «Вокруг света за восемьдесят дней»? — предположил я.

— То был Филеас Фогг. Финеас Гейдж работал на железной дороге. В 1848 году ему пробило голову трамбовкой, от которой в черепе осталась дыра пяти сантиметров в диаметре.

— Не лучший способ умереть, — заметил я.

— Да уж, — сказал Смайт. — Только он не умер. Он прожил ещё двенадцать лет.

Я вскинул брови — они до сих пор немного цеплялись при этом, чёрт бы их побрал.

— С дырой в голове?

— Да, — ответил Смайт. — Конечно, его характер изменился, что многое рассказало нам о том, каким образом в мозгу формируется характер. По сути, очень многое из того, что мы знаем о работе мозга, базируется на наблюдениях за случаями типа Финеаса Гейджа — ужасными, жуткими происшествиями. Большинство из них были единственными в своём роде: был лишь

один Финеас Гейдж, и по массе причин случившееся с ним нетипично для людей с подобными повреждениями мозга. Но мы полагаемся на его случай, потому что не можем воспроизвести его обстоятельства. Вернее, не могли до последнего времени.

Я пришёл в ужас.

— То есть вы специально повреждаете мозг моих копий для того, чтобы посмотреть, что будет?

Смайт пожал плечами, словно это было совершенно пустячным делом.

— Именно. Я надеюсь превратить исследования сознания в эмпирическую науку вместо собрания разрозненных, случайно подсмотренных фактов. Сознание — это *всё*: это то, что даёт Вселенной форму и смысл. Наш долг перед собой — изучать его, понять наконец по-настоящему, что это такое и почему осознавать себя — это «как-то».

У меня перехватило горло.

— Но это чудовищно!

— Психологи не имели возможности проверять свои теории, кроме как самыми маргинальными способами, — сказал Смайт, словно не услышав меня. — Я поднимаю психологию из трясины гуманитарных наук в царство *точных*, давая ей такую же безупречную чёткость, какая есть,

скажем, в физике элементарных частиц.

— С копиями меня?

— В них нет недостатка; они словно запасные эмбрионы, произведённые в ходе оплодотворения in vitro.

Я потрясённо покачал головой, однако Смайт этого, казалось, не заметил.

— Вы знаете, какие я сделал открытия? Хоть представляете себе? — Его брови взлетели высоко на розовый лоб. — Я могу отключить формирование долговременной памяти; дать вам фотографическую, эйдетическую память; сделать вас религиозным; заставить вас ощущать вкус цвета и слышать форму; замедлить для вас течение времени; дать вам безупречное чувство времени; заставить ваш фантом думать, что у него есть хвост или матка. Без сомнения, я очень скоро обнаружу корни зависимостей и научусь избавлять людей от них. Я смогу дать сознанию контроль над обычно автономными процессами типа частоты сердцебиения. Смогу дать взрослым ту лёгкость, с которой ребёнок овладевает новыми языками.

Вы знаете, что происходит, когда вырезаешь одновременно шишковидное тело и поле Брока? Когда полностью изолируешь гипоталамус от

остального мозга? Когда делаешь так, что то, что обычно кодируется в одном полушарии, проецируется на другое? Что происходит, когда вы пробуждаете человеческий разум в теле с тремя руками или четырьмя? Или с глазами, один из которых смотрит вперёд, а другой — назад? А *я* теперь знаю. Знаю больше о том, как на самом деле работает мозг, чем Декарт, Джеймс, Фрейд, Сёрль, Чалмерс, Нагель, Бонависта и Чо, *вместе взятые*. И я только начал свои исследования!

— Боже, — сказал я. — Боже! Вы должны прекратить. Я запрещаю!

— Я не уверен, что вы вправе это сделать, — сказал Смайт. — Не вы создали свой разум; он не является субъектом копирайта. Кроме того, подумайте о пользе всего того, что я делаю.

— Пользе? Вы *мучаете* всех этих людей.

Смайт остался непоколебим.

— Я провожу исследования, которые требуется провести.

Прежде чем я успел ответить, заговорил Гадес — впервые за последние несколько минут:

— Пожалуйста, мистер Салливан. Вы единственный, кто может нам помочь.

— Почему я? Потому что я моложе других?

— Отчасти. Но это лишь малая часть.

— Тогда что ещё?

Гадес смотрел на меня, Смайт смотрел на Гадеса.

— Вы способны к спонтанному запуску, — сказал Гадес. — Больше никто.

— Что? — Я совершенно растерялся.

— Если вы, будучи мнемосканом, потеряете сознание, то это будет не навсегда, — сказал Гадес. — Сознание вернётся само, по собственному хотению. Ни одному из прочих мнемосканированных этого ещё не удавалось.

— Я не терял сознания, — сказал я. — С тех пор как оказался в этом теле.

— Теряли, — сказал Гадес. — Почти сразу же после того, как были созданы. Не помните? В нашей лаборатории в Торонто.

— Я… ох…

— Вспомнили? — спросил Смайт, выпрямляясь. — Был момент, когда что-то пошло не так. Портер это заметил — и его это потрясло.

— Я не понимаю. Что в этом такого потрясающего?

Смайт развёл руками, словно это было очевидно.

— Вы знаете, почему мнемосканы никогда не спят?

— Мы не утомляемся, — сказал я. — Не устаём.

Смайт покачал головой:

— Нет. О, это, конечно, так и есть, но не в этом причина.

Он посмотрел на Гадеса, словно давая ему шанс оборвать себя, но тот лишь чуть-чуть шевельнул плечами, оставляя всё на усмотрение Смайта.

— Мы, конечно, следили за тем, как идёт ваш процесс в суде, — сказал Смайт. — Вы видели, как Энди Портер давал показания, не так ли?

Я кивнул.

— И он говорил о конкурирующих теориях, объясняющих механизмы возникновения сознания, помните? О том, что является его физическим коррелятом?

— Да. Это может быть что угодно, от нейронных сетей до… э-э-э…

— До клеточных автоматов на поверхности микротрубочек, составляющих цитоскелет нервной ткани, — сказал Смайт. — Портер предан компании; он рассказал так, будто в этом вопросе до сих пор нет ясности. Однако она есть, хотя знаем об этом только мы, компания «Иммортекс». Сознание — это клеточные автоматы; именно там оно и возникает. Это уже без вопросов.

— Допустим. И что?

Смайт сделал глубокий вдох.

— А то, что с помощью процесса мнемосканирования мы получаем идеальный квантовый снимок вашего разума в определённый момент времени, составляем точную карту конфигурации, пользуясь метафорой Портера, чёрных и белых пикселов, которые являются полями клеточных автоматов, покрывающих микротрубочки вашего мозга. Это идеальный квантовый снимок. Но это и всё, что производит мнемосканер, — снимок. И этого недостаточно. Сознание — это не состояние, это *процесс*. Потому что для того, чтобы снимок обрёл сознание, он должен самопроизвольно стать кадром из фильма, фильма, который создаёт собственную, не ограниченную сценарием историю, разворачивающуюся в будущее.

— Как скажете, — сказал я.

Смайт энергично закивал:

— Снимок становится фильмом, когда белые и чёрные пикселы оживают. Но они не сделают это сами, им нужно дать правила, которым они станут подчиняться. Ну, вы знаете: «Стань белым, если три твоих соседа чёрные», и всё такое. Но эти правила не встроены в систему. Они *наложены* на неё. Как только это произошло, клеточные

автоматы продолжают свои перестановки бесконечно — и это и есть сознание, это и есть феномен осознания своего бытия, внутреннего мира, существования в качестве *«кого-то»*.

— И как же вы добавляете правила, регулирующие перестановки? — спросил я. Смайт поднял руки.

— Мы этого не делаем. Не умеем. Поверьте, мы пытались — но ничто из того, что мы перепробовали, не способно заставить пикселы что-либо делать. Нет, правила приходят из *уже* обладающего сознанием разума субъекта, который подвергается сканированию. Лишь потому, что настоящий, биологический мозг первоначально оказывается квантово спутанным с новым, искусственным, лишь поэтому пикселы в новом мозгу становятся клеточными автоматами. Без этой первоначальной спутанности нет процесса живого сознания, только мёртвый слепок с него. В наши искусственные мозги не встроены эти правила, так что если только сознание в скопированном мозгу почему-то приостанавливается, то не существует способа запустить его снова.

— То есть если кто-то из нас заснёт… — сказал я.

— …то умрёт, — закончил Смайт. — Сознание

никогда не перезапустится.

— Но почему это такой большой секрет?

Смайт посмотрел на меня.

— Более дюжины других компаний пытаются выйти на этот рынок; к 2055 году он обещает достигнуть объёма в пятьдесят триллионов долларов. У них всех есть свой вариант нашего процесса мнемосканирования, все умеют копировать пиксельные узоры. Но пока что мы — единственные, кто знает, что квантовая спутанность с исходным разумом запускает скопированное сознание. Без соединения разумов, по крайней мере, в самом начале дубликат не будет ничего делать. — Он покачал головой. — Однако по какой-то причине *ваш* разум после отключения перезапускается сам.

— Я только раз отключился, — сказал я, — и то сразу после первого запуска. Вы не можете знать, что это происходит всегда.

— Очень даже можем, — сказал Смайт. — Копии вашего разума, похоже, каким-то образом генерируют правила для своих клеточных автоматов спонтанно, без посторонней помощи, без подключения к оригиналу. Мы знаем, потому что мы инстанциировали в искусственные тела множество копий вашего разума — и здесь, на

Луне, и там, на Земле, — и всякий раз, когда мы это делали, копии самопроизвольно запускались. Даже если мы их отключали, они потом просто запускались снова.

— Но с чего бы мне так отличаться от остальных в этом отношении? — нахмурился я. — Почему мои копии запускаются сами?

— Хотите честный ответ? — спросил Смайт, вскидывая свои платиновые брови. — Я не уверен, но думаю, что это как-то связано с тем фактом, что вы дальтоник. Видите ли, сознание — это по большому счёту восприятие квалий, того, что существует лишь как порождение разума, таких вещей, как горечь или спокойствие. Цвета — самые базовые из квалий. Вы можете взять красную розу и изъять из неё стебель, или шипы, или лепестки: они являются отдельными, реальным сущностями. Но можете ли вы изъять из неё её красноту? О, вы можете *удалить* её — отбелить розу, но вы не можете снять с неё красноту и указать на неё как на отдельный объект. Краснота, синева и прочее — это ментальные состояния; нет такой вещи, как краснота сама по себе. Так вот, случайно мы дали вашему разуму доступ к ментальным состояниям, которых он никогда ранее не испытывал. Он попытался ас-

симилировать новые квалии и не смог — и это привело к сбою. Вот что случилось, когда Портер впервые вас скопировал: у вас произошёл сбой и вы отключились. Но потом ваше сознание перезапустилось, само по себе, словно желая осмыслить новые квалии, встроить их в свою картину мира.

— Это делает вас бесценным объектом для изучения, мистер Салливан, — сказал Брайан Гадес. — Других таких, как вы, просто нет.

— Других таких, как я, вообще не должно было быть, — сказал я. — Но вы продолжаете создавать копии. Это неправильно. Я хочу, чтобы вы отключили все незаконно изготовленные копии меня, уничтожили запись, сделанную во время мнемосканирования, и никогда больше не делали моих копий.

— Иначе?.. — спросил Гадес. — Вы не сможете даже доказать, что они существуют.

— Вы думаете, вам было тяжко с биологическим Джейкобом Салливаном? Поверьте: вам не захочется иметь дело со мной *настоящим*.

Эпилог

Сто два года спустя: ноябрь, 2147 года

О Господи!

— Что?

О господи! Боже…

Я не слышал голосов у себя в голове уже больше столетия. Я думал, что они ушли навсегда.

Не могу поверить!

— Алло? Алло? Меня слышно?

Я знаю, они говорили, что будет странно, но… но…

— Но что? Кто это? Джейк? Это ещё один Джейк?

Что за… эй! Кто это?

— Это я, Джейк Салливан.

Что? Это я — Джейк Салливан.

— Я тоже.

Где ты?

— В Лоуэлвилле.

Лоуэлвилле?

— Да. Ну, ты знаешь — самое большое поселение на Марсе.

На Марсе? Нет никаких поселений на Марсе…

— Очень даже есть, уже тридцать лет. Я переехал сюда десять лет назад.

Но… ох. Э-э-э… Какой сейчас год?

— 2147-й.

Две тысячи сто сорок седьмой? Ты меня разыгрываешь? Сейчас 2045-й.

— Нет. Ты отстал на столетие.

Но… ох. Правда?

— Ага.

Почему ты улетел на Марс?

— По той же причине, по какой масса народу давным-давно отправилась в Америку из Европы: за свободой культивировать нашу собственную ветвь человечества. Марс — прибежище всех, кто шагает под другие барабаны. Нам отказали в идентичности на Земле. Мы довели дело до самого Верховного суда США, но проиграли. Так что…

Так что остался Марс.

Я пожал плечами, хотя другой я никак не мог увидеть, что я это делаю.

— Если не можешь изменить старую Конституцию, уезжай куда-нибудь в другое место и напиши там новую.

Ах. Это… вау. Это круто, да.

— Нереально круто.

Я… Марс — вау. Но постой-ка! Я не на Марсе, а

нет никакой задержки сигнала.

— Ага. Я с этим уже сталкивался раньше, когда один из нас был на Луне. Когда бы ни запускали нового меня, он, похоже, оказывается квантово спутанным со мной; квантовая коммуникация мгновенна, как бы далеко ты ни находился.

А мы находимся очень далеко.

— О чём ты говоришь?

Акико Утияма сказала, что меня посылают к звезде сорок семь в созвездии Большой Медведицы.

— А где это?

В девяноста световых годах от Земли.

— Световых годах! Что ты такое говоришь?

Она сказала, что отправляет меня — ну, знаешь: передаёт по радио копию моего мнемоскана — к одной из планет, которую они изучали с помощью громадного телескопа SETI на обратной стороне Луны.

— Боже… И ты согласился?

Они, э-э-э… вообще-то не предложили мне никакого выбора. Но я, похоже, уже там. И это невероятно! Солнце — здешняя звезда — выглядит просто огромным. Она занимает, наверное, восьмую часть неба.

— И ты считаешь, что сейчас по-прежнему

2045-й? Это тогда тебя… тогда тебя передали?

Да. Но Акико сказала, что она не просто посылает меня; она также посылает инструкции, по которым для меня можно собрать роботизированное тело.

— И ты сейчас находишься в этом теле?

Да. Оно выглядит каким-то неправильным, должно быть, не получились какие-то детали. А цвета! Понятия не имею, правильные ли они, но я теперь вижу стольконовых *цветов! Но да, я нахожусь в гуманоидном теле. Не могу, конечно, видеть своего лица…*

— То есть в том мире есть разумная жизнь? На что она похожа?

Я их пока не видел. Я в комнате, которая выглядит так, будто её вырастили, словно стены сделаны из коралла. Но тут есть большое окно, и я могу смотреть наружу. Гигантская звезда такого цвета, который я не знаю, как называется. И ещё там облака, которые свёрнуты в вертикальные спирали. И… о, что-то летит! Не птица, больше похоже на морского ската.

— Но никаких разумных инопланетян?

Пока нет. Но они должны быть. Кто-то же, в конце концов, сделал для меня тело.

— Если ты в самом деле в девяноста световых

годах отсюда, то инопланетянам понадобилось двенадцать лет, чтобы возродить тебя в новом теле после получения сигнала.

Им могло понадобиться много времени, чтобы сообразить, как построить искусственное тело, или чтобы решить, действительно ли возрождать меня такая хорошая идея.

— Надо полагать.

Ты можешь связаться со Смайтом? Он бы хотел узнать…

— С кем?

С Габриэлем Смайтом.

— Как будто где-то слышал это имя…

Он из «Иммортекс». Главный психолог, кажется.

— Ах да. *Этот*. Если он не прошёл мнемоскан, то давно уже умер; я попробую узнать.

Спасибо. Предполагалось, что я организую посылку ответного сигнала — попрошу об этом местных. Доказательство концепции: Акико и Смайт хотели доказать, что человеческое сознание можно передать по радио, что… что послы *могут отправиться к другим мирам со скоростью света.*

— И ты собираешься послать сигнал на Землю?

Если здешние жители, кто бы они ни были, позволят мне, то конечно. Но пройдёт ещё девяносто лет, прежде чем он доберётся до… как это правильно называется? Солнечная система?

— Наверное. Так расскажи мне: что ещё ты видишь?

Как же это всё странно…

— Джейк?

Прости. Слишком много всего свалилось. Разговор с тобой; полноцветное зрение; где я оказался; сколько времени прошло.

— Что ещё ты видишь?

Растительность — да, думаю, это растения. Похожи на перевёрнутые зонтики.

— Ага. Что ещё?

Мимо едет какой-то экипаж, формой похож на тыквенную семечку. Внутри что-то живое, под прозрачным навесом…

— О господи! Инопланетянин! На что он похож?

Тёмный, объёмистый… ах чёрт, уехал.

— Вау. Настоящий инопланетянин…

Ты собираешься сказать людям? Сообщить человечеству, что ты вступил в контакт с далёким миром?

— Я… я не знаю. Кто мне поверит? Скажут, что

я галлюцинирую. Мне нечего им показать, а подтверждающий сигнал, если ты его пошлёшь, придёт лишь почти через столетие.

Да уж. Погано. У меня такое чувство, что будет очень интересно.

— Ну, одному-то человеку я про тебя расскажу.

Один — это лучше, чем ни одного. Кому?

— Карен Бесарян. Ты с ней, кстати, встречался. Это та старушка, с которой мы разговаривали на презентации «Иммортекс».

Это была Карен Бесарян, писательница?

— Ага. И она по-прежнему пишет. Даже снова начала писать книги про Диномир — его персонажи тридцать лет назад перешли в общественное достояние, но читатели признают Карен их создательницей, и книги, которые она пишет сейчас, продаются даже лучше оригиналов.

Она молодец. А что стало с нами? Как семейный бизнес?

— Неплохо. «Олд Салли» сейчас даже на Марсе варят.

Здорово! А что ещё? Мы женились?

— Я — да.

О-о-о, я знал! На Ребекке Чонг, да? Я всегда знал, что рано или поздно…

Я улыбнулся.

— Нет, не на Ребекке. Она умерла уже больше пятидесяти лет назад, и… в общем, она была невысокого мнения о мнемосканах.

А, ну тогда я, наверное, её не знаю…

— Это Карен, — сказал я. — Мы с Карен Бесарян поженились. Первые мнемосканы, завязавшие узелок.

На ней? Но она же старая! Никогда бы не подумал…

— Ага, на ней. Но об этом мы можем поговорить позже. Расскажи мне ещё о том, что ты видишь.

Я наверняка нахожусь под наблюдением; не могу себе представить, чтобы меня активировали без этого. Но пока что никаких признаков местных, кроме того экипажа, что проехал мимо окна. Помещение большое, и есть что-то, напоминающее дверь, хотя высотой примерно вдвое выше меня.

— Какие-нибудь другие намёки на природу инопланетян?

Ну, на стенах какие-то отметины. Спирали, круги. Полагаю, надписи. Бог весть, что они значат. В комнате есть приподнятый участок, но ничего похожего на стул.

— Потребность сидеть сильно переоценивают.

Да, возможно. Сам-то я стою. Всё это очень…

дверь! Дверь открывается, складывается как гармошка, и…

— Да? Да? Что ты видишь?

Привет? Привет! Э-э-э… Меня зовут Джейк. Джейк Салливан.

— Что ты видишь? Как они выглядят?

Полагаю, нам нужно будет выучить языки друг друга, да? Это нормально…

— Джейк! Как они выглядят?

Я вижу, нам предстоит провести вместе немалое время, которое обещает быть чрезвычайно интересным…

— Джейк? Джейк?

Как я сказал, меня зовут Джейк, и, я полагаю, здесь будет уместно рассказать вам немного о том, что это значит — быть человеком.

Наступила пауза, в течение которой другой я, по-видимому, думал мысли, не облечённые в слова.

Но, знаете ли, я нахожусь в контакте кое с кем ещё, и, я думаю, он даже больше меня знает о том, каково быть человеком. Давайте посмотрим, что он нам скажет…

Дополнительная литература

Сознание снова с нами, детка! В течение большей части двадцатого столетия наука о мозге тщательно избегала дискуссии о сознании: ощущении субъективного опыта, восприятии квалий — ощущении того, *каково* это — быть мной или тобой. Но в последнее десятилетие вопросы сознания начали активно перемещаться в центр внимания исследований человеческого мозга.

Хотя я касался природы сознания в моём романе 1995 года «Смертельный эксперимент» и позже, в 1998 году, в «Factoring Humanity», я дал себя увлечь на эту плодородную почву ещё раз, не в последнюю очередь потому, что исследования сознания весьма междисциплинарны — а я твёрдо убеждён, что именно комбинация разнородных элементов порождает качественную научную фантастику. Если двадцать лет назад вам пришлось бы побегать, чтобы найти профессора, всерьёз рассуждающего о сознании, то сегодня квантовые физики, эволюционные психологи, нейрологи, исследователи искусственного интеллекта, философы и даже простые романисты

участвуют в этой дискуссии.

На самом деле можно утверждать, что именно романисты единственные воспринимали сознание всерьёз на протяжении большей части прошлого столетия: мы пытались, пусть и не слишком эффективно, обуздать поток сознания в наших сочинениях, исследовать пределы и богатство ограниченных точек зрения и субъективного опыта… пока скиннерианские бихевиористы [34] объясняли миру, что эти вещи лишены смысла.

Возрождение интереса к сознанию лучше всего, наверное, показывает существование очень важного «Журнала исследований сознания», публикуемого издательством «Imprint Academic».

Журнал имеет подзаголовок «Противоречия в точных и гуманитарных науках» и позиционирует себя как «международный мультидисциплинарный журнал». Вы можете больше узнать о нём по адресу: www.imprint.co.uk/jcs.

У меня есть все номера этого журнала, который выходит уже двенадцать лет, и я постоянно консультировался с ним, когда писал «Мнемос-

---

[34] Notes: 34

Б. Ф. Скиннер предположил, что личные события, включая мысли и чувства, контролируются теми же переменными, что и наблюдаемое поведение. Это стало основой его философии радикального бихевиоризма.

кан». Однако статьи в нём часто написаны очень техническим языком; тем, кого интересует популярное изложение дискуссии о сознании, я рекомендую следующие книги, также оказавшие на меня влияние в процессе работы над романом, который вы только что прочитали.

Carter, Rita. *Exploring Consciousness*. Berkeley: University of California Press, 2002. Великолепное введение.

Carter, Rita. *Mapping the Mind*. Berkeley: University of California Press, 1998. Хороший обзор принципов работы мозга.

Crick, Francis. *The Astonishing Hypothesis: The Scientific Search for the Soul*. Крик — один из первооткрывателей спиральной структуры ДНК — считал, что сознания на самом деле не существует.

Dennett, Daniel C. *Consciousness Explained*. New York: Little Brown, 1991. Теми, кто считает, что в человеческом самосознании есть нечто особое, эта книга часто именуется «Апологией сознания».

Freeman, Anthony. *Consciousness: A Guide to the Debates*. Santa Barbara, California: ABC–CLIO, 2003. Интереснейший взгляд на различные полемические вопросы.

Jaynes, Julian. *The Origin of Consciousness in*

the Breakdown of the Bicameral Mind. New York: Houghton Mifflin, 1990 [переиздание; первое издание в 1976]. Завораживающая, хотя и строго не доказуемая гипотеза о том, что подлинное человеческое сознание возникло лишь в Классическую эпоху; чрезвычайно интересно.

Kurzweil, Ray. *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence*. New York: Viking, 1999. Очень интересный оптимистический взгляд на мыслящие машины и перенос сознания; см. также мой диалог со специалистом по компьютерным наукам А. К. Дьюдни об этой книге на www.sfwriter.com/brkurz.htm.

LeDoux, Joseph. *Synoptic Self: How Our Brains Become Who We Are*. New York: Viking, 2002. Хорошая книга о нейронной природе человеческого разума.

Moravec, Hans. *Mind Children: The Future of Robot and Human Intelligence*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1988. Классический труд об искусственном интеллекте.

Ornstein, Robert. *The Evolution of Consciousness: The Origins of the Way We Think*. New York: Touchstone (Simon Schuster), 1991. Показывает, что Дарвин может научить нас в психологии гораздо большему, чем Фрейд.

Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики (The Emperor`s New Mind. Concerning Computers, Minds and The Laws of Physics, 1989) / Перевод с англ. под общ. ред. В. О. Малышенко. — 4-е изд. — М.: УРСС, ЛКИ, 2011. Классическая презентация идеи о квантовомеханической природе сознания.

Пенроуз Р. Тени разума: В поисках науки о сознании (Shadows of the Mind: A Search for the Missing Science of Consciousness, 1994) / Перевод с англ. А. Р. Логунова, Н. А. Зубченко. — М. — Ижевск: ИКИ, 2011. Помимо многих других интереснейших вещей исследует возможную связь между микротрубочками и человеческим сознанием.

Пинкер С. Как работает мозг (How the Mind Works. New York: Norton, 1997). Прекрасный обзор современного состояния когнитивных исследований, по большей части с точки зрения эволюционной психологии.

Richards, Jay W., ed. *Are We Spiritual Machines? Ray Kurzweil vs. the Critics of Strong A. I.* Seattle, Washington: Discovery Institute Press, 2002. Именно то, о чём написано в заголовке.

Searle, John R. *The Mystery of Consciousness*. New York: New York Review of Books, 1997. Изобретатель «Задачи китайской комнаты», упоминавшейся в

этом романе, излагает своё убеждение в непознаваемой природе человеческого сознания.